

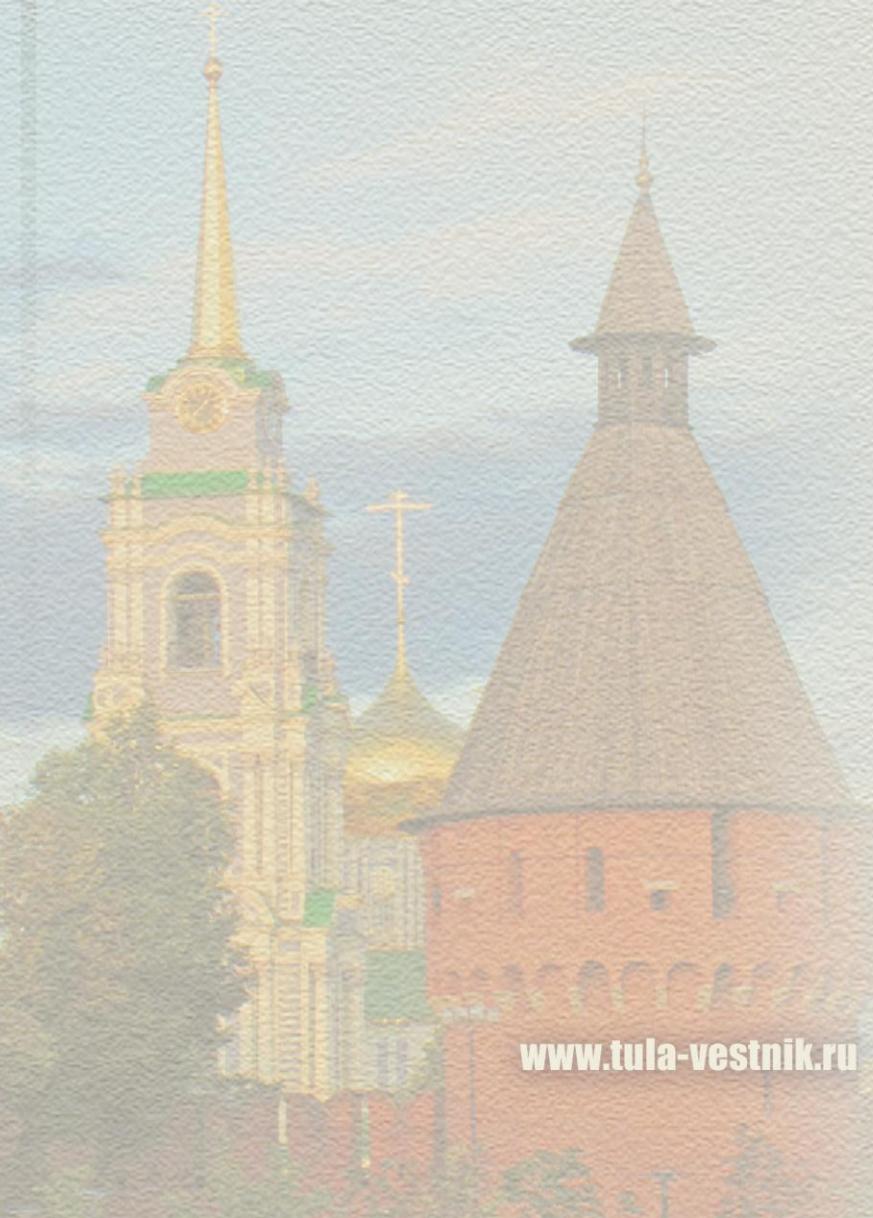
ISSN 2712-8407

ТУЛЬСКИЙ
НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК

Выпуск 3 (23)

СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2025

www.tula-vestnik.ru

ISSN 2712-8407

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Выпуск 3 (23)

Тула
2025

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ.
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Сетевое издание

Основан в 2020 г.

Выходит 4 раза в год

Выпуск 3 (23)

DOI 10.22405/2712-8407-2025-3

Дата выхода в свет: 05.12.2025 г.

Главный редактор –
доктор исторических наук,
профессор

Е. П. Мартынова
Заместитель

главного редактора –
доктор филологических наук,
профессор

Г. В. Токарев

Ответственный редактор –
кандидат исторических наук
Н. А. Биленко

Технический редактор –
кандидат исторических наук
М. О. Сафонова

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Минобрнауки РФ (по специальностям: 5.6.1. – Отечественная история, 5.6.2. – Всеобщая история, 5.6.4. – Этнология, антропология и этнография, 5.9.5. – Русский язык. Языки народов России, 5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика).

Учредитель: ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого». СМИ зарегистрировано Роскомнадзором 13.11.2020 г.

Регистрационный номер:
ЭЛ № ФС 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2025

© Авторы статей, 2025

Адрес учредителя и редакции:
300026, Тульская область, город Тула,
проспект Ленина, 125.

Телефон: +7 (4872) 31-20-34

Электронный адрес:
tula-vestnik@tolstovsky.ru

Издатель:

ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого».

Адрес издателя:

300026, Тульская область, город Тула,
проспект Ленина, 125.

Телефон: +7 (4872) 35-14-88

Электронный адрес:
info@tolstovsky.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Военная история: герои и события

Клейменов А. А. К вопросу о потерях армии Александра Македонского в Гедросии	8
Арбеков А. Б. Кто подставил генерала Куропаткина? К вопросу об авторе публикации в британской прессе в 1904 г. плана российского похода в Индию	23

История науки и образования

Кандаурова Т. Н. Практики финансирования российского образования на рубеже XIX–XX вв.: опыт квантитативного анализа отчетной статистики	40
---	----

Хаблова Е. С. Русские ученые-эмигранты во Франции и исследования почв Северной Африки в межвоенный период	66
---	----

Разумова И. А. О роли семьи в становлении ученого (по мемуарам И. П. Лупановой)	75
---	----

Экономическая история

Кабдиев Д. Н. Развитие торговли и её правового обеспечения во Внутренней (Букеевской) орде казахов (первая половина XIX в.)	89
---	----

Биленко Н. А. «Ненастоящие купцы» в губернском городе второй половины XIX в.: предприниматели Тулы между правом и выгодой	98
---	----

Этнология и антропология

Волдина-Ледкова Т. В. Древесная магия и дендротерапия как часть народной медицины обских угров	116
--	-----

Сафонова М. О. Изгнать черную немочь и уничтожить Коровью Смерть: обряд опахивания в Тульской губернии в XIX – начале XX в. как народная борьба с эпизоотиями	127
---	-----

Новикова Н. И. «У людей опыт есть, что можно есть»: пищевые практики коренных народов Сахалина	140
--	-----

Богданов Е. И. О чем пишут ненцы в Интернете	156
--	-----

Доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе, при условии, что оригинальная работа должна быть цитирована (CC BY 4.0).

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ.
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

*Сетевое издание
Основан в 2020 г.*

Выпуск 3 (23)

DOI 10.22405/2712-8407-2025-3

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Губанов С. А. Эпитетация в «Сводных тетрадях» М. Цветаевой</i>	170
<i>Иванова В. И., Буряковская А. А. К вопросу о переводе песенных текстов в детской литературе</i>	178
<i>Кучерова М. А. «Любовь сильнее»: рассказ Л. Н. Толстого «Что я видел во сне...» в лингвопоэтическом аспекте</i>	188
<i>Романов Д. А., Серёгин Д. С. Поэтика и стиль трилогии Льва Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» (литературный контекст)</i>	196
<i>Стародворцев Н. Р. Лингвокультурологический аспект гастрономии Ясной Поляны: номинация как отражение культурной памяти (на материале поваренной книги С. А. Толстой)</i>	208
<i>Шептухин М. К. Новые жанры в системе регламентирующих текстов</i>	220
<i>Shuvalov D. Products of Perspective-Taking Process in Verbal Communication: Success and Acceptability</i>	232

Доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе, при условии, что оригинальная работа должным образом цитируется. (CC BY 4.0)

TULA SCIENTIFIC BULLETIN. HISTORY. LINGUISTICS

Online publication
Founded in 2020

Published 4 times a year

Issue 3 (23)

DOI 10.22405/2712-8407-2025-3

Released on December 05, 2025

Chief Editor

Doctor of History, Professor

E. P. Martynova

Deputy Chief Editor

Doctor of Philology, Professor

G. V. Tokarev

Executive editor

PhD in History

N. A. Bilenko

Technical editor

PhD in History

M. O. Safronova

The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (5.6.1. – Russian History, 5.6.2. – World History, 5.6.4. – Ethnology, Anthropology and Ethnography, 5.9.5. – Russian language. Languages of the peoples of Russia, 5.9.8. – Theoretical, applied and comparative linguistics).

Founder: Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.

Mass media are registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on November 13, 2020.

Registration number
EL № FS 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 2025

© Authors of articles, 2025

Address of the founder and the editorial office:
300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125

Phone: +7 (4872) 31-20-34

E-mail address: tula-vestnik@tolstovsky.ru

Publisher: Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.

Address of the publisher:
300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125

Phone: +7 (4872) 35-14-88

E-mail address:
info@tolstovsky.ru

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

TABLE OF CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

Military History: Heroes and Events

- Kleymeonov A. A. On the Issue of the Losses of Alexander the Great's Army in Gedrosia 8
- Arbekov A. B. Who Framed General Kuropatkin? On the Issue of the Publication of the Russian Campaign in India Plan Authorship in the British Print Media in 1904 23

History of Science and Education

- Kandaurova T. N. Practices of Financing Russian Education at the Turn of the 19th – 20th Centuries: the Experience of Quantitative Analysis of Reporting Statistics 40
- Khablova E. S. Russian Émigré Scientists in France and Soil Research in North Africa During the Interwar Period 66
- Razumova I. A. On the Role of Family in the Scientist Becoming (Based on the Memoirs of I. P. Lupanova) 75

Economic History

- Kabdiev D. N. Development of Trade and its Legal Support in the Inner (Bukey) Horde of Kazakhs (First Half of the 19th Century) 89
- Bilenko N. A. "Fake Merchants" in a Provincial Town in the Second Half of the 19th Century: Entrepreneurs of Tula Between Right and Benefit 98

Ethnology and Anthropology

- Voldina-Ledkova T. V. Wood Magic and Dendrotherapy as Part of the Folk Medicine of the Ob Ugra People 116
- Safronova M. O. To Banish the Black Infirmitiy and Prevent Cow's Death: the Rite of Plowing ("Opakhivanie") in the Tula Province as a Traditional Struggle Against Epizootics in the 19th – Early 20th Centuries 127

- Novikova N. I. "People Know from Experience What They Can Eat": the Food Practices of Sakhalin Indigenous Peoples 140

- Bogdanov Ye. I. What the Nenets Write About on the Internet 156

**TULA SCIENTIFIC
BULLETIN.
HISTORY. LINGUISTICS**

Online publication
Founded in 2020

Issue 3 (23)

DOI 10.22405/2712-8407-2025-3

LINGUISTICS

<i>Gubanov S. A.</i> Epithetation in the M. Tsvetaeva's «Summary Notebooks»	170
<i>Ivanova V. I., Buryakovskaya A. A.</i> On Translating Songs in Literature for Children	178
<i>Kucherova M. A.</i> "Love is stronger": Short Story <i>My Dream</i> by L. Tolstoy in the Linguistic and Poetic Aspect	188
<i>Romanov D. A., Seregin D. S.</i> The Poetics and Style of Leo Tolstoy's Trilogy <i>Childhood, Boyhood, Youth</i> (Literary Context)	196
<i>Starodvortsev N. R.</i> The Linguoculturological Aspect of Yasnaya Polyana's Gastronomy: Nomination as a Reflection of Cultural Memory (Based on the Cookbook of S. A. Tolstaya)	208
<i>Sheptukhin M. K.</i> New Genres in the System of Regulatory Texts	220
<i>Shuvalov D.</i> Products of Perspective-Taking Process in Verbal Communication: Success and Acceptability	232

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Мартынова Елена Петровна,
доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Заместитель главного редактора

Токарев Григорий Валериевич,
доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ
ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Ответственный редактор

Биленко Никита Алексеевич,
кандидат исторических наук (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Члены редакционной коллегии:

Володина Татьяна Андреевна,

доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Красовская Нелли Александровна,

доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Симонова Елена Викторовна,

доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Габелко Олег Леонидович, доктор исторических
наук, профессор (ФГБОУ ВО «Российский
государственный гуманитарный университет»,
г. Москва, Россия);

Георгиева Стефка Иванова, доктор
филологических наук, профессор (Пловдивский
университет им. Паисия Хилендарского, г. Пловдив,
Болгария);

Главацкая Елена Михайловна, доктор
исторических наук, доцент (ФГАОУ ВО «УрФУ
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»,
г. Екатеринбург, Россия);

Глаголева Ольга Евгеньевна, кандидат
исторических наук, PhD, профессор (независимый
исследователь, г. Торонто, Канада);

Ефремов Валерий Анатольевич, доктор
филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО
«Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург,
Россия);

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор
исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ
им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Кережи Агнеш, кандидат исторических наук
(независимый исследователь, г. Будапешт,
Венгрия);

Киреева Елена Закировна, доктор
филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им.
Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Клейменов Александр Анатольевич, доктор
исторических наук (ФГБОУ ВО «ТГПУ им.
Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Майко Вадим Владиславович, доктор
исторических наук (ФГБУН «Институт археологии
Крыма РАН», г. Симферополь, Россия);

Масленников Александр Александрович, доктор
исторических наук, профессор (ФГБУН «Институт
археологии Российской академии наук», г. Москва,
Россия);

Мухаммадбегии Маҳди, кандидат
филологических наук (Институт гуманитарных и
культурологических исследований, г. Тегеран,
Иран);

Непомнящий Андрей Анатольевич, доктор
исторических наук, профессор (ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени
В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия);

Новикова Наталья Ивановна, доктор
исторических наук (ФГБУН «Институт этнологии и
антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Протасова Екатерина Юрьевна, кандидат
филологических наук, доктор педагогических
наук, доцент (Хельсинкский университет,
г. Хельсинки, Финляндия);

Пэн Юхай, доктор филологических наук
(Институт иностранных языков Сычуаньского
университета, г. Сычуань, КНР);

Романов Дмитрий Анатольевич, доктор
филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Скнарев Дмитрий Сергеевич, доктор
филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО
«Российский университет дружбы народов»,
г. Москва, Россия);

Степанов Валерий Леонидович, доктор
исторических наук (ФГБУН «Институт экономики
Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Тан Яньфэн, кандидат исторических наук (Северо-
восточный педагогический университет, г.

Чанчунь, КНР);

Томилин Виктор Николаевич, доктор
исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Липецкий
государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк,
Россия);

Торвальдсен Гуннар, доктор исторических наук
(Ph.D.) (Арктический университет Норвегии,
г. Тромсо, Норвегия);

Чумак-Жунь Ирина Ивановна, доктор
филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет», г. Белгород,
Россия);

Ярцев Сергей Владимирович, доктор
исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им.
Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Elena Martynova,

Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Deputy Chief Editor

Tokarev Gregory, Doctor of Philology, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Executive editor

Nikita Bilenko, PhD in History
(TSPU, Tula, Russia);

Members of the editorial Board

Tatiana Volodina,

Doctor of History, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Nelli Krasovskaya,

Doctor of Philology, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Elena Simonova,

Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia).

EDITORIAL COUNCIL

Oleg Gabelko, Doctor of History, Professor
(Russian State University for The Humanities,
Moscow, Russia);

Stefka Georgieva, Doctor of Philology, Professor
(Plovdiv University Paisii Hilendarski, Plovdiv,
Bulgaria);

Elena Glavatskaya, Doctor of History, Associate
Professor (Yeltsin UrFU, Ekaterinburg, Russia);

Olga Glagoleva, PhD in History, Professor
(Toronto, Canada);

Valerii Efremov, Doctor of Philology, Associate
Professor (Herzen University, Saint Petersburg,
Russia);

Viktor Zubarev, Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Kerezsi Agnes, PhD in History (Budapest,
Hungary);

Elena Kireeva, Doctor of Philology, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia);

Aleksander Kleymenov, Doctor of History,
Associate Professor (TSPU, Tula, Russia);

Vadim Maiko, Doctor of History (Institute of
archaeology of the Crimea RAS, Simferopol,
Russia);

Aleksander Maslennikov, Doctor of History,
Professor (IA RAS, Moscow, Russia);

Mahdi Mohammad Beygi, PhD (Institute of
Humanities and cultural studies, Tehran, Iran);

Andrey Nepomnyshchy, Doctor of History,
Professor (Vernadsky CFU, Simferopol, Russia);

Natalya Novikova, Doctor of History (IEA RAS,
Moscow, Russia);

Ekaterina Protassova, PhD in History, Doctor of
Pedagogical, Associate Professor (University of
Helsinki, Helsinki, Finland);

Peng Yuhai, Doctor of Philology (Institute of
foreign languages of Sichuan University, Sichuan,
China);

Dmitry Romanov, Doctor of Philology, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Dmitry Sknarev, Doctor of Philology, Associate
Professor (RUDN University, Moscow, Russia);

Valerij Stepanov, Doctor of History (IE RAS,
Moscow, Russia);

Tang Yanfeng, PhD in History (Northeastern
Pedagogical University, Changchun, China);

Victor Tomilin, Doctor of History, Associate
Professor (LSPU, Lipetsk, Russia).

Gunnar Thorvaldsen, Doctor of History
(Arctic University of Norway, Tromso, Norway);

Irina Chumak-Zhun, Doctor of Philology,
Associate Professor (Belgorod State National
Research University, Belgorod, Russia);

Sergey Yartsev, Doctor of History, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Военная история: герои и события

Тульский научный вестник. Серия История. Языкоизнание. 2025. Вып. 3 (23). С. 8–22.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 3 (23). P. 8–22.

Научная статья

УДК 94(38).07

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-8-22>

К ВОПРОСУ О ПОТЕРЯХ АРМИИ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО В ГЕДРОСИИ

**Александр Анатольевич
Клейменов**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, alek-klejmenov@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7123-0378>

Аннотация. В статье рассматриваются широко распространенные в науке представления о катастрофических потерях армии Александра Македонского в пустынных районах Гедросии летом-осенью 325 г. до н.э., вызванных проблемами в снабжении войска провиантом и пресной водой. Выводы подобного рода базируются на сообщении Плутарха о спасении лишь одной четвертой части армии, до того насчитывавшей 120 тысяч пеших и 15 тысяч конных воинов, а также на пространных описаниях трудностей перехода, восходящих к утраченному сочинению Неарха. Определяется, что первоначальным источником информации Плутарха о доле потерь македонского войска, видимо, являлось сочинение Клитарха, склонного к вымыслу и драматизации повествования. Указанная Плутархом численность сил, вместе с Александром отправившимся в Гедросию, должна быть оценена как сильно завышенная. Рассказ о лишениях македонского войска, оставленный лично не участвовавшим в сухопутном переходе флотоводцем Неархом, в значительной степени утрирован из-за его опоры на впечатления рядовых воинов, литературных установок и политических мотивов самого автора. Выводы о многотысячных потерях армии Александра в гедросской пустыне противоречат данным о численности войска, собравшегося в 324 г. до н.э. в Описе, а также сообщениям о причинах вспыхнувшего тогда бунта и характере претензий солдатской массы. Предполагается, что в действительности македонский царь совершил марш через Гедросию с армией, включавшей в себя не более 30 тысяч воинов и нонкомбатантов. Трудности, возникшие в период перехода, были вызваны недостаточным учетом специфики пустынных земель современного Макрана, необычно поздним началом муссонных дождей, незнанием особенностей местных водных ресурсов. Личный состав войска, видимо, был не столько обескровлен потерями, сколько деморализован, в то время как наибольшее количество жертв было среди нонкомбатантов.

Ключевые слова: Александр Македонский, Гедросия, Макран, Плутарх, Неарх, Индия, Арриан.

Для цитирования: Клейменов А. А. К вопросу о потерях армии Александра Македонского в Гедросии // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоизнание. 2025. Вып. 3 (23). С. 8–22.
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-8-22>

Сведения об авторе: А. А. Клейменов – доктор исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 125.

Scientific Article

UDC 94(38).07

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-8-22>

ON THE ISSUE OF THE LOSSES OF ALEXANDER THE GREAT'S ARMY IN GEDROSIA

Alexander A. Kleymenov

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Tula, Russia, alek-klejmenov@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7123-0378>

Abstract. The article examines the widespread scientific understanding of the catastrophic losses of Alexander the Great's army in the desert regions of Gedrosia in the summer and autumn of 325 BC, caused by problems in supplying the army with food and fresh water. Conclusions of this kind follow from Plutarch's report on the rescue of only one fourth of the army, which had previously numbered 120 000 foot-soldiers and 15 000 horsemen, as well as from detailed descriptions of the campaign difficulties taken from Nearchus' lost work. The article determines that the original source of Plutarch's information about the share of Macedonian army losses was probably the Cleitarchus' work. This historian was prone to fiction and dramatization narrative. The number of forces indicated by Plutarch, who went to Gedrosia with Alexander, is greatly overestimated. It is also worth noting the exaggeration of the story about the hardships of the Macedonian army, left by naval commander Nearchus, who did not personally participate in the land crossing. The reasons lie in the reliance on the impressions of ordinary soldiers, literary attitudes and political motives of the author himself. The conclusions about the thousands of losses of Alexander's army in the Gedrosian desert contradict the data on the number of troops gathered in 324 BC at the town of Opis, reports on the causes of the outbreak of the riot and the nature of the claims of the soldiers. There is an assumption that in reality the Macedonian king marched through Gedrosia with an army that included no more than 30 000 soldiers and noncombatants. The journey was difficult due to insufficient consideration of the modern Makran desert lands features and ignorance of the specifics of local water resources. The unusually late start of the monsoon rains was also affected. Apparently, the personnel of the army were not so much drained of blood by the losses as demoralized, while the largest number of victims were among the noncombatants.

Keywords: Alexander the Great, Gedrosia, Makran, Plutarch, Nearchus, India, Arrian.

For citation: Kleymenov, AA 2025, 'On the Issue of the Losses of Alexander the Great's Army in Gedrosia', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (23), pp. 8–22, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-8-22> (in Russ.)

Information about the Author: Alexander A. Kleymenov – Doctor of Science (History), Senior Researcher of the Department of History and Archaeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Македонский царь Александр III, оставшийся в памяти человечества под громким прозвищем «Великий», является одним из наиболее успешных военачальников в мировой истории. Подобная оценка порождена самим масштабом совершенений завоевателя, сумевшего чуть более чем за десятилетие покорить территории, простиравшиеся от Балкан до далеких берегов Индийского океана. Подобный результат закономерно обусловил значительный интерес многих поколений исследователей и к рецепту триумфальных побед Александра, и к тем весьма редким эпизодам, в рамках которых македонянин, уже у современников получивший репутацию настоящего «баловня судьбы»¹, терпел поражения, если не в поединке с вражескими войсками, в итоге не сумевшими дать отпор грозному создателю ойкуменистической державы, так в столкновении с неумолимыми силами природы.

Безусловно, наиболее часто упоминаемый и потенциально самый масштабный удар подобного рода был нанесен армии Александра во время ее похода через Гедросию летом-осенью 325 г. до н.э. Согласно многочисленным сообщениям античных авторов, македонский полководец, возвращавшийся из Индии на запад, столкнулся с острой нехваткой продовольствия и питьевой воды в пустынных землях, через которые его войско прошло по пути из страны оритов в Карманию (См. Arr. Anab., VI, 23, 1–26, 1; Ind., 26, 1; Plut. Alex., 66; Diod., XVII, 105, 6–8; Curt., IX, 10, 8–20; Strab., XV, 2, 3–74; Just., XII, 10, 7). Упомянутой в источниках «пустыней», безусловно, являлся полупустынный район Макран в прибрежной полосе нынешнего Белуджистана [18, с. 143; 32, с. 431; 46, с. 331; 70, с. 223]. Начиная с классической публикации О. Стейна [62, с. 215–219] достаточно широко распространено мнение о движении армии по старинному караванному маршруту, пролегающему через современный Ласбел [13, с. 270; 26, с. 113–115]. В литературе выделяются самые разные мотивы, побудившие Александра пересечь негостеприимные земли Гедросии. Основой для выводов являются и прямые указания античного нарратива, и общие представления о военно-политических задачах, стоявших перед полководцем. Так, Страбон (XV, 2, 5) упоминает честолюбивое стремление Александра провести войско там, где потерпели неудачу Кир и Семирамида. Тот же мотив указывает и Ариан, называя источником информации труд Неарха (Anab., VI, 24, 2). Есть мнение, что подобным образом последний автор стремился оправдать царя и подчеркнуть его превосходство над завоевателями прошлого [11, с. 82; 59, с. 50], однако ряд исследователей считают обозначенную причину вполне реальной [5, с. 279; 8, с. 472–473; 16, с. 182; 28, с. 291]. Согласно другому сообщению Аридана (Anab., VI, 23, 1), вновь прямо ссылающемся на Неарха, Александр руководствовался необходимостью создать запасы провианта и вырыть колодцы для флота, под предводительством самого Неарха следовавшего из Индии. Многие из специалистов выдвигают на передний план именно это указание и считают поддержку эскадры главной причиной похода [1, с. 315; 35, с. 232–233; 40, с. 267; 50, с. 173; 68, с. 65; 70, с. 228]. Выделяют и иные основания, связанные с нуждами строящейся «мировой монархии», побуждавшими Александра искать новые маршруты между его индийскими владениями и южным Ираном, а также предпринимать меры для обеспечения безопасности южных границ [3, с. 458; 24, с. 110–111; 45, с. 387–390; 59, с. 43]².

О проблемах, с которыми столкнулось войско Александра при переходе через гедросскую пустыню, древние писатели сообщают весьма часто, однако из общей массы свидетельств выделяются особо подробные и во многом совпадающие рассказы, оставленные Ариданом и Страбоном. Оба автора упоминают нехватку пищи и воды, увязание людей и повозок в глубоком песке, падёж выночного скота и его поедание голодными воинами, длинные переходы в поисках воды, незавидную судьбу заболевших или отставших (Arr. Anab., VI, 24, 4–25, 3; Strab., XV, 2, 5–6). Также присутствуют схожие истории о солдатах, утонувших в долгожданных источниках из-за

безудержного питья, что вынудило Александра останавливать войско в отдалении от воды; проводниках, потерявших в песках путь, заново обретенный благодаря догадке самого царя, выведшего войска к берегу моря и нашедшего питьевую воду; ночном наводнении, случившемся из-за разлива небольшого горного ручья и вызвавшем жертвы, которые, как отмечает Арриан, были особенно велики среди сопровождавших армию женщин и детей (*Arr. Anab.*, VI, 25, 5–6; 26, 4; *Strab.*, XV, 2, 6). Аналогов этим детальным описаниям бедствий в других сочинениях нет, причем и Страбон, и Арриан в смежных фрагментах указывают на использование сведений Неарха, в связи с чем делается вывод о заимствовании картины лишений из труда флотоводца [3, с. 574; 11, с. 81; 15, с. 364; 63, с. 475]³. Вместе с тем наличие в произведении Арриана прямого указания (*Anab.*, VI, 22, 4) свидетельствует, что этот автор комбинировал информацию Неарха с материалом Аристобула [16, с. 173–174]. Несомненно, использовались Аррианом и сведения, излагавшиеся Птолемеем Лагом [47, с. 80; 59, с. 24–25]. Создатели сочинений, относящихся к традиции «вульгаты», сообщают о безуспешных попытках Александра добыть продовольствие в бедных прибрежных селениях рыболовов (*Diod.*, XVII, 105, 3–5; *Curt.*, IX, 10, 8–10). Их сведения хорошо соотносятся с подробным рассказом о суровой жизни народа «ихтиофагов», приведенным в «Индике» Арриана (*Ind.*, 29, 7–16). Видимо, первоначальным источником и этой информации была книга Неарха [23, с. 97], но Диодор и Курций Руф ознакомились с его сведениями через труд Клитарха, который, в отличие от Неарха, приписал посещение поселков «ихтиофагов» не македонскому флоту, а самому царю [38, с. 69].

Присутствуют в античном нарративе и описания мер, предпринятых полководцем для решения возникших в Гедросии проблем. Это упомянутые выше переходы к источникам, поиск мест, где можно было вырыть колодцы и добыть воду, оказавшуюся в ряде случаев не вполне пресной (*Arr. Anab.*, VI, 23, 3), то есть солончаковой [1, с. 316]. Как указывает Страбон, Александр специально предпринял марш через Гедросию летом, когда водоемы в регионе наполняются дождями, отсыпал вперед отряды для заблаговременного рытья колодцев (XV, 2, 3). Македонский царь явно надеялся на хорошо ему знакомые по индийскому этапу завоеваний муссонные дожди, которые в 325 г. до н.э., судя по имеющимся данным, начались необычно поздно [16, с. 176–177]. Арриан пишет о заготовке провианта в отдельном плодородном районе и упоминает попытку перевезти эти припасы к морю, сорванную из-за самоуправства оголодавших солдат (*Anab.*, VI, 23, 4). Вероятнее всего, речь идет об использовании ресурсов оазиса Турбат [24, с. 115; 49, с. 334]. Помимо того, Александр отправил гонцов к сатрапам Парфии, Арианы и Дрангианы с приказом доставить провиант на верблюдах, что, как указывается, было выполнено, когда армия уже голодала (*Arr. Anab.*, VI, 27, 6; *Curt.*, IX, 10, 17; *Diod.*, XVII, 105, 7–8). Видимо, наместники близких провинций должностного усердия не проявили. Арриан упоминает снятие с поста за невыполнение царских распоряжений сатрапа гедросских и оритских земель Аполлофана (*Anab.*, VI, 27, 1)⁴, а Курций Руф пишет о произошедшей после прибытия Александра в Карманию казни местного наместника Астаспа (IX, 10, 29). В историографии эти сообщения считаются разными версиями одного происшествия [12, с. 57] или отражающими отдельные эпизоды [9, с. 441–442]. За невыполнение обязанностей поставлять провиант и фураж был приговорен к смерти сатрап Сузаны Абулит (*Arr. Anab.*, VII, 4, 1; *Plut. Alex.*, 68), что также может быть связано с гедросскими событиями [42, с. 313].

Согласно Арриану, трудный переход через пустынные земли, начавшийся в Орах, а закончившийся в гедросской столице Пуре, занял 60 дней (*Anab.*, VI, 24, 1). Наиболее вероятная версия маршрута армии Александра предполагает преодоление около 750 км [16, с. 169; 62, с. 223]. О цене этого пути сообщает лишь Плутарх (*Alex.*,

66), по данным которого из имевшихся 120 тысяч пехотинцев (δώδεκα μὲν μυριάδες ἥσαν οἱ πεζοὶ) и 15 тысяч всадников (ιππιὸν εἰς μυρίους καὶ πεντακοχλίους) уцелели менее четвертой части (μηδὲ τὸ τέταρτον), что подразумевает потери, превышающие 100 тысяч человек. Речь идет о катастрофе, приведшей к гибели большего числа воинов, чем было у Александра в начале его Восточного похода, и сопоставимой, к примеру, с легендарным разгромом римского войска при Каннах [68, с. 67]. При этом Плутарх пишет именно о личном составе армии, оставляя за скобками сопровождавших македонское войско нонкомбатантов. Их весьма многочисленная масса состояла из женщин и детей воинов, прислуги, торговцев, артистов, ученых, врачей, разнообразных технических специалистов, жрецов и придворных [4, с. 250–260]. Других указаний на размер потерь в Гедросии нет, однако сообщение Плутарха о численности сил Александра перекликается с материалом «Индики» Ариана, где при прямой ссылке на Неарха отмечено, что македонский монарх имел 120 тысяч воинов на момент начала спуска вниз по Инду (Ind., 19, 5). Курций Руф упоминает тот же размер войска в рассказе о старте всей Индийской кампании (VIII, 5, 4).

Приступая к анализу приведенных выше численных данных, следует обратить внимание на наличие у Александра в Гедросии лишь части войска. Еще до выхода к устью Инда царь отправил Кратера с крупными силами, включавшими в себя три–четыре таксида фаланги, слонов и конницу, в Карманию через земли арахонтов и зарангов⁵. Кроме того, Александр не взял с собой подразделения, под командованием Леонната завершившие покорение оритов и подготавливавшие необходимое для прохода флота. В распоряжении Леонната, согласно Арриану, были все агриане, лучники, часть всадников, а также отряды греческих наемников (*Anab.*, VI, 22, 3)⁶. Данный перечень и общая успешность действий Леонната свидетельствуют о наличии у него достаточно мощного войска [33, с. 604; 66, с. 251]. Это соответствовало большой стратегической значимости миссии, предусматривавшей установление контроля над крупным регионом, обустройство опорных пунктов и прибрежных баз [18, с. 143]. В научной литературе часто приводятся оценки потерь, основанные на совмещении указанной Плутархом доли погибших и восходящих к Неарху сведений о размере войска завоевателя при вычете из его состава предположительной численности контингентов, вверенных Кратеру и Леоннату. По мнению Г. Страсбургера, с Александром в Гедросию вошли не менее 60–70 тысяч воинов и неизвестное число нонкомбатантов, а потери, охватывающие оба компонента колонны, составили около 45 тысяч человек [63, с. 486–487]⁷. Согласно версии Д. Энгельса, в Макран направились 105 тысяч бойцов и более 52 тысяч сопровождающих, причем из всей массы выжили около 25 %, что подразумевает гибель 115 тысяч [24, с. 115–116]⁸. П. Грин делает вывод о колонне из 85 тысяч человек, большая часть которых являлась нонкомбатантами, и спасении лишь 25 тысяч [32, с. 435]. Представления о невиданных потерях влекут за собой попытки найти столь же необычные причины трагедии. К ним относятся предположение Ф. Шахермайра о сознательном отказе Александра от разведки [5, с. 279] и периодически высказываемое мнение о намеренном движении монарха через пустыню для прореживания войска и его наказания за бунт, устроенный на Гифасисе [2, с. 205; 29, с. 112–113; 32, с. 431]. Последняя концепция, уже неоднократно подвергавшаяся критике⁹, не только наделяет Александра очень странными мотивами, но и противоречит комплексу античных сообщений, явно показывающих, что полководец стремился учесть различные факторы, связанные с продвижением армии и флота из Индии на запад [59, с. 45–46; 62, с. 224–225], а затем, уже после вступления в Гедросию, всеми силами пытался решить проблемы с обеспечением войска пресной водой и провиантлом [24, с. 116–117; 44, с. 292].

Есть целый ряд факторов, не дающих возможности принять выводы о колоссальном количестве жертв в армии Александра в результате ее «гедросской эпопеи».

Прежде всего, нужно отметить, что указанная Плутархом и иными авторами общая численность войска завоевателя в 120 тысяч, несмотря на ее присутствие в сочинении Неарха, должна быть оценена как существенно завышенная и в лучшем случае отражающая размер колонны вместе с нонкомбатантами [10, с. 194; 26, с. 67; 35, с. 203; 45, с. 334]. Также при определении состава сил, отправившихся с Александром через Макран, следует учитывать не только выделение армейских подразделений Кратеру и Леоннату. Морским путем с Неархом, судя по сообщениям источников о числе и типах кораблей, двигались не только 12 тысяч матросов и гребцов, но и до 8 тысяч воинов [24, с. 111–112; 49, с. 332]. Мало того, нельзя игнорировать существенные изменения в размере армии, произошедшие между началом ее спуска вниз по Инду (судя по «Индике», именно к этому этапу Неарх относил указанную им численность войска) и выходом к рубежам Гедросии. Это наделение воинскими контингентами сатрапов Филиппа, в чье подчинение перешли все фракийцы и часть лучников (Arr. Anab., VI, 15, 2), и Пифона (Arr. Anab., VI, 15, 4; 17, 1–4; 20, 1), а также неизбежные потери, связанные с боями и переходами. Помимо того, приведенная Аррианом (Ind., 19, 5) характеристика армии Александра показывает, что значительную ее часть составляли различные «варварские» отряды. Должны были присутствовать среди них и многочисленные индийцы, которых после завершения спуска вниз по Инду явно отослали назад [5, с. 280; 18, с. 142]. Всё это позволяет считать более соответствующими реальности выводы о вступлении в Гедросию войска, чей размер во много раз уступал указанному Плутархом. Конечно, предположение У. Тарна о наличии у царя всего 8–9 тысяч бойцов [65, с. 107] излишне радикально. Более взвешенными выглядят выводы о войске численностью от 10 до 20 тысяч [31, с. 162; 37, с. 176; 44, с. 291; 57, с. 206]. Видимо, ближе всего к истине А. Б. Босворт, предполагающий, что вместе с нонкомбатантами у полководца имелось около 30 тысяч человек [18, с. 142]¹⁰. Версии, подразумевающие наличие у Александра корпуса, в котором одних только воинов было 30 тысяч [3, с. 458; 49, с. 332], нужно оценить как уже отклоняющиеся от вероятности в сторону завышения.

Информация Плутарха о потерях, якобы превышавших 75 %, проблемна в еще большей степени. Дж. Гамильтон, отталкиваясь от сопоставления иных сведений Плутарха с материалами Арриана и Курция Руфа, определил в качестве источника сообщения о погибших труд Неарха, приddy к выводу о точности данных ввиду надежности сведений флотоводца [34, с. 184]. В исследованиях последующего времени это не снаженное аргументами предложение о связи ранней и поздней письменной традиции поддержано не получило. Еще сложнее последовать за Г. Страсбургером, отметившим неясное происхождение информации Плутарха, но заявившим об отсутствии оснований для сомнений [63, с. 487]. Напротив, именно проблема первоисточника является важной предпосылкой для скептического отношения к данным Плутарха. Как справедливо отметил Н. Хэммонд, Плутарх, в противовес иным авторам, локализует район бедствия войска не в Гедросии, а в земле оритов, явно опираясь здесь, как и в рассказе о потерях, на красочный, но неточный источник, которым, судя по приведенному далее описанию «вакхического» шествия македонян через Карманию, являлся труд Клитарха [36, с. 124–125]. Из-под пера последнего, как известно, вышло скорее риторико-литературное, а не историческое произведение [51, с. 212–213; 55, с. 14–22], содержащее немало выдуманных сведений о походе Александра и жизни далеких стран [38, с. 23–27; 61, с. 16–18]. Очевидно, Плутарх искусственно совместил драматизированное замечание Клитарха о доле погибших и явно преувеличенные данные Неарха о численности войска Александра, отнеся последние не к моменту начала спуска армии вниз во Инду, а ко времени окончания индийского похода. Благодаря этому и появилось поражающее воображение, но недостоверное сообщение о гибели 75 % громадной армии.

Восходящие к Неарху развернутые описания страданий македонского войска в Гедросии также нельзя считать однозначным доказательством наличия всеобъемлющего бедствия и массовых смертей. Характер повествования Арриана, состоящего из разных информационных блоков, показывает, что из них наиболее трагичен тот, что взят у Неарха, а пересказанные сведения Аристобула, непосредственно участвовавшего в том походе, не содержат упоминаний невероятных лишений [16, с. 173–174]. Не было их и в сочинении Птолемея, при этом мнения о стремлении бывшего царского телохранителя кратко описать переход для сокрытия ошибок командования [47, с. 80] или об отсутствии у Птолемея какого-либо интереса к вопросам логистики [24, с. 116]¹¹ неубедительны. Более оправданы другие объяснения специфики созданной Неархом картины, основанные на особенностях именно его произведения. Прежде всего, нужно учитывать, что Неарх, назначенный командиром флота, лично не участвовал в марше сухопутных сил через Гедросию и потому описал его по рассказам очевидцев, приводивших наиболее запомнившиеся и уже преувеличены детали [16, с. 175]. Птолемей и Аристобул, непосредственно сопровождавшие Александра, видели целостную картину и в своих трудах упоминали как некоторые проблемы, так и меры, позволявшие решать сложные логистические задачи [68, с. 65]. Нельзя игнорировать и влияние главной линии труда Неарха. Как справедливо отметил Э. Бэдиан, это сочинение, часто воспринимаемое как наиболее достоверное, создавалось для самопрезентации автором, недовольным статусом, полученным им в бурные времена войн диадохов, и содержало немало искажений и откровенно фантастических деталей [9, с. 193, 206]. Подобный подход должен был сказаться и на описании марша войска через Гедросию. В частности, Неарх, преувеличивая трудности сухопутного перехода, мог стремиться отчасти реабилитировать себя и иных руководителей морской экспедиции, также прошедшей в тяжелых условиях [59, с. 50]. Мало того, повествуя о негостеприимных краях Гедросии, Неарх не просто передавал свои наблюдения и рассказы современников, но и следовал установкам описания земель, позаимствованным из эпической литературы, сочинений Геродота и Скилака Кариандского, стараясь подчеркнуть полную непригодность региона для жизни цивилизованных людей [14, с. 68–69; 51, с. 15–16, 140–144]. Некоторые компоненты созданной подобным образом картины «задворок Ойкумены», включая пересказанное Аррианом (Ind., 29, 7–16) сообщение о чрезвычайно суровом быте «ихтиофагов», несмотря на все усилия исследователей, подтвердить археологическими материалами не получается [13, с. 272]. Учет указанных аспектов сочинения флотоводца позволяет разрешить выделенное О. Стейном противоречие между переданным Аррианом описанием бедствий, изначально составленным Неархом, и особенностями наиболее вероятного пути Александра через Макран, на протяжении которого водные и продовольственные ресурсы ограничены, но далеко не столь ничтожны [62, с. 218]. Показательно, но подобное противоречие не возникает при совмещении реалий маршрута с общим посылом сообщений Аристобула и Птолемея, где о полном логистическом коллапсе речи не шло. Всё это побуждает к скептическому восприятию и составленной Неархом истории «гедросской катастрофы», и целиком зависящих от нее концепций¹².

В контексте рассматриваемого вопроса нельзя не отметить, что рассказы о небывальных лишениях и огромных потерях войска Александра в Гедросии не только неоднозначны сами по себе, но и вступают в серьезное противоречие с широким кругом сообщений, повествующих о бунте македонских солдат в Описе, произошедшем уже в следующем 324 г. до н.э. Совмещение сведений античных авторов об отправке в Европу 10 тысяч ветеранов (Arr. Anab., VII, 12, 1; Diod., XVII, 109, 1; XVIII, 4, 1; Just., XII, 12, 7) с другими данными свидетельствует о наличии у Александра на тот момент как минимум 18 тысяч именно македонских солдат [17, с. 3–4]. Как верно указывает-

ся, контингент македонских пехотинцев с начала азиатской экспедиции не только не уменьшился, но даже возрос благодаря прибытию подкреплений, а значит катастрофических потерь в фаланге, являвшейся ядром армии Александра, не было [16, с. 180; 44, с. 291]. Не менее интересны обстоятельства самого бунта. В обширной литературе, посвященной военно-политической деятельности Александра, есть утверждения, подразумевающие прямую связь «гедросской катастрофы» и мятежа ветеранов, переставших доверять царю [7, с. 348]. Подобные выводы противоречатциальному блоку информации, имеющемуся в распоряжении современного исследователя. Это достаточно подробно изложенные Аррианом (*Anab.*, VII, 8, 2–10, 7) и Курцием Руфом (X, 2, 12–30) претензии армии к царю и ответная речь Александра, представленные с заметными различиями, но явно восходящие к общему раннему источнику [19, с. 112; 48, с. 164–165]. Гедросия фигурирует лишь в приведенной Аррианом речи Александра, где в перечне славных свершений македонян присутствует поход через ранее непреодолимую пустыню (*Anab.*, VII, 10, 5), но учет лингвистических особенностей позволяет считать данную ремарку поздней вставкой, отсутствовавшей в изначальной версии речи [71, с. 186]. Тема недавних колоссальных потерь в этих материалах вовсе не поднимается. В письменных памятниках изложены разные причины бунта армии: недовольство включением в войско азиатов взамен отправляемых домой ветеранов (*Arr. Anab.*, VII, 8, 2; *Plut. Alex.*, 71; *Moral.*, 327a–b), желание оставленных в Азии солдат покинуть войско вместе с отосланными в Европу (*Just.*, XII, 11, 5; ср. *Diod.*, XVII, 109, 1–2), протест против переноса центра царства на Восток (*Curt.*, X, 2, 12). В совокупности эти сведения позволяют говорить о недовольстве именно политикой Александра и стремлении армии повлиять на его решения [20, с. 40; 57, с. 49–50]. Изливающие свои обиды солдаты показательным образом не упоминают недавнюю катастрофу, случившуюся по вине монарха, тяжелые лишения и потерю многих боевых товарищей. Выводам о масштабной трагедии противоречат не только данные о размере войска и его настроениях. Как верно отметил О. Стейн, якобы имевшая место гибель большей части армии не помешала Александру оперативно решать вопросы управления провинциями своей державы сразу после окончания «гедросской эпопеи», а покоренное население никоим образом не прореагировало на резкое сокращение сил завоевателей и не устроило восстаний [62, с. 226–227].

Изложенное позволяет утверждать, что потерями в десятки тысяч солдат переход войска Александра не сопровождался. Возвращаясь из Индии в Иран через земли Макрана, македонский царь шел на риск, но не на абсолютную авантюру, грозившую массовым и уж тем более намеренным уничтожением личного состава. Вряд ли полководец под воздействием неких субъективных факторов полностью утратил обычно свойственное ему стремление использовать данные разведки для обеспечения безопасности армии [25, с. 339–340]. Как указывалось выше, Александр пытался учесть различные потенциальные трудности перехода и, судя по реконструкции О. Стейна, выбрать маршрут, с наибольшей вероятностью позволяющий дотянуться до важнейшей части продовольственных и водных ресурсов Гедросии [62, с. 224]. В древности путь представлялся еще более доступным, так как регион был не столь пустынным, как в нашу эпоху [16, с. 174]. Отсутствие явной авантюристичности в намерениях Александра подтверждается и военной историей более позднего времени. Как известно, в начале VIII в. арабский завоеватель Мухаммад ибн аль-Касим во главе мобильных сил примерно в то же время года пересек Макран, причем его войско не только не понесло больших потерь, но и сохранило боеспособность, вскоре проводя компанию в Синде [18, с. 144]. Конечно, развитие событий показало недостаточность осуществленных Александром разведывательных мероприятий. Возможно, полководец частично утратил бдительность из-за своих к тому времени уже много-

численных переходов через иные пустынные районы, создавших впечатление, что незнакомых проблем уже не будет [59, с. 47]. Могло обнадежить и наличие формального контроля над Гедросией, которая уже несколько лет считалась частью державы Александра, а до того являлась владением Ахеменидов, а значит, монарх имел основания рассчитывать на поддержку колонны со стороны местного сатрапа Аполлофана [62, с. 224].

В гедросскую пустыню Александр отправился лишь с частью сил, что несколько снижало потенциальные риски, однако у нас мало оснований говорить о прямой зависимости размера этого войска от нужд трудного перехода [59, с. 51]. Для успешного пересечения Макрана завоевателю следовало сформировать более подвижную колонну и уж точно не брать с собой массу нонкомбатантов [16, с. 181]. Марш действительно сопровождался логистическими проблемами, порожденными не только составом македонских сил и необычно поздним началом сезона дождей, но и слабой информированностью Александра и его соратников о регионе. Так, один из просчетов был связан с неучетом особенностей грунта, не позволявшего транспортировать продовольствие на повозках и лучше подходившего для применения выночного скота [59, с. 46]. Видимо, у Мухаммада ибн аль-Касима подобных проблем не было из-за широкого использования верблюдов [63, с. 488]. Александр сумел осознать свою ошибку достаточно поздно, приказав доставить провизию уже голодающей армии именно на верблюдах (*Curt.*, IX, 10, 17; *Diod.*, XVII, 105, 7). Незнание не позволяло использовать и некоторые местные ресурсы. К примеру, подробно описанные в источниках проиразставшие на побережье кустарники (см. *Arr. Anab.*, VI, 22, 6; *Plin. Nat. Hist.*, IV, 13, 51) сопоставляются с авицензией морской, характерной для мангровых зарослей и способной оказать помощь в поиске воды, однако чужеземные завоеватели о подобных возможностях, видимо, были не осведомлены [13, с. 272]. Помимо того, македонский царь не учел специфику влияния муссонов на наполняемость водоемов в разных частях Гедросии и, движимый иными соображениями, направлял походную колонну в районы, где проблемы со снабжением были неизбежны [16, с. 179; 63, с. 478–479]. Все это привело к возникновению трудностей, отнюдь не принявших характер тотального парализующего бедствия. Здесь можно вспомнить показательное обстоятельство, ранее вызвавшее удивление у Ф. Шахермайра: несмотря на невзгоды, якобы приводившие к массовой гибели участников похода, сопровождавшие армию ученыe аккуратно фиксировали свои наблюдения, а финикийские купцы даже нашли возможность добывать благовония из местных растений и отправлять их к северным торговым путям [5, с. 280–281]. Совокупность сведений позволяет считать более оправданными оценки, согласно которым при переходе войска Александра через Макран личный состав был не столько обескровлен потерями, сколько деморализован, в то время нонкомбатанты пострадали значительно сильнее [16, с. 180; 43, с. 116–118; 69, с. 19]. В пользу последнего свидетельствует особое указание Арриана на жертвы среди женщин и детей, отсутствие у контингента нонкомбатантов полноценной организации и воинской дисциплины, остаточный принцип его снабжения.

Подводя итог, необходимо констатировать, что данные письменной традиции, являющиеся основой для весьма распространенных выводов о многотысячных потерях армии Александра в Гедросии, не могут быть признаны убедительными по целому ряду причин. К ним относятся особенности происхождения ключевых сведений, их плохое соответствие наиболее оправданным научным представлениям о численности македонского войска перед вторжением в Макран и после него, отсутствие влияния столь масштабной трагедии на взаимоотношения Александра и его армии, а также на общее военно-политическое положение завоевателя. Безусловно, марш через Гедросию стал тяжелым испытанием для войск, сопровождался лише-

ниями, ощутимыми потерями среди воинов и еще более значительными жертвами среди нонкомбантов, возможно, являясь одним из самых главных просчетов в полководческой карьере македонского царя, однако считать это катастрофой, достойной встать в один ряд с величайшими провалами в военной истории человечества, нельзя.

Примечания

1. Об этом позволяет судить одно из писем Демосфена, где оратор критикует распространившиеся в его время представления о везении как о главной причине побед Александра (*Epist.*, I. 13). Позже выводы об особой удачливости македонского царя продвигали представители философских школ перипатетиков и стоиков, вызвав, в свою очередь, знаменитый ответ Плутарха в его «О судьбе и доблести Александра» [34, с. 30–31; 67, с. 96–97].
2. Присутствует и критическое отношение к подобным выводам, основанное на излишне категоричном мнении об отсутствии какого-либо экономического и стратегического значения территории Гедросии [49, с. 332].
3. В более редких случаях предполагается, что оба рассказа восходят к работе Аристобула [35, с. 320; 51, с. 178; 60, с. 1242].
4. По другим данным, Аполлофан погиб в битве с оритами (*Arr. Ind.*, 23, 4–7; *Diod.*, XVII, 105, 8).
5. По данным Ариана (*Anab.*, VI, 17, 3), Кратеру были вверены таксисы Аттала, Мелеагра и Антигена, часть лучников, гетайры, слоны и не годные к участию в боях македоняне, в то время как Юстин (XII, 10, 1) сообщает об отправке в сторону Вавилона Полиперхона и пехоты. Видимо, в данном случае можно говорить о включении в состав сил Кратера 4 таксисов пехоты [32, с. 425; 41, с. 112], что должно было составлять более половины македонской фаланги.
6. Представители традиции «вульгаты» не упоминают состав войска Леонната, но сообщают о его самостоятельных действиях против восставших оритов (*Curt.*, IX, 10, 19; *Diod.*, XVII, 105, 8; ср. *Arr. Ind.*, 23, 5).
7. Позже данный вывод был полностью принят отдельными специалистами [30, с. 81; 50, с. 176].
8. Несмотря на некоторую поддержку этого мнения в историографии [70, с. 228], следует признать вполне оправданными развернутые критические замечания о реалистичности приведенных чисел [44, с. 291].
9. Подобные предположения критиковал еще И. Дройзен [3, с. 457]. Определялись они как необоснованные и в более поздних работах [28, с. 291; 39, с. 81; 49, с. 332].
10. Позже представленный вывод посчитал самым обоснованным В. Хеккель [40, с. 269].
11. Исчерпывающая критика этого положения представлена Г. Шепенсем [59, с. 38–40].
12. Здесь можно упомянуть позицию Г. Страсбургера, оценившего предложенную О. Стейном реконструкцию маршрута, опирающуюся на ряд важных географических маркеров, как ошибочную именно из-за ее несоответствия восходящим к Неарху описаниям страданий [64, с. 252–253], которые сам Г. Страсбургер счел безусловно точными благодаря опоре флотоводца на пресловутую «солдатскую правду» [63, с. 489–490].

Список источников и литературы

1. Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Александр Македонский и Восток. М.: Наука, 1980. 456 с.
2. Догерти П. Александр Великий. Смерть бога / пер. с англ. Н. Омельянович. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 345 с.
3. Дройзен И. История эллинизма. Т. 1. Ростов н/Д.: Феникс, 1995. 602 с.
4. Нефёдкин А. К. Обоз армии Александра Македонского // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 15. СПб.: СПбГУ, 2015. С. 248–263.
5. Шахермайр Ф. Александр Македонский / пер. с нем. М. Н. Ботвинника и Б. Функа. М.: Наука, 1984. 384 с.
6. Arrien L'Inde / ed. P. Chantarine. Paris: Les Belles Lettres, 1972. 92 p.
7. Ashley J. R. The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359–323 BC. Jefferson: McFarland, 1998. 486 p.
8. Badian E. Alexander in Iran // Cambridge History of Iran. Vol. 2 / ed. I. Gershevitch. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 420–501.

9. *Badian E.* Collected papers on Alexander the Great. London; New York: Routledge, 2012. 536 p.
10. *Barceló P.* Alexander der Grosse. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2007. 296 s.
11. *Baynham E.* Alexander the Great: The Unique History of Quintus Curtius. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998. 237 p.
12. *Berve H.* Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd. 1. München: Beck, 1926. 803 s.
13. *Biagi P.* Uneasy Riders: With Alexander and Nearhus from Pattala to Rhambakia // With Alexander in India and Central Asia. Moving East and Back to West / ed. C. Antonetti, P. Biagi. Oxford: Oxbow Books, 2017. P. 255–278.
14. *Bichler R.* On the Traces of Onesicritus. Some Historiographical Aspects of Alexander's Indian Campaign // The Historiography of Alexander the Great / ed. K. Nawotka [et al.]. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018. P. 51–69.
15. *Bosworth A. B.* A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. 2. Commentary on books 4-5. Oxford: Oxford University Press, 1995. 382 p.
16. *Bosworth A. B.* Alexander and the East: The Tragedy of Triumph. Oxford: Clarendon Press, 1996. 218 p.
17. *Bosworth A. B.* Alexander the Great and the Decline of Macedon // Journal of Hellenic Studies. 1986. Vol. 106. P. 1–12.
18. *Bosworth A. B.* Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 330 p.
19. *Bosworth A. B.* From Arrian to Alexander: Studies in Historical Interpretation. Oxford: Clarendon Press, 1988. 225 p.
20. *Carney E.* Macedonians and Mutiny: Discipline and Indiscipline in the Army of Philip and Alexander // Classical Philology. 1996. Vol. 91, № 1. P. 19–44.
21. Demosthenes. Vol. 2 / ed. R. Whinston. London: Whittaker & Co, 1868. 632 p.
22. *Diodorus Siculus.* Library of history. Vol. 8. Cambridge; London: Harvard University Press, 1989. 496 p.
23. *Eggermont P. H. L.* Alexander's Campaigns in Sind and Baluchistan and the Siege of the Brahmin Town of Harmatelia. Leuven: Leuven University Press, 1975. 233 p.
24. *Engels D. W.* Alexander the Great and the Logistics of the Macedonian Army. Berkeley: Los Angeles: University of California Press, 1978. 194 p.
25. *Engels D. W.* Alexander's Intelligence System // Classical Quarterly. 1980. Vol. 30, № 2. P. 327–340.
26. *Engels J.* Philipp II. und Alexander der Große. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2007. 125 s.
27. Flavii Arriani Anabasis Alexandri / ed. A. G. Roos. Leipzig: Teubner, 1907. 333 p.
28. *Freeman P.* Alexander the Great. New York: Simon & Schuster, 2011. 416 p.
29. *Gabriel R. A.* The Madness of Alexander the Great: And the Myth of Military Genius. Barnsley: Pen & Sword, 2015. 208 p.
30. *Gehrke H.-J.* Alexander der Große. München: Beck, 1996. 111 s.
31. *Glot G., Roussel P., Cohen R.* Histoire grecque. T. 4, Pt. 1. Paris: Les Presses universitaires de France, 1945. 434 p.
32. *Green P.* Alexander of Macedon, 356–323 BC: a historical biography. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2013. 617 p.
33. *Hamilton J. R.* Alexander among the Oreitae // Historia. 1972. Bd. 21, Hf. 4. P. 603–608.
34. *Hamilton J. R.* Plutarch, Alexander. A Commentary. Oxford: Clarendon Press, 1969. 231 p.
35. *Hammond N. G. L.* Alexander the Great: King, Commander and Statesman. Park Ridge: Noyes Press, 1980. 358 p.
36. *Hammond N. G. L.* Sources for Alexander the Great: An Analysis of Plutarch's Life and Arrian's Anabasis Alexandrou. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 345 p.
37. *Hammond N. G. L.* The Genius of Alexander the Great. London: Gerald Duckworth, 1998. 220 p.
38. *Hammond N. G. L.* Three Historians of Alexander the Great: The So-Called Vulgate Authors, Diodorus, Justin and Curtius. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 205 p.

39. Heckel W. A King and his Army // Alexander the Great: A New History / ed. W. Heckel, L. A. Trittle. Malden; Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. P. 69–82.
40. Heckel W. In the Path of Conquest. Resistance to Alexander the Great. London; New York: Oxford University Press, 2020. 348 p.
41. Heckel W. The Marshals of Alexander's Empire. London; New York: Routledge, 1992. 448 p.
42. Kholod M. M. The Administration of Alexander's Empire // The Cambridge Companion to Alexander the Great / ed. D. Ogden. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. P. 290–316.
43. Kraft K. Der "rationale" Alexander. Kallmünz über Regensburg: Verlag M. Lassleben, 1971. 136 s.
44. Lacey J. Food and Conquest: Getting beyond Engels // Brill's Companion to the Campaigns of Philip II and Alexander the Great / ed. E. M. Anson. Leiden; Boston: Brill, 2025. P. 281–297.
45. Lane Fox R. Alexander the Great. London: Folio Society, 1973. 568 p.
46. M. Juniani Justini epitoma historiarum Philippicarum / ed. F. Rühl, O. Seel. Leipzig: Teubner, 1935. 375 p.
47. Müller S. Hephaestion – a re-assessment of his career // Ancient Macedonians in the Greek and Roman Sources. From History to Historiography / ed. T. Howe, F. Pownall. Swansea: The Classical Press of Wales, 2018. P. 77–102.
48. Nagle D. B. The Cultural Context of Alexander's Speech at Opis // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1996. Vol. 126. P. 151–172.
49. Nawotka K. Alexander the Great. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2010. 440 p.
50. O'Brien J. Alexander the Great: The Invisible Enemy. London; New York: Routledge, 1994. 339 p.
51. Pearson L. The Lost Histories of Alexander the Great. New York: American Philological Association, 1960. 275 p.
52. Pliny Natural History. Vol. 2 / ed. H. Rackman. London: W. Heinemann, 1942. 664 p.
53. Plutarchi Vitae paralleliae. Vol. 3 / ed. C. Sintensis. Leipzig: Teubner, 1889. 276 p.
54. Plutarch's Moralia. Vol. 4 / ed. F. C. Babbit. London: W. Heinemann, 1962. 552 p.
55. Prandi L. Fortuna e realtà dell'opera di Clitarco. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1996. 203 p.
56. Q. Curtii Rufi historiarum Alexandri Magni Macedonis libri qui supersunt / ed. Th. Vogel. Leipzig: Teubner, 1889. 308 p.
57. Robinson C. A. Alexander the Great: The Meeting of East and West in World Government and Brotherhood. New York: E. P. Dutton, 1947. 252 p.
58. Roisman J. Alexander's Veterans and the Early Wars of the Successors. Austin: University of Texas Press, 2012. 264 p.
59. Schepens G. Zum Problem der "Unbesiegbarkeit" Alexanders des Grossen // Ancient Society. 1989. Vol. 20. P. 15–53.
60. Schwartz E. Flavius Arrianus // Paulys Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft. 1895. Bd. 2, Hbhd. 1. S. 1230–1247.
61. Seibert J. Alexander der Grosse. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1981. 239 s.
62. Stein A. On Alexander's Route into Gedrosia: An Archaeological Tour in Las Bela // Geographical Journal. 1943. Vol. 102, no. 5/6. P. 193–227.
63. Strasburger H. Alexanders zug Durch die Gedrosische Wüste // Hermes. 1952. Bd. 80, Hf. 4. S. 456–493.
64. Strasburger H. Zur Route Alexanders Durch Gedrosien // Hermes. 1954. Bd. 82, Hf. 2. S. 251–254.
65. Tarn W. W. Alexander the Great. Vol. 1. Narrative. Cambridge: Cambridge University Press, 1948. 176 p.
66. Tarn W. W. Alexander the Great. Vol. 2. Sources and Studies. Cambridge: Cambridge University Press, 1948. 447 p.
67. Wardman A. E. Plutarch and Alexander // Classical Quarterly. 1955. Vol. 5, № 1–2. P. 96–107.
68. Will W. Alexander der Grosse: Geschichte und Legende. Darmstadt: Primus Verlag, 2009. 100 s.

69. Wirth G. Zu einer schweigenden Mehrheit. Alexander und die griechischen Söldner // Aus dem Osten des Alexanderreiches, Völker und Kulturen zwischen Orient und Okzident. Iran, Afghanistan, Pakistan, Indien / hrsg. J. Ozols, V. Thewalt. Köln: DuMont Buchverl, 1984. S. 9–31.
70. Worthington I. Alexander the Great: Man and God. Harlow: Pearson Longman, 2004. 251 p.
71. Wüst R. D. Die Rede Alexanders des Grossen in Opis, Arrian VII 9–10 // Historia. 1953. Bd. 2, № 2. S. 177–188.

References

1. Gafurov, BG & Tsibukidis, DI 1980, *Aleksandr Makedonskiy i Vostok* (Alexander the Great and the East), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
2. Doherty, P 2005, *Aleksandr Velikiy. Smert boga* (Alexander the Great. The Death of God), trans. N. Omelyanovich, AST publ, Tranzitkniga publ, publ, Moscow. (In Russ.)
3. Droysen, J 1995, *Istoriya ellinizma* (The history of Hellenism), vol. 1, Feniks publ, Rostov-on-Don. (In Russ.)
4. Nefyodkin, AK 2015, ‘Oboz armii Aleksandra Makedonskogo’ (The Baggage of Alexander the Great’s army), *Mnemon: Issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira*, no. 15, SPbGU publ, St. Petersburg, pp. 248–263. (In Russ.)
5. Schachermeyr, F 1984, *Aleksandr Makedonskiy* (Alexander the Great), trans M.N. Botvinnik, B. Funk, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
6. Chantarine, P (ed.) 1972, *Arrien L’Inde*, Les Belles Lettres publ, Paris. (In Ancient Greek and French)
7. Ashley, JR 1998, *The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359–323 BC*, McFarland publ, Jefferson.
8. Badian, E 1985, ‘Alexander in Iran’, *Cambridge History of Iran. Vol. II*, ed. I. Gershevitch, Cambridge University Press publ, Cambridge, pp. 420–501.
9. Badian, E 2012, *Collected papers on Alexander the Great*, Routledge publ, London, New York.
10. Barceló, P 2007, *Alexander der Große*, Wissenschaftliche Buchgesellschaft publ, Darmstadt. (In Germ.)
11. Baynham, E 1998, *Alexander the Great: The Unique History of Quintus Curtius*, University of Michigan Press publ, Ann Arbor.
12. Berve, H 1926, *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage*, bd. I, Beck publ, München. (In Germ.)
13. Biagi, P 2017, ‘Uneasy Riders: With Alexander and Nearhus from Pattala to Rhambakia’, *With Alexander in India and Central Asia. Moving East and Back to West*, eds. C. Antonetti, P. Biagi, Oxbow Books publ, Oxford, pp. 255–278.
14. Bichler, R 2018, ‘On the Traces of Onesicritus. Some Historiographical Aspects of Alexander’s Indian Campaign’, *The Historiography of Alexander the Great*, ed. K. Nawotka, R. Rollinger, J. Wiesehöfer, A. Wojciechowska, Harrassowitz Verlag publ, Wiesbaden, pp. 51–69.
15. Bosworth, AB 1995, *A Historical Commentary on Arrian’s History of Alexander*, vol. 2, Oxford University Press publ, Oxford.
16. Bosworth, AB 1996, *Alexander and the East: The Tragedy of Triumph*, Clarendon Press publ, Oxford.
17. Bosworth, AB 1986, ‘Alexander the Great and the Decline of Macedon’, *Journal of Hellenic Studies*, vol. 106, pp. 1–12.
18. Bosworth, AB 1988, *Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great*, Cambridge University Press publ, Cambridge.
19. Bosworth, AB 1988, *From Arrian to Alexander: Studies in Historical Interpretation*, Clarendon Press publ, Oxford.
20. Carney, E 1996, ‘Macedonians and Mutiny: Discipline and Indiscipline in the Army of Philip and Alexander’, *Classical Philology*, vol. 91, no 1, pp. 19–44.
21. Whinston R (ed.) 1868, *Demosthenes*, vol. 2, Whittaker & Co publ, London.
22. Diodorus Siculus 1989, *Library of history*, vol. 8, Harvard University Press publ, Cambridge, London. (In Ancient Greek)

23. Eggermont, PHL 1975, *Alexander's Campaigns in Sind and Baluchistan and the Siege of the Brahmin Town of Harmatelia*, Leuven University Press publ, Leuven.
24. Engels, DW 1978, *Alexander the Great and the Logistics of the Macedonian Army*, University of California Press publ, Berkeley, Los Angeles.
25. Engels, DW 1980, 'Alexander's Intelligence System', *Classical Quarterly*, vol. 30, no 2, pp. 327–340.
26. Engels, J 2007, *Philip II. und Alexander der Große*, Wissenschaftliche Buchgesellschaft publ, Darmstadt. (In Germ.)
27. Roos, AG (ed.) 1907, *Flavii Arriani Anabasis Alexandri*, Teubner publ, Leipzig. (In Ancient Greek)
28. Freeman, P 2011, *Alexander the Great*, Simon & Schuster publ, New York.
29. Gabriel, RA 2015, *The Madness of Alexander the Great: And the Myth of Military Genius*. Pen & Sword publ, Barnsley.
30. Gehrke, HJ 1996, *Alexander der Große*, Beck publ, München. (In Germ.)
31. Glot, G & Roussel, P & Cohen, R 1945, *Histoire grecque*, t. IV, pt. 1, Les Presses universitaires de France publ, Paris. (In French)
32. Green, P 2013, *Alexander of Macedon, 356–323 BC: a historical biography*, University of California Press publ, Berkeley, Los Angeles, London.
33. Hamilton, JR 1972, 'Alexander among the Oreitae', *Historia*, vol. 21, no 4, pp. 603–608.
34. Hamilton, JR 1969, *Plutarch, Alexander. A Commentary*, Clarendon Press publ, Oxford.
35. Hammond, NGL 1980, *Alexander the Great: King, Commander and Statesman*, Noyes Press publ, Park Ridge.
36. Hammond, NGL 1993, *Sources for Alexander the Great: An Analysis of Plutarch's Life and Arrian's Anabasis Alexandrou*, Cambridge University Press publ, Cambridge.
37. Hammond, NGL 1998, *The Genius of Alexander the Great*, Gerald Duckworth publ, London.
38. Hammond, NGL 1983, *Three Historians of Alexander the Great: The So-Called Vulgate Authors, Diodorus, Justin and Curtius*, Cambridge University Press publ, Cambridge.
39. Heckel, W 2009, 'A King and his Army', *Alexander the Great: A New History*, ed. W. Heckel, L. A. Tritle, Wiley-Blackwell publ, Malden, Oxford, pp. 69–82.
40. Heckel, W 2020, *In the Path of Conquest. Resistance to Alexander the Great*, Oxford University Press publ, London, New York.
41. Heckel, W 1992, *The Marshals of Alexander's Empire*, Routledge publ, London, New York.
42. Kholod, MM 2024, 'The Administration of Alexander's Empire', *The Cambridge Companion to Alexander the Great*, ed. D. Ogden, Cambridge University Press publ, Cambridge, pp. 290–316.
43. Kraft, K 1971, *Der "rationale" Alexander*, Verlag M. Lassleben publ, Kallmünz über Regensburg. (In Germ.)
44. Lacey, J 2025, 'Food and Conquest: Getting beyond Engels', *Brill's Companion to the Campaigns of Philip II and Alexander the Great*, ed. E. M. Anson, Brill publ, Leiden, Boston, pp. 281–297.
45. Lane Fox, R 1973, *Alexander the Great*, Folio Society publ, London.
46. Rühl, F & Seel, O (eds.) 1935, *M. Juniani Justini epitoma historiarum Philippicarum*, Teubner publ, Leipzig. (In Latin)
47. Müller, S 2018, 'Hephaestion – a re-assessment of his career', *Ancient Macedonians in the Greek and Roman Sources. From History to Historiography*, ed. T. Howe, F. Pownall, The Classical Press of Wales publ, Swansea, pp. 77–102.
48. Nagle, DB 1996, 'The Cultural Context of Alexander's Speech at Opis', *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*, vol. 126, pp. 151–172.
49. Nawotka, K 2010, *Alexander the Great*, Cambridge Scholars Publishing publ, Cambridge.
50. O'Brien, J 1994, *Alexander the Great: The Invisible Enemy*, Routledge publ, London, New York.
51. Pearson, L 1960, *The Lost Histories of Alexander the Great*, American Philological Association publ, New York.
52. Rackman, H (ed.) 1942, *Pliny Natural History*, vol. 2, W. Heinemann publ, London. (In Latin)

53. Sintensis, C (ed.) 1889, *Plutarchi Vitae parallelae*, vol. 3, Teubner publ, Leipzig. (In Ancient Greek)
54. Babbit, FC (ed.) 1962, *Plutarch's Moralia*, vol. 4, W. Heinemann publ, London. (In Ancient Greek)
55. Prandi, L 1996, *Fortuna e realtà dell'opera di Clitarco*, Franz Steiner Verlag publ, Stuttgart. (In Italian)
56. Q. Curtii Ruf ihistoriarum Alexandri Magni Macedonis libri qui supersunt 1889, ed. Th. Vogel, Teubner publ, Leipzig. (In Latin)
57. Robinson, CA 1947, *Alexander the Great: The Meeting of East and West in World Government and Brotherhood*, E.P. Dutton publ, New York.
58. Roisman, J 2012, *Alexander's Veterans and the Early Wars of the Successors*, University of Texas Press publ, Austin.
59. Schepens, G 1989, ‘Zum Problem der “Unbesiegbarkeit” Alexanders des Grossen’, *Ancient Society*, vol. 20, pp. 15–53. (In Germ.)
60. Schwartz, E 1895, ‘Flavius Arrianus’, *Paulys Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft*, vol. 2, no 1, pp. 1230–1247. (In Germ.)
61. Seibert, J 1981, *Alexander der Grosse*, Wissenschaftliche Buchgesellschaft publ, Darmstadt. (In Germ.)
62. Stein, A 1943, ‘On Alexander's Route into Gedrosia: An Archaeological Tour in Las Bela’, *Geographical Journal*, vol. 102, no 5/6, pp. 193–227.
63. Strasburger, H 1952, ‘Alexanders zug Durch die Gedrosische Wüste’, *Hermes*, vol. 80, no. 4, pp. 456–493. (In Germ.)
64. Strasburger, H 1954, ‘Zur Route Alexanders Durch Gedrosien’, *Hermes*, vol. 82, no. 2, pp. 251–254. (In Germ.)
65. Tarn, WW 1948, *Alexander the Great*, vol. 1, Cambridge University Press publ, Cambridge.
66. Tarn, WW 1948, *Alexander the Great*, vol. 2, Cambridge University Press publ, Cambridge.
67. Wardman, AE 1955, ‘Plutarch and Alexander’, *Classical Quarterly*, vol. 5, no. 1–2, pp. 96–107.
68. Will, W 2009, *Alexander der Grosse: Geschichte und Legende*, Primus Verlag publ, Darmstadt. (In Germ.)
69. Wirth, G 1984, ‘Zu einer schweigenden Mehrheit. Alexander und die griechischen Söldner’, *Aus dem Osten des Alexanderreiches, Völker und Kulturen zwischen Orient und Okzident. Iran, Afghanistan, Pakistan, Indien*, ed. J. Ozols, V. Thewalt, DuMont Buchverl publ, Köln, pp. 9–31. (In Germ.)
70. Worthington, I 2004, *Alexander the Great: Man and God*, Pearson Longman publ, Harlow.
71. Wüst, RD 1953, ‘Die Rede Alexanders des Grossen in Opis, Arrian VII 9–10’, *Historia*, vol. 2, no. 2, pp. 177–188. (In Germ.)

Статья поступила в редакцию: 10.06.2025

Одобрена после рецензирования: 05.11.2025

Принята к публикации: 05.11.2025

The article was submitted: 10.06.2025

Approved after reviewing: 05.11.2025

Accepted for publication: 05.11.2025

Научная статья

УДК 327.5:93/94 (47+410+581)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-23-39>

КТО ПОДСТАВИЛ ГЕНЕРАЛА КУРОПАТКИНА? К ВОПРОСУ ОБ АВТОРЕ ПУБЛИКАЦИИ В БРИТАНСКОЙ ПРЕССЕ В 1904 Г. ПЛАНА РОССИЙСКОГО ПОХОДА В ИНДИЮ

Александр Борисович
Арбеков^{1,2}

¹ Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого

² Тульский государственный музей оружия
Тула, Россия, arbekoff-alex@ya.ru

<https://orcid.org/0009-0006-4855-5533>

Аннотация. К началу XX столетия в двусторонних контактах Великобритании и России сохранялся высокий градус напряжения, которое проявлялось в дипломатической, военно-политической, экономической и социокультурной сферах. Соперничество за влияние в различных регионах Евразии нередко ставило правящие круги обеих империй перед перспективой масштабного вооруженного столкновения. Очередной виток российско-британского противоборства пришелся на период Русско-японской войны 1904–1905 гг., на фоне которой юнионистское правительство А. Бальфура активно обсуждало проекты военных мер и реформ, направленных на усиление британских позиций в Центральной Азии. Дискуссии, развернувшиеся относительно данного вопроса, в определенной степени подогревались планом похода в Индию генерала А. Н. Куропаткина, опубликованным в лондонской газете «Дэйли Экспресс» (Daily Express). Этот документ, имевший поддельный характер, оказался в распоряжении британских военных структур в 1886 г. и длительное время выступал в качестве «шпаргалки», с оглядкой на которую британские стратеги разрабатывали планы военного противодействия России в Центральной Азии. Не вдаваясь в предысторию происхождения этого фальсификата, следует отметить, что вопрос о первоначальном целевом назначении публикации «плана Куропаткина» в британской прессе до сих пор остается открытым, как и неизвестным остается имя инспиратора огласки данного документа. Обозначенный выше сюжет, к сожалению, ранее не подвергался подробному научному исследованию, поскольку зачастую историки, обращавшиеся к «плану Куропаткина», не ставили под сомнение его подлинность. По этой причине целью настоящей статьи является рассмотрение различных версий об авторстве публикации этого документа в британской прессе и, по принципу *cui bono*, обоснование наиболее вероятной из них с опорой на сохранившиеся исторические свидетельства из российских, британских и индийских архивов.

Ключевые слова: «Большая игра», Российская империя, Британская империя, военная разведка, Джордж Кёрзон, Герберт Китченер, Русско-японская война, Главный штаб, А. Н. Куропаткин, информационная война.

Для цитирования: Арбеков А. Б. Кто подставил генерала Куропаткина? К вопросу об авторе публикации в британской прессе в 1904 г. плана российского похода в Индию // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 3 (23). С. 23–39. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-23-39>

Сведения об авторе: А. Б. Арбеков – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 125; научный сотрудник, Тульский государственный музей оружия, 300002, Россия, Тульская область, г. Тула, ул. Октябрьская, д. 2.

© Арбеков А. Б., 2025

Scientific Article

UDC 327.5:93/94 (47+410+581)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-23-39>

WHO FRAMED GENERAL KUROPATKIN? ON THE ISSUE OF THE PUBLICATION OF THE RUSSIAN CAMPAIGN IN INDIA PLAN AUTHORSHIP IN THE BRITISH PRINT MEDIA IN 1904

¹Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

²Tula State Arms Museum

Tula, Russia, arbekoff-alex@ya.ru

<https://orcid.org/0009-0006-4855-5533>

Abstract. By the beginning of the 20th century, bilateral contacts between Great Britain and Russia remained at a high level of tension in the diplomatic, military-political, economic and socio-cultural spheres. The rivalry of the ruling circles of both empires for influence in various regions of Eurasia increased the probability of a large-scale armed conflict. The next round of Russian-British confrontation occurred during the Russo-Japanese War of 1904–1905. The Balfour's unionist government actively discussed various military measures and reforms aimed at strengthening British positions in Central Asia. The plan of a campaign to India by General A. N. Kuropatkin, published in the London newspaper Daily Express, to a certain extent fueled the discussions that unfolded regarding this issue. This document was fake. Having been at the disposal of British military structures in 1886, the document for a long time acted as a cheat sheet, with an eye to which British strategists developed plans for military counteraction to Russia in Central Asia. The question of the original purpose of the publication of the Kuropatkin's plan in the Daily Express remains open, as well as the name of the inspirer of this document publication remains unknown. Historians who often referred to the Kuropatkin's plan did not question its authenticity. As a result, unfortunately, the researchers did not study this case in detail. For this reason, the purpose of the article is to examine various versions of this document publication authorship in the Daily Express and, on the *cui bono* principle, to substantiate the most probable of them, based on preserved historical evidence from Russian, British and Indian archives.

Keywords: The Great Game, Russian Empire, British Empire, military intelligence, George Curzon, Herbert Kitchener, Russo-Japanese War, General Headquarters, A. N. Kuropatkin, information war.

For citation: Arbekov, AB 2025, 'Who Framed General Kuropatkin? On the Issue of the Publication of the Russian Campaign in India Plan Authorship in the British Print Media in 1904', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (23), pp. 23–39, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-23-39> (in Russ.)

Information about the Author: Alexander B. Arbekov – PhD in Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of History and Archaeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia; Researcher, Tula State Arms Museum, 2, Oktyabrskaya Str., Tula, 300002, Russia.

Введение

Российской исторической науке известно множество случаев фальсификации документальных источников, фабрикация которых имела явную антироссийскую политическую направленность. В этом ряду прежде всего следует упомянуть знаменитое поддельное «завещание Петра Великого», оказавшее значительное влияние на формирование негативного образа России в странах Западной Европы. Со временем Отечественной войны 1812 г. в периоды различных международных кризисов «завещание» неоднократно публиковалось во Франции, Германии и Великобритании. По словам В. П. Козлова, в качестве «доказательства исконной агрессивности русского государства, правители которого с железной последовательностью <...> претворяли в жизнь план европейского и даже мирового господства, начертанный их великим предшественником» [4, с. 86].

К подобного рода политически тенденциозным фальсификатам следует отнести поддельный план похода в Индию генерала А. Н. Куропаткина, опубликованный в лондонской газете «Дэйли Экспресс» (Daily Express) в самый разгар русско-японской войны 1904–1905 гг. [37]. Российский военный агент в Лондоне генерал-майор Н. С. Ермолов 12 июля 1904 г. сообщал об этом в Петербург: «Вчера газета Express напечатала положения якобы составленного и подписанного генералом Куропаткиным доклада Государю о наступлении 115 ООО русских войск в Индию через Хорасан и Афганистан» [8, л. 2/об.].

О подложном характере «плана Куропаткина» свидетельствует отсутствие материалов с аналогичным содержанием в российских архивах, а также заключение специалистов российской военной разведки, которые сопоставили текст документа, опубликованного в «Дэйли Экспресс» со служебными записками, имевшимися в распоряжении российского Главного штаба. Изучение «плана Куропаткина» имело важное военно-политическое значение, так как возникала проблема вероятной утечки из Военного министерства России ценной стратегической информации, и складывалась необходимость поиска виновного в произошедшем. Вывод по итогам экспертизы Главного штаба имел однозначную трактовку – опубликованный в «Дэйли Экспресс» проект похода в Индию представлял собой не что иное, как «вымысел, основанный, может быть, на знании, что генералом Куропаткиным когда-то составлен план какого-то наступления в Афганистан» [5, л. 87–87 об.]. Таким образом, обнародованный в британской прессе документ на практике «не имел ничего общего» [5, л. 87–87 об.] с реальными замыслами высшего российского военного командования на случай войны с Великобританией в Центральной Азии.

В этой связи возникает резонный вопрос – с какой целью 11 июля 1904 г. был опубликован поддельный «план Куропаткина», и кто из британских современников являлся наиболее заинтересованным лицом в его публичном распространении и разжигании вокруг российского проекта похода в Индию широкой общественной дискуссии?

Результаты

«План Куропаткина», напечатанный на страницах «Дэйли Экспресс», представлял собой документ, попавший в распоряжение британской миссии в Тегеране позднее 29 апреля 1886 г. [32, f. 16]. Его продал британским дипломатам российский путешественник, авантюрист и публицист Николай Александрович Нотович. В течение 1880-х гг. он неоднократно посещал среднеазиатские пределы России и контактировал в 1885 г. с представителями британской комиссии по афганскому разграничению [1, с. 115]. В 1886 г. Н. А. Нотович направился в Тегеран, где обращался «с сомнительными предложениями в иностранных дипломатических представительствах» [3, с. 83]. Там он вошел в личный контакт с поверенным в делах британской миссии в Персии сэром Артуром Николсоном. По признанию последнего, Н. А. Но-

тович сообщил «кое-какие ценные сведения», но также предоставил «много совершенно бесполезной и абсурдной информации» [35, No. 290 а, р. 228 а]. В целом британский дипломат охарактеризовал его как «интригана-авантюриста, готового продать себя любому», поэтому, несмотря на то, что «ему иногда удавалось выудить неплохую информацию», британский дипломат впоследствии решил «отказаться от его услуг» из-за «сомнительной репутации» Н. А. Нотовича [35, No. 290 а, р. 228 б].

Точная сумма, уплаченная А. Николсоном за документ, не указана в служебной переписке, однако он запрашивал у секретаря по иностранным делам Индиисэра М. Дюранда дополнительно 150 ф. ст. из средств «секретной службы», так как ему «пришлось заплатить кое-что за план генерала Куропаткина по вторжению в Афганистан» и «сделать один или два других платежа», которые британский дипломат «не мог внести в государственные счета» [32, f. 11]. По словам А. Николсона, «план Куропаткина» был якобы направлен из Петербурга российскому посланнику в Тегеране, тайному советнику А. А. Мельникову для указания «любых замечаний, которые его превосходительство сочтет нужным сделать» в тексте проекта предполагаемого похода [32, f. 16]. Сам А. Николсон был «искренне уверен в подлинности» документа, однако секретарь вице-короля Д. Маккензи Уоллес полагал, что «военные не приадут ему большого значения» [32, f. 7], тем самым намекая на подложный характер «плана Куропаткина». Тем не менее, ознакомившись с этой информацией, премьер-министр У. Гладстон оставил комментарий, что ситуация «очень серьезная, если это правда» [27, р. 106].

Вскоре копии «плана Куропаткина», в сокращенном виде переведенные на английский язык, были переправлены из Тегерана в разведывательные структуры метрополии и Индии. Реакция высших военных кругов в Лондоне и Симле на приобретение указанного документа, за некоторыми исключениями, была вполне единодушной. Большинство представителей британской армейской корпорации не сомневались, что конечной целью российского продвижения в Центральной Азии является подчинение Персии и Афганистана для последующего похода в Индию. Соответственно, «план Куропаткина» выступал документальным подтверждением этих давних опасений.

Генерал-квартирмейстер англо-индийской армии, генерал-майор Э. Чэпмен, ознакомившись с «планом Куропаткина», констатировал, что «это довольно схематичный [т. е., составленный в общих чертах. – А.А.] проект похода в Индию, но он все же служит указанием [операционных] направлений, утвержденных [Главным] штабом в Санкт-Петербурге» [32, f. 9]. Глава Разведывательного департамента в Лондоне генерал-майор Г. Брэ肯бери также полагал, что «план Куропаткина» позволял «направлять» высшее британское военное командование относительно актуальных на тот момент замыслов России в Центральной Азии, акцентированных на подчинение Афганистана и сопредельных восточных территорий Персии, в частности Хорасана, с конечной целью вторжения в Индию [21, р. 13].

Тем не менее среди британских военных кругов были и офицеры, полагавшие, что «план Куропаткина» в действительности «не представляет особой ценности». Военный секретарь британской администрации в Индии полковник О. Ньюмарч указывал, что «этот план может быть подлинным, или он может быть чистейшей фикцией, или ему намеренно позволили попасть в наши руки, чтобы отвлечь внимание от какого-то другого плана операций». При этом полковник О. Ньюмарч обращал внимание на «пророческий» характер книги «Оборона Индии» генерала Ч. Макгрегора, который в своем знаменитом труде якобы предвидел подобный сценарий событий, описанный в «плане Куропаткина» [32, f. 9]. Характерно, что после публикации документа в «Дэйли Экспресс» высокопоставленные британские офицеры пытались убедить российского военного агента в Лондоне генерала Н. С. Ермо-

лова в том, что «составление книги Макгрегора: Оборона Индии» стало прямым «ответом на этот доклад [т. е., на «план Куропаткина». – А. А.]» [8, л. 3]. Однако данное утверждение не выдерживает критики, поскольку «Библия русофобов» была напечатана в 1884 г., за два года до появления на свет самого «плана Куропаткина» [1, с. 97].

Стоит указать, что интерпретация «плана Куропаткина» стала существенным камнем преткновения между военными специалистами метрополии и Индии, имевшие полярные точки зрения на методы противодействия «русской угрозе». Главнокомандующий англо-индийской армией в 1885–1893 гг. генерал Ф. Робертс и его сторонники активно продвигали континентальную доктрину британской стратегии, определяя в качестве ее главного приоритета сухопутную оборону Индии в зоне прямого соприкосновения двух империй – в Афганистане. В этой связи все военные ресурсы метрополии следовало, по их мнению, переориентировать на поддержку англо-индийской армии в борьбе с Россией на Среднем Востоке. Для аргументации правомерности своей позиции «индоцентристы» регулярно обращались к «плану Куропаткина». В одной из служебных записок от 23 июня 1887 г. генерал Э. Чэпмен и вовсе заявил, что с точки зрения планирования британской стратегии, особенно в контексте развития военной инфраструктуры в Индии, «более полезного сочинения [чем план Куропаткина] <...> нельзя и пожелать» [33, ф. 5].

Военные аналитики в Лондоне, в свою очередь, опираясь на «план Куропаткина», доказывали британским министрам авантюристичность и бесперспективность решительных наступательных действий против России в Центральной Азии. Генерал Г. Брэ肯бери и его подчиненные исходили из логики, что российское военное командование не сможет в ходе одной кампании полностью завоевать Афганистан, и его покорение будет осуществляться поэтапно в течение нескольких лет. Но при этом они полагали, что русские имели преимущество в борьбе за Герат и Афганский Туркестан, поскольку «план генерала Куропаткина по вторжению в Индию не требует для выполнения первого этапа ни дополнительных железных дорог, ни крупных войсковых соединений. Он предполагает лишь использование сил и коммуникаций, имевшихся в то время, когда был подготовлен сам план – отряд из 15 000 человек пехоты и кавалерии с артиллерией для взятия Герата, и отряд такой же численности для оккупации Афганского Туркестана и Бадахшана» [20, р. 5]. Полагая борьбу за Герат заочно проигранной, военные стратеги в Лондоне настаивали на том, чтобы перейти к обороне по коммуникационной линии Кандагар–Кабул, и задействовать для этого исключительно войска, дислоцированные в Индии. Тогда, по замыслам генерала Г. Брэ肯бери, армия метрополии представляла бы собой «стрелу», которая должна была пронзить «ахиллесову пяту» России на ее черноморском побережье и в Закавказье при поддержке Османской империи или Персии [20, р. 2; 29, р. 735–736].

К началу XX столетия в данных дебатах победу одержали индоцентристы. В 1901 г. на пост верховного главнокомандующего британской армией был назначен фельдмаршал Ф. Робертс, который способствовал продвижению офицеров из своего ближайшего окружения на ведущие административные должности в Военном министерстве метрополии. Это не преминуло сказаться на общей стратегии Великобритании в самой ближайшей перспективе. Однако с учетом формирования русско-французского альянса и динамичного развития российской военной инфраструктуры в Туркестане общая политическая ситуация в Центральной Азии в начале XX в. для Великобритании стала чрезвычайно неблагоприятной. По этой причине военная концепция индоцентристов подверглась некоторой корректировке: по-прежнему рассматривая центрально-азиатский военный театр в качестве приоритетного, стратеги в Лондоне и Симле единогласно отказались от наступления к Герату и рассчи-

тывали исключительно на активную оборону по оси Кандагар–Кабул [26, р. 199]. Ключевой вопрос теперь заключался только в количестве войск, которые метрополия могла направить в Индию в случае войны с Россией.

Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. вокруг данной проблемы разгорелись жаркие дискуссии, так как британское правительство из разных источников получало информацию о военных приготовлениях России на Кавказе и в Туркестане. Кроме того, британский военный атташе в Петербурге подполковник Г. Нэпьер после личного разговора с руководителем российской военной разведки генерал-майором В. П. Целебровским сообщал 17 марта 1904 г., что последний «в ходе беседы <...> позволил себе откровенно заметить, что, когда Россия покончит с Японией, она сведет счеты с англичанами» [34, ф. 94]. В этой связи в Лондоне складывались устойчивые опасения, что в обозримом будущем вполне вероятна война с Россией, для чего следовало предпринять соответствующие контрмеры [25, р. 111].

Несмотря на заметное влияние «плана Куропаткина» на формирование британской стратегии, к началу XX в. этот документ безоговорочно устарел в качестве «шпаргалки», от которой следовало отталкиваться при разработке ответных действий в случае войны с Россией. В этой связи кажется вполне естественным, что на фоне развернувшихся дебатов в 1904–1905 гг. относительно обороны Индии и реальности «русской угрозы» некоторые политики и военные деятели посредством прессы могли оказывать давление на действующее юнионистское правительство с целью принятия более решительных мер, направленных на укрепление британских позиций в Азии. Как нам представляется, именно этой цели и служил «план Куропаткина», опубликованный в «Дэйли Экспресс» 11 июля 1904 г. Вопрос заключается лишь в том, *сui bono?*

Собственно, можно выделить три наиболее заинтересованных лица, благодаря которым «план Куропаткина» мог появиться на страницах британских газет. В первом случае имеется в виду владелец и редактор газеты «Дэйли Экспресс» Артур Пирсон, во втором – вице-король Индии барон Джордж Кёрзон, в третьем – главнокомандующий армией в Индии генерал виконт Герберт Китченер. Каждый имел свой мотив и каждый, так или иначе, воспользовался этой публикацией в своекорыстных целях.

Версия № 1: инспиратор публикации – Артур Пирсон

Первая версия опирается на донесения российского военного агента в Лондоне генерал-майора Н. С. Ермолова, который после обнародования «плана Куропаткина» на страницах «Дэйли Экспресс» сразу попытался выяснить источник публикации и наиболее заинтересованную в этом сторону. Первоначально Н. С. Ермолов предположил, «что это вымыщлено нарочно японцами» [8, л. 2–2 об.] с целью вовлечения Великобритании в Русско-японскую войну. За разъяснениями он обратился к «генералу Г.», который состоял в Комитете имперской обороны и имел опыт службы в Индии. Исходя из данной характеристики, вероятнее всего, речь шла о генерал-майоре Дж. Грирсоне, начальнике оперативного отдела Генерального штаба Великобритании, также входившем в число заседателей Комитета имперской обороны. Ранее он служил в разведывательных структурах метрополии и Индии, помогал генералу Ч. Макгрегору в составлении «Обороны Индии» и одним из первых проанализировал «план Куропаткина» в 1886 г. [1, с. 97; 9, с. 200].

В частной беседе с российским военным агентом генерал Дж. Грирсон опроверг версию о причастности японцев к публикации «плана Куропаткина», но при этом подтвердил, что в «Дэйли Экспресс» действительно был опубликован документ, находившийся в распоряжении британской разведки с 1886 г. [5, л. 89–89 об.]. В качестве виновника появления в прессе «плана Куропаткина» генерал Дж. Грирсон указал на неизвестного корреспондента «Дэйли Экспресс», который «ради сен-

сации и для лучшей продажи газеты» мог подкупить одного из чиновников британского правительства [5, л. 90–90 об.]. Данное заявление имело под собой определенную почву.

Во-первых, современники нередко упрекали владельца и редактора «Дэйли Экспресс» А. Пирсона в «желтой журналистике» [24, р. 89], а лозунгом его издания стала формула «интересовать, возбуждать и развлекать» [2, с. 66], поэтому он был финансово заинтересован в публикации скандальных и провокационных материалов. В то же время А. Пирсон открыто поддерживал действующее юнионистское правительство А. Бальфура, в связи с чем, по словам одного из сотрудников «Дэйли Экспресс», статьи в газете о национальных и международных делах писались «в соответствии с этой политикой» [24, р. 93].

Во-вторых, как свидетельствуют документы из фондов Национальных архивов Великобритании, в марте 1903 г. для заседателей Комитета имперской обороны была напечатана копия «плана А. Н. Куропаткина» и сопроводительная записка генерала Ф. Робертса, составленная 22 августа 1891 г. в бытность его главнокомандующим англо-индийской армией, относительно мер по укреплению обороны Индии [39]. То есть, в теории, неизвестный чиновник вполне мог взять из огромной толщи документации и корреспонденции Комитета имперской обороны конкретно «план Куропаткина» для последующей его продажи заинтересованным журналистам. Кроме того, учитывая политические симпатии А. Пирсона, следует предположить, что данная утечка могла носить неслучайный характер и была призвана посредством массовой периодической печати мобилизовать общественное мнение на поддержку действующего правительства в вопросах обороны империи, и Индии в особенности. К тому же именно на июль – август 1904 г. пришлись очередные парламентские дебаты относительно статей бюджета на следующий финансовый год. Новый проект государственных расходов предполагал рост ассигнований на военные нужды Индии, прежде всего для «быстрой мобилизации достаточного количества войск в случае возникновения проблем на северо-западной границе» [30]. Соответственно, огласка «сенсационного» документа только подогревала «страсти» вокруг проблемы имперской обороны.

Однако изложенная версия не дает ответа, почему «план Куропаткина» не был опубликован ранее, а появился на страницах «Дэйли Экспресс» конкретно 11 июля 1904 г., и почему сразу на следующий день в той же газете стали тиражировать сведения о проекте индийских военных реформ лорда Китченера? [22].

Версия № 2: инспириатор публикации – Джордж Кёрзон

Вторая версия связана с фигурой вице-короля Индии бароном Дж. Кёрзоном, который также мог воспользоваться сенсационной публикацией «Дэйли Экспресс» в своих внешнеполитических расчетах. Сам факт личного знакомства Кёрзона с «планом Куропаткина» не вызывает никаких сомнений, так как в 1891–1892 гг. он занимал пост помощника министра по делам Индии [10, с. 64–65] и имел доступ к такого рода материалам. К тому же примерно в этот же период происходил активный обмен мнениями между Лондоном и Калькуттой по вопросу обороны Индии. В частности, упомянутая выше записка генерала Ф. Робертса, к которой прилагалась копия «плана Куропаткина», датируется 22 августа 1891 г. [39, р. 15]. Следственно, Дж. Кёрзон, вероятнее всего, был хорошо знаком с ее содержанием.

Также в пользу причастности вице-короля Индии к газетной публикации говорит тот факт, что ранее он неоднократно ссылался в своих публицистических трудах на «план Куропаткина». В 1892 г. Кёрзон опубликовал в двух томах работу «Персия и персидский вопрос». В ней им упоминалось о подготовке генералом А. Н. Куропаткиным секретного меморандума, который был «полностью принят как официальный план русского вторжения в Индию» [23, vol. 1, р. 386]. В этом доку-

менте Кёрзон видел неоспоримое доказательство экспансионистских замыслов России, суть которых состояла в том, чтобы «поколебать влияние Великобритании в Южной Персии, оспорить контроль над индийскими водами и закрепить за собой долгожданную базу для военно-морских операций на Востоке [имеется в виду порт в Персидском заливе. – А. А.]» [23, vol. 2, p. 597–598]. Характерно, что некоторые британские газеты, в частности «Арми энд Нэви Газет» (Army and Navy Gazette), поспешили ухватиться за эту информацию [13], но, в отличие от событий 1904 г., ее тиражирование не имело широкого общественного резонанса.

Кроме того, с апреля по декабрь 1904 г. лорд Кёрзон находился в Англии и временно в его отсутствии обязанности вице-короля Индии исполнял барон Эмпфилл. Соответственно, Кёрзон имел возможность передать «план Куропаткина» в редакцию «Дэйли Экспресс» для его последующей публикации. В таком случае цель огласки этого документа приобретала конкретную направленность. Лорд Кёрзон являлся активным сторонником «наступательной политики» по отношению к России в Азии. Он неоднократно предпринимал попытки в течение 1901–1903 гг. пересмотреть прежние соглашения с Афганистаном с расчетом заключить военно-политический союз на антироссийской основе. Российский военный агент в Лондоне Н. С. Ермолов писал в Петербург, что программа индийской администрации при Кёрзоне «заключалась не в присоединении Афганистана к английским владениям, а в том, чтобы армию и территорию эмира афганского приспособить к новым взглядам о передовой обороне Индии, т. е. афганскую армию реорганизовать, вооружить и дополнить так, чтобы она могла служить авангардом для имперской индийской армии, территорию же Афганистана подготовить для наступательных операций» [8, л. 8–8 об.]. В этой связи «план Куропаткина» мог послужить наглядной иллюстрацией коварства российских властей и убедить афганского эмира Хабибуллу-хана в пользу военного сотрудничества с Калькуттой. Российский военный агент Н. С. Ермолов телеграфировал в Петербург, что «Англия намерена, во что бы то ни стало, привести эмира к повиновению» [8, л. 6–6 об.].

Как свидетельствует служебная переписка министра по делам Индии У. Ст. Дж. Бродрика и лорда Эмпфиллаза 1904 г., публикация «плана А. Н. Куропаткина» совершенно не вызвала удивления со стороны последнего. Наоборот, он решил направить этот документ, перепечатанный в индийской газете «Пайонир» (Pioneer) и переведенный затем на персидский язык, эмиру Хабибулле-хану. Лорд Эмпфилл рассчитывал, что «совокупный эффект от огласки плана Куропаткина и успехов японцев [в войне] <...> побудит эмира, <...> который балансирует между дружбой с Великобританией и союзом с Россией, принять решение об упрочнении связи с первой державой...» [41, p. 130]. Позиция вице-короля была полностью созвучна мнению юнионистского правительства. Бродрик в письме к Кёрзону от 30 марта 1904 г. указывал, что правящий кабинет был намерен «выжидать возможного влияния событий на Дальнем Востоке, которые, если Япония добьется серьезного успеха, <...> отразятся на взглядах эмира в оценке России» [17, f. 36v]. Последующая корреспонденция афганского правителя с индийскими властями давала британской администрации в Калькутте определенные основания для подобных надежд. В письме к лорду Эмпфиллу от 8 сентября 1904 г. Хабибулла-хан, ссылаясь на «план Куропаткина», прямо заявил, что уже «совершает должные приготовления, <...> способные положить конец русским замыслам и намерениям» [40, f. 243].

Как полагал историк Л. Адамек, в определенной степени публикация «плана Куропаткина» способствовала тому, что эмир Хабибулла-хан выказал готовность принять британского посланника для обсуждения условий нового англо-афганского соглашения [12, p. 40]. Для последующих переговоров в Кабул была направлена миссия Л. Дэйна, которая, как доносил с берегов Темзы военный агент Н. С. Ермолов,

имела «целью убедить эмира в смысле вышеозначенной программы на 1905 год» [8, л. 8 об.–9]. Однако, в конечном счете, попытки заключить подобный договор оказались провальными. Российский военный агент Н. С. Ермолов телеграфировал в Петербург: «Миссия в Кабуле неудачна; эмир отказывает [строить] железную дорогу и телеграфы. Министерство [Бальфура] вообще не одобряет политику лорда Кёрзона» [7, л. 24]. Несмотря на то, что миссия Дэйна не выполнила поставленных перед ней задач, все же следует полагать, что индийские власти своевременно воспользовались «планом Куропаткина», чтобы у dobrить почву для последующих переговоров с правителем Афганистана.

Тем не менее, на наш взгляд, обозначенная выше версия огласки «плана Куропаткина» также имеет определенные изъяны. Учитывая открытую антироссийскую позицию Кёрзона, ему ничто не мешало осуществить публикацию документа в британских газетах в любой кризисный момент российско-британских отношений и не дожидаться конкретно 11 июля 1904 г., чтобы с помощью этого фальсификата оказать политическое давление на афганского эмира. Безусловно, лорд Кёрзон и его сторонники были чрезвычайно заинтересованы в обнародовании «плана Куропаткина» для достижения своих внешнеполитических целей, однако, как нам представляется, в этом вопросе, гораздо большее значение публикация «Дэйли Экспресс» имела для главнокомандующего армией в Индии генерала Г. Китченера.

Версия № 3: инспиратор публикации – Герберт Китченер

К моменту назначения на пост главнокомандующего армией в Индии в ноябре 1902 г. Горацио Герберт Китченер, виконт Хартумский и Трансаальский, приобрел в Великобритании статус национального героя. После победоносного завершения второй Англо-бурской войны 1899–1902 гг., как писал историк В. А. Субботин, «пресса превратила его в символ британской мощи, олицетворение империи» [11, с. 116]. Неудивительно, что вице-король Индии Дж. Кёрзон еще с 1898 г. добивался назначения Китченера на пост главнокомандующего местными вооруженными силами, тем более, что оба были едины во мнении об абсолютной необходимости структурной реорганизации англо-индийской армии [14, р. 140]. Российский военный агент в Лондоне Н. С. Ермолов не сомневался, «что назначение лорда Китченера является, или, лучше сказать, явится, мерой, принятой Англией для будущего усиления государственной обороны Индии» [6, л. 76–76 об.].

Однако за фасадом героического образа скрывался, по выражению Е. Ю. Сергеева, «беспринципный интриган, не брезговавший фальсификациями и клеветой ради достижения честолюбивых замыслов» [10, с. 126]. Довольно характерно, что сразу на следующий день после обнародования «плана Куропаткина» газета «Дэйли Экспресс» 12 июля 1904 г. опубликовала сведения о проекте армейских реформ генерала Китченера, намеревавшегося поставить «шах и мат» своему российскому визави [22]. Российский военный агент в Лондоне Н. С. Ермолов сообщал в Петербург, что британская пресса однозначно позиционировала военные преобразования в Индии как «ответ на проект генерала Куропаткина» [8, л. 2–2 об.].

По нашему мнению, именно генерал Китченер являлся наиболее вероятным лицом, причастным к огласке поддельного российского проекта похода в Индию. Во-первых, в отличие от Кёрзона, ранее служившего помощником министра по делам Индии, Китченер не мог получить доступ к «плану Куропаткина» ранее своего назначения на пост главнокомандующего англо-индийской армией в ноябре 1902 г., так как, с его же слов, «он [план Куропаткина. – А. А.] лежал в архивах Департамента иностранных дел и Индийского Разведывательного отдела с 1886 г.» [44, f. 19]. Соответственно, лорд Китченер, прослуживший большую часть своей военной карьеры на Ближнем Востоке и в Африке [11, с. 106–116], не имел возможности ознакомиться с содержанием «плана Куропаткина», учитывая его секретность, как минимум до

ноября 1902 г. При этом совершенно очевидно, что для изучения всех делопроизводственных документов по обороне Индии, в том числе связанных с деятельностью его предшественников на посту главнокомандующего, Китченеру понадобился далеко не один месяц.

Во-вторых, после назначения на пост главнокомандующего лорд Китченер сразу приступил к разработке проекта реформ англо-индийской армии, чтобы успешно сдерживать «русскую угрозу» Индии. Основная цель предстоявших военных преобразований, как писали на страницах «Дэйли Экспресс», заключалась в том, чтобы «разместить на северо-западной границе [Индии] полностью оснащенную армию, готовую немедленно выступить против захватчика и нанести ему стремительный удар» [31]. Однако на пути к осуществлению своих замыслов Китченер встречал множество противников в метрополии среди ближайшего окружения лорда Робертса, верховного главнокомандующего британской армией. Министр по делам Индии лорд Дж. Гамильтон в переписке с вице-королем Дж. Кёрзоном 5 июня 1903 г. упоминал, что «все его [Робертса. – А. А.] англо-индийские офицеры относятся к Китченеру с большим подозрением и <...> склонны возражать почти против любой реформы, на которой лежит отпечаток инициативы Китченера» [16, f. 112 v]. Особенno конфликтным образом отношения главнокомандующего в Индии складывались с генералом У. Николсоном, возглавлявшим до 1904 г. Департамент военной разведки и мобилизации в Англии, с которым Китченер был буквально «на ножах» [17, f. 25]. Министр по делам Индии У. Ст. Дж. Бродрик, преемник лорда Гамильтона на соответствующем посту, также «ставил палки», по словам Китченера, в любые планы по увеличению численности англо-индийской армии [43, f. 38].

Кроме того, Китченер вступил в резкую конфронтацию с Кёрзоном по вопросу реформирования системы местной военной администрации. Новый главнокомандующий настойчиво добивался упразднения поста военного представителя в Совете по делам Индии (Military Member of the Council of India), который фактически исполнял обязанности военного министра. Со слов лорда Эмпфилла, «управление военной машиной возлагалось на правительство Индии», а военный представитель был «агентом и рупором правительства» [36, col. 72–75]. Главнокомандующий же в военно-административной иерархии Индии являлся лишь исполнительным главой армии и был вынужден согласовать все свои действия и намерения с военным представителем и, соответственно, с вице-королем Индии. Однако опыт предшествующей военной службы в британских колониях значительно повлиял на воззрения Китченера на принципы единонаучания в военной организации, в рамках которой именно главнокомандующий был полностью ответственен за решение всех военных вопросов. Как вспоминал лорд Гамильтон, «единоличность стала для него навязчивой идеей. Он не мог и не хотел делить полномочия» [28, p. 299]. Поэтому Китченер стремился сосредоточить в своих руках всю полноту военной власти и вывести ее из-под юрисдикции гражданских служб вице-короля. Для Дж. Кёрзона, в свою очередь, как писал Е. Ю. Сергеев, «была абсолютно неприемлема мысль о подчинении гражданского управления военным задачам» [10, с. 128]. Это коренное противоречие предопределило упорное сопротивление вице-короля планам нового главнокомандующего.

Как следствие, Китченер, находившийся в строгом подчинении у гражданской колониальной администрации, подотчетной Лондону, был вынужден искать инструменты неформального воздействия на юнионистский кабинет А. Бальфура, чтобы обосновать неотложную необходимость военных реформ в Индии. При этом Китченер требовал не только провести соответствующие преобразования, но и в случае войны с Россией усилить англо-индийскую армию войсками метрополии численностью не менее 150 тыс. чел. [26, p. 217]. Российский военный агент Н. С. Ермолов до-

кладывал в Петербург: «Имею секретные сведения, что в случае войны с Россией лорд Китченер считает всякие сухопутные операции против нас в Европе безуспешными и будет просить подкрепление в Индию из Англии, считая необходимым со- средоточить все, что можно только на одном решающем театре, т. е. в Средней Азии» [8, л. 9].

Одним из инструментов давления на кабинет Бальфура стала большая стратегическая военная игра, проведенная штабом лорда Китченера в Симле весной–летом 1903 г. В частной переписке с лордом Робертсом главнокомандующий в Индии совершенно не скрывал прямую взаимосвязь между составляемым им проектом реформ и предстоявшей военной игрой, которая должна была усилить его аргументацию в пользу преобразования англо-индийской армии и реорганизации системы местной военной администрации. 6 мая 1903 г. он писал: «Когда я совсем разберусь, то займусь распределением полевой армии, и моим следующим исследованием будет Кригшпиль (Kriegspiel) с Россией» [43, f. 13]. По заверениям Китченера, военная игра должна была послужить «прочной основой для расчета [военных] потребностей Индии в случае серьезной войны» [43, f. 38].

Стратегическая военная игра, проведенная в Симле в 1903 г., воспроизвела «нарратив», в рамках которого потенциально мог развиваться российско-британский вооруженный конфликт в Афганистане. Для убедительности результатов генерал Китченер запрашивал через фельдмаршала Роберта расчеты Департамента военной разведки и мобилизации во главе с генералом У. Николсоном «о количестве русских, которые могли бы вторгнуться в Афганистан». Со слов Китченера, на него якобы оказывали давление из метрополии «из-за Кригшиля», и поэтому он «хотел бы знать, что он [Кригшиль. – А. А.] не противоречит расчетам, сделанным Департаментом военной разведки» [43, f. 31]. В свою очередь, этот шаг, как нам представляется, позволял Китченеру и его окружению ссыльаться на недостоверность самих расчетов, сделанных оппонентами индийского главнокомандующего в метрополии, в случае недовольства Лондоном результатами стратегической игры и последующей апелляции к недостоверности ее исходных данных, на которые опирались в Симле.

Итоги военной игры оказались удручающими: российская армия успешно оккупировала Афганистан и вытесняла из его пределов британские войска. Как следствие, «русский медведь» получал возможность осуществить вторжение в индийские владения «britанского льва». По признанию самого Китченера, во многом данный результат обусловливался тем, что «Кригшиль (Kriegspiel) был нарочно составлен так, чтобы в каждом аспекте Россия имела преимущества» [17, f. 73 v].

Первоначально материалы «Кригшиля» лорд Китченер переслал конфиденциально для личного ознакомления премьер-министру А. Бальфуру в конце 1903 г. [15, f. 1]. Официально же при посредничестве лорда Кёрзона результаты военной игры были направлены на рассмотрение Генерального штаба только в марте 1904 г. Подобная задержка, возможно, связана с реструктуризацией «мозга» британской армии. В начале 1904 г. Департамент военной разведки и мобилизации был расформирован и на его базе организован оперативный отдел в структуре новосозданного Генерального штаба. Преемником У. Николсона на новом посту стал, упомянутый выше генерал Дж. Грирсон [17, f. 31 v–32; 28, p. 300–301]. Китченер, очевидно, был в курсе перестройки военного механизма в Англии, о чем свидетельствует его письмо к лорду Кёрзону от 3 марта 1904 г. [19, №. 71, p. 122]. Следует допустить, что главнокомандующий подобным образом рассчитывал, что отставка его принципиального оппонента по вопросу обороны Индии позволит убедить новые военные власти метрополии в правоте своей позиции.

Заранее ожидая критики из Лондона, Китченер решил предупредить министров, что материалы, подготовленные его штабом в Симле, «открыты для обсуждения», а также «для любых комментариев или критики», и в целом «Кригшпиль» был в первую очередь выслан «с целью, чтобы о нем высказались другие» [42, f. 655; 20, No. 71, p. 122]. Чтобы ускорить контакты между Лондоном и Симлой и исключить «вероятность дальнейшего недопонимания, вызванного телеграфом», лорду Китченеру в конце марта было предложено направить в метрополию своего доверенного офицера, «который должен [был] прибыть в Англию к 1 июня» [19, No. 90, p. 78]. Для дальнейших консультаций в Лондон был командирован полковник Г. Маллали, заместитель генерального интенданта в Индии, для информирования Комитета имперской обороны о взглядах лорда Китченера по обсуждаемой проблеме [25, p. 113]. Выбор на полковника Г. Маллали пал неслучайно. По свидетельствам лорда Кёрзона, представленным в письме к Бродрику от 5 января 1905 г., «документы, исходящие от Китченера, составлены не им самим, поскольку он не очень хороший писатель, а Маллали, человеком, которого он отправил в Англию в качестве своего глашатая прошлым летом. Проект реорганизации [англо-индийской армии] также был составлен Маллали. Китченер, несомненно, правит и шлифует черновики, но у него есть большой дар собирать вокруг себя немногих толковых авторов, служащих в армии, и заставлять их работать на себя» [18, f. 88 v].

В конечном счете расчеты лорда Китченера и его штаба показались членам Комитета имперской обороны «дискуссионными» и не отражавшими реальный расклад сил в случае войны с Россией [42, f. 655]. После того как «Кригшпиль» не произвел должного воздействия на военных и политиков в Лондоне, вполне вероятно, что лорд Китченер решил прибегнуть к «тайному оружию». В качестве косвенного подтверждения этой версии следует привести заметку «О военной политике Индии», составленную лордом Китченером 18 июля 1905 г. В документе в качестве системы аргументации о необходимости ревизии всех прежних британских стратегических установок сводились воедино: 1) результаты «Кригшиля»; 2) факт публикации «плана Куропаткина» в британских газетах; и 3) общая военно-стратегическая ситуация в Центральной Азии, актуальная на июль 1905 г. [44]. Характерно, что некоторые тезисы записки Китченера семантически повторяются в заметке, размещенной на страницах «Дэйли Экспресс» 13 июля 1904 г., где анонимный офицер, имевший опыт службы Индии, делится своим мнением относительно «плана Куропаткина» [38].

Как и автор заметки, генерал Китченер резко осуждал британских публицистов, считавших русскую угрозу Индии всего лишь «пугалом» (bogey), и тех политиков, которые активно продвигали «лозунги о невозможности российского вторжения» [44, f. 19]. Несмотря на бурные дебаты в британской прессе по вопросу осуществимости или неосуществимости «плана Куропаткина», в своей записке Китченер упомянул только второй спектр мнений. Хотя обращение к позиции алармистов внешне больше соответствовало его целям по реорганизации англо-индийской армии, нападки на сторонников неосуществимости «плана Куропаткина», как нам представляется, позволяли Китченеру бескомпромиссно и диалектически обрушиться с резкой критикой на тех, «кто придерживается этой линии аргументации», поскольку, с его слов, они «основывают свои утверждения на данных двадцатилетней давности и по большей части совершенно не осведомлены об актуальной ситуации [в регионе]» [44, f. 19].

Далее в своей заметке от 18 июля 1905 г. Китченер повторял ту же цепочку доводов, что и анонимный британский офицер, служивший ранее в Индии и давший интервью 13 июля 1904 г. в «Дэйли Экспресс» по поводу «плана Куропаткина» [38]. В записке Китченер ровно также указывал, что «план Куропаткина» полностью

устарел, но сам факт его составления доказывал, что российская интервенция в Индию «отнюдь не невозможная химера» [44, f. 20]. При этом с момента составления «плана» российская военная инфраструктура в регионе значительно была улучшена, что давало империи Романовых, с его слов, «неисчислимое преимущество» в борьбе за Афганистан. Единственным средством спасения Индии от неминуемой «русской угрозы», по Китченеру, становилась, соответственно, «реорганизованная Индийская полевая армия, дополненная подкреплениями <...> как из Соединенного Королевства, так и из колоний» [44, f. 21].

Учитывая, что именно «Дэйли Экспресс» с разницей в один день распространила сведения и о «плане Куропаткина», и о реформе индийской армии, имеются весомые основания полагать, что инициатором публикации этого документа стал сам лорд Китченер либо человек из его ближайшего окружения, например, полковник Г. Маллали, направленный в Великобританию весной 1904 г. В частности, лорд Кёрзон в письме от 10 июня 1904 г. упоминал, что на заседаниях Комитета имперской обороны Г. Маллали по вопросам, связанным с вероятным русско-британским конфликтом в Центральной Азии, отстаивал точку зрения Симлы в спорах с офицерами Генерального штаба еще «более бескомпромиссно», чем сам Китченер [19, No. 136, p. 129]. При этом в лестном письме от 24 апреля 1904 г. министр по делам Индии У. Ст. Дж. Бродрик указывал лорду Китченеру: «Любая оценка требуемых [Индии] войск и любые проекты, подкрепленные вашим именем, будут встречены [обществом] с огромным вниманием» [42, f. 632]. В этой связи не следует исключать, что полковник Г. Маллали с санкции лорда Китченера мог опубликовать «план Куропаткина» в «Дэйли Экспресс», чтобы уже на следующий день 12 июля 1904 г. «подкрепить именем» главнокомандующего проекты по укреплению обороны Индии [22] согласно политике, предлагаемой им и его единомышленниками.

О подобных манипуляциях лорда Китченера с британской прессой свидетельствует мощная информационная кампания по дискредитации вице-короля Дж. Кёрзона, инспирированная главнокомандующим и его окружением в 1905 г., в связи с расхождением во взглядах на устройство высшего военного управления индийской армией. Характерно, что министр по делам Индии У. Ст. Дж. Бродрик в письме от 30 декабря 1904 г. предупреждал лорда Кёрзона, что если «до конца следующего [1905] года не будет предпринято никаких мер [по реорганизации индийской армии], он [Китченер. – А. А.] считет, что настал его шанс вызвать кризис и обратиться [за помощью] к общественному мнению» [18, f. 24]. Лорд Дж. Гамильтон в своих воспоминаниях указывал, что «с помощью пропаганды он [Китченер. – А. А.] настолько манипулировал общественным мнением и прессой, что деяния Кёрзона [на посту вице-короля Индии] оказались почти неизвестны <...>, хотя за ним стояли лучшие военные и административные авторитеты» [28, p. 305]. В результате Китченеру удалось добиться отставки Кёрзона, сосредоточить в своих руках всю полноту военной власти и получить санкцию на армейские реформы в Индии, которые претворялись в жизнь до 1909 г. [9, с. 238; 10, с. 126–131]. По нашему мнению, публикация «плана Куропаткина» в «Дэйли Экспресс» сыграла немаловажную роль в общественном продвижении реорганизационных мероприятий лорда Китченера.

Выводы

Подводя итоги нашего исследования, можно сделать следующие выводы. «План Куропаткина» на практике представлял собой поддельный документ, который авантюрист Н. А. Нотович продал британским дипломатам в 1886 г. Длительное время этот «план» выступал «шпаргалкой», на которую опирались британские стратеги при разработке ответных военных действий, направленных на сдерживание России в Центральной Азии. К началу XX в. в таком качестве «план Куропаткина» устарел, и британские власти решили воспользоваться им в пропагандистских целях,

опубликовав документ в лондонской газете «Дэйли Экспресс» 11 июля 1904 г., имевшей проправительственную ориентацию. Автором настоящей статьи предложено три версии, касающиеся определения личности инспиратора широкой огласки «плана Куропаткина». Наиболее вероятными деятелями, которые могли быть сопричастны к этой публикации, по нашему мнению, являлись: 1) владелец «Дэйли Экспресс» Артур Пирсон; 2) вице-король Индии, активный сторонник «наступательной политики» барон Джордж Кёрзон; и 3) главнокомандующий войсками в Индии виконт Герберт Китченер. С опорой на различные исторические свидетельства, преимущественно косвенные, следует сделать предположение, что наиболее заинтересованной фигурой в огласке «плана Куропаткина» был лорд Китченер в связи с необходимостью продвижения его военных реформ по реорганизации англо-индийской армии. Кроме того, для характера лорда Китченера было свойственно интриганство и тяготение к манипуляциям с общественным мнением посредством периодической печати. Не претендуя поставить точку в этом вопросе, тем не менее полагаем, что именно лорд Китченер с большей долей вероятности был сопричастен к обнародованию этого поддельного документа.

Список источников и литературы

1. Басханов М. К. Гератский кризис 1885 г. и борьба идей вокруг стратегии упреждения в Средней Азии: Куропаткин против Магрегора // Мир политики и социологии. 2018. № 12. С. 86–126.
2. Беглов С. И. Четвертая власть: британская модель. М.: Изд-во МГУ, 2002. 255 с.
3. Ищенко Н. С. Участие Н. А. Нотовича в англо-русском соперничестве в Афганистане в середине 1880-х гг. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2020. № 6. С. 78–84.
4. Козлов В. И. Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. М.: Аспект Пресс, 1996. 271 с.
5. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 400. Оп. 4. Д. 283.
6. РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 578.
7. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 970.
8. РГВИА. Ф. 16352. Оп. 1. Д. 6.
9. Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2012. 454 с.
10. Сергеев Е. Ю. Джордж Натаниэль Кёрзон – последний рыцарь Британской империи. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2015. 294 с.
11. Субботин В. А. Страницы английской имперской истории: Китченер // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2001. № 2. С. 105–120.
12. Adamec L. Afghanistan, 1900–1923. A Diplomatic History. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1967. 250 p.
13. Army and Navy Gazette. 1892. 25 June.
14. Brad Faught C. Kitchener: Hero and Anti-Hero. New York: I. B. Tauris, 2016. 320 p.
15. British Library. Balfour Papers. Add MS 49726. Balfour to Kitchener, 3 December 1903.
16. British Library: Asian and African Studies (BLAAS). Curzon Papers. MSS Eur F111/162.
17. BLAAS. Curzon Papers. MSS Eur F 111/163.
18. BLAAS. Curzon Papers. MSS Eur F111/164.
19. BLAAS. Curzon Papers. MSS Eur F111/209.
20. BLASS. IOR/L/PS/18/C57. Russian Advances in Asia: Memorandum as to the Determination of a Military Frontier Line for India, 7 August 1887.
21. British Library: Maps Collections (BLMC). DMO/4/3. Major-General H. Brackenbury General Sketch of the Situation Abroad and at Home from a Military Standpoint, 3 August 1886.
22. “Chekmate”. Kitchener’s Plans to Stop Russia // Daily Express. 1904. 12 July.

23. Curzon G. Persia and the Persian Question. Vol. 1–2. London: Longmans, Green and Co., 1892.
24. Dark S. The Life of Sir Arthur Pearson: Newspaper proprietor and founder of St. Dunstan's hostel for sailors and soldiers blinded in the Great war, 1914–1918. London: Hodder and Stoughton, 1922. 228 p.
25. Dilk D. Curzon in India. Vol. 2: Frustration. New York: Taplinger Pub. Co, 1970. 307 p.
26. Gooch J. The Plans of War. The General Staff and British Military Strategy c. 1900–1916. London, 1974. 364 p.
27. Greaves R. L. Persia and the Defence Of India, 1884–1892: A Study in the Foreign Policy of the Third Marquis Of Salisbury. London: University of London, the Athlone Press, 1959. 301 p.
28. Hamilton G. Parliamentary Reminiscences and Reflections. Vol. 2: 1886–1906. London: John Murray, 1922. 340 p.
29. Johnson R. “Russians at the Gates of India”? Planning the Defence of India, 1885–1900 // The Journal of Military History. 2003. Vol. 67, no. 3. P. 697–743.
30. In the House of Lords // Times. 1904. 13 August.
31. India's New Army // Daily Express. 1904. 12 October.
32. National Archives of India. Foreign Department (NAI. FD). Secret-F. Proceedings July 1886. Nos. 813–826.
33. NAI. FD. Secret-F. Proceedings August 1887. Nos. 214–215.
34. NAI. FD. Secret-F. Proceedings June 1904, Nos. 1–112. Lieutenant-Colonel H.D. Napier to sir C. Scott, 17 March 1904.
35. NAI. Microfilms. MF 222400008432. Correspondence in India of Lord Dufferin. July 1887 to December 1887. Vol. 2. Interview A. Nicholson to the Earl of Dufferin, 9 September. No. 290 a.
36. Parliamentary Debates (Official Report). House of Lords. 1909. Vol. 2.
37. Russian Plans to Seize India // Daily Express. 1904. 11 July.
38. Russian Secret Agents // Daily Express. 1904. 13 July.
39. TNA (The National Archives). CAB 38/1/2. General Kouropatkine's scheme for a Russian advance upon India, with notes thereon by Lord Roberts, August 1891.
40. TNA. FO 106/9. Letter from His Highness the Amir of Afghanistan to the address of Viceroy, 8 September 1904.
41. TNA. FO 539/102. Government of India to India Office, 21 September 1904.
42. TNA. Kitchener Papers (Horatio Herbert Kitchener, 1st Earl Kitchener of Khartoum: Papers). PRO 30/57/22.
43. TNA. Kitchener Papers. PRO 30/57/29.
44. TNA. Kitchener Papers. PRO 30/57/30. The Military Policy of India, 18 July 1905.

References

1. Baskhanov, MK 2018, ‘Geratskiy krizis 1885 g. i borba idey vokrug strategii uprezhdeniya v Sredney Azii: Kuropatkin protiv Magregora’ (Herat crisis of 1885 and the struggle of ideas around the strategy of pre-emption in Central Asia: Kuropatkin against Magregore), *Mir politiki i sotsiologii* (World of politics and sociology), no. 12, pp. 86–126. (In Russ.)
2. Beglov, SI 2002, *Chetvertaya vlast: britanskaya model* (The Fourth Estate. British Model), Izd-vo MGU publ, Moscow. (In Russ.)
3. Ishchenko, NS 2020, ‘Uchastiye N. A. Notovicha v anglo-russkom sopernichestve v Afganistane v seredine 1880-kh gg.’ (Participation of Nikolay Notovich in the British – Russian rivalry in Afghanistan in the mid-1880s), *Vostok. Afro-aziatskiye obshchestva: istoriya i sovremennost* (Oriens), no. 6, pp. 78–84. (In Russ.)
4. Kozlov, VI 1996, *Tayny falsifikatsii. Analiz poddelok istoricheskikh istochnikov XVIII–XIX vekov* (Secrets of Falsification. Analysis of forgeries of historical sources from the 18th–19th centuries), Aspekt Press publ, Moscow. (In Russ.)
5. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiw (RGVIA) (Russian State Archive of Military History, fund 400, inventory 4, file. 283. (In Russ.)

6. *RGVIA*, fund 401, inventory 5, file 578. (In Russ.)
7. *RGVIA*, fund 2000, inventory 1, file 970. (In Russ.)
8. *RGVIA*, fund 16352, inventory, 1 file 6. (In Russ.)
9. Sergeyev, EYu 2012, *Bolshaya igra, 1856–1907: mify i realii rossiysko-britanskikh otnosheniy v Tsentralnoy i Vostochnoy Azii* (The Great Game, 1856–1907: Russo-British relations in Central and East Asia. Moscow), T-vo nauch. izd. KMK publ, Moscow. (In Russ.)
10. Sergeyev, EYu 2015, *Dzhordzh Nataniel Korzon – posledniy rytzar Britanskoy imperii* (George Nathaniel Curzon – The Last Knight of the British Empire), T-vo nauch. izd. KMK publ, Moscow. (In Russ.)
11. Subbotin, VA 2001, ‘Stranitsy angliyskoy imperskoy istorii: Kitchener’ (Pages of English Imperial History. Kitchener), *Vostok. Afro-aziatskiye obshchestva: istoriya i sovremennost* (Oriens), no. 2, pp. 105–120. (In Russ.)
12. Adamec, L 1967, *Afghanistan, 1900–1923. A Diplomatic History*, University of California Press publ, Berkeley, Los Angeles.
13. *Army and Navy Gazette* 1892, 25 June.
14. Brad Faught, C 2016, *Kitchener: Hero and Anti-Hero*, I. B. Tauris publ, New York.
15. ‘Balfour to Kitchener’ 1903, *Balfour Papers, British Library*, Add MS 49726, 3 December.
16. ‘Curzon Papers’, *British Library: Asian and African Studies (BLAAS)*, MSS Eur F111/162.
17. ‘Curzon Papers’, *BLAAS*, MSS Eur F 111/163.
18. ‘Curzon Papers’, *BLAAS*, MSS Eur F 111/164.
19. ‘Curzon Papers’, *BLAAS*, MSS Eur F 111/209.
20. ‘Russian Advances in Asia: Memorandum as to the Determination of a Military Frontier Line for India’, *BLASS*, IOR/L/PS/18/C57, 7 August.
21. ‘Major-General H. Brackenbury General Sketch of the Situation Abroad and at Home from a Military Standpoint’ 1886, *British Library: Maps Collections (BLMC)*, United Kingdom, DMO/4/3., 3 August.
22. ‘Chekmate’. Kitchener’s Plans to Stop Russia’ 1904, *Daily Express*, 12 July.
23. Curzon G. *Persia and the Persian Question*, vols. 1–2, Longmans, Green, and Co. publ, London.
24. Dark S. *The Life of Sir Arthur Pearson: Newspaper proprietor and founder of St. Dunstan's hostel for sailors and soldiers blinded in the Great war, 1914–1918* 1922, Hodder and Stoughton publ, London.
25. Dilks, D 1970, *Curzon in India*, vol. 2. Frustration, Taplinger Pub. Co publ, New York.
26. Gooch, J 1974, *The Plans of War. The General Staff and British Military Strategy c. 1900–1916*, London.
27. Greaves, RL 1959, *Persia and the Defence Of India, 1884–1892. A Study in the Foreign Policy of the Third Marquis of Salisbury*, University of London, the Athlone Press publ, London.
28. Hamilton, G 1922, *Parliamentary Reminiscences and Reflections*, vol. 2. 1886–1906, John Murray publ, London.
29. Johnson, R 2003, ‘Russians at the Gates of India?’ Planning the Defence of India, 1885–1900’, *The Journal of Military History*, vol. 67, no. 3, pp. 697–743.
30. ‘In the House of Lords’ 1904, *Times*, 13 August
31. ‘India’s New Army’ 1904, *Daily Express*, 12 October
32. ‘Secret-F. Proceedings’ 1886, *National Archives of India. Foreign Department (NAI. FD)*, July, nos. 813–826.
33. ‘Secret-F. Proceedings’ 1887, *NAI. FD*, August, nos. 214–215.
34. ‘Secret-F. Proceedings’ 1904, *NAI. FD*, June, nos. 1–112, Lieutenant-Colonel H.D. Napier to sir C. Scott, 17 March.
35. ‘Correspondence in India of Lord Dufferin. July 1887 to December 1887’, vol. 2. Interview A. Nicholson to the Earl of Dufferin, *NAI. Microfilms*, MF 222400008432, 9 September, no. 290 a.
36. *Parliamentary Debates (Official Report). House of Lords* 1909, vol. 2.
37. ‘Russian Plans to Seize India’ 1904, *Daily Express*, 11 July.
38. ‘Russian Secret Agents’ 1904, *Daily Express*, 13 July.
39. ‘General Kouropatkine’s scheme for a Russian advance upon India, with notes thereon by Lord Roberts’ 1891, *The National Archives (TNA)*, CAB 38/1/2, August.

40. ‘Letter from His Highness the Amir of Afghanistan to the address of Viceroy’1904, *TNA*, FO 106/9, 8 September.
41. ‘Government of India to India Office’ 1904, *TNA*, FO 539/102, 21 September.
42. ‘Horatio Herbert Kitchener, 1st Earl Kitchener of Khartoum: Papers (Kitchener Papers)’, *TNA*, PRO 30/57/22.
43. ‘Kitchener Papers’, *TNA*, PRO 30/57/29.
44. ‘Kitchener Papers’1905, *TNA*, PRO 30/57/30, *The Military Policy of India*, 18 July.

Статья поступила в редакцию: 18.08.2025
Одобрена после рецензирования: 05.11.2025
Принята к публикации: 05.11.2025

The article was submitted: 18.08.2025
Approved after reviewing: 05.11.2025
Accepted for publication: 05.11.2025

Тульский научный вестник. Серия История. Языковедение. 2025. Вып. 3 (23). С. 40–65.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 3 (23). P. 40–65.

Научная статья
УДК 94(47)“19/20”
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-40-65>

ПРАКТИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.: ОПЫТ КВАНТИТАТИВНОГО АНАЛИЗА ОТЧЕТНОЙ СТАТИСТИКИ

**Татьяна Николаевна
Кандаурова**

Российский государственный
гуманитарный университет
Москва, Россия, tanikand@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8167-1188>

Аннотация. Проблема финансирования российского образовательного сектора во все времена его развития представляется достаточно актуальной. Обеспечение финансирования отечественного образования в преобразованный период осуществлялось путем поступления средств из разных источников, в том числе и за счет привлечения внебюджетных средств. В статье рассмотрены практики финансирования сектора общего среднего образования в 1880–1910-х гг. по данным годовых отчетов МНП. Опыт квантитативного анализа массовых статистических материалов позволил определить динамику и тенденции поступления финансовых средств из разных источников по группам учебных заведений (мужские гимназии и прогимназии; реальные училища; женские гимназии, прогимназии и училища), а также рассмотреть долевое участие различных акторов в финансировании данного образовательного сектора. В приоритете финансирования от казны в этот период находились мужские средние учебные заведения, несмотря на численное доминирование женских гимназий и училищ и опережающий рост их числа. Количество источников финансирования возрастало со временем, а долевое их представительство менялось по линии увеличения или уменьшения относительных показателей, что отражено в полученных диаграммах, графиках и гистограммах.

Ключевые слова: российское образование, среднее образование, источники финансирования образования, гимназии, реальные училища, отчеты МНП, квантитативный анализ, долевое финансирование.

Для цитирования: Кандаурова Т. Н. Практики финансирования российского образования на рубеже XIX–XX вв.: опыт квантитативного анализа отчетной статистики // Тульский научный вестник. Серия История. Языковедение. 2025. Вып. 3 (23). С. 40–65. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-40-65>

Сведения об авторе: Т. Н. Кандаурова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры истории и теории культуры, Российский государственный гуманитарный университет, 125993, Россия, г. Москва, Миусская площадь, д. 6.

Scientific Article
UDC 94(47)"19/20"
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-40-65>

PRACTICES OF FINANCING RUSSIAN EDUCATION AT THE TURN OF THE 19th – 20th CENTURIES: THE EXPERIENCE OF QUANTITATIVE ANALYSIS OF REPORTING STATISTICS

Tatiana N. Kandaurova

Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, tanikand@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8167-1188>

Abstract. The problem of financing the Russian educational sector has been quite relevant at all stages of its development. In the post-reform period, funding for domestic education was provided through various sources, including extra-budgetary funds. This article examines the practices of financing the general secondary education sector in the 1880s and 1910s based on annual reports from the Ministry of National Economy. Based on the experience of quantitative analysis of mass statistical materials, the author determines the dynamics and trends of financial resources from different sources for groups of educational institutions (all-boys secondary schools and semi-gymnasiums; non-classical secondary school; women's gymnasiums, progymnasiums, and schools), as well as examines the share of various actors in financing this educational sector. During this period, the government prioritized funding for all-boys secondary educational institutions, despite the numerical dominance of women's gymnasiums and schools.

Keywords: Russian education, secondary education, sources of education funding, gymnasiums, real schools, Ministry of National Economy, reports, quantitative analysis, shared funding.

For citation: Kandaurova, TN 2025, 'Practices of Financing Russian Education at the Turn of the 19th – 20th Centuries: the Experience of Quantitative Analysis of Reporting Statistics', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (23), pp. 40–65, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-40-65> (in Russ.)

Information about the Author: Tatiana N. Kandaurova – PhD in Historical Sciences, Senior Researcher, Associate Professor of the Department of History and Theory of Culture, Russian State University for the Humanities, 6, Miusskaya square, Moscow, 125993, Russia.

Введение

Пореформенный период в истории России отмечен значительными трансформациями не только в социально-экономическом, но и социокультурном развитии страны. Российская общественность активно включалась в реализацию различных социокультурных практик. По мере расширения образовательного пространства России, роста сети образовательных учреждений в столицах и регионах расширялись масштабы этих практик, включая финансирование образовательных институтов. Обеспечение образовательных учреждений и заведений финансами осуществлялось в рассматриваемый период на долевой основе государством и различными общественными структурами и организациями, органами местного самоуправления, представителями практических социальных слоев, включая пожертвования и сборы, за исключением частных учреждений образования, которые полностью содержались за счет негосударственного финансирования. Отчетные ведомственные материалы, и, в частности, ведомства МНП, позволяют детализировать особенности и проследить динамику финансирования отечественного образования различными акторами, показать степень включенности российской общественности в дело развития образовательной системы пореформенного времени.

Российская образовательная система в пореформенный период имела определенные особенности. Она включала в себя учебные заведения разной ведомственной принадлежности: Министерства народного просвещения, в ведении которого состояла основная часть учебных заведений, Министерства внутренних дел, Министерства путей сообщения, Министерства финансов, Министерства юстиции, Военного министерства, Ведомства учреждений императрицы Марии, Святейшего Синода, Канцелярии Е. И. В. Часть учебных заведений состояли под управлением общественных организаций и частных лиц [4, с. 80]. Развитие всех ведомственных образовательных секторов и в целом системы образования отличалось на рубеже веков определенным динамизмом, выходом на региональные уровни или распространением вширь, на уездный уровень, уровень волостей и сельских поселений, ростом сети учебных заведений и образовательных структур, при одновременном умножении числа акторов, участвовавших в формировании архитектуры образовательной системы и в финансировании образовательных институций, формировании частных и общественных структур в системе образования. Отвечая на вызовы времени, отечественное образовательное пространство обновлялось, расширялось, верифицировалось, формировалось на новых основах, примером чего могут служить система коммерческого, профессионального, военного, педагогического, среднего медицинского образования, все уровни общего и внешкольное образование. Вместе с этим отмечался рост образовательного потенциала столичных округов, регионов и страны в целом [13].

Отечественная историография российского образования по вопросам развития благотворительных, меценатских и попечительских практик в данной сфере отечественной культуры накопила внушительную базу за последние десятилетия и весьма обширна: от представления персонального участия до анализа коллективных практик, от практик попечителей и попечительских советов до практик на данном поприще общественных институций и сословий. Опыт исследования вопросов общего и долевого финансирования образовательной системы, его динамики по образовательным секторам пока не так значителен, он ограничен разработками на региональных уровнях и разработками по отдельным образовательным секторам, также имеется фрагментарная представительность темы в отдельных исследованиях, т. е. преобладают исследования микроуровневого порядка и в контексте ведомственной привязки образовательных секторов [1; 2; 10; 9; 15; 16; 17; 12; 14; 6]. Вопросы структуры финансирования образования преимущественно по линии МНП и накануне

Первой мировой войны рассмотрел в своем исследовании Д. Л. Сапрыкин [13, с. 66–75].

Материалы и методы

Источниковый корпус исследования составили годовые ведомственные отчеты МНП [3; 7; 8], включающие в себя данные массовой статистики. Информационные статистические поля этих источниковых комплексов позволили сформировать динамические ряды по отдельным временным периодам и на основе построения трендов (выравнивания динамических рядов) показать тенденции финансирования образовательных секторов и учреждений на рубеже XIX–XX вв. По отдельным хронологическим срезам, используя годовые показатели, стало возможным на основе диаграмм показать основные источники финансирования группы средних учебных заведений и проанализировать с использованием компартиативного метода процесс трансформации и смену приоритетов и доминант в структуре долевого финансирования во временнóм (температуральном) отношении.

Анализ статистических показателей годовых материалов МНП по группам учебных заведений с использованием методов количественного анализа – метода долевого участия (долевого метода) и метода выравнивания динамических рядов (построение трендов) показывает, что среди источников финансирования при росте их числа преобладали в отдельные периоды негосударственные институции и средства. Общество активно включалось в пореформенный период в процесс развития отечественного образования, активизируя множественные социокультурные практики – прямые финансовые вложения, проценты с капиталов, стипендии на содержание учащихся и студентов, материальную помощь воспитанникам учебных заведений, институт попечительства, финансирование содержания учебных институций.

Результаты

Динамику общих и от казны финансовых вложений в развитие мужских средних учебных заведений в 1882–1913 гг. представляют графики рисунков 1–2. Общий объем финансирования мужских гимназий и прогимназий с 1882 г. по 1913 г. увеличился в 2,87 раза, при росте числа гимназий и прогимназий со 148 гимназий и 83 прогимназий до 441 гимназии и 29 прогимназий [7, 1882 г., с. 29]. В 1882 г. мужской гимназический сектор образования получил финансирование в объеме 9.194.739 руб., в 1913 г. сумма финансирования составила 26.408.898 руб. [7, 1882, с. 30; 3, 1913, с. 87]. Долевое распределение финансирования сектора мужских гимназий и прогимназий в отдельные годы представлена на диаграммах рисунков 3–7. Тренды на графиках рисунков 1 и 2 имеют восходящую тенденцию при значительном разбросе абсолютных показателей по отдельным годам.

Динамическая тенденция долевого финансирования гимназического образования из средств казны в процентном отношении к общему объему финансирования в 1882–1913 гг. показана на гистограмме рисунка 8 и графике рисунка 9. График рисунка 9 представляет временнóй тренд динамики долевого финансирования, выраженного в процентном отношении об общего объема средств вложений по годам данного образовательного сектора в 1880–1910-х гг. Тренд рисунка 9 имеет нисходящую тенденцию со среднегодовым показателем – минус 0,2396 %, хотя в 1913 г. доля финансирования практически сравнялась с таковой в 1882 г. (53,25 % : 55,23 %). С 1903 г. по 1912 г. доля финансирования гимназического сектора от казны составляла от 40,58 % до 46,65 % при росте объема общего финансирования и объема финансирования от казны. В 1877 г. доля финансирования мужских гимназий и прогимназий из казенных средств составляла 62 %. Минимальный процент вложений от казны в этот сектор образования приходится на 1891 г. – 12,76 % при общем сокращении вложений в этом году до 4.137.801 руб. с 10.268.049 руб. в 1890 г.

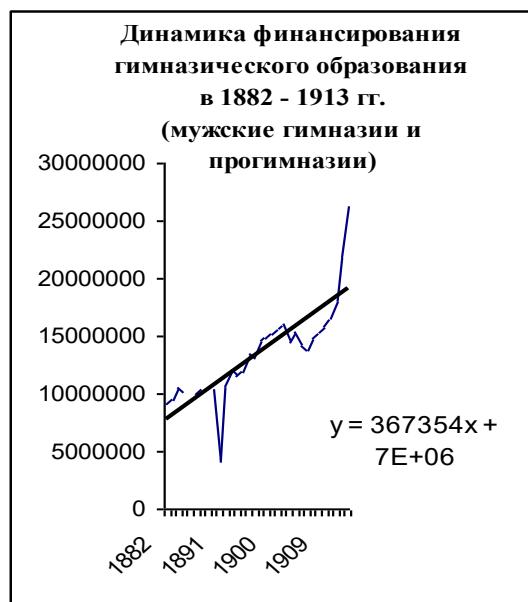

Рис. 1.

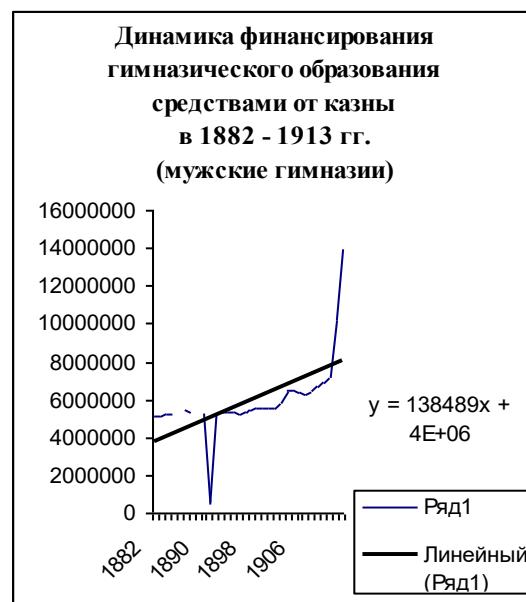
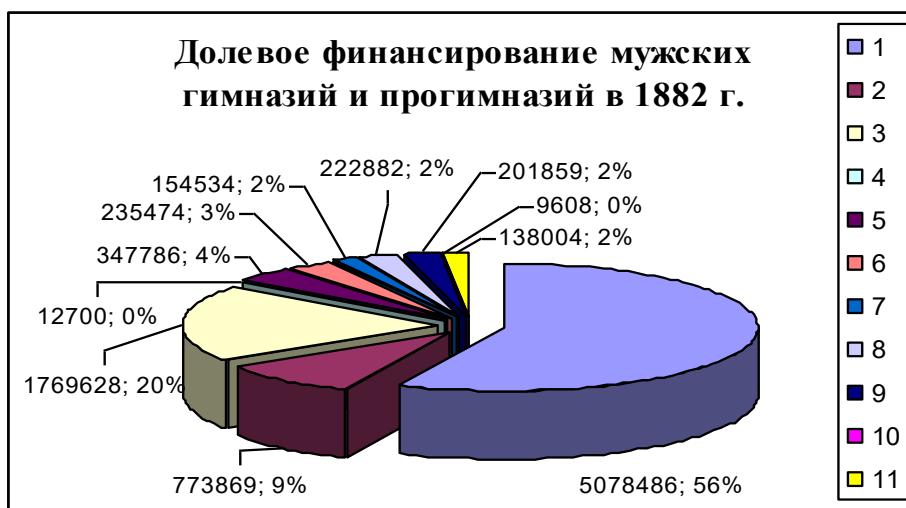
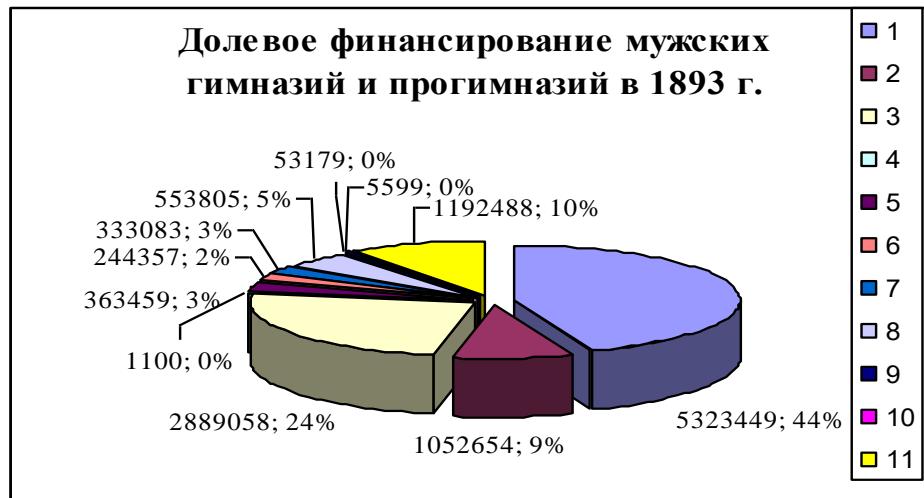

Рис. 2.

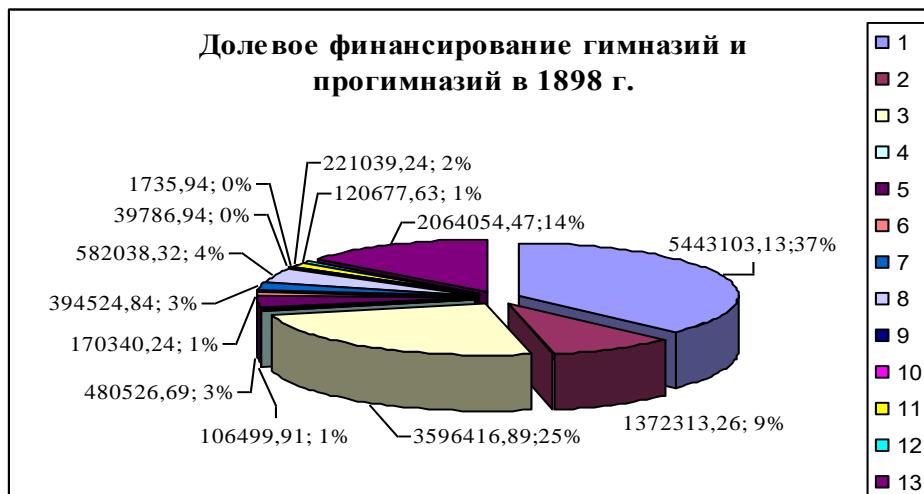
Средства финансирования: 1. из государственного казначейства – 5078486 руб. 60 коп. (56 %); 2. из сбора платы за содержание воспитанников в пансионе – 773869 руб. 39 коп. (9 %); 3. из сбора за обучение – 1769628 руб. 41 ½ коп. (20 %); 4. из сумм дворянства – 12700 руб. 1 коп. (0,14 %); 5. от городских обществ и приказов общественного призрения – 347786 руб. 1 коп. (4 %); 6. из сумм земств – 235474 руб. 86 коп. (3 %); 7. из процентов с пожертвованных и других капиталов – 154534 руб. 33 ½ коп. (2 %); 8. от единовременных пожертвований обществ и частных лиц – 222882 руб. 48 коп. (2 %), (+ к пп. 7-8 – 4254 р.31 к. + 2190 руб.); 9. из войсковых сумм – 201859 руб. 75 коп. (2 %); 10. из свечного и коробочного сбора с еврейского населения – 9608 руб. 16 ½ коп. (0,1 %); 11. из разных источников – 138004 руб. 26 коп. (2 %).

Рис. 3.

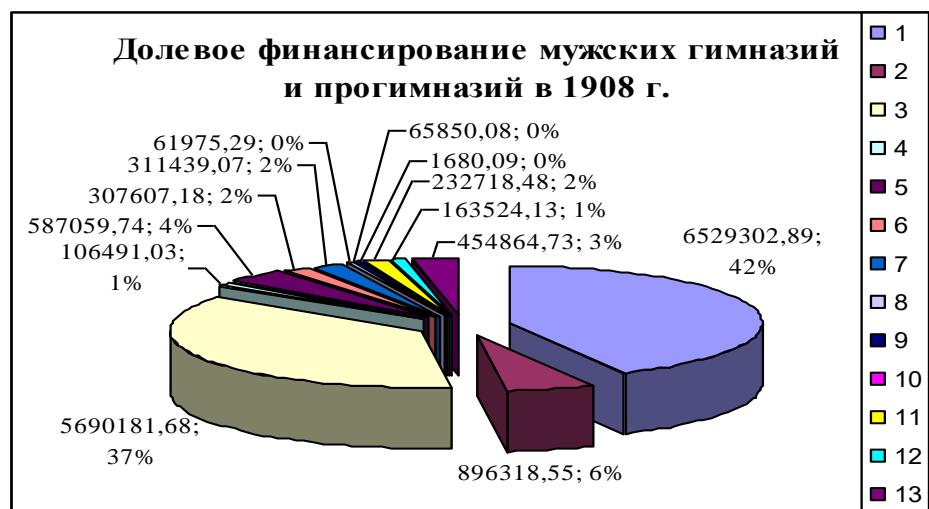
Средства финансирования: 1. из государственного казначейства – 5323449 руб. 97 коп. (44,3 %); 2. из сбора платы за содержание воспитанников – 1052654 руб. 6 коп. (8,8 %); 3. из сбора за обучение – 2889058 руб. 64 коп. (24 %); 4. взносов почетных попечителей – 1100 руб. (0,01 %); 5. от городских обществ – 363459 руб. 52 коп. (3 %); 6. от земства – 244357 руб. 95 коп. (2,8 %); 7. из процентов с пожертвованных капиталов – 333083 руб. 35 коп. (2,8 %); 8. от единовременных пожертвований – 553805 руб. 75 коп. (4,6 %); 9. из войсковых сумм – 53179 руб. 30 коп. (0,4 %); 10. из свечного и коробочного сбора с еврейского населения – 5599 руб. 75 коп. (0,05 %); 11. из остатков от прежних лет и разных других источников – 1192488 руб. 74 коп. (10 %).

Рис. 4.

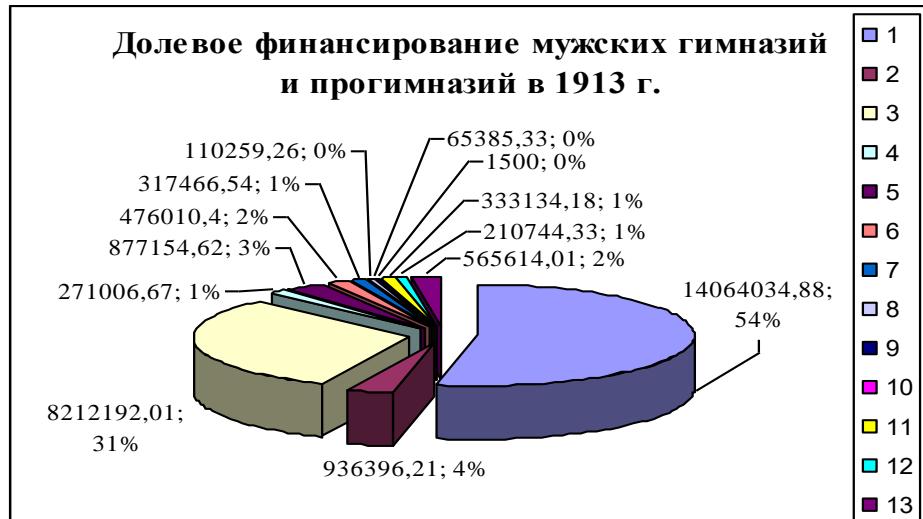
Средства финансирования: 1. из государственного казначейства – 544303 руб. 13 ¼ коп. (37 %); 2. из сбора платы за содержание своекоштных и разных ведомств воспитанников – 1372313 руб. 26 коп. (9 %); 3. из сбора за обучение – 3596416 руб. 89 ¾ коп. (26 %); 4. из сумм дворянства – 106499 руб. 91 коп. (0,72 %); 5. от городских обществ – 480526 руб. 69 коп. (3 %); 6. от земства – 170340 руб. 24 коп. (1,16 %); 7. из процентов с пожертвованных капиталов – 394524 руб. 84 ¾ коп. (2,7 %); 8. от единовременных пожертвований – 582038 руб. 32 коп. (4 %); 9. из войсковых сумм – 39786 руб. 99 коп. (2,72 %); 10. из свечного и коробочного сбора с еврейского населения – 1735 руб. 94 коп. (0,01 %); 11. из различных источников – 221039 руб. 24 ½ коп. (1,51 %); 12. из сумм Министерства народного просвещения – 120677 руб. 63 коп. (1 %); 13. остатков прошлых лет – 2064054 руб. 47 ½ коп. (14 %).

Рис. 5.

Средства финансирования: 1. из государственного казначейства – 6529302 руб. 89 ¼ коп. (42 %); 2. из сбора за содержание воспитанников в пансионах – 896318 руб. 55 коп. (6 %); 3. из сбора за обучение – 5690181 руб. 68 коп. (37 %); 4. из общественных и сословных сумм – 106491 руб. 03 коп. (0,7 %); 5. из городских сумм – 587059 руб. 74 коп. (4 %); 6. из земских сборов – 307607 руб. 18 коп. (2 %); 7. из процентов с пожертвованных капиталов – 311439 руб. 07 коп. (2 %); 8. из единовременных пожертвований – 61975 руб. 29 коп. (0,4 %); 9. из сумм казачьих войск – 1680 руб. 08 коп. (0,42 %); 10. из свечного и коробочного сбора с еврейского населения – 232718 руб. 48 коп. (1,51 %); 11. из разных источников – 163524 руб. 13 коп. (1,06 %); 12. из специальных средств и капиталов Министерства народного просвещения – 454864 руб. 73 коп. (3 %); 13. из остатков прошлых лет – 2064054 руб. 47 ½ коп. (2,95 %).

Рис. 6.

Средства финансирования: 1. из государственного казначейства – 14064035 руб. 89 коп. (53,25 %); 2. из сбора за содержание воспитанников в пансионах – 936396 руб. 21 коп. (3,54 %); 3. из сбора за обучение – 8212192 руб. 01 коп. (31 %); 4. из общественных и сословных сумм – 271006 руб. 67 коп. (1,02 %); 5. из городских сумм – 877154 руб. 60 коп. (3,31 %); 6. из земских сборов – 476010 руб. 40 коп. (1,8 %); 7. из процентов с пожертвованных капиталов – 317466 руб. 54 коп. (1,2 %); 8. из единовременных пожертвований – 110259 руб. 26 коп. (0,42 %); 9. из сумм казачьих войск – 65385 руб. 33 коп. (0,24 %); 10. из свечного и коробочного сбора с еврейского населения – 1500 руб. (0,0056 %); 11. из разных источников – 333134 руб. 18 коп. (1,2 %); 12. из специальных средств и капиталов Министерства народного просвещения – 210744 руб. 33 коп. (0,79 %); 13. остатков прошлых лет – 565614 руб. 01 коп. (2,13 %).

Рис. 7.

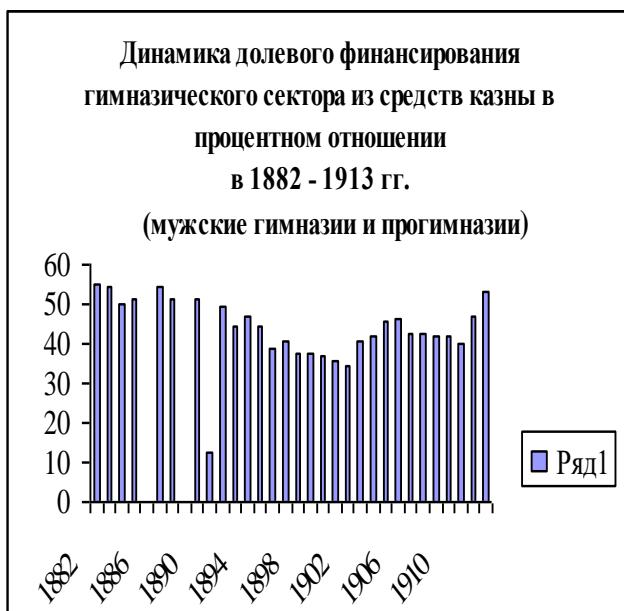

Рис. 8.

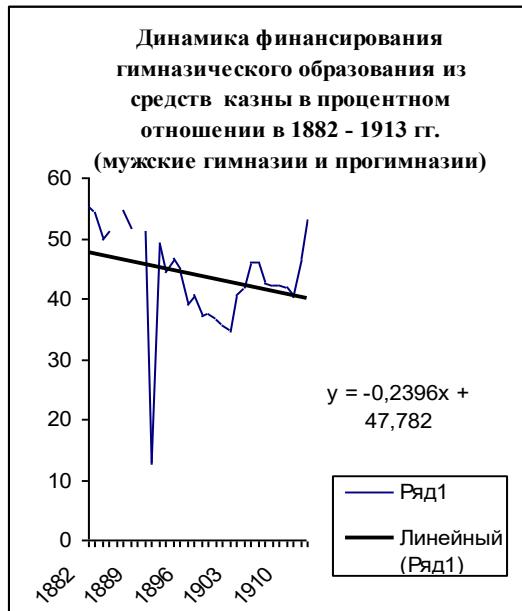

Рис. 9.

Вложения и динамика долевого финансирования мужских гимназий и прогимназий из средств городских обществ и «от земств» представлена на графике рисунка 10. Тренды динамических рядов данных показателей финансирования основных гимназических институций среднего звена образования имеют восходящие тенденции. Среднегодовой показатель прироста финансирования из средств городских обществ при этом составляет 11.975 руб., а из средств земств соответственно – 4.360 руб. Динамическое состояние финансирования данного образовательного сектора из процентов с пожертвованных капиталов и из единовременных пожертвований показывает график рисунка 11. Здесь наблюдаются различные тенденции: финансирование из процентов с пожертвованных капиталов имеет восходящий тренд со среднегодовым показателем прироста в 49.56,7 руб., а финансирование из фонда единовременных пожертвований имеет нисходящий тренд со среднегодовым показателем снижения – минус 5.811,2 руб., хотя в отдельные периоды объемы средств из этого источника финансирования увеличивались. Объемы средств, выделяемых из процентов с пожертвованных капиталов и единовременных вложений по отдельным годам, представлены на диаграммах рисунков 3–7. Относительные показатели долевого финансирования из процентов с капиталов находятся в 1882–1913 гг. в интервале 1,2 (1913 г.) – 2,8 % (1893 г.), за счет средств с пожертвованных капиталов соответственно при пограничных показателях – 0,2 % (1882 г.) и 4,6 % (1893 г.).

В динамике финансирования гимназического образования дворянством в период 1882–1904 гг. (с 1905 г. в отчетах этот показатель отсутствует) также отмечается нисходящий тренд со среднегодовым уменьшением в сумме минус 3.950,7 руб., как и с динамикой финансирования из войсковых казачьих средств со среднегодовым показателем сокращения суммы на 4.282,2 руб. Тенденции в динамике финансирования из средств этих двух источников показаны на графиках рисунков 12 и 13. График динамики финансирования гимназического образования из различных источников, представленный на рисунке 14, показывает восходящий тренд за рассматриваемый временной период со среднегодовым приростом в сумме 2.781,8 руб. Начальный показатель в этом динамическом ряду составляет 138.004 руб. и итоговый показатель

(1913 г.) –соответственно 383.134 руб. Высший пиковый показатель приходится на 1893 г., когда сумма достигала 726.588 руб.

Рис. 10.

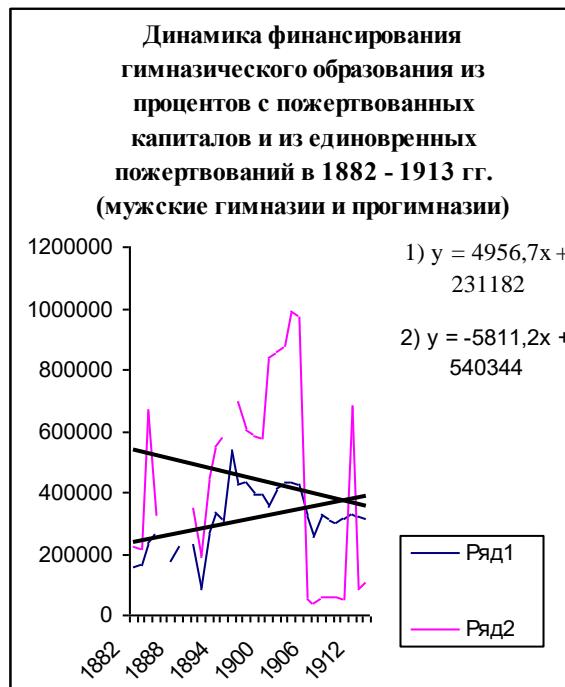

Рис. 11.

Часть средств на свое развитие отечественный мужской гимназический сектор получал из средств платы за обучение. Показатели по данной статье представлены на графике рисунка 15 (ряд 2), и тренд динамического ряда отражает восходящую тенденцию со среднегодовым показателем прироста в сумме 174.539 руб. В 1882 г. по данной статье финансирования было выделено 1.769.628 руб. (20 %), в 1913 г. – 8.212.192 руб., или 31 % (максимальное значение в 1911 г. – 39,32 %). Рост объема финансирования здесь происходил как за счет увеличения контингента обучавшихся в мужских гимназиях и прогимназиях, так и за счет постепенного роста платы за обучение при значительной ее разнице по регионам страны.

На этом же графике рисунка 15 представлены затраты на финансирование гимназического образования из средств, собранных на содержание своекоштных и разных ведомств воспитанников (ряд 1). Из данного фонда поступало меньше средств в годовой бюджет гимназий и прогимназий, при этом тренд динамики финансирования восходящий, и среднегодовой показатель прироста денежных средств составляет 4.859 руб. Начальный показатель графика по этой статье финансирования составлял 773.869 руб. (1882 г.), и к 1913 г. она увеличивается до 936.896 руб. За десятилетии с 1893 г. по 1903 г. суммы в бюджете гимназического сектора из сборов за своекоштных и разных ведомств воспитанников составляли от 1.052.654 руб. до 1.503.459 руб. В 1904 г эти суммы составляла 1.469.934 руб., в 1905 г. она сократилась до 1.048.380 руб., в 1906 – до 937.316 руб. соответственно, что можно объяснить революционным временем и сокращение контингента учащихся.

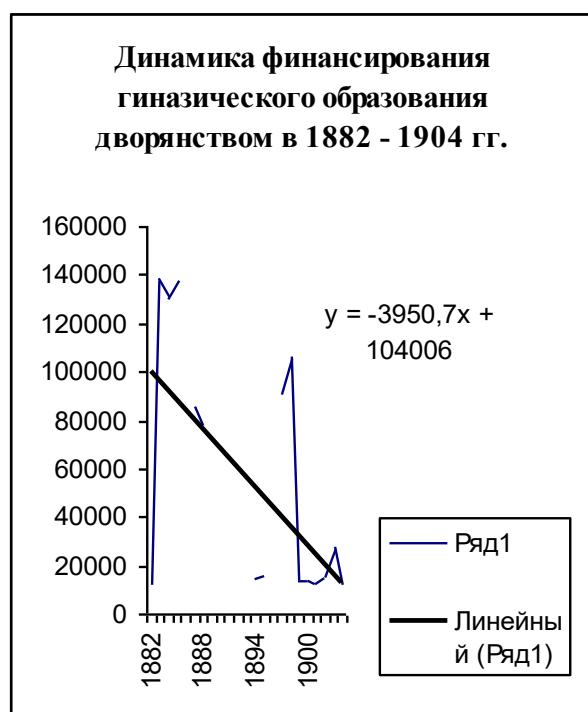

Рис. 12.

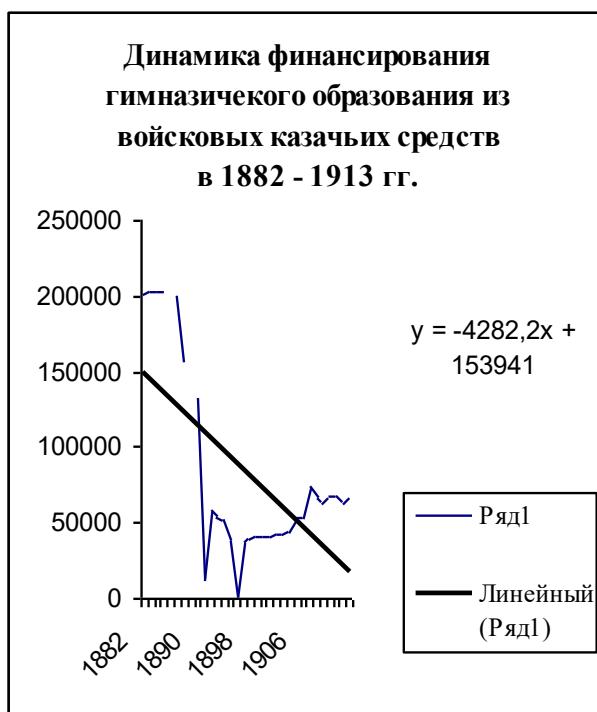

Рис. 13.

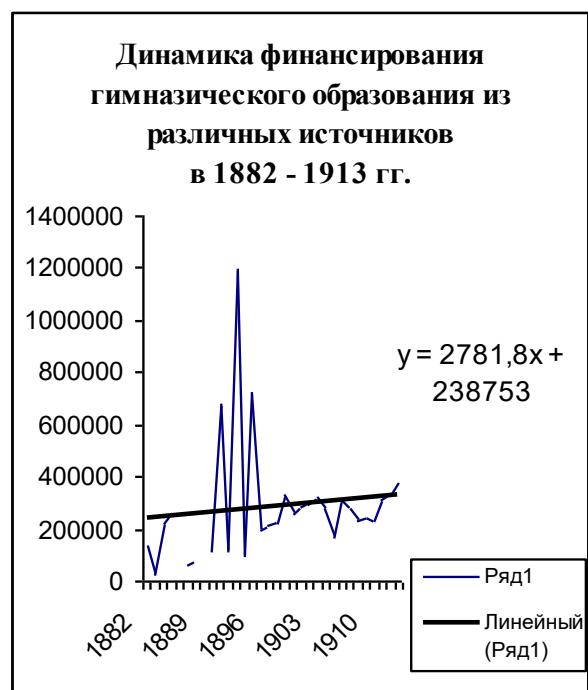

Рис. 14.

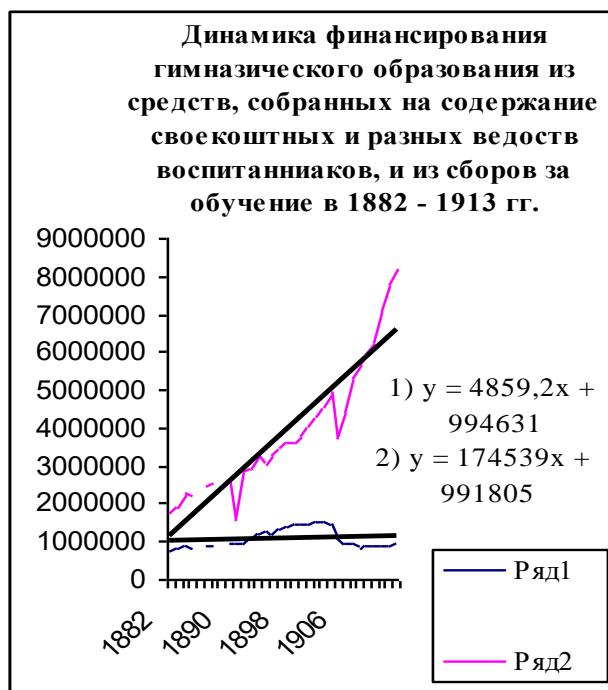

Рис. 15.

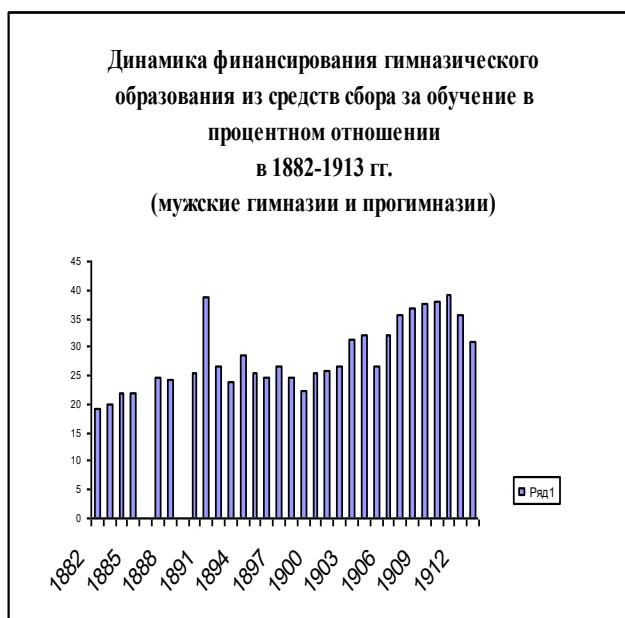

Рис. 16.

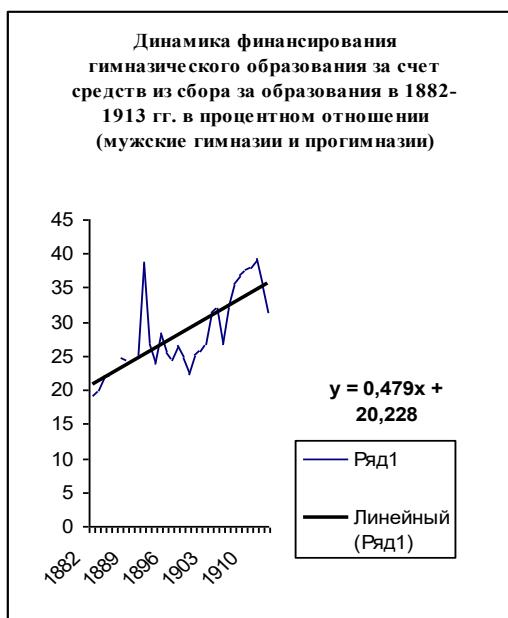

Рис. 17.

Гистограмма рисунка 16 представляет динамику финансирования гимназического образования в рассматриваемый период из средств сбора за образование (плата за обучение) в процентном отношении к общему объему годового финансирования. Тренд по данному абсолютному показателю представляет восходящую тенденцию со среднегодовым приростом в сумме 174.539 руб. со снижением в 1891 г. и 1905–1906 гг. (по сравнению с 1904 г.). Тренд по долевому процентному отношению этого показателя (диаграмма рисунка 17) также показывает восходящую тенденцию со среднегодовым приростом в 0,479 %. В 1882 г. доля средств за счет сбора за обучение в годовом финансировании мужских гимназий и прогимназий составляла 19,24 % (min), а в 1913 г. – 31,09 %, при этом самые высокие показатели приходятся на 1910 (37,91 %, max) и 1911 гг. (39,32 %).

В секторе женского среднего образования ведомства МНП тенденции развития и финансирования в 1880–1910-х гг. отличаются иными показателями. Общая динамика финансирования представлена на диаграмме рисунка 18. В 1882 г. общее финансирование женских гимназий, прогимназий и училищ составляло 3.040.427 руб. [8, с. 238–239], в 1913 г. – 24.307.036 руб. [3, 1913 г., примечания, с. 140–141]. Тренд общего объема финансирования отражает восходящую тенденцию со среднегодовым показателем прироста в объеме 563.500 руб. При этом по мужским гимназиям и прогимназиям объем среднегодового прироста составлял 367.354 руб. Динамика финансирования женских средних учебных заведений из средств государственного казначейства в 1882–1913 гг. показана на диаграмме рисунка 19. Финансирование из средств казны также имеет восходящую тенденцию со среднегодовым показателем в сумме 44.712 руб. Здесь среднегодовой показатель прироста был меньше, чем по мужским гимназиям и прогимназиям, где он составлял 138.489 руб. Долевое распределение финансирования сектора женских гимназий, прогимназий и училищ в отдельные годы представлено на диаграммах рисунков 20–24.

Рис. 18.

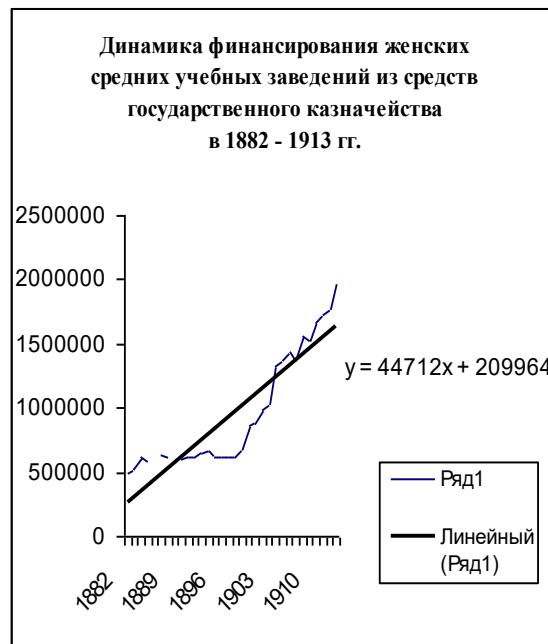
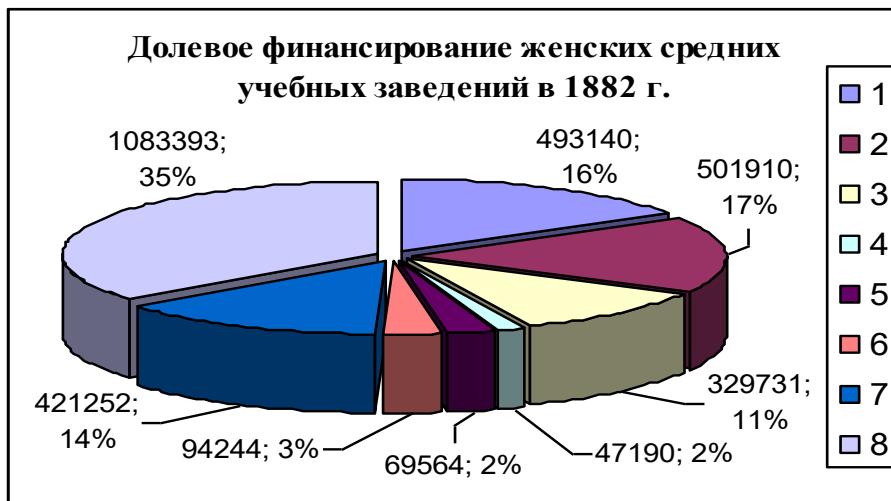
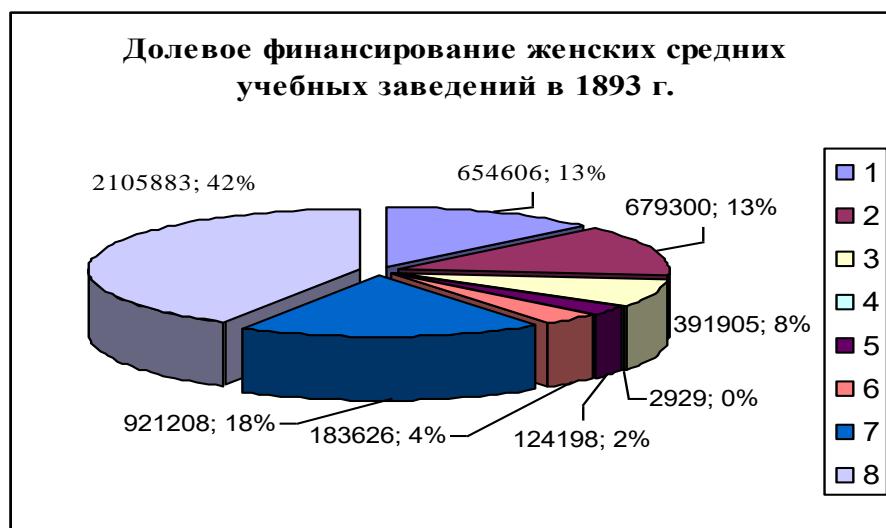

Рис. 19.

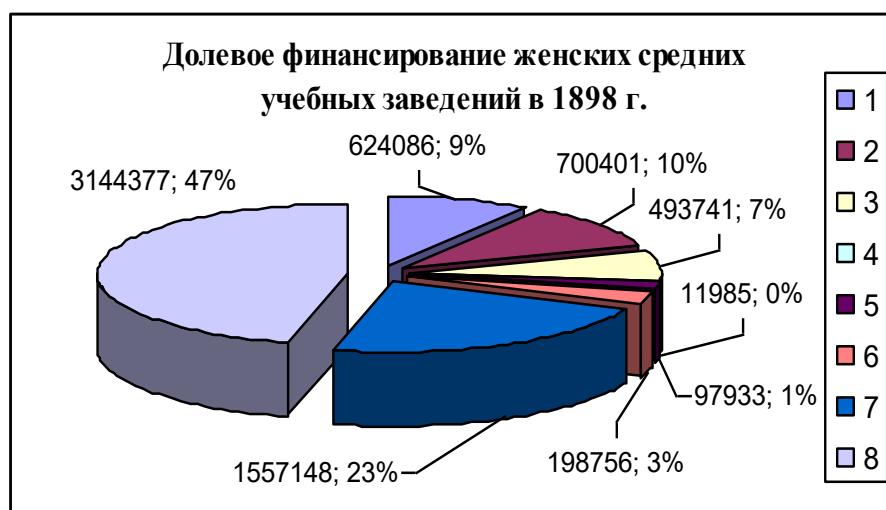
Средства финансирования: 1. из государственного казначейства – 493.140 руб. 38 коп. (16,22 %); 2. из сумм городских обществ – 501.910 руб. 69 ½ коп. (17 %); 3. из сумм земств – 329.731 руб. 52 коп. (11 %); 4. из войсковых сумм – 47.190 руб. (2 %); 5. из процентов с пожертвованных капиталов – 69.564 руб. 46 коп. (2 %); 6. пожертвования разных обществ и лиц – 94.244 руб. 79 ½ коп. (3 %); 7. из разных источников – 421.252 руб. 38 ¼ коп. (14 %); 8. из сбора за обучение – 1.083.393 руб. 21 ½ коп. (35 %).

Рис. 20.

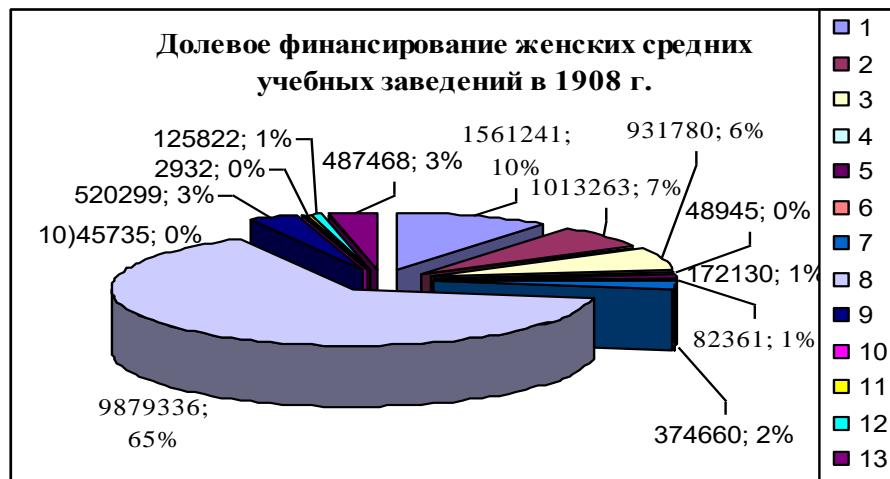
Средства финансирования: 1. из государственного казначейства – 654.606 руб. 43 коп. (12,9 %); 2. из сумм городских обществ – 679.300 руб. 76 коп. (13,4 %); 3. из сумм земств – 391.905 руб. 55 коп. (7,7 %); 4. из войсковых сумм – 2.929 руб. 75 коп. (0,1 %); 5. из процентов с пожертвованных капиталов – 124.198 руб. 75 коп. (2,5 %); 6. пожертвования разных обществ и лиц – 183.626 руб. 10 коп. (3,6 %); 7. из разных источников – 921.208 руб. 61 коп. (18,2 %); 8. из сбора за обучение – 2.105.883 руб. 21 1/2 коп. (41,6 %).

Рис. 21.

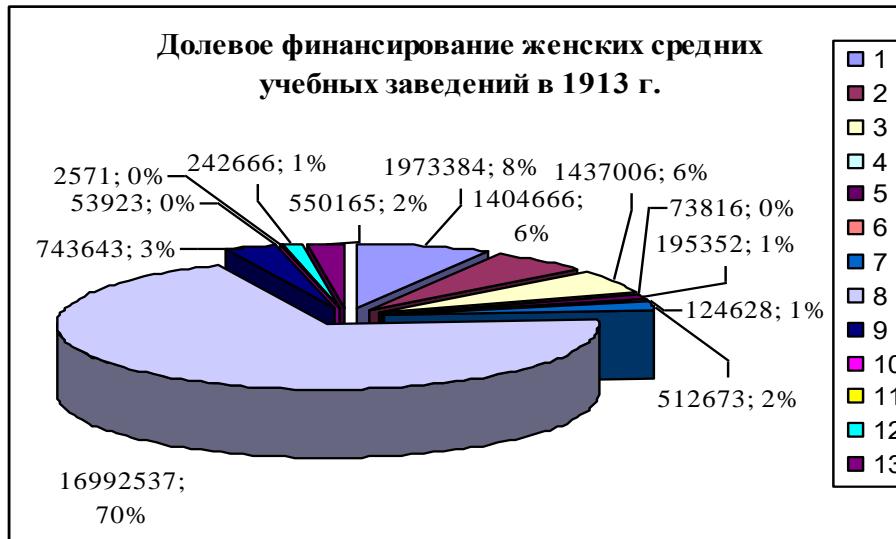
Средства финансирования: 1. из государственного казначейства – 624.086 руб. 03 коп. (9 %); 2. из сумм городских обществ – 700.401 руб. 88 коп. (10 %); 3. от земств и из земских сборов – 493.741 руб. 46 коп. (7 %); 4. от дворянства и из войсковых сумм – 11.985 руб. 50 коп. (0,1 %); 5. из процентов с пожертвованных капиталов – 97.933 руб. 41 коп. (1 %); 6. пожертвования разных обществ и лиц – 198.756 руб. 81 коп. (3 %); 7. из разных источников – 1.557.148 руб. 29 коп. (23 %); 8. из сбора за обучение – 3.144.377 руб. 98 коп. (46,04 %).

Рис. 22.

Средства финансирования: 1. из государственного казначейства – 1.561.241 руб. 63 коп. (10 %); 2. из городских сумм – 1.013.263 руб. 12 коп. (7 %); 3. из земских сборов – 931.780 руб. 35 коп. (6 %); 4. из сумм казачьих войск (из войсковых сумм) – 48.945 руб. 08 коп. (0,32 %); 5. из процентов с пожертвованных капиталов – 172.130 руб. 17 коп. (1 %); 6. из единовременных пожертвований – 82.361 руб. 28 коп. (0,54 %); 7. из разных источников – 374.660 руб. 93 1/2 коп. (2 %); 8. из сбора за обучение – 9.879.336 руб. 99 1/2 коп. (64,79 %); 9. из сбора за содержание воспитанниц в пансионах – 520.299 руб. 24 коп. (3 %); 10. из общественных и сословных сборов – 10.457.35 руб. 67 коп. (0,3 %); 11. из свечного и коробочного с евреев сбора - 2.932 руб. 09 коп. (0,019 %); 12. из специальных средств и капиталов МНП – 125.822 руб. 08 коп. (0,82 %); 13. из остатков специальных средств за предыдущие годы – 487.468 руб. 51 коп. (3,19 %).

Рис. 23.

Средства финансирования: 1. из государственного казначейства – 1.973.384 руб. 60 коп. (8,11 %); 2. из городских сумм – 1.404.666 руб. 92 коп. (6 %); 3. из земских сборов – 1.437.006 руб. 47 коп. (6 %); 4. из сумм казачьих войск (из войсковых сумм) – 73.816 руб. 70 коп. (0,3 %); 5. из процентов с пожертвованных капиталов – 195.352 руб. 18 коп. (0,8 %); 6. из единовременных пожертвований – 124.628 руб. 25 коп. (0,51 %); 7. из разных источников – 512.673 руб. 10 коп. (2,1 %); 8. из сбора за обучение – 16.992.537 руб. 42 коп. (69,90%); 9. из сбора за содержание воспитанниц в пансионах – 743.643 руб. 42 коп. (3,05 %); 10. из общественных и сословных сборов – 53.923 руб. 15 коп. (0,22 %); 11. из свечного и коробочного с евреев сбора - 2.571 руб. 90 коп. (0,01 %); 12. из специальных средств и капиталов МНП – 242.666 руб. 19 коп. (0,99 %); 13. из остатков специальных средств за предыдущие годы – 550.165 руб. 59 коп. (2,26 %). Общая сумма – 24.307.035 руб. 73 коп.

Рис. 24.

Рис. 25.

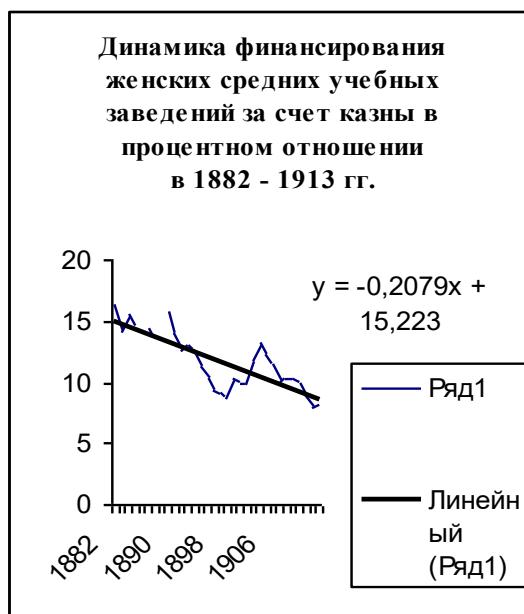

Рис. 26.

Гистограмма рисунка 25 и диаграмма рисунка 26 представляют динамику долевого финансирования женских средних учебных заведений из средств казны в процентном отношении к общему объему финансирования в 1882–1913 гг. Доля средств от казны в общем объеме финансирования в 1882 г. составляла 16,22 % (max показатель), а в 1913 г. в два раза меньше – 8,11 %. Минимальный показатель приходится на 1912 г. и составляет 8,02 % от общего объема финансовых средств, выделенных на женские средние учебные заведения. Диаграмма рисунка 26 отражает нисходящую тенденцию по данному показателю со среднегодовым параметром – минус 0,207 %.

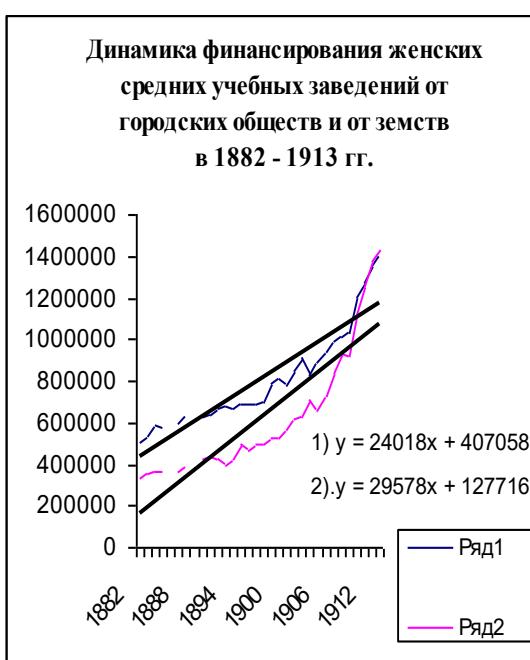

Рис. 27.

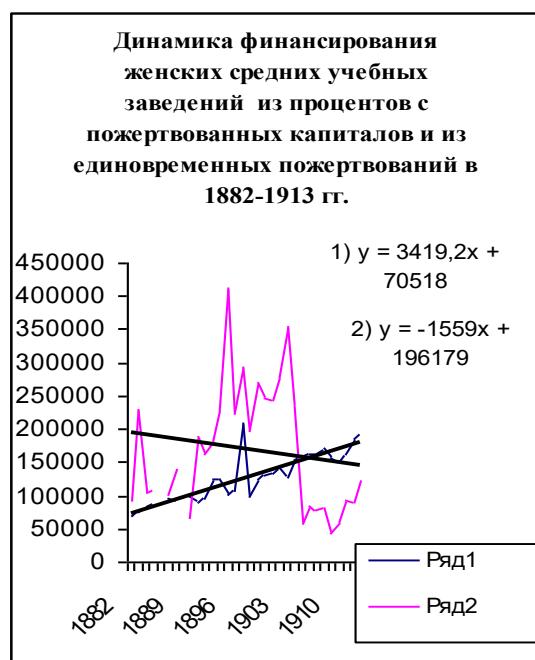

Рис. 28.

Диаграммы рисунка 27 характеризуют процессы финансирования сектора женского среднего образования на рубеже XIX–XX вв. городскими обществами и земствами. И по одной, и по другой статье финансирования данного образовательного сектора отмечаются восходящие тенденции в период 1882–1913 гг. По финансированию от городских обществ среднегодовой показатель прироста составляет 24.018 руб., а по земскому финансированию – 29.578 руб. соответственно. И городские общества, и земства поддерживали материально сектора среднего мужского и женского образования ведомства МНП, и тенденции здесь общие, и по выстроенным трендам являются восходящими. Тождественные тенденции с мужским гимназическим сектором (диаграммы рисунков 11 и 28), были характерны и для таких статей финансирования женского среднего образования, как «из процентов с пожалованных капиталов» и «с единовременных пожертвований». В первом случае отмечается восходящая тенденция со среднегодовым показателем прироста 3.419 руб., во втором случае определяется нисходящая тенденция со среднегодовым параметром в 1.559 руб.

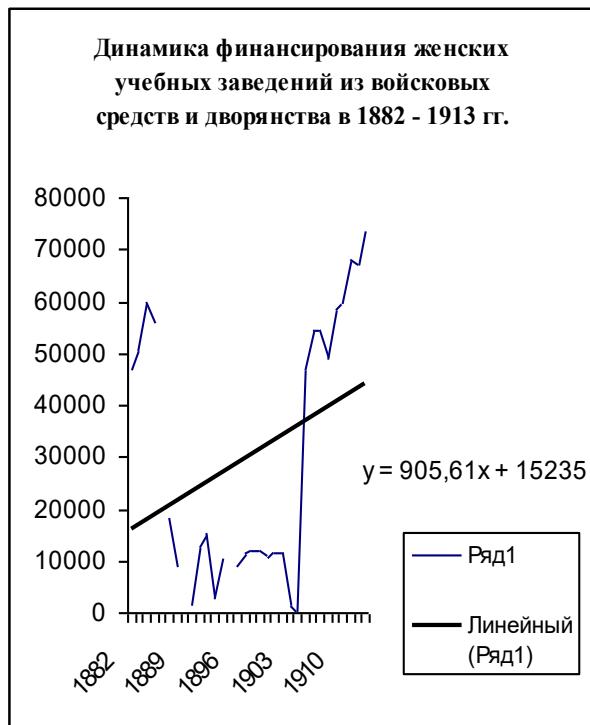

Рис. 29.

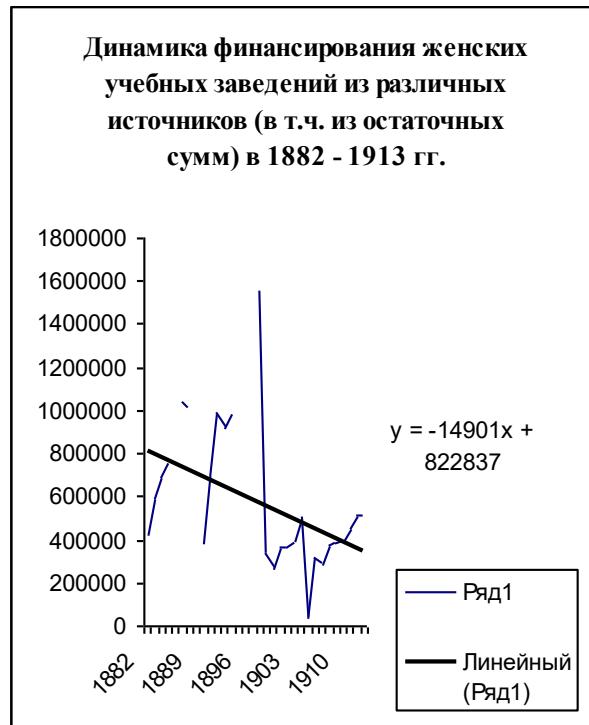

Рис. 30.

Динамика финансирования женских средних учебных заведений из войсковых средств и средств дворянства (объединенный показатель) представлена на диаграмме рисунка 29. При резких колебаниях годовых показателей финансирования из этих источников по отдельным годам тренд имеет восходящую конфигурацию со среднегодовым показателем в сумме 905 руб. В динамике финансирования данного образовательного сектора из различных источников (диаграмма рисунка 30) прослеживается, в отличие от таковой по мужским гимназиям и прогимназиям, нисходящая тенденция со среднегодовым отрицательным показателем в сумме 14.901 руб.

Значительную часть средств, в отдельные периоды более ½ общего объема годового финансирования, женские средние учебные заведения получали за счет сбора

средств за обучение. Гистограмма и диаграммы рисунков 31, 32 и 33 представляют динамику по данному показателю финансирования сектора женского среднего образования за 1882–1913 гг. Доля собираемых за обучение средств в структуре финансирования женских гимназий, прогимназий и училищ особенно росла в 1900–1910-х гг., составляя в 1913 г. 69,9 % (максимальный показатель). Минимальный показатель по данной статье финансирования приходится на 1884 г. и составляет 26,58 %. В отчете МНП за 1904 г. отмечалось: «Из приведенных данных видно, что женские средние учебные заведения главные ресурсы на свое содержание получили из местных источников и преимущественно из сбора платы за учение, из казны же было отпущено лишь $\frac{1}{2}$ от всей суммы финансирования. Во всяком случае, казенная субсидия, возрастающая лишь в незначительной степени по сравнению с ростом бюджета женских учебных заведений, является крайне ограниченной. Исключением в этом отношении являются женские учебные заведения Варшавского учебного округа, на содержание коих ассигновуется из казны 328.035 р. 57 к., т. е. не многим менее $\frac{1}{3}$ части всего казенного ассигнования на женские средние учебные заведения империи ...» [3, 1904 г., с. 413–414].

Динамику финансирования женских средних учебных заведений из остатков специальных средств за предыдущие годы в 1895–1913 гг. представляет диаграмма рисунка 34. По данному показателю отмечается нисходящий тренд со среднегодовым показателем в сумме 61.155 руб.

Динамика финансирования женского среднего образования из средств сбора за обучение в процентном отношении в 1882 - 1913 гг.

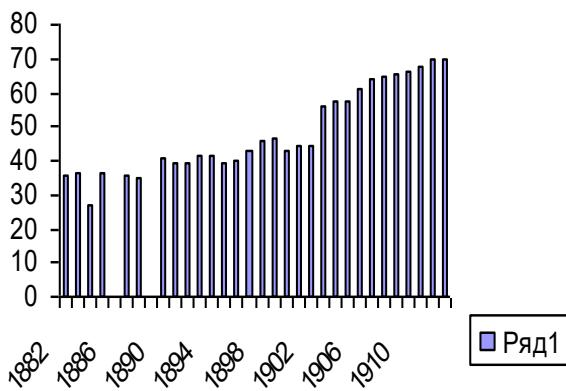

Рис. 31.

Динамика финансирования женских учебных заведений из средств платы за обучение в 1882 - 1913 гг.

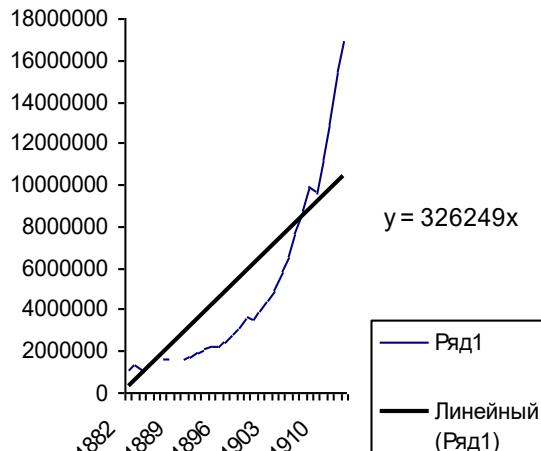

Рис. 32.

Параллельно с сектором мужского гимназического образования в пореформенный период получал развитие сектор реальных училищ. С 1877 по 1913 г. их количество выросло с 56 до 276 училищ, или в 4,92 раза, финансирование за этот период выросло соответственно с 1.844.633 руб. до 13.607.607 руб., или в 7,37 раза. Реальные училища уступали мужским гимназиям и в количественном отношении, и в объемах финансирования. Динамика финансирования реальных училищ в 1882–1913 гг. отражена на диаграмме рисунка 35. Тренд общего финансирования данного образова-

тельного сектора представляет восходящую тенденцию со среднестатистическим годовым показателем в объеме 225.642 руб. Диаграмма рисунка 36 представляет также восходящий тренд, характеризующий динамику финансирования реальных училищ из средств казны со среднегодовым показателем в сумме 111.153 руб.

Рис. 33.

Рис. 34.

Рис. 35.

Рис. 36.

Восходящие тренды отмечаются при анализе динамики финансирования реальных училищ из средств дворянства (1882–1904 гг.) со среднегодовым показателем в сумме 202 руб., из городских средств, из средств земств и из войсковых средств в 1882–1913 гг. (диаграммы рисунков 37–39). Среднегодовой показатель по восходящим трендам в динамике финансирования училищ от городских обществ составляет 11.176 руб., от земств – 5.358 руб. (рисунок 38), а из войсковых средств – 3.938 руб. (рисунок 39). Финансирование из войсковых средств реальных училищ имеет положительную динамику в отличие от финансирования из этого же источника мужских гимназий и прогимназий, где, как отмечалось, на основе построения тренда проявляется нисходящая тенденция (рисунок 13).

Динамика финансирования реальных училищ из процентов с пожертвованных капиталов и из единовременных пожертвований представлена на диаграммах рисунка 40. По данным статьям финансирования реальных училищ отмечаются общие тенденции с финансированием мужских гимназий и прогимназий и женских средних учебных заведений. В финансировании из процентов с пожертвованных средств определяется восходящий тренд со среднегодовым показателем в объеме 942 руб., а в финансировании училищ из фонда единовременных пожертвований – нисходящий тренд со среднегодовым показателем в сумме – минус 207 руб. Резкое сокращение финансирования по статье единовременных пожертвований происходило с 1905 г., когда сумма составила всего 16.689 руб. против 296.959 руб. в 1904 г. и против 31.255 руб. в 1913 г.

Детализированное долевое финансирование реальных училищ в отдельные периоды временного промежутка с 1882 по 1913 гг. представляют диаграммы рисунков 41–45. Диаграммы по определенным хронологическим срезам позволяют оценить не только источники финансирования и расширение их диапазона со временем, но и проследить изменение объемов финансирования по отдельным статьям и их долевых показателей.

Рис. 37.

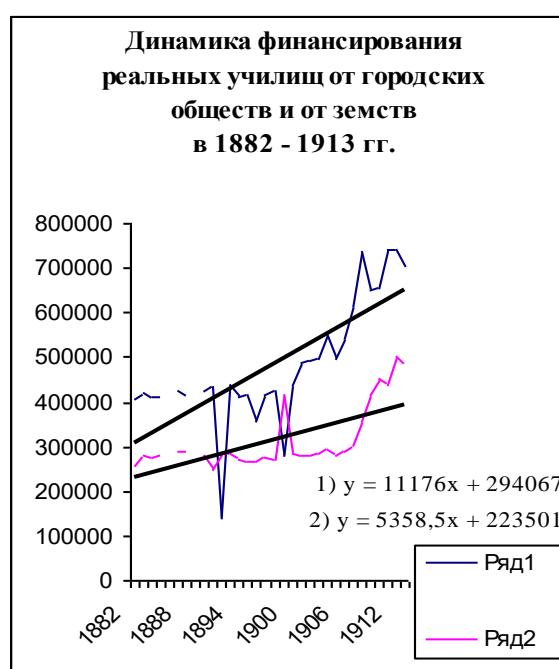

Рис. 38.

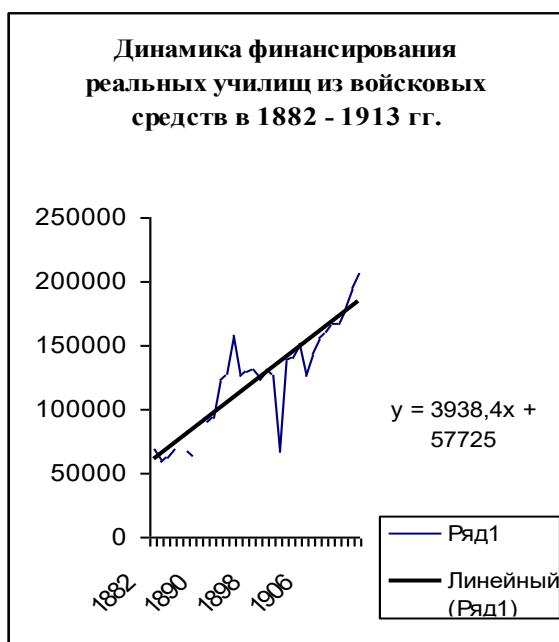
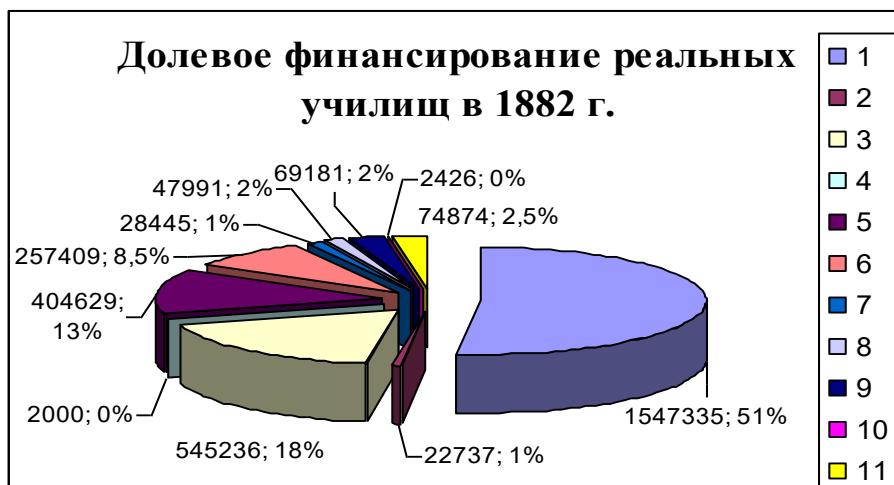

Рис. 39.

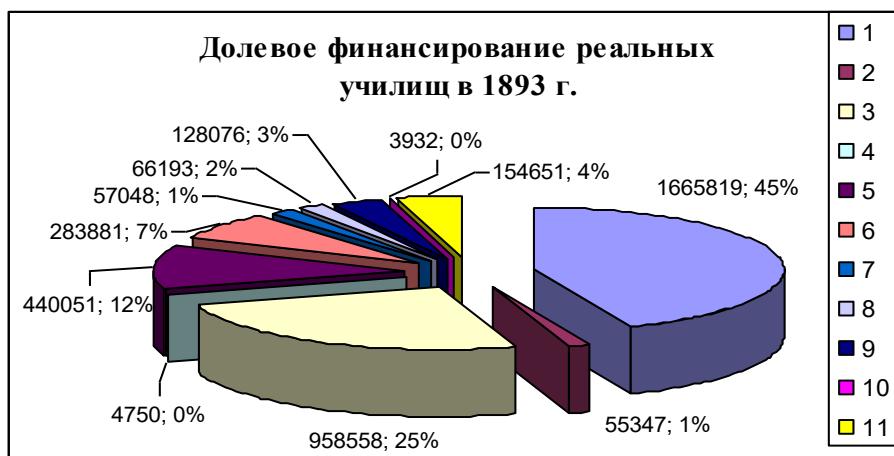

Рис. 40.

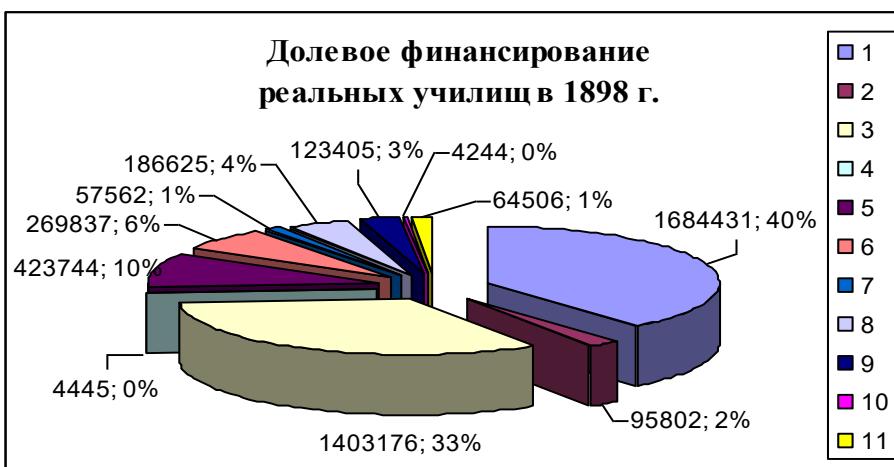
Средства финансирования: 1. из государственного казначейства – 1.547.335 руб. (51,4 %); 2. из сбора платы за содержание воспитанников в пансионе – 22.737 руб. (0,75 %); 3. из сбора за обучение – 545.236 руб. (18,11 %); 4. из сумм дворянства – 2.000 руб. (0,066 %); 5. от городских обществ и приказов общественного призрения – 404.629 руб. (13,44 %); 6. из сумм земств – 257.409 руб. (8,55 %); 7. из процентов с пожертвованных и других капиталов – 28.445 руб. (0,94 %); 8. от единовременных пожертвований обществ и частных лиц – 47.991 руб. (1,59 %); 9. из войсковых сумм – 69.181 руб. (2,29 %); 10. из свечного и коробочного сбора с еврейского населения – 2.426 руб. (0,08 %); 11. из различных источников – 74.874 руб. (2,48 %).

Рис. 41.

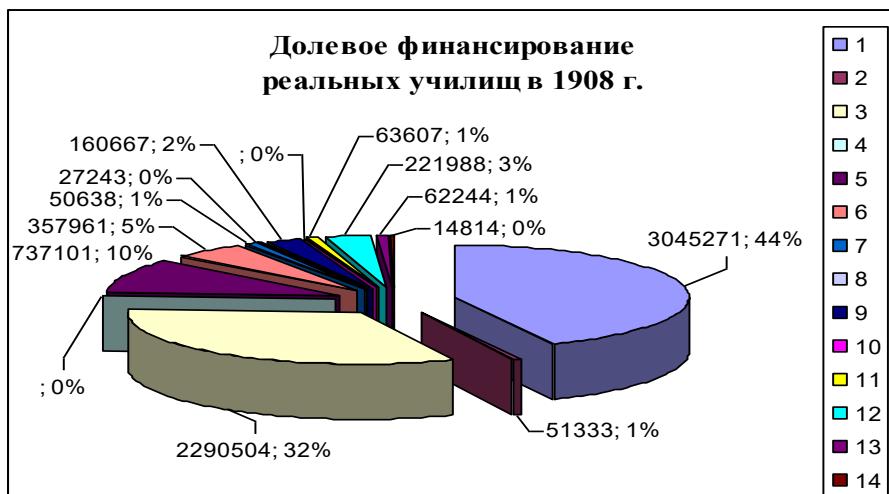
Средства финансирования: 1. из государственного казначейства – 1.665.819 руб. (43,6 %); 2. из сбора платы за содержание воспитанников в пансионе – 55.347 руб. (1,44 %); 3. из сбора за обучение – 958.558 руб. (25,1 %); 4. из сумм дворянства – 4.750 руб. (0,12 %); 5. от городских обществ и приказов общественного призрения – 440.051 руб. (11,52 %); 6. из сумм земств – 283.881 руб. (7,43 %); 7. из процентов с пожертвованных и других капиталов – 57.048 руб. (1,49 %); 8. от единовременных пожертвований обществ и частных лиц – 66.193 руб. (1,73 %), 9. из воинских сумм – 128.076 руб. (3,35 %); 10. из свечного и коробочного сбора с еврейского населения – 3.932 руб. (0,1 %); 11. из разных источников – 154.651 руб. (4,05 %).

Рис. 42.

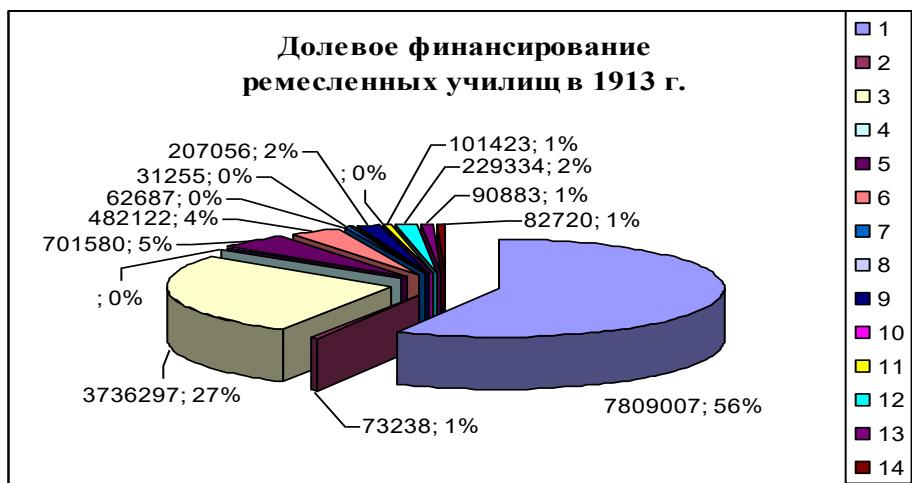
Средства финансирования: 1. из государственного казначейства – 1.684.431 руб. (38,98 %); 2. из сбора платы за содержание воспитанников в пансионе – 95.802 руб. (2,22 %); 3. из сбора за обучение – 1.403.176 руб. (32,47 %); 4. из сумм дворянства – 4.445 руб. (0,102 %); 5. от городских обществ и приказов общественного призрения – 423.744 руб. (9,8 %); 6. из сумм земств – 269.837 руб. (6,24 %); 7. из процентов с пожертвованных и других капиталов – 57.562 руб. (1,33 %); 8. от единовременных пожертвований обществ и частных лиц – 186.625 руб. (4,31 %), 9. из воинских сумм – 123.405 руб. (2,85 %); 10. из свечного и коробочного сбора с еврейского населения – 4.244 руб. (0,09 %); 11. из разных источников – 64.506 руб. (1,49 %). Вклад от блюстителя – 3.020 руб. (0,069 %).

Рис. 43.

Средства финансирования: 1. из государственного казначейства – 3.045.271 руб. (42,99 %); 2. из сбора платы за содержание воспитанников в пансионе – 51.333 руб. (0,72 %); 3. из сбора за обучение – 2.290.504 руб. (32,33 %); 4. из сумм дворянства – 0 руб. (0 %); 5. от городских обществ – 737.101 руб. (10,40 %); 6. из сумм земств – 357.961 руб. (5,05 %); 7. из процентов с пожертвованных и других капиталов – 50.638 руб. (0,71 %); 8. от единовременных пожертвований обществ и частных лиц – 27.243 руб. (0,38 %), 9. из войсковых сумм – 160.667 руб. (2,26 %); 10. из свечного и коробочного сбора с еврейского населения – 0 руб. (0 %); 11. из разных источников – 63.607 руб. (0,89 %); 12. из остатков прошлых лет – 221.988 руб. (3,13 %); 13. из сумм МНП – 62.244 руб. (0,85 %); 14. из общественных и сословных сборов – 14.814 руб. (0,2 %).

Рис. 44.

Средства финансирования: 1. из государственного казначейства – 7.809.007 руб. (57,38 %); 2. из сбора платы за содержание воспитанников в пансионе – 73.238 руб. (0,53 %); 3. из сбора за обучение – 2.290.504 руб. (27,45 %); 4. из сумм дворянства – 0 руб. (0 %); 5. от городских обществ – 737.101 руб. (5,15%); 6. из сумм земств – 482.122 руб. (3,54 %); 7. из процентов с пожертвованных и других капиталов – 62.687 руб. (0,46 %); 8. от единовременных пожертвований обществ и частных лиц – 31.255 руб. (0,22 %), 9. из войсковых сумм – 207.056 руб. (1,52 %); 10. из свечного и коробочного сбора с еврейского населения – 0 руб. (0 %); 11. из разных источников – 101.423 руб. (0,74 %); 12. из остатков прошлых лет – 229.334 руб. (1,67 %); 13. из сумм МНП – 90.883 руб. (0,67 %); 14. из общественных и сословных сборов – 82.720 руб. (0,6 %).

Рис. 45.

Динамика финансирования реальных училищ из средств сборов за обучение и из различных источников представляют диаграммы рисунков 46 и 47. По этим показателям источникам финансирования в данном образовательном секторе отмечаются восходящие тренды. Здесь отличие по финансированию из различных источников отмечается с женскими средними учебными заведениями, а с финансированием мужских гимназий и прогимназий по данной статье проявляется общая восходящая тенденция (рисунок 14). По части финансирования из средств сборов за обучение по всем трем секторам среднего образования наблюдаются общие положительными тенденции с восходящими трендами.

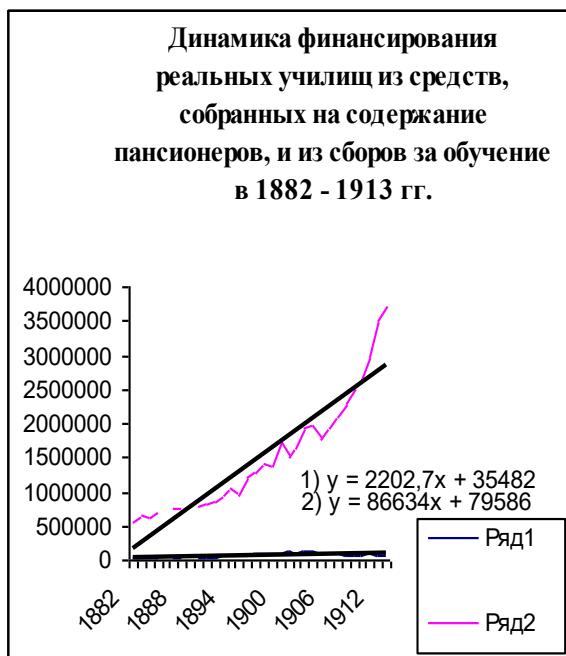

Рис. 39.

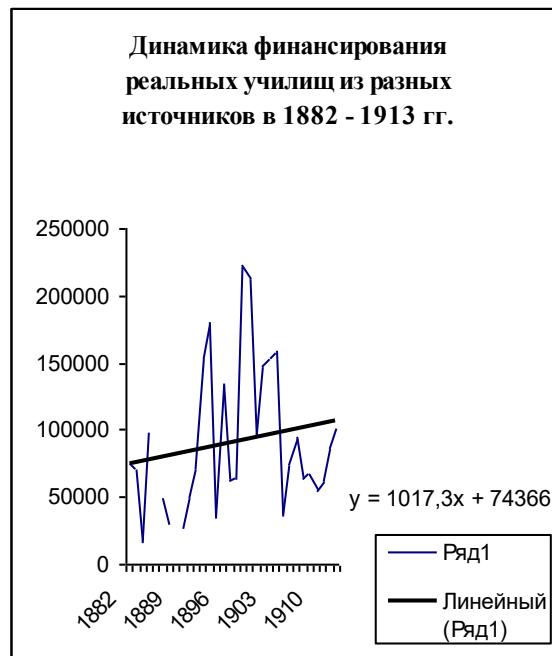

Рис. 40.

Заключение

Результаты анализа статистических финансовых материалов годовых отчетов МНП по сектору общего среднего образования за более чем 30-летний период, представленные в графиках, диаграммах и гистограммах, позволяют заключить, что сектор мужского среднего образования большую часть финансовых средств получал от казны и за счет платы за обучение. С 1902 г. по 1913 гг. доля данных двух источников финансирования мужских гимназий и прогимназий выросла с 71,94 % до 84,34 %. При этом сокращалось долевое финансирование по другим статьям при их растущих объемах: от дворянства, городских обществ, земств, с процентов с пожертвованных капиталов и единовременных пожертвований, из средств из разных источников (рисунки 3–7, 41–45). С 1882 по 1901 гг. доля финансирования от казны и за счет платы за обучение в гимназиях и прогимназиях в совокупности составляла от 74,47 % до 61,42 %, поднимаясь до 79,27 % в 1887 г. и сокращаясь до 51,53 % в 1891 г.

По сектору реального образования с 1900 г. долевое совокупное финансирование от казны и за счет платы за образование не опускалось ниже 70 %, а в 1913 г. уже составило 84,83 %, практически сравнявшись с данным показателем по мужскому гимназическому сектору. Две данные статьи являлись основными в структуре фи-

нансового обеспечения мужских гимназий и прогимназий и реальных училищ, преимущественно при доминантной составляющей средств от казны. Государство являлось основным актором, обеспечивавшим развитие сектора мужского гимназического и реального образования. Оно было заинтересовано в развитии мужского среднего образования, так как именно гимназии и реальные училища готовили контингент для университетов и профильных вузов, а сектор женского среднего образования таковым не являлся в силу не столь масштабного сектора высших женских курсов, педагогических и медицинских институтов.

Одновременно финансовая поддержка гимназий, прогимназий и их воспитанников, как и для других учебных заведений, была обычной практикой XIX – начала XX вв. для частных лиц, общественных организаций, обществ. «Действительно, – констатировалось в отчете МНП за 1898 г., – значительная часть учащихся в гимназиях и прогимназиях – дети недостаточных родителей, и поэтому материальная помощь благотворителей является для них наименее потребностью» [7, 1898 г., с. 214]. Однако индекс долевого значения их средств в общих объемах финансирования менялся в сторону сокращения.

В секторе женского среднего образования также отмечалась подобная тенденция роста долевого отношения данных двух основных источников финансирования – средств от казны и платы за обучение, но здесь, в отличие от сектора мужского среднего образования, отмечался активный рост доли средств от платы за обучение и сокращение доли финансирования от казны – к 1913 г. до 8,11 %. В данном секторе государство не являлось основным актором (как и в сфере профессионального образования) в деле финансового обеспечения учебных заведений, потребности их покрывались средствами из платы за обучение, за содержание пансионеров и средствами других акторов, участвовавших в поддержке образовательных практик. Совокупная долевая составляющая двух доминирующих источников финансирования (от казны и платы за образование) возросла здесь с 51,85 % в 1882 г. до 78,01 % в 1913 г., при минимальном показателе в 42,1 % в 1884 г. Численность женских гимназий, прогимназий и училищ выросла за это время с 328 в 1884 г. до 920 в 1913 г. и превышала общую численность мужских средних учебных заведений. Финансирование этого образовательного сектора из средств войсковых, городских обществ, земств, с процентов с пожертвованных капиталов, из единовременных пожертвований и из разных источников в 1913 г. составляло чуть больше $\frac{1}{5}$ (21,99 %) части от общего объема финансирования. При этом в секторе мужского среднего образования на долю этих средств из обозначенных источников в этом же году приходилось менее $\frac{1}{5}$ части общего финансирования. Разница в финансировании из средств других акторов и средств на содержание пансионеров, помимо средств от казны и платы за образование, по двум основным секторам среднего образования – мужского и женского – составляла до 6,33 % – 6,82 %. Совокупная доля финансирования включенных в этот процесс акторов по двум означенным секторам постепенно с 1880-х гг. сокращалась, хотя тренды по абсолютным объемам акторского финансирования практически всегда оставались восходящими.

Список источников и литературы

1. Бессолицын А. А. Роль бизнеса в формировании человеческого капитала через развитие промышленного образования в России на рубеже XIX – XX вв. // Экономическая история. 2017. № 1 (36). С. 77–91.
2. Воротникова Н. С. Опыт финансирования народного образования во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Вологодской губернии) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 1 (19). С. 156–162.

3. Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1903–1913 гг. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1905–1910 ; Пг.: Тип. Имп. академии наук, 1916.
4. Гончаров М. А., Плохова М. Г. Священный Синод и его роль в системе подготовки педагогических кадров в дореволюционной России // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 4: Педагогика. Психология. 2015. Вып. 2 (37). С. 80–88.
5. Гуркина Н. К. Государство и общество в развитии высшего образования в России в начале XX века // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2013. Т. 199. С. 119–127.
6. Дубровская Т. А. Общественные и частные инициативы в развитии профессионального образования в пореформенной России (1861–1914 гг.). М.: Высш. шк. соц.-упр. консалтинга, 2003. 818 с.
7. Извлечение из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1877–1898 год. СПб.: Синод. тип., 1879–1901.
8. Извлечение из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1882 год. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1886. 273 с.
9. Крюкова А. А. Приносящая доход деятельность учебных заведений в России конца XIX – начала XX века и наши дни // Концепт. 2014. Т. 20. С. 4186–4190. URL: <https://e-koncept.ru/2014/55101.htm> (дата обращения: 08.09.2025).
10. Магсумов Т. А. Структура и специфика финансирования среднего профессионального образования в России на рубеже XIX-XX столетий // Современные исследования социальных проблем. 2022. Т. 14, № 2. С. 14–60.
11. Маслов Ю. Н. Коммерческое образование в России в конце XIX – начале XX века : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Маслов Юрий Николаевич. Курск, 2001. 204 с.
12. Разманова Н. А. Становление коммерческого и финансово-экономического образования в России (XIX – 20-е годы XX века). М.: Изд-во МСХА, 2002. 332 с.
13. Сапрыкин Д. Л. Образовательный потенциал Российской Империи. М.: ИИЕТ РАН, 2009. 176 с.
14. Сумбурова Е. И. Самарское купечество и коммерческое образование в начале XX века // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8, № 3 (28). С. 195–200.
15. Сысоева Е. К. Общеобразовательная школа и земство в России. Вторая половина XIX – начало XX вв. // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 4 (28). С. 472–484.
16. Хабалева Е. Н. Особенности организации начального образования в Российской империи во второй половине XIX - начале XX века (на примере Орловской губернии) // Научный диалог. 2015. № 8 (44). С. 97–114.
17. Хвостова И. А. Нижегородское земство и разработка программ реформирования системы народного образования в России на рубеже XIX–XX вв. // Клио. 2013. № 11 (83). С. 76–79.

References

1. Bessolitsyn, AA 2017, ‘Rol biznesa v formirovaniyu chelovecheskogo kapitala cherez razvitiye promyshlennogo obrazovaniya v Rossii na rubezhe XIX–XX vv.’ (The role of business in the formation of human capital through the development of the industrial education in Russia at the edge of 19th – 20th centuries), *Ekonomicheskaya istoriya* (Economic history), no. 1 (36), pp. 77–91. (In Russ.)
2. Vorotnikova, NS 2012, ‘Opyt finansirovaniya narodnogo obrazovaniya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka (po materialam Vologodskoy gubernii)’ (The practice of national education financing in the second half of the 19th century the beginning of the 20th century (based on the materials of the Vologda province), in *Ekonomicheskiye i sotsialnyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* (Economic and social changes: facts, trends, forecast), no. 1(19), pp. 156–162. (In Russ.)
3. Vsepoddanneyshiy otchyt ministra narodnogo prosveshcheniya za 1903–1913 gg. (Comprehensive report of the Minister of Public Education for 1903-1913) 1905–1910, 1916, Tip. Imp. Akad. Nauk publ, St. Petersburg, Tip. Imp. akad. nauk publ, Petrograd. (In Russ.)

4. Goncharov, MA & Plokhova, MG 2015, ‘Svyashchenny Sinod i yego rol v sisteme podgotovki pedagogicheskikh kadrov v dorevolutsionnoy Rossii’ (The Holy Synod and its role in the system of teacher training in pre-revolutionary Russia), *Vestnik PSTGU. Seriya 4: Pedagogika. Psihologiya*. (St. Tikhon’s University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology), no. 2 (37), pp. 80–88. (In Russ.)
5. Gurkina, NK 2013, ‘Gosudarstvo i obshchestvo v razvitiu vysshego obrazovaniya v Rossii v nachale XX veka’ (The state and society in the development of higher education in Russia at the beginning of the twentieth century), *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kultury* (Works of the St. Petersburg State Institute of Culture), vol. 199, pp. 119–127. (In Russ.)
6. Dubrovskaya, TA 2003, *Obshchestvennyye i chastnyye initsiativy v razvitiu professionalnogo obrazovaniya v poreformennoy Rossii (1861–1914 gg.)* (Public and private initiatives in the development of vocational education in post-Reform Russia (1861–1914)), Vyssh. shk. sots.-upr. Konsaltinga publ, Moscow. (In Russ.)
7. *Izvlecheniye iz vsepoddanneyshego otchyota ministra narodnogo prosveshcheniya za 1877–1898 god* (Extract from the most comprehensive report of the Minister of Public Education for 1877–1898) 1879–1901, Sinod. Tipografiya publ, St. Petersburg. (In Russ.)
8. *Izvlecheniye iz vsepoddanneyshego otchyota ministra narodnogo prosveshcheniya za 1882 god* (Extract from the most comprehensive report of the Minister of Public Education for 1882.) 1886, Tip. Imp. Akad. nauk publ, St. Petersburg. (In Russ.)
9. Kryukova, AA 2014, ‘Prinosyashchaya dokhod deyatelnost uchebnykh zavedeniy v Rossii kontsa XIX nachala XX veka i nashi dni’ (Income-generating activities of educational institutions in Russia in the late 19th and early 20th centuries and today), *Kontsept* (Concept), vol. 20, pp. 4186–4190, viewed 01 September 2025, <https://e-koncept.ru/2014/55101.htm> (In Russ.)
10. Magsumov, TA 2022, ‘Struktura i spetsifika finansirovaniya srednego professionalnogo obrazovaniya v Rossii na rubezhe XIX–XX stoletiy’ (The structure and specifics of financing secondary vocational education in Russia at the turn of the 19th – 20th centuries), *Rossiyskiye sotsiogumanitarnyye issledovaniya* (Russian Social and Humanitarian Studies), vol. 14, no 2. pp. 14–60. (In Russ.)
11. Maslov, YuN 2001, *Kommercheskoye obrazovaniye v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka* (Commercial education in Russia at the end of the 19th – beginning of the 20th century), PhD thesis, Kursk. (In Russ.)
12. Razmanova, NA 2002, *Stanovleniye kommercheskogo i finansovo-ekonomicheskogo obrazovaniya v Rossii (XIX – 20-e gody XX veka)* (The formation of commercial and financial-economic education in Russia (19th – 20-ies of 20th century), MSKHA publ, Moscow. (In Russ.)
13. Saprykin, DL 2009, *Obrazovatelnyy potentsial Rossiyskoy Imperii* (The educational potential of the Russian Empire), IIET. RAN publ, Moscow. (In Russ.)
14. Sumburova, EI 2019, ‘Samarskoye kupechestvo i kommercheskoye obrazovaniye v nachale XX veka’ (Samara merchants and commercial education in the early 20th century), *Samarskiy nauchnyy vestnik* (Samara Journal of Science), vol. 8, no. 3 (28), pp. 195–200. (In Russ.)
15. Sysoeva, EK, 2015, ‘Obshcheobrazovatelnaya shkola i zemstvo v Rossii. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.’ (Secondary school and zemstvo in Russia. The second half of the 19th – early 20th centuries), *Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya* (History magazine - researches), no. (28), pp. 472–484. (In Russ.)
16. Khabaleva, EN 2015, ‘Osobennosti organizatsii nachalnogo obrazovaniya v Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX nachale XX veka (na primere Orlovskoy gubernii)’ (Aspects of elementary education organization in Russian Empire of second half of 19th – beginning of 20th centuries (on example of Oryol Governorate)), *Nauchnyy dialog* (Scientific Dialogue), no. 8 (44), pp. 97–114. (In Russ.)
17. Khvostova, IA 2013, ‘Nizhegorodskoye zemstvo i razrabotka programm reformirovaniya sistemy narodnogo obrazovaniya v Rossii na rubezhe XIX–XX vv.’ (Nizhny Novgorod Zemstvo and the development of programs for reforming the public education system in Russia at the turn of the 19th – 20th centuries), *Klio*, no. 11 (83), pp. 76–79. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 08.09.2025
Одобрена после рецензирования: 05.11.2025
Принята к публикации: 05.11.2025

The article was submitted: 08.09.2025
Approved after reviewing: 05.11.2025
Accepted for publication: 05.11.2025

Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 3 (23). С. 66–74.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 3 (23). P. 66–74.

Научная статья
УДК 930.85(44+61):631.4
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-66-74>

РУССКИЕ УЧЕНЫЕ-ЭМИГРАНТЫ ВО ФРАНЦИИ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЧВ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

**Елизавета Сергеевна
Хаблова**

Санкт-Петербургский филиал
института истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова РАН
Санкт-Петербург, Россия, samomamo@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1468-9462>

Аннотация. Настоящая статья посвящена вкладу русских учёных-эмигрантов в исследование почв Северной Африки в межвоенный период. Особое внимание уделено научной деятельности Валериана Константиновича Агафонова – ученика В. В. Докучаева, участника Полтавской экспедиции и впоследствии активного участника научной жизни Франции. После эмиграции Агафонов разработал амбициозную программу изучения почв французских колоний, начав с исследований в Тунисе при поддержке Французской академии наук и Института агрономических исследований. Он сформировал исследовательскую группу, в которую вошли также русские эмигранты: Вера Малышева, Жорж Журавский, Леонид Янкович и Георгий Брыссин. Их деятельность охватывала широкий спектр задач: от полевых и лабораторных исследований до создания элементов научной инфраструктуры и подготовки местных кадров. В работе рассматриваются институциональные рамки, методологические принципы и организационные стратегии, использовавшиеся этими исследователями в контексте французской колониальной политики. Отмечается, что эмигрантские специалисты сохраняли преемственность с докучаевской школой, одновременно адаптируя её подходы к специфике колониального управления и прикладных задач аграрной модернизации. Отдельное внимание уделяется эпистолярному наследию Агафонова, прежде всего его переписке с В. И. Вернадским, позволяющей реконструировать ключевые аспекты научной коммуникации и практики. На примере научной экспансии в Тунис и Марокко статья демонстрирует, как эмигрантская наука интегрировалась в транснациональные потоки знаний и участвовала в формировании колониальной агрономической политики. Исследование вносит вклад в осмысление взаимодействий между историей науки, эмиграцией и колониализмом в первой половине XX в.

Ключевые слова: история науки, почвоведение, русская эмиграция, Северная Африка, колониальная агрономия, международное научное сотрудничество.

Для цитирования: Хаблова Е. С. Русские ученые-эмигранты во Франции и исследования почв Северной Африки в межвоенный период // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 3 (23). С. 66–74. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-66-74>

Сведения об авторе: Е. С. Хаблова – научный сотрудник, Санкт-Петербургский филиал института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 5, литера Б.

Scientific Article

UDC 930.85(44+61):631.4

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-66-74>

RUSSIAN ÉMIGRÉ SCIENTISTS IN FRANCE AND SOIL RESEARCH IN NORTH AFRICA DURING THE INTERWAR PERIOD

Elizabeth S. Khablova

St. Petersburg Branch of S. I. Vavilov Institute for the
History of Science and Technology
of Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia, samomamo@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1468-9462>

Abstract. This article explores the contribution of Russian émigré scientists to the soil research in North Africa during the interwar period. The author focuses on the scientific activity of Valerian Konstantinovich Agafonov, who was V. V. Dokuchayev's student, the Poltava Expedition participant, and later an active member of French scientific community. After emigrating, Agafonov developed an ambitious program for investigating the soil of the French colonies, beginning with research in Tunisia, supported by the French Academy of Sciences and the Institute for Agronomic Research. He established a research group that included Russian émigrés Vera Malyshova, Georges Jouravsky, Leonid Yankovitch, and Georges Bryssine. Their work encompassed a broad range of activities, from field and laboratory investigations to the development of scientific infrastructure and the training of local personnel. The article analyses the institutional frameworks, methodological principles, and organisational strategies employed by these researchers within the context of French colonial policy. It highlights how émigré specialists preserved continuity with the Dokuchayev School while simultaneously adapting their approaches to the specificities of colonial administration and the practical demands of agrarian modernisation. Agafonov's epistolary legacy, particularly his correspondence with V. I. Vernadsky, helps to reconstruct key aspects of scientific communication and practice. Using the case of scientific expansion in Tunisia and Morocco, the author demonstrates how émigré science became embedded in transnational knowledge flows and participated in the formation of colonial agronomic policy. This study contributes to ongoing discussions at the interaction of the history of science, emigration, and colonialism in the first half of the twentieth century.

Keywords: History of science, soil science, Russian émigrés, North Africa, colonial agronomy, international scientific cooperation.

For citation: Khablova, ES 2025, 'Russian Émigré Scientists in France and Soil Research in North Africa During the Interwar Period', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (23), pp. 66–74, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-66-74> (in Russ.)

Information about the Author: Elizabeth S. Khablova – Researcher, St. Petersburg Branch of S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of Russian Academy of Sciences, 5B, Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia.

Введение

Ещё в дореволюционный период Северная Африка становилась объектом внимания со стороны российских учёных. Даже в условиях отсутствия устойчивой академической инфраструктуры дореволюционные специалисты – в том числе Д. А. Драницын, А. Ф. Губаревич-Радобильский, Я. В. Самойлов и В. И. Липский – обращались к Северной Африке как к объекту комплексного исследования, охватывавшего как естественно-природные характеристики региона, так и его социально-экономическое устройство [1]. В межвоенный период русские учёные-эмигранты, в том числе те, кто жили и работали во Франции, не только продолжили исследования Северной Африки в новых социальных и институциональных условиях. Цель исследования – показать, как русские почвоведы адаптировались к изменившимся научным реалиям и какую роль сыграли в развитии почвоведения во Франции и её колониях в Магрибе.

Русские почвоведы-эмигранты продолжили научную деятельность в колониях Северной Африки, опираясь на методологические принципы, разработанные В. В. Докучаевым. Их работы сохраняли связь с дореволюционной традицией и одновременно приобретали практическую направленность, соответствующую интересам французской метрополии в освоении и развитии колониальных территорий. Важную роль в этих процессах сыграли В. К. Агафонов, его коллеги и ученики – Жорж Журавский, Вера Малышева, Леонид Янкович, Жорж (Георгий) Брыссин. Их деятельность выходила за пределы научных исследований, включая организацию научной инфраструктуры, взаимодействие с колониальными администрациями и преподавание в местных учебных заведениях.

Материалы, методы, историография

Эмиграция русских учёных во Франциюочно заняла своё место в историографии как отечественной, так и зарубежной научной литературы. Этот сюжет получил развитие и в исследованиях, посвящённых истории почвоведения. Настоящая работа опирается на ряд фундаментальных трудов, среди которых материалы энциклопедического сборника, посвященного почвоведам Санкт-Петербурга XIX–XXI вв. [6], а также статья В. С. Чеснокова [8]. В указанных работах содержится подробная и всесторонняя информация о биографии и научной деятельности центрального персонажа данного исследования – В. К. Агафонова.

В монографии Ж. Булэна (J. Boulaine) [15] и коллективной статье «Geologists of Russian origin in the francophone countries» представлены биографии учеников Агафонова [19]. Роль идей Докучаева и его последователей для развития генетического и агрономического почвоведения зарубежных стран представлена в ряде статей юбилейного сборника, посвященного столетию публикации «Русского чернозема» В. В. Докучаева [2; 3].

Источниковую базу настоящего исследования составляют материалы научных трудов [9; 10; 11; 12; 17], выдержки из французских научных журналов [8; 16; 17], отчеты [13; 14], а также материалы Архива Российской Академии наук и Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, а именно письма В. К. Агафонова, [4] и Веры Малышевой [5].

Специальными методами настоящего исследования являются историко-генетический и ретроспективный.

Результаты

Валериан Константинович Агафонов (1863–1955) принадлежал к числу учеников В. В. Докучаева и представлял первое поколение русских почвоведов. В начале XX века в связи со своей принадлежностью к партии эсеров он был вынужден покинуть Россию и с 1906 по 1917 г. проживал во Франции. После возвращения на родину Агафонов продолжил научную деятельность: с 1920 г. он занял должность профессо-

ра кафедры физической географии Таврического университета. В 1921 г., отвечая за поддержание научных связей с Сорбонной, он вновь отправился в Париж, откуда уже не вернулся в Советскую Россию [6, С. 26–28]. В эмиграции Агафонов сумел упрочить своё международное научное признание: в 1928 г. он был избран членом-корреспондентом Французской академии наук, а в 1933 г. удостоен Ордена Почётного легиона. На протяжении многих лет он работал в Музее естественной истории (*Muséum national d'Histoire naturelle*) в лаборатории минералогии, а также в лаборатории физической географии Сорбонны, где принимал активное участие в научной и преподавательской деятельности [16].

В. К. Агафонов сыграл значительную роль в становлении и развитии генетического почвоведения во Франции. По поручению Французской академии наук и Института агрономических исследований (*Institut de recherches agronomiques, IRA*) он провёл обширные исследования почв Французской метрополии. Итогом этой работы стали две почвенные карты Франции, первая из которых была представлена в 1927 г., а вторая — более подробная — опубликована в 1936 г. в монографии «Почвы Франции с почвоведческой точки зрения» [6, с. 30]. Издание сопровождалось предисловием ведущих французских учёных — А. Демолона (A. Demolon), А. Лакруа (A. Lacroix) и Л. Люто (L. Luto), а саму работу Агафонов посвятил памяти своего учителя В. В. Докучаева. С 1912 г. В. К. Агафонов состоял членом Французского общества минералогии, что делает публикации в его журнале важным источником для реконструкции научной биографии учёного. Так, в статье Ж. Орселя (J. Orcel), лаборанта Музея естественной истории, указывается, что Агафонов систематически резюмировал для него труды русских почвоведов, способствуя их популяризации во Франции [17, р. 78]. В 1930 г. в журнале общества была опубликована статья самого Агафонова под названием «Карта типов почв земного шара и определение массы углерода и воды, содержащихся в этих почвах» [12].

В 1930-е гг. он изучал почвы французских колониальных владений (Северная Африка) вместе с другими российскими эмигрантами, среди которых: инженер-агроном Леонид Душанович Янковский (1897–1972); почвовед и петрограф Вера Сергеевна Малышева (1886–1964), которая работала в лаборатории физической географии Сорбонны, в отделении минералогии Национального музея естественной истории и в Институте антропологии и одновременно преподавала на физико-математическом факультете Сорбонны; Жорж Журавский (1896–1964), уроженец Варшавы, учился в Одессе на специальности «химия», продолжил образование уже во Франции в области наук о Земле — в Институте прикладной геологии в Нанси и позднее в парижском Музее естественной истории, где работал в секции минералогии; Георгий Мелентьевич Брыссин (1909–1980) — французский учёный русского происхождения, занимался исследованием почв Марокко в лаборатории Центра агрономических исследований в Рабате, основанной Эмилем Мьежем (EmileMiège), а также участвовал в почвенных и ирригационных проектах в Ливане [13].

В 1929 г. в статье «*L'étude des Sols des Colonies françaises*» В. К. Агафонов изложил поэтапную программу исследований почв французских колоний [9]. На первом этапе он предлагал определить основные зональные типы почв, уточнив уже проделанную в этом направлении работу К. Д. Глинки. Далее предполагалось проведение лабораторного анализа собранных на местах образцов в лаборатории Национального музея естественной истории в Париже. На втором году исследований планировалась повторная работа в поле, направленная на определение подтипов почв, продолжение лабораторных изысканий и формирование специализированной коллекции образцов. Эта коллекция, по замыслу Агафонова, должна была стать основой для будущей почвенной коллекции, охватывающей все французские колонии, метрополию, а в перспективе — и весь земной шар. Для реализации этого масштаб-

ного проекта предусматривалось формирование исследовательской группы, включающей в себя главного почвоведа (которым должен был стать сам Агафонов), его помощника, а также ботаника. Один из членов группы, по его мнению, должен был обладать компетенцией в области почвенной бактериологии и зоологии.

Разработанная Агафоновым программа изучения почв французских колоний нуждалась в командной реализации, что и определило включение в экспедиционные и аналитические работы других русских эмигрантов, работавших во Франции. О некоторых организационных аспектах этого процесса можно узнать благодаря личной корреспонденции. В частности, В. К. Агафонов состоял в регулярной переписке с В. И. Вернадским до 1941 г. [7, с. 539]. 21 марта 1932 г. Валериан Константинович писал Вернадскому из Арианы (Тунис): «Я очень рад приглашению в Тунис: это большая победа над моими врагами, которые втихомолку (в открытую не смогли) творили всякие пакости мне и моему делу во Франции. Пожалуй, еще больше значит в этом отношении именно то, что Lacroix хочет, чтобы я устроил в его лаборатории в Музее исследования почв французских колоний. Я надеюсь, если не заболею и не ослепну, сделать эту лабораторию центром почвенных исследований во Франции: у меня уже теперь там работают трое, кстати, все русские по происхождению; (один, впрочем, француз по воспитанию и по национальности), но придут и французы» [4].

Особенно активно в исследованиях участвовали В. С. Малышева и Ж. Журавский, сосредоточившиеся на изучении почв горных районов. Малышева, имевшая опыт изучения лёссовых отложений ещё во французской метрополии, в Тунисе обратила внимание на сложные природные условия в регионах Хрумири, а также в окрестностях городов Айн-Драхам и Бабуш [13, р. 30–31]. Несмотря на ряд опубликованных ею заметок и статей, основной научный авторитет по результатам тунисских исследований закрепился за В. К. Агафоновым, опубликовавшим фундаментальную монографию «*Sols-types de Tunisie (avec carte pédologique)*» («Типы почв Туниса, с почвенной картой»). В письмах к В. И. Вернадскому из Туниса в 1932 г. Агафонов признавался, что личное участие в полевых работах давалось ему всё труднее: наряду с хроническими заболеваниями особенно мешала прогрессирующая катаректа. Существенную помощь в экспедициях оказывал Л. Д. Янкович, занимавшийся фотографированием местности и почвенных разрезов, а также составлением почвенной карты Туниса. Ж. Журавский специализировался на химическом анализе почв, исследуя, в частности, их коллоидные свойства по методике К. К. Гедройца. Г. М. Брысси дополнял команду, сосредоточившись на изучении гумусного горизонта и органического вещества почв Туниса [11, р. 44–46].

В «Бюллетене Французского общества минералогии» за 1939 г. была опубликована рецензия на монографию В. К. Агафонова, в которой подчёркивалась его многолетняя работа по внедрению во Франции научных подходов, разработанных российскими учёными – В. В. Докучаевым, П. А. Сибирцевым, К. Д. Глинкой, К. К. Гедройцем и другими. Отмечалась значительная роль Агафонова в адаптации и развитии этих методов во французском почвоведении [18]. Инициатором тунисского исследования, легшего в основу одной из его монографий, стал Фелисьен Беф (Félicien Beuf), директор агроботанического отдела Туниса, видный агроном, одним из первых осознавший значение почвоведения и генетики для развития аграрной науки. Монография «Типы почв Туниса» состоит из двух частей. Первая посвящена общим вопросам и методологическим основам почвоведения, основанным преимущественно на трудах русской научной школы. Во второй части содержится подробный анализ тунисских почв, сопровождаемый составленной автором картой почв региона.

Почвоведение как наука, объединяющая физические, химические и биологические аспекты изучения почвы, воспринималась во Франции 1930-х гг. как относи-

тельно новая и перспективная область агрономических исследований [3, с. 23]. Об этом свидетельствует одна из журнальных публикаций 1939 г., в которой подчёркивалась универсальная значимость почвенных исследований как для стран с древними аграрными традициями (Западная Европа, Египет, Китай), так и для молодых государств и колоний, где почвоведение могло служить практическим инструментом при выборе земель под новые сельскохозяйственные культуры [8]. В условиях, когда сельское хозяйство играло ключевую роль в экономике заморских территорий, прикладной потенциал почвенных исследований приобретал особую актуальность [2, с. 6]. Именно поэтому полевые и лабораторные исследования В. К. Агафонова в Тунисе проводились при поддержке Института агрономических исследований (*Institut de recherches agronomiques*). Однако уже к середине 1930-х гг. приоритеты французской государственной политики в области аграрной науки изменились: в 1934 г. институт подвергся значительному сокращению финансирования и был переподчинён Министерству сельского хозяйства. Эти изменения фактически поставили точку в финансировании колониальных научных экспедиций.

В письмах 1934 г. В. И. Вернадскому В. К. Агафонов сообщал о конфликте с Альбером Демолоном и некоторыми редакторами, которые участвовали в издании его книги. Историк науки Ж. Булэн отмечает, что характер Агафонова и его коллеги Анри Эрхарта был сложным, и из-за этого они не смогли полностью раскрыть свой потенциал и подготовить учеников. Кроме того, ни одно учебное заведение не создало для них подходящих условий [15]. Тем не менее по доступным данным у Агафонова всё же были ученики, хотя трудно судить, насколько близкими были их отношения. Тем не менее В. С. Малышева и В. К. Агафонов продолжали поддерживать рабочие и личные контакты с советскими коллегами. В переписке с Ф. Ю. Левинсон-Лессингом фиксируется передача научных материалов и выражение неизменного дружеского отношения [5].

Некоторые из сотрудников Агафонова остались в Африке. Так, Вера Малышева совместно с Огюстом Уденом (*Augiste Oudin*) и Угэ Дель Вилларом (*Huguet Del Villar*) предоставили в 1934 г. первую общую карту типов почв Марокко [14, р. 60]. В 1936 г. Центр агрономических исследований в Рабате нанял научным сотрудником Жоржа Брыссина. Несмотря на то, что основной интерес был связан с исследованием уже орошаемых почв, им были исследованы крупные регионы Гарб на севере Марокко и центральный регион Тадла. Эти исследования явились одной из причин последующего основания отдельной лаборатории исследования почв в Центре агрономических исследований в Рабате в августе 1939 г. [14, р. 61]. Поскольку уже через месяц началась Вторая мировая война, исследования почв Марокко были фактически свернуты, однако Брыссину удалось изучить почвы региона Дуккала. Позднее, уже после войны, это будет отражено в его монографиях.

Многие ведущие французские исследователи почв межвоенного времени получили образование в агрономических институтах и имели специализацию в области агрохимии. Среди них был Альбер Демлон, в разное время сотрудничавший с советским учёным Дмитрием Николаевичем Прянишниковым и ставший одним из инициаторов создания Французского общества изучения почв (*Assosiation française d'études des sols, AFES*) в 1934 г. При этом границы между теоретическими и прикладными аспектами оставались подвижными: для многих исследователей было характерно совмещение различных направлений в рамках агрономии и почвоведения, что отражает интенсивную институционализацию этой научной области в межвоенный период. Так, Жан Бордас (*Jean Bordas*) занимался виноградарством, микробиологией и лесоведением; Эмиль Мье – селекцией сельскохозяйственных культур; Габриэль Бертран (*Gabriel Bertrand*) – биохимическими аспектами почвы;

Филибер Гинье (Philibert Guinier) – лесной фитопатологией и изучением древесины [15].

Заключение

Почвоведы, эмигрировавшие из Российской империи, органично вписались в научное пространство Франции. Несмотря на наличие авторитетных специалистов, французское почвоведение нуждалось в расширении исследовательской перспективы: оно развивалось преимущественно как прикладная дисциплина, призванная отвечать на задачи сельского хозяйства и колониального управления – особенно в регионах Северной Африки. В этих условиях востребованными оказались учёные, способные предложить более целостный и структурный взгляд на почву как на сложную природную систему с собственной историей и внутренними закономерностями. Исследования, проведённые русскими специалистами В. К. Агафоновым и его учениками в Алжире, Тунисе и Марокко способствовали укреплению докучаевских традиций в рамках французской научной школы. В этот период в почвоведении начинает вырисовываться различие между агрономически-ориентированным и теоретико-генетическим подходами, что стало важным этапом в дисциплинарном оформлении этой области знания.

Список источников и литературы

1. Жерлицына Н. А. Российские научные экспедиции по Северной Африке в конце XIX – начале XX века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2017. № 2 (786). С. 124–131. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-nauchnye-ekspeditsii-po-severnoy-afrike-v-kontse-xix-nachale-xx-veka> (дата обращения: 27.05.2025).
2. Ковда В. А. Вклад В. В. Докучаева в науку и сельское хозяйство // 100 лет генетического почвоведения. М.: Наука, 1986. С. 5–15.
3. Лобова Е. В. Общий обзор развития докучаевского почвоведения в СССР и за рубежом // 100 лет генетического почвоведения. М.: Наука, 1986. С. 19–25.
4. Письмо Валериана Константиновича Агафонова Владимиру Ивановичу Вернадскому от 21 марта 1932 г. // Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 518. Оп. 3. Д. 4 д. Л. 1–2.
5. Письмо Веры Малышевой Францу Юльевичу Левинсону-Лессингу от 19 октября 1925 г. // СПБФ РАН. Ф. 347. Оп. 3. Д. 294. Л. 1.
6. Почвоведение в Санкт-Петербурге XIX–XXI вв. : биографические очерки / отв. ред. Н. Н. Матинян. СПб.: Нестор-История, 2013. 404 с.
7. Чесноков В.С. Российские почвоведы-эмигранты // Вестник Российской академии наук. 1997. Т. 67, № 6. С. 539.
8. [Anonyme]. L'évolution et l'état actuel de la science des sols (pédologie) // Le Génie civil: revue générale des industries françaises et étrangères. 1939. Vol. 114. № 21 (2963). P. 451.
9. Agafonoff V. L'étude des Sols des Colonies françaises // Revue de botanique appliquée et d'agriculture coloniale. 1929. № 95. P. 434–440.
10. Agafonoff V. Les zones des sols de France // Revue de botanique appliquée et d'agriculture coloniale. 1927. № 72. P. 513–517.
11. Agafonoff V. Sols-types de Tunisie (avec carte pédologique) // Extrait des Annales du Service botanique et agronomique de Tunisie. 1935–1936. Т. 12-13. P. 41–413.
12. Agafonoff V. La carte des sols-types du globe terrestre et la détermination de la masse de carbone et d'eau constitutionnelle contenue dans tous ces sols // Bulletin de la Société française de Minéralogie. 1930. Vol. 53 (7-8). P. 529–533.
13. Aubert G. Les sols de la France d'Outre-mer. Paris: Imp. Nationale. P. 1–75.
14. Billaux P., Bryssine G. Les sols du Maroc // Congrès de pédologie méditerranéenne: Excursion au Maroc. Cahiers de la Recherche Agronomique. 1967. № 1 (24). P. 59–101.
15. Boulaine J. Histoire des pédologues et de la science des sols. Paris: INRA, 1989. 285 s.

16. *Malycheff V., Deicha G.* Valerien Agafonoff (1863–1955) // *Bulletin de la Société Géologique de France*. 1956. P. 453–459.
17. *Orcel J.* Recherches sur la composition chimique des chlorites // *Bulletin de la société française de minéralogie et de cristallographie*. 1927. Vol. 50. P. 75–456.
18. *Saucier H.* Bibliographie // *Bulletin de la Société française de minéralogie*. 1939. Vol. 62. P. 258.
19. *Tchoumatchenco P., Durand-Delga M., Ricour J., Wiazemsky M.* Geologists of Russian origin in the francophone countries // *Boletín Geológico y Minero*. 2016. Vol. 127 (2-3). P. 714.

References

1. Zherlitsyna, NA 2017, ‘Rossiyskiye nauchnyye ekspeditsii po Severnoy Afrike v kontse XIX – nachale XX veka’ (The Russian scientific expeditions across North Africa at the end of 19th – the beginning of the 20th centuries), *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki* (Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities), no. 2 (786), viewed 27 May 2025, <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-nauchnye-ekspeditsii-po-severnoy-afrike-v-kontse-xix-nachale-xx-veka> (In Russ.)
2. Kovda, VA 1986, ‘Vklad V. V. Dokuchayeva v nauku i selskoye khozyaystvo’ (V. V. Dokuchaev’s contribution to science and agriculture), *100 let geneticheskogo pochvovedeniya* (100 years of genetic soil science), Nauka publ, Moscow, pp. 5–15. (In Russ.)
3. Lobova, EV 1986, ‘Obshchiy obzor razvitiya dokuchayevskogo pochvovedeniya v SSSR i za rubezhom’ (General overview of the development of Dokuchayev’s soil science in the USSR and abroad), *100 let geneticheskogo pochvovedeniya* (100 years of genetic soil science), Nauka publ, Moscow, pp. 19–25. (In Russ.)
4. Agafonov, VK 1932, ‘Pismo Valeriana Konstantinovicha Agafonova Vladimиру Ivanovichu Vernadskому ot 21 marta 1932 g.’ (Letter from Valerian Konstantinovich Agafonov to Vladimir Ivanovich Vernadsky, 21 March 1932), *Arkhiv Rossiyskoy akademii nauk (ARAN)* (Archives of the Russian Academy of Sciences), fund 518, inventory 3, file 4d, sheets 1–2. (In Russ.)
5. Malysheva, V 1925, ‘Pismo Very Malyshevoy Frantsu Yulyevichu Levinsonu-Lessingu ot 19 oktyabrya 1925 g.’ (Letter from Vera Malysheva to Franz Yulievich Levinson-Lessing, 19 October 1925), ARAN, fund 347, inventory 3, file 294, sheet 1. (In Russ.)
6. Matinyan, NN (ed.) 2013, *Pochvovedeniye v Sankt-Peterburge XIX–XXI vv.: Biograficheskiye ocherki* (Soil Science in St. Petersburg in the 19th – 20th Centuries. Biographical Essays), Nestor-Istoriya publ, St. Petersburg. (In Russ.)
7. Chesnokov, VS 1997, ‘Rossiyskiye pochvovedy-emigranti’ (Russian Soil Scientists-Emigrants), *Vestnik Rossiiskoy akademii nauk* (Herald of the Russian Academy of Sciences), vol. 67, no. 6, p. 539. (In Russ.)
8. Anonyme 1939, ‘L’évolution et l’état actuel de la science des sols (pédologie)’, *Le Génie civil: revue générale des industries françaises et étrangères*, vol. 114, no. 21 (2963), p. 451. (In French)
9. Agafonoff, V 1929, ‘L’étude des Sols des Colonies françaises’, *Revue de botanique appliquée et d’agriculture coloniale*, no. 95, pp. 434–440. (In French)
10. Agafonoff, V 1927, ‘Les zones des sols de France’, *Revue de botanique appliquée et d’agriculture coloniale*, no. 72, pp. 513–517. (In French)
11. Agafonoff, V 1935–1936, ‘Sols-types de Tunisie (avec carte pédologique)’, *Extrait des Annales du Service botanique et agronomique de Tunisie*, t. 12–13, pp. 41–413. (In French)
12. Agafonoff, V 1930, ‘La carte des sols-types du globe terrestre et la détermination de la masse de carbone et d’eau constitutionnelle contenue dans tous ces sols’, *Bulletin de la Société française de Minéralogie*, vol. 53, no. 7–8, pp. 529–533. (In French)
13. Aubert, G, *Les sols de la France d’Outre-mer*, Imp. Nationale publ, Paris, pp. 1–75. (In French)

14. Billaux, P & Bryssine, G 1967, ‘Les sols du Maroc’, *Congrès de pédologie méditerranéenne: Excursion au Maroc. Cahiers de la Recherche Agronomique*, vol. 1, pp. 59–101. (In French)
15. Boulaine, J 1989, *Histoire des pédologues et de la science des sols*, INRA publ, Paris. (In French)
16. Malycheff, V & Deicha, G 1956, ‘Valerien Agafonoff (1863–1955)’, *Bulletin de la Société Géologique de France*, pp. 453–459. (In French)
17. Orcel, J 1927, ‘Recherches sur la composition chimique des chlorites’, *Bulletin de la société française de minéralogie et de cristallographie*, vol. 50, pp. 75–456. (In French)
18. Saucier, H 1939, ‘Bibliographie’, *Bulletin de la Société française de minéralogie*, vol. 62, p. 258. (In French)
19. Tchoumatchenco, P, Durand-Delga, M, Ricour, J & Wiazemsky, M 2016, ‘Geologists of Russian origin in the francophone countries’, *Boletín Geológico y Minero*, vol. 127, no. 2-3, p. 714.

Статья поступила в редакцию: 05.07.2025
Одобрена после рецензирования: 05.11.2025
Принята к публикации: 05.11.2025

The article was submitted: 05.07.2025
Approved after reviewing: 05.11.2025
Accepted for publication: 05.11.2025

Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 3 (23). С. 75–88.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 3 (23). P. 75–88.

Научная статья
УДК 392.3(323.329)+316.74
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-75-88>

О РОЛИ СЕМЬИ В СТАНОВЛЕНИИ УЧЕНОГО (ПО МЕМУАРАМ И. П. ЛУПАНОВЫ)

**Ирина Алексеевна
Разумова**

Центр гуманитарных проблем Баренц-региона –
филиал ФИЦ «Кольский научный центр
Российской академии наук»
Апатиты, Россия, irinarazumova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5960-9772>

Аннотация. Актуальными для современной науки и образования являются проблемы воспроизводства интеллектуальной среды и формирования профессиональных ориентиров молодых ученых. Социологические исследования показывают, что семейный фактор является одним из ведущих в формировании мотивации к научной деятельности. Цель статьи – выяснить, как осмысливается и презентируется в мемуарном повествовании опыт социализации ученого, воспитанного в семье интеллигенции советского времени. Проанализированы воспоминания филолога, профессора И. П. Лупановой (1921–2003). Она воспитывалась в семье «нестоличных» высококвалифицированных педагогов, обучалась и окончила аспирантуру в Ленинградском государственном университете под руководством выдающихся ученых-филологов М. К. Азадовского и В. Я. Проппа, затем до 1979 г. преподавала в Петрозаводском государственном университете. Ее воспоминания, написанные во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг., были подготовлены к печати и опубликованы учениками в 2007 г. после смерти автора. Первая часть книги представляет цельное повествование и включает период жизни от середины 1920-х гг. до осени 1950 г., то есть с раннего детства до окончания аспирантуры, защиты диссертации и начала самостоятельной работы. Анализ произведения с использованием понятий мемуарного хронотопа и биографического времени показал изменения социально-культурного пространства будущего ученого и педагога и роль родительской семьи на каждом этапе этого процесса. Семья, обладавшая достаточными воспитательными и социальными ресурсами, способствовала развитию познавательных интересов, сформировала мотивацию к занятиям наукой и русской словесностью, заложила ценности и качества личности, необходимые для успешного становления ученого в сложных социальных, бытовых и идеологических обстоятельствах постреволюционного и военного времени. Мотивация к научной деятельности укрепилась благодаря учителям-наставникам в науке, видным филологам. При этом влияние родительской семьи сказывалось на протяжении всей профессиональной и личной жизни мемуаристки.

Ключевые слова: семья, семейные ресурсы, воспитание, социализация, ученый, мотивация, биографическое время, мемуары, хронотоп, И. П. Лупанова.

Благодарности: Статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания ЦГП КНЦ РАН № FMEZ-2024-0002.

Для цитирования: Разумова И. А. О роли семьи в становлении ученого (по мемуарам И. П. Лупановой) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 3 (23). С. 75–88. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-75-88>

Сведения об авторе: И. А. Разумова – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Центр гуманитарных проблем Баренц-региона – филиал ФИЦ «Кольский научный центр Российской академии наук», 184200, Россия, Мурманская область, г. Апатиты, Академгородок, д. 40-а.

Scientific Article

UDC 392.3(323.329)+316.74

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-75-88>

ON THE ROLE OF FAMILY IN THE SCIENTIST BECOMING (BASED ON THE MEMOIRS OF I. P. LUPANOVA)

Irina A. Razumova

Barents Centre of the Humanities, Kola Science
Centre of the Russian Academy of Sciences
Apatity, Russia, irinarazumova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5960-9772>

Abstract. The problems of contemporary science and education are the reproduction of the intellectual environment and the formation of professional guidelines for young scientists. According to sociological studies, the family factor is one of the leading ones in the formation of motivation for scientific activity. The purpose is to find out the way of comprehension and presentation of the socialization experience of a scientist brought up in a Soviet intelligentsia family in the memoir narrative. The article analyzes the memoirs of I. P. Lupanova (1921–2003), philologist and professor. She came from a family of highly qualified teachers who were not from the capital, studied and completed her post-graduate studies at the Leningrad State University under the guidance of outstanding philologists M. K. Azadovsky and V. Ya. Propp, then taught at the Petrozavodsk State University until 1979. Her memoirs were written in the second half of the 1990s – early 2000s. In 2007, after the author's death, her students edited and published the work. The first part of the book is a complete narrative and covers the period of her life from the mid-1920s to the fall of 1950, that is, from early childhood to the end of her postgraduate studies, the thesis defense, and the beginning of her independent work. An analysis of the work using the concepts of memoir chronotope and biographical time shows changes in the socio-cultural space of the future scientist and teacher and the role of her parental family at each stage of this process. The family, which had sufficient cultural, educational and social resources, contributed to the development of cognitive interests, formed the motivation for studying science and Russian literature, laid down the values and personal qualities necessary for the successful development of a scientist in the difficult social, domestic and ideological circumstances of post-revolutionary and wartime. Teachers and mentors, who are prominent philologists, strengthened motivation for scientific activity. At the same time, the influence of her parental family affected throughout the memoirist's professional and personal life.

Keywords: family, family resources, upbringing, socialization, scientist, motivation, biographical time, memoirs, chronotope, I. P. Lupanova.

Acknowledgments: The study was funded from the federal budget as part of the state project No FMEZ-2024-0002 assigned to the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Razumova, IA 2025, 'On the Role of Family in the Scientist Becoming (Based on the Memoirs of I. P. Lupanova)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (23), pp. 75–88, [http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-75-88](https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-75-88) (in Russ.)

Information about the Author: Irina A. Razumova – Doctor of Science (History), Chief Researcher, Barents Centre of the Humanities, Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, 40-a, Akademgorodok, Apatity, 184200, Russia.

Введение

Трудно не согласиться с социологами культуры в том, что одной из ключевых проблем для современных науки и образования является воспроизведение интеллектуальной среды (или сред – с учетом многообразия интеллектуальной деятельности). Если «консолидирующим фактором интеллектуальных сред советского типа было “пропускание через себя” текстов Большой культуры», то сейчас «вместе с начитанностью исчезает ряд критически важных компетенций, в первую очередь, связанных с грамотностью и нарративной рациональностью» [1, с. 84–85]. Формированию профессиональных ориентиров молодых ученых препятствуют не только институциональные проблемы науки, но и дефицит «личностного знания» в условиях широкой доступности «эксплицитного знания», когда при развитии информационных технологий сокращается сфера непосредственных глубоких взаимодействий, обучающих с обучаемыми [4]. По данным социологических исследований «наиболее значимым фактором, способствующим научным достижениям, являются старшие научные коллеги», а следующие по значимости факторы – это влияние родителей и образовательная среда школы и вуза. Они «в большей степени транслируют “личностные” компоненты компетенций». Семья формирует «мотивацию, установки, ценности, способы реагирования в различных ситуациях», а также «нацеленность человека на научную карьеру, его настойчивость, готовность приносить жертвы ради достижения цели, а также понимание социальной ситуации, которая складывается вокруг научной деятельности» [4, с. 30–31].

Как институт семья осуществляет «стандартизацию паттернов жизненного пути», обладая своей «структурой возможностей», которые связаны с историческими контекстами [11, с. 12], а также с социально-культурными типами семей. Предпринимались, в частности, исследования профессорской семьи, ее ценностей, традиций, образа жизни в аспекте династической преемственности научной деятельности и корпоративной культуры в дореволюционный период [6].

Процесс переосмыслиния прошлого на рубеже XX–XXI вв. вызвал поток мемуарно-автобиографических текстов разных видов и жанров, в него влились воспоминания и автобиографии ученых-гуманитариев [5, с. 362–367]. А. Н. Дмитриев обратил внимание на то, что в академических мемуарах «детализованные описания детских и юношеских переживаний героя, его молодости (часто приходящейся на военные годы), наконец, семейных и дружеских отношений превращают сами исследовательские занятия героя в еще одну разновидность реализации его личности, родовых или индивидуальных паттернов» [5, с. 368]. Наша цель – показать, как в мемуарном повествовании отразился опыт социализации ученого, воспитанного в семье интеллигенции советского времени. Автор как любой мемуарист описывает и оценивает начало своего пути в науку «под действием индивидуального опыта и социальных стереотипов» [9, с. 111], проявляя при этом особенности личности, для которой как семья, так и научная деятельность обладали высокой ценностью.

Об авторе и книге

Ирина Петровна Лупанова (1921–2003) – доктор филологических наук (1962), профессор (1968), специалист по фольклору и детской литературе, заслуженный деятель науки Карельской АССР. Ее жизнь в профессии, исключая годы студенчества и аспирантуры, связана с одним университетом и одним городом – Петрозаводском. В 1939 г. она поступила на филологическое отделение Ленинградского государственного университета. В начале Великой Отечественной войны эвакуировалась с родителями в Сыктывкар, куда был отправлен Петрозаводский (тогда Карело-Финский) государственный университет, в нем работал ее отец. В 1943 г. продолжила учебу в Ленинградском университете, находившемся в эвакуации в Саратове. В 1947–1950 гг. училась в аспирантуре Ленинградского университета под руководством выдающихся

ученых-филологов М. К. Азадовского и В. Я. Проппа, в 1950 г. защитила кандидатскую диссертацию о русской бытовой сказке. С 1951 по 1979 г. преподавала в Петрозаводском университете им. О. В. Куусинена, много лет заведовала кафедрой русской и зарубежной литературы, ее докторская диссертация была посвящена русской народной сказке в творчестве писателей первой половины XIX в.¹.

И. П. Лупанова воспитала плеяду учеников, защитивших диссертации под ее руководством, из них несколько докторов наук, и фактически создала в университете научную школу по детской литературе. Ученики подготовили к печати рукопись воспоминаний и опубликовали книгу в университетском издательстве после смерти автора. «Друзьям-ученикам» она посвятила «труд, подводящий черту» под своей жизнью [7, с. 6].

На пенсию И. П. Лупанова вышла рано, подав заявление об уходе из-за разногласий с руководством университета [13, с. 60–61]. Воспоминания она начала писать во второй половине 1990-х, когда друг за другом из жизни ушли самые близкие: мать, муж, ближайшие подруги. Первая часть включает отрезок жизни от середины 1920-х гг. до осени 1950 г., то есть с раннего детства до начала работы в Петрозаводском университете. Это произошло после окончания аспирантуры и защиты диссертации, что можно считать завершением ученичества. В процессе написания воспоминаний ощущение того, что создать полное жизнеописание не хватит времени и сил, привело Ирину Петровну к решению использовать старые письма. Она выбрала переписку с двумя самыми любимыми учителями и прокомментировала содержание писем. Несмотря на фрагментарность избранной формы, содержательность второй части книги не пострадала.

Воспоминания И. П. Лупановой использовались С. Н. Филимончик как источник для изучения быта довоенного Петрозаводска, системы школьного образования в республике в 1930-е гг. и истории Петрозаводского государственного университета в послевоенный период [12; 13]²; а Е. Ф. Марковская по архивным материалам исследовала родословие и выяснила подробности биографии родителей мемуаристки – А. Г. Бонч-Осмоловской и П. А. Лупанова, не известные даже их дочери [8].

Родительская семья и воспитание

Александра Георгиевна Бонч-Осмоловская (1888–1980 гг.) обучалась филологии на Бестужевских курсах в Петербурге, преподавала русский язык и историю литературы в петрозаводской женской гимназии, в Олонецком епархиальном женском училище, которое стало педучилищем, позже – в Карельском педагогическом институте, много занималась методикой преподавания русского языка; заслуженный учитель школы КФССР³, кандидат филологических наук. По мнению историков и педагогов Карелии, она стояла у истоков образования в республике. Петр Андреевич Лупанов (1891–1955 гг.) заведовал кафедрой химии Карело-Финского государственного университета, доцент, заслуженный деятель науки КФССР.

По свидетельству И. П. Лупановой, о дореволюционном прошлом семьи родители говорить не любили. О предках матери она знала, что они «из потомков польского рода, предположительно ссыльных, дворян» [7, с. 18–19], а об отце, что «он родом “из архангельских мужиков”». В последнем она сомневалась, полагая, что «мужик» означает крестьянин, а он вряд ли смог бы получить до революции высшее математическое образование в Петербургском учительском институте. В свое время узнав, что отец закончил еще и военное училище, она пришла к выводу, что тот «революцию встретил отнюдь не в “большевистском стане”» [7, с. 29]. А. Г. Бонч-Осмоловская, действительно, происходила из знатного рода⁴, ее отец был надворный советник и служил в Управлении государственными имуществами Олонецкой губернии, поэтому к ссыльным отношениям не имел. Отец П. А. Лупанова был служащим земской больницы. В 1917 г. он, имея высшее образование и отбыв в военном

училище воинскую повинность, вначале продолжил учительствовать, а в 1920 г. был направлен в Петроград получать второе высшее образование по специальности «химия» [8, с. 34–36]. Заметим, что все предположения дочери, являясь оправданиями с позиций советской или постсоветской идеологии, служат для подтверждения оппозиционности интеллигенции к любой власти.

В образе матери автор мемуаров подчеркивала уравновешенность, равнодущие к нарядам, и главное – педагогические способности и миссию: «Приходит, готовит ужин и садится проверять тетради. Я так и засыпаю обычно при свете ее настольной лампы». Несмотря на занятость, мама успевает и погулять с дочкой, «и почитать что-нибудь, чего самой мне еще не осилить (того же Сенкевича), и поговорить о том, что я читаю сама. Я никогда не слышу от нее ни окрика, ни одного грубого слова. Вместе с тем я знаю, что если сильно провинюсь – пощады не будет. При всей мягкости и покладистости у мамы “железный характер”». Это свойство, не имевшее обычно внешних проявлений, обнаруживалось в единичных воспитательных ситуациях, которые не могли не запомниться навсегда. Однажды дочка, обидевшись на отца, замахнулась на него ножом. Отец обратил все в шутку, а мама «не захотела простить мне этот порыв ярости», и на неделю перестала ее замечать. После пережитого стресса дочь всю жизнь «больше всего на свете боялась как-нибудь огорчить или рассердить маму. В детстве это выражалось в абсолютном, беспрекословном послушании, хотя мама никогда на меня не давила и не требовала от меня никаких жертв» [7, с. 16–17]. Выходки дочки, склонной к озорству, мать не возмущали, «лишь бы это было не вред здоровью».

Отец, напротив, был вспыльчив, но жена – «единственный человек, на которого он никогда не повышает голос», потому что «на заре их семейной жизни однажды накричал на нее и хлопнул дверью», после чего испытал на себе сходный способ воспитания [7, с. 19–20]. В отце мемуаристка неоднократно отмечает красивую внешность и то, что он – любимец женщин. В ее детстве П. А. Лупанов преподавал в двух техникумах и на рабфаке, но дома много занимался с дочерью: рисовал, мастерил игрушки, играл с ней в театр теней, конструктор. Рассказ об одной из игр-розыгрышей содержит некий символический смысл. По условию игры в Москве создается комиссия по отправке в космос, дети могут понадобиться, для этого надо тренироваться. Дочь так и делала, а на заявление что это первый полет, из него можно не вернуться и никогда больше не увидеть маму с папой, ответила «твердо и высокопарно: “Ради науки можно и погибнуть”». История закончилась «письмом» о том, что лунная экспедиция откладывается, а девочке рекомендуют прочитать книгу Жюля Верна «Из пушки на Луну», присланную в подарок [7, с. 24].

При всем стремлении к разностороннему развитию ребенка и самообразованию у отца было четкое представление о выборе профессии. Однажды дочка «страстно» захотела учиться музыке. Мама не возражала, а отец был против: «...музыканта из тебя не выйдет, а просто бренчать ни к чему (...). Если уж чем заниматься, так настоящим делом!» [7, с. 26]. Увлечений у дочери хватало. С детства она любила спорт. Увлекалась энтомологией: еще до школы изучила отцовский атлас бабочек, проводила «опыты» с жуками. В этом ее поддерживал и дарил книги часто гостивший в доме видный энтомолог профессор В. А. Догель из Ленинграда – учитель и коллега П. А. Лупанова. Насекомых в доме сменили птицы, затем наступила «эра кошек», которые стали постоянными членами семьи и оставались ими всю жизнь. При разнообразии увлечений главным было чтение. Вовлеченность в книжную культуру, будучи органичной частью семейного бытия, мотивировала к занятиям литературой. К этому прилагались такие семейные качества, как твердость характера, целеустремленность, трудоспособность, общительность.

Биографическое время и пространство

К мемуарному тексту применимо бахтинское понятие хронотопа с учетом определенных свойств времени-пространства этого вида литературы. К ним относятся «ретроспективность повествования, биографическое время, включение личного времени рассказчика в историческое время и субъективное его переживания, оценочность, протекание в реальном пространстве» [3, с. 69] – географическом и социальном, личносно освоенном, меняющемся в течение жизни конфигуративно, содержательно, по степени значимости, плотности и т. д.

Первым пространством ребенка является родительский дом в единстве его материальности и обитателей. Самые ранние впечатления детства И. П. Лупановой предстают в виде описания большой комнаты с печью, столом, несколькими стульями, четырьмя кроватями иstellажом с книгами; комната «казенная» (так говорят взрослые). Это минималистский быт городской семьи 1920-х годов, у которой мало «собственности», но есть духовные запросы и желание уюта: «Лично родителям принадлежат только занавески на окнах, голубой стеклянный фонарь-светильник и книги. И еще, кажется, моя деревянная кроватка». Людей в комнате пятеро: родители с ребенком и бабушка с дедушкой. Дом открытый, сюда «часто приходят гости (...). Разговоры ведутся за полночь. Обсуждаются учительские дела, упоминаются знакомые и незнакомые мне имена» [7, с. 10].

С переезда на новую квартиру начинаются «более отчетливые и хронологически упорядоченные воспоминания». Квартира уже кооперативная, четырехкомнатная, члены семьи в ней пространственно и функционально упорядочены: «Одна комната сразу же выделяется деду, вторая должна стать кабинетом отца, третья – спальня родителей. Последняя, изолированная комната, получает ранг столовой. Здесь в мое распоряжение поступает угол, где я могу хранить игрушки, книжки и прочий пока еще не очень объемный скарб» [7, с. 12]. Вектор в образовании, формировании интересов ребенка задавала библиотека: «Родители очень заботились о моей личной библиотеке – на подаренной мне этажерке красовались томики Ф. Купера, М. Рида, Ж. Верна, В. Скотта, великолепная серия повестей и рассказов о животных – “Лики звериные”, шедевры мировой детской классики». Не здесь ли коренился любовь к детской литературе профессора И. П. Лупановой? И ребенка «неудержимо влекло к шкафам и стеллажам со взрослыми, родительскими книгами», там «были обнаружены кипы старых журналов – “Вокруг света” и “Всемирный следопыт”, битком набитых фантастикой и детективами, томики рассказов Честертона, а главное – несколько книжек Аркадия Аверченко», которые надолго стали настольными [7, с. 53–54].

Отношение к вещам – важный показатель семейной культуры, оно ярко проявляется в кризисных ситуациях переездов [10]. Когда мемуаристка пишет о «вещевых» приоритетах семьи, то делает акценты на непрактичности родителей и на их стремлении к эстетизации домашней среды. Здесь ценились, кроме книг, вещи памятные, красивые, старинные, произведения искусства. Для их приобретения появились возможности в предвоенные годы, и квартира, в которой семья жила до эвакуации, «стала приобретать более благообразные очертания» [7, с. 71]. «Хотя мы никогда не жили богато, все же родителям было что потерять в этой проклятой войне (...). Папе ведь удалось вывезти в Сыктывкар только два чемодана (...). В чемоданы он уложил то, что считал ценным: две энциклопедии, несколько десертных тарелочек “под старину” из Бронниц, серебряные сахарницу, кружку и кофейник, которые в досюльные времена выменял на петроградском рынке за несколько буханок хлеба (...). Ну, и кое-какие тряпки – свои и наши с мамой. Да еще снял со стен все картины, кроме одной, уж слишком громоздкой. ...Так что в Сыктывкаре мы пили чай из его мензурок, а суп и картошку мама наливала и укладывала в ванночки,

предназначенные для проявления фотографий (их он тоже взял с собой вместе с фотоаппаратом). Зато на стенах красовались клеверовские пейзажи» [7, с. 157].

Во время оккупации дом сгорел. По возвращении семье дали две комнаты в трехкомнатной квартире в университете доме. «После нашей просторной, уютной квартиры на Садовой улице нынешняя выглядела донельзя убогой. Зато – дома! Зато – без войны!...»; «не было в доме даже намека на горечь утрат (...). Была обычная в нашей семье атмосфера душевности и взаимного дружелюбия, и радости, потому что все живы, потому что опять все вместе». Гостившая подруга «была просто потрясена этим семейным настроем» [7, с. 157–158].

Пространственные рамки существования человека расширяются благодаря родственной сети и ближайшему окружению. Будучи коренной петрозаводчанкой, И. П. Лупанова родилась в Торопце. Там жила сестра матери, она работала провизором и имела знакомых среди врачей, что в 1921 г. для роженицы было особенно актуально. От поездок к тете сохранились впечатления о Торопце – городке «старинном», «деревянном», со множеством каменных заброшенных церквей, о маленьком тетином домике с протекающей крышей и более чем непрятательным убранством, из которого прикрывалась от протечки лишь полка с книгами, а также восхищение характером родственницы: она была «эталонный образец доброты и бескорыстия» [7, с. 35–36]. Вторая тетя жила в Ленинграде, получала музыкальное образование. Ее комната в большой коммунальной квартире показалась ребенку «очень красивой, главным образом, за счет сверкающего черным лаком пианино». Общение с этой тетей и ее коммунальными соседями расширили кругозор ребенка в части знаний о музыкально-песенном массовом репертуаре конца 1920-х – первой половины 1930-х гг.: от дворовых песен, городских романсов до запрещенных произведений Вергинского [7, с. 32–35]. Сам же город казался «хмурым, темным и неприветливым» после Петрозаводска «с его садами и синим озером, к которому спускаются все главные улицы» [7, с. 32]. Пройдет немного лет, и после первого года учебы в университете мемуаристка будет называть Ленинград только родным городом.

В ближний круг родителей входили, прежде всего, педагоги, так что возможности для разностороннего образования ребенка были. В семье решили учить dochь дошкольницу французскому языку, невзирая на ее отвращение к этой идеи. Так появилась первая учительница и осталась в воспоминаниях как яркая личность. Происходившая из высокопоставленной семьи, вдова полковника, погибшего в Первую мировую, она получила образование в Смольном институте и в Сорbonne. Её дети были лишены права на поступление в вуз, но «именно те качества, которыми снабдил ее Смольный институт, помогли ей бороться с трудностями и выстоять в этой борьбе», «пробить стену»: советская власть в лице предсонаркома Карелии Э. Гюллинга «пошла навстречу – дочь и сын поступили в ленинградские институты». По мнению И. П. Лупановой, эти качества – «сила воли» и «твердость духа» [7, с. 38–39]. Они были также у матери мемуаристки, и, согласно стереотипу, соответствуют «строгому дворянскому воспитанию». А. Н. Дмитриев полагает, что преемственность с дореволюционной интеллигенцией, которая стала если не идеализироваться, то восприниматься «как некоторая точка отсчета» для «советского профессора», утверждалась в начале 1970-х годов вследствие «разочарования шестидесятическим активистским футуризмом» [5, с. 358–384].

Если дошкольное детство разделено во времени переездом с квартиры на квартиру, то школьное – движением по ступеням образования. На каждом этапе дом и школа связаны сложными отношениями, особенно если родители сами педагоги, а дом одновременно служит образовательным пространством. При поступлении в школу (1 сентября 1929 г.) учительница, восхищенная беглым и выразительным чтением девочки, предложила определить ее во второй класс. Мама отказалась, считая,

что «одно беглое чтение погоды не делает», и «по другим предметам следует начинать с азов» [7, с. 40]. Школа расширила общение со сверстниками и учителями, но сопровождалась неприятностями. К ним относились арифметика, публичные физкультурные мероприятия, ранний подъем, общественная работа. Зато были площадки для проявления литературных и ораторских способностей: стенгазета и «политбои», требовавшие «умения “выступать” и хорошей памяти, позволяющей удерживать политическую информацию». Этим ученица поражала сверстников и учительницу, которая после одного такого «боя» сделала ей «неслыханный комплимент: “Ира у нас будет профессором!” (не смешно ли – как в воду глядела!)» [7, с. 49]. И все-таки «настоящая жизнь начиналась (...) за школьными стенами. В этой внешкольной жизни была масса увлечений. Прежде всего – книги» [7, с. 53–54]. При всей любви к школьным занятиям физкультурой девочке было жаль, что «они проходят в основном в тех же стенах, из которых (...) все время хочется вырваться на свободу» [7, с. 54].

Переход в 8-й класс был воспринят как рубеж. Изменился круг подруг, состав учителей. Выделялась изо всех учитель русского языка и литературы Р. Н. Миролюбова, благодаря которой впервые за все годы обучения школа стала для ученицы родным домом, возникла потребность общаться с учителем вне школы, в домашней обстановке, например, участвовать в ее велосипедных прогулках со старшеклассниками. Важно, что «дружеские отношения были вынесены за пределы школьных стен» [7, с. 80].

Период получения высшего образования у И. П. Лупановой разделился на этапы в соответствии с переменой города и вуза в годы войны, что отражает оглавление этой части книги: «Ленинград» – «22 июня» – «Сыктывкар» – «Саратов» – «Снова Ленинград». Решения о месте учебы принимались на семейном совете. Перевод в Петрозаводский университет был обусловлен работой отца, желанием семьи не разъединяться. Ни молодой университет, ни город Сыктывкар в представлениях студентки не выдерживали сравнения с прежним местом учебы. Ее устраивали занятия только тех преподавателей, которые приехали из Москвы и Ленинграда, и очень удивили блестящие лекции местного преподавателя, который, по ее позднейшему предположению, наверняка попал «в этот заштатный город, отгороженный от мира цепью концентрационных лагерей», после лагеря и ссылки [7, с. 114]. Учебу осложнял суровый быт студентов, которых привлекали к работе на лесосплаве и на лесозаводе. Учась «по необходимости в ПГУ⁵», И. Лупанова «не переставала мечтать о Ленинградском университете», «хотела закончить именно его, и не иначе, как ученицей Азадовского» [7, с. 125]. Продолжая считать его научным руководителем, переписывалась с ним. М. К. Азадовский договорился о ее переводе в Саратов, куда был эвакуирован ЛГУ⁶. Пребывание в Сыктывкаре закончилось, когда А. Г. Бонч-Осмоловскую пригласили на работу в Карелию, в Кемь («поближе к родным местам»), где создавался Учительский институт. Историю перевода и переезда мемуаристка называла «тайным побегом». Путь до Саратова растянулся надолго, был очень сложным и физически тяжелым. Потребовалось в полной мере проявить твердость характера и умение преодолевать любые преграды на пути к цели. Она добралась до Саратова, где тогда преподавал В. Я. Пропп, а после с университетом вернулась в Ленинград.

Статус родителей (в том числе высокая должность матери в правительстве КФССР), моральная поддержка и возможности материально-бытовой помощи с их стороны, а также повышенная стипендия предоставляли способной студентке минимум обеспечения, позволяющий не прерывать интенсивных занятий даже в тяжелых условиях эвакуации и карточной системы. Большую роль играла и расширенная «сеть поддержки». В нее включались научные руководители, которые не только об-

разовывали, но и опекали, помогая в житейских трудностях, а также некоторые другие преподаватели, профессора. Мемуаристка свидетельствует, что с научными наставниками у нее устанавливались отношения «домашние», то есть высокой степени доверительности. То, что наставники ее отличали от других, стимулировало научные интересы и укрепляло уверенность в своих возможностях

Историческое время и противостояние

«Большая история» в ее потаенной части, от которой защищает родительский дом и о которой не говорят в школе, вторгается в жизнь по мере расширения социального мира ребенка. Вначале в виде рассказов жильцов ленинградской коммунальной квартиры тети о том, как кого-то «взяли», затолкали в комнату, держали стоя, да и «сами биографии тетиных соседок таят в себе какие-то мрачные тайны» [7, с. 32]. О муже торопецкой тети говорили, что он умер, но «из подслушанных взрослых разговоров» известно, что его «забрали», как и куда, ребенку неясно [7, с. 36]. От родителей она ни разу не слышала сетований на судьбу, трудности быта «не мешали отцовским шуткам», но однажды отец пришел мрачным, так как увидел на улице синих и распухших от голода ребятишек. Он «угрюмо молчит», а потом «говорит, не глядя на меня: “Кулаков переселяют”». Все то, что дочка знала про кулаков из школы, не соответствовало такой реакции и вызвало недоумение [7, с. 67].

Два мира начинают существовать параллельно. С одной стороны, во второй половине 1930-х улучшился быт, стало больше праздников: «Вернулась новогодняя елка. Под названием “Проводы русской зимы” вернулась Масленица» [7, с. 73]. На Масленицу у родителей собирались преподаватели педучилища, квартира это позволяла. С другой стороны, нельзя было «не заметить, что в спокойной, жизнерадостной атмосфере нашего дома возникли нотки какой-то тайной тревоги», был собран «чемоданчик»; «по ночам я слышала сквозь сон через стенку долгие разговоры шепотом в родительской спальне, с работы они приходили с посеревшими лицами» [7, с. 84]. Мемуаристка пишет, что пониманию происходящего противилось ее «пионерско-комсомольское воспитание», а отец пытался «найти хоть какое-то рациональное зерно в разворачивающемся театре абсурда» [7, с. 85].

Мимо семьи «прошла весьма серьезная опасность». Стало известно, что в архиве нашелся список членов петрозаводской кадетской партии с именем А. Г. Бонч-Осмоловской (о котором она сама не знала). «Но ... вместо несчастья в нашу семью вошли чудеса»: в мае 1939 г. маме вручили орден Трудового Красного Знамени, а весной 1940 г. ее избрали в Верховный Совет Карело-Финской республики первым замом председателя – Отто Куусинена. От этой «потрясающей новости» отец и дочь «просто обомлели. Не от радости, а от неожиданности и ужаса (...), потому что мы-то уж знали, как не подходит к означенной роли наша эталонно интеллигентная мама, как трудно ей будет с ее честностью и деликатностью “соответствовать” высокому назначению! Конечно, мы сразу поняли, что ее роль будет чисто декоративной: иллюстрация нерушимости блока коммунистов и беспартийных» [7, с. 86]. Две тетки (сестры мамы) при этом известии заплакали, «отнюдь не от радости» [7, с. 87]. Вспоминая и оценивая ситуацию из конца 1990-х, мемуаристка выражает несколько типичных идей, касающихся статуса интеллигенции: о несовместимости человека высокой культуры с властью, об опасности пребывания в ней и об ответственности за любое порученное дело перед народом. О последнем свидетельствуют перемены в жизни семьи: «К маме стали многие обращаться со своими бедами, ей пришлось установить приемные часы, «ее собственная и наша с папой жизнь стали просто невыносимы» [7, с. 87]. Изменилось и семейное окружение, в нем появились «не свои»: «Наш дом наполнился людьми, которые до того и близко к нему не подходили: от наркома просвещения до нового ректора университета, который еще недавно говорил про моего отца: “Этот Лупанов какой-то не наш человек”» [7, с. 85–86].

И. П. Лупанова пишет, что политика исключалась из общесемейных разговоров, ей предоставлялось думать, «как учат в школе, в комсомоле, в прессе», и теперь она понимает, что стремление родителей оградить ее от их собственных сомнений было продиктовано заботой. «Честные русские интеллигенты, они сердцем приняли революцию, искренне ей служили, хотели верить в справедливость пришедших с ней порядков. Именно хотели, но, очевидно, не всегда могли». В дочери же «воспитывали только чисто человеческие качества: чувство долга, верность слову, сострадание к близким (...), искренность, справедливость» [7, с. 92–93].

Во многом организующую роль в мемуарах постсоветской интеллигенции из «принципиально разных политических и идеиных лагерей» выполняют «сюжеты борьбы за научное достоинство» и образ противника («Гонителя»), который воплощает власть, партийные и чиновничьи инстанции, цензуру и т. д. [5, с. 369]. В такой ситуации И. П. Лупанова оказалась в Ленинградском университете в связи с печально известной кампанией «борьбы с космополитизмом», в результате которой в ряду других коллег пострадал ее почитаемый научный руководитель М. К. Азадовский. Мемуаристка называет 1949 г. трижды проклятым. Незадолго до этого ей, отличнице и общественнице, не дали «тихо выйти из комсомола» и приняли кандидатом в члены партии, чему она нашла объяснение: «Мое “звездное” положение на факультете не допускало выпадения из поля зрения начальства». В связи с судилищем над опальными учеными Лупановой предложили выступить с обвинением, она отказалась и написала матери, что, наверное, ее выгонят из аспирантуры, в ответ получила поддержку: «“Ну и пусть выгоняют, нельзя предавать учителей”» [7, с. 177]. «Однако этим поступком мое мужество оказалось исчерпано», – замечает мемуаристка, имея в виду, что, по совести, было бы выступить в защиту.

Граница между «своими» и «чужими» подвижна: к тем и другим в контексте конкретной ситуации могут относиться представители любых этажей власти, университетского руководства, ближайших коллег и пр. Позиция действующих лиц противостояния оценивается, прежде всего, по этическому критерию («нравственному выбору»), а обосновывается мотивами «страха» [2] и, соответственно, «стыда». В нашем случае молодая аспирантка руководствовалась понятиями «верности» и «справедливости», рефлексируя по поводу «подлой своей трусости» и недостатка «мужества» [7, с. 178]. Судя по второй части книги и биографическим фактам, И. П. Лупанова и в дальнейшем ориентировалась на этот усвоенный с детства императив, придерживалась независимой линии поведения, что и стоило ей в конце 1970-х гг. профессорской должности вопреки всем научно-педагогическим заслугам.

Личная жизнь

Ирина Петровна считала, что отец воспитывал в ней мальчишку. Она с удовольствием и на равных участвовала в дворовых мальчишеских играх, являлась «обладательницей великолепного лука, подаренного папой», и дома с папой они тренировались в меткости, дырявя стенки, что доставляло маме огорчения [7, с. 13]. В ее игрушечном хозяйстве было мало кукол, зато она любила зимний каток, «бегать на лыжах по заснеженному лесу. Летом – плавать в озере, а еще больше плавать по нему на лодке. Я научилась грести еще в шесть лет, и мне доставляет огромное удовольствие чувствовать, как большая тяжелая лодка легко подчиняется моим веслам» [7, с. 54–55].

Внешний облик и скромность одежды девочку не смущали, напротив, когда ей сшили единственное выходное платье для посещения театра, она заплакала («как это я вдруг появлюсь перед одноклассниками “в шелках”»), надела платье, «чтоб не огорчать маму», и в антрактах пряталась за колонной [7, с. 67]. Непрятательность к одежде, сопутствующую высоким духовным запросам, И. П. Лупанова подчеркивает у своей матери и ее сестры. Конечно, на женскую одежду влияли, прежде всего,

материально-бытовые факторы своего времени, но переживалось и преодолевалось их действие по-разному. Социальное неравенство Ирина восприняла уже сквозь призму девичьих переживаний. В Крыму на детском пляже («что-то вроде детского санатория»), куда девочку определили после болезни, она ощущала себя «вне общества» и стала объектом насмешек, так как оказалась среди дочерей каких-то «ответственных работников»: «на всех были невиданной красоты купальники, вылезая из которых они надевали столь же невиданной красоты платья» [7, с. 45]. Маме, догадавшейся о ее состоянии, пришлось забрать дочь домой.

Женскую природу мемуаристка проявляет в высокой степени, как будто утверждая ее вопреки семейному воспитанию. Немало страниц воспоминаний посвящено ее взаимоотношениям с друзьями-ухажерами школьных и аспирантских лет, в обеих частях книги часто упоминаются многочисленные поклонники. В зарисовках быта разного времени особое место занимает женская одежда, сложности ее добывания, изготовление, качество. При всем том в автоописании не без гордости подчеркиваются собственная спортивность, умение многое делать своими руками, способность сконцентрировать усилия на преодолении житейских преград, включая физические. Эти свойства можно отнести как к последствиям отцовского воспитания, так и к стремлению быть независимой, сохранять физическую форму, необходимую для человека публичной профессии. К. Г. Фрумкин отмечает, что в 1960–1980-е гг. произошла юниоризация образа ученого. Типичному ученому стали приписываться «молодежные, квазимолодежные, «современные» черты»: освоение различных видов спорта и активного отдыха, новейших направлений в искусстве и т. д. Эти качества преодолевали отстраненность, которая традиционно закреплялась за ученым, при этом «две традиции, старая и новая, «профессорская» и «шестидесятническая» существовали в культуре параллельно» [14, с. 179–180].

От родителей, прежде всего, от матери, дочь не отрывалась всю жизнь Исключение – перерывы в годы войны и учеба в Ленинграде, и то с постоянными встречами во время каникул. «Проводниками» в жизни на этапе образования и вхождения в науку стали вузовские преподаватели, научные руководители. И «неразделенная любовь всей жизни» тоже была связана с одним из учителей, ленинградским профессором-филологом. При этом связь с родительской семьей оставалась нерушимой, как и наставническая роль матери и отца.

Привязанность к родителям и профессиональная целеустремленность сказывались на мотивах создания собственной семьи. Первый брак Ирины Петровны был заключен, по существу, в своей семье – с двоюродным братом. Война лишила его родителей и дома, и он стал жить с родными в Петрозаводске. Вначале, приехав на очередные каникулы, дочь была недовольна, что в родительском доме будет тесно, и не отдохнуть от душевных переживаний (связанных с безответной любовью). Однако родственник оказался добрым, заботливым, привез подарки: «И в Ленинград я возвращалась в сознании, что кроме родителей есть теперь в отчим доме еще один человек, который дорожит моим вниманием, моей дружбой» [7, с. 169]. Мемуаристка не скрывает, что «не испытывала к своему будущему мужу настоящей любви», и это была попытка по принципу «клип клином» отдалить образ любимого человека, тем более что кузен по-сыновьему относился к ее родителям [7, с. 173]. Через несколько дней после заключения брака в Ленинграде она «проводила своего молодого мужа в Петрозаводск и засела за книги». Тот часто приезжал на побывку, «времени для занятий во время его приездов не оставалось». Возникло огорчившее ее обстоятельство: «замужество и связанное с этим несколько халтурное отношение к своим аспирантским обязанностям внесло некоторое охлаждение в наши отношения с руководителем» [7, с. 176–177]. Брак впоследствии распался. После защиты диссертации Ирине Петровне предлагали на выбор несколько мест работы, в том числе Ле-

нинградский университет, но она удивила комиссию, попросив о направлении в Петрозаводск («провинциальную глушь»). «Конечно, если бы я сказала, что еду к мужу, это внесло бы некоторую ясность. Но я этого не говорила, потому что это не было для меня главным. А главным было то, что я не хотела разлучаться с родителями» [7, с. 183].

Второй брак был значительно более продолжительным и счастливым, до смерти супруга – историка и преподавателя петрозаводского вуза Е. М. Эпштейна (1923–1993 гг.). Тем не менее, в конце мемуаров, подводя итоги, автор напишет, что вышла за него замуж, «потому что он был похож на Г. А. – не только складом интеллекта, но даже и внешне». А далее следует признание: «Даже докторскую диссертацию я писала не только потому, что была увлечена процессом работы, но и потому, что где-то в подсознании ютилась потребность доказать пренебрегшему мной идолу, что и я чего-то стою» [7, с. 307].

Когда через несколько месяцев после тяжело пережитой смерти матери (в 1980 г.) у Ирины Петровны постепенно начали восстанавливаться все интересы, «единственное, что ушло напрочь – это интерес к моей специальности, к моей науке!». Ей «опротивел письменный стол», она перестала читать специальную литературу, прервала переписку с фольклористами и объявила ученикам, «чтоб не ждали ни советов, ни консультаций». Свое состояние она связала «с непреходящим сожалением, что из-за увлеченности наукой я недостаточно уделяла времени общению с самым дорогим для меня человеком» [7, с. 283]. Можно объяснить такое настроение и слишком ранним, особенно для ученого и профессора, уходом (по «принципиальным основаниям») из университета, в котором она проработала много лет. А можно довериться автору – на основе предоставленного мемуарами знания о роли родительской семьи в ее профессиональном становлении.

Заключение

Книга воспоминаний И. П. Лупановой подтверждает многие стереотипы «ученого» и «интеллигенции», которые обрели устойчивость и воплотились в трансмедиальные образы во второй половине XX в. [14, с. 165–181]. И в то же время какие-то из них она опровергает, прежде всего, миф о самородках как двигателях науки, который ставит под сомнение значение семьи и воспитания в становлении ученого [14, с. 209].

Семья нестоличных педагогов высокой квалификации 1) сформировала у единственного ребенка устойчивый познавательный интерес, увлекла наукой вообще и русской словесностью в частности; 2) передала личное знание о способах научно-педагогической деятельности; 3) заложила ценности и качества личности, необходимые для реализации «жизненного проекта»; 4) обладала не только культурными, но социально-статусными и материальными ресурсами для того, чтобы обеспечить ребенку достойное образование вопреки обстоятельствам постреволюционного и военного времени. Вместе с авторитетом родителей и глубокой эмпатией к ним это создало мотивационную основу и предоставило возможности дочери для профессиональной социализации. Укрепилась же мотивация к научной работе благодаря способности будущего ученого и педагога увлекаться яркими людьми из числа учителей, за которыми она следовала и которым сохраняла верность.

Примечания

1. Лупанова И. П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск: Гос. изд-во Карельской АССР, 1959. 503 с.
2. Филимончик С. Н. Питание городского населения Карелии в условиях «социалистического штурма» начала 1930-х гг. // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2021. С. 322–327; Её же. Образование и просвещение в Советской Каре-

лии (1918–1939). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 150 с.; Её же. Деятельность Карело-Финского государственного университета в эвакуации (1941–1944) // Непрерывное образование: XXI век. 2022. Вып. 4 (40). <https://lll21.petrsu.ru/journal/article.php?id=8012> (дата обращения: 05.08.2025).

3. Карело-Финская Советская Социалистическая Республика.
4. Родословие было восстановлено потомками: 500 лет рода Бонч-Осмоловских: Осмоловские гербы Бонча / авт.-сост. М. А. Бонч-Осмоловская. М.: Науч. книга, 2018. 967 с.
5. Петрозаводский государственный университет.
6. Ленинградский государственный университет.

Список источников и литературы

1. Андреев А. Л. Гуманитарное образование и интеллектуальные среды // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития : сб. науч. тр. М.: Центр социол. исследований, 2016. С. 77–86.
2. Бессмертная О. «Война мемуаров»: мотивы страха в рассказах о советском прошлом двух медиевистов-противников и (не)советские субъективности (Е. В. Гутнова и А. Я. Гуревич) // Новое литературное обозрение. 2020. № 2 (162). С. 79–103.
3. Володина Н. В. «Мемуарный хронотоп» как литературоведческое понятие: к постановке проблемы // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. № 2. С. 66–71.
4. Гаврилова Е. В., Ушаков Д. В., Юрьевич А. В. Трансляция научного опыта и личностное знание // Социологические исследования. 2015. № 9. С. 29–36.
5. Дмитриев А. Н. Мемуары постсоветских гуманитариев: стандартизация памяти? // Сословие русских профессоров: создатели статусов и смыслов / ред. Е. А. Вишленкова, И. М. Савельева. М.: ИД ВШЭ, 2013. С. 358–384.
6. Корзун В. П., Колеватов Д. М. Профессорская семья: стиль жизни, ролевые функции в поле научной повседневности // Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования / отв. ред. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2010. Т. 2. С. 226–249.
7. Лупанова И. П. «Минувшее проходит предо мною...». Книга о пережитом. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 2007. 314 с.
8. Марковская Е. Ф. Время и люди первой половины XX века: семья Лупановых // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 5. С. 33–40.
9. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже ХХ–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругль, 2011. 560 с.
10. Сулейманова О. А. Мигранты и вещи: опыт переезда и материально-бытовая адаптация городских семей Кольского Севера. М.: Наука, 2021. 191 с.
11. Тыканова Е. В., Хохлова А. М. Основные понятия и подходы в социологическом изучении жизненных путей // Вестник СПбГУ. Сер. 12: Социология. 2016. Вып. 3. С. 4–19.
12. Филимончик С. Н. Жизнь университета в 1940–1970-е годы глазами профессора И. П. Лупановой // ХХ век и Россия: общество, реформы, революции. 2021. № 9-2. С. 122–131.
13. Филимончик С. Н. Российский университет середины ХХ века как коммуникационное пространство в книге И. П. Лупановой «Минувшее проходит предо мною» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 5. С. 54–63.
14. Фрумкин К. Г. Любование ученым сословием: Отражение социальной истории советской науки в литературе, искусстве и публичной риторике. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. 352 с.

References

1. Andreyev, AL 2016, ‘Gumanitarnoye obrazovaniye i intellektualnyye sredy’ (Humanitarian education and intellectual environments), *Obrazovaniye i nauka v Rossii: sostoyaniye i potentsial razvitiya* (Education and science in Russia: status and development potential), Tsentr sotsiologicheskikh issledovaniy publ, Moscow, pp. 77–86. (In Russ.)
2. Bessmertnaya, O 2020, ‘Voyna memuarov’: motivy strakha v rasskazakh o sovetskem proshlom dvukh mediievistov-protivnikov i (ne)sovetskiye subyektivnosti (E. V. Gutnova i

- A. Ya. Gurevich)' (The "Memoirs War": Fear Motifs in the Narratives of the Soviet Past by Two Medievalist-Adversaries and (Non-) Soviet Subjectivities (Evgenia Gutnova and Aron Gurevich)), *Novoye literaturnoye obozreniye*, no. 2 (162), pp. 79–103. (In Russ.)
3. Volodina, NV 2017, 'Memuarnyy hronotop' kak literaturovedcheskoye ponyatiye: k postanovke problemy' ("Memorial chronotope" as a literary concept: problem of definition), *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (77), pp. 66–71, doi: 10.23859/1994-0637-2017-2-77-9 (In Russ.)
 4. Gavrilova, YeV, Ushakov, DV & Yurevich, AV 2015, 'Translyatsiya nauchnogo opyta i lichnostnoye znaniye' (Broadcasting scientific experience and personal knowledge), *Sotsiologicheskiye issledovaniya* (Sociological Studies), no. 9, pp. 29–36. (In Russ.)
 5. Dmitriyev, AN 2013, 'Memuary postsovetskikh gumanitariyev: standartizatsiya pamyati?' (Memoirs of post-Soviet humanities scholars: standardization of memory?), *Sosloviye russkikh professorov: sozdateli statusov i smyslov* (The estate of Russian professors: creators of statuses and meanings), ed. Ye. A. Vishlenkova, I. M. Savel'yeva, ID VSHE publ, Moscow, pp. 358–384. (In Russ.)
 6. Korzun, VP & Kolevatov, DM 2010, 'Professorskaya semya: stil zhizni, rolevyye funktsii v pole nauchnoy povsednevnosti' (Professorial family: lifestyle, role functions in the field of scientific everyday life), *Antropologiya akademicheskoy zhizni: mezhdisciplinarnyye issledovaniya* (The Anthropology of Academic Life: Interdisciplinary Research), vol. 2. ed. G. A. Komarova, IEA RAN publ, Moscow, pp. 226–249. (In Russ.)
 7. Lupanova, IP 2007, "Minuvsheye prokhodit predo mnoyu...". *Kniga o perezhitom* ("The past passes before me..." A book about the past), Petrozavodsk State university publ, Petrozavodsk. (In Russ.)
 8. Markovskaya, YeF 2022, 'Vremya i lyudi pervoy poloviny XX veka: semya Lupanova' (Time and people of the first half of the 20th century: the Lupanov family), *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* (Proceedings of Petrozavodsk State University), vol.44, no.5, pp. 33–40, doi: 10.15393/uchz.art.2022.785 (In Russ.)
 9. Repina, LP 2011, *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsialnyye teorii i istoriograficheskaya praktika* (Historical science at the turn of the 20th-21st centuries: social theories and historiographic practice), Krug publ, Moscow. (In Russ.)
 10. Suleymanova, OA 2021, *Migrancy i veshchi: opyt pereyezda i materialno-bytovaya adaptatsiya gorodskikh semey Kolskogo Severa* (Migrants and things: the experience of moving and the material and everyday adaptation of urban families in the Kola North), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
 11. Tykanova, YeV & Khokhlova, AM 2016, 'Osnovnyye ponyatiya i podkhody v sotsiologicheskem izuchenii zhiznennykh putey' (Key concepts and approaches in sociological life course studies), *Vestnik SPbSU* (Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology), no. 3, pp. 4–19, doi: 10.21638/11701/spbu12.2016.301 (In Russ.)
 12. Filimonchik, SN 2021, 'Zhizn universiteta v 1940–1970-e gody glazami professora I. P. Lupanova' (University life from the 1940s to the 1970s through the eyes of Professor I. P. Lupanova), *XX vek i Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyutsii* (20th Century and Russia: Society, Reforms, Revolutions), no. 9–2, pp. 122–131. (In Russ.)
 13. Filimonchik, SN 2022, 'Rossiyskiy universitet serediny XX veka kak kommunikatsionnoye prostranstvo v knige I. P. Lupanova "Minuvsheye prokhodit predo mnoyu"' (Russian university of the mid-twentieth century as a communication space in Irina Lupanova's book "The Past is Passing before Me"), *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* (Proceedings of Petrozavodsk State University), no. 44 (5), pp. 54–63, doi: 10.15393/uchz.art.2022.788 (In Russ.)
 14. Frumkin, KG 2022, *Lyubovaniye uchyonym sosloviyem: Otrazheniye sotsialnoy istorii sovetskoy nauki v literature, iskusstve i publichnoy ritorike* (Admiring the learned class: Reflections of the social history of Soviet science in literature, art and public rhetoric), Nestor-Istoriya publ, St. Petersburg. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 16.08.2025

Одобрена после рецензирования: 05.11.2025

Принята к публикации: 05.11.2025

The article was submitted: 16.08.2025

Approved after reviewing: 05.11.2025

Accepted for publication: 05.11.2025

Экономическая история

Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 3 (23). С. 89–97.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 3 (23). P. 89–97.

Научная статья

УДК 397(=470.61)+339.1/340.141

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-89-97>

РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ И ЕЁ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВО ВНУТРЕННЕЙ (БУКЕЕВСКОЙ) ОРДЕ КАЗАХОВ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

**Джамбул Насихатович
Кабдиев**

Астраханский государственный университет
им. В. Н. Татищева
Астрахань, Россия, kabdiev00@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0000-7723-5332>

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу процессов становления и эволюции торговых отношений, а также их правового регулирования во Внутренней (Букеевской) орде казахов в первой половине XIX в. На основе широкого круга архивных источников и научной литературы в статье прослеживается трансформация торговых практик от традиционного натурального обмена (*айырбас сауда*) и разъездной торговли к организованной ярмарочной системе с денежным обращением. Особое внимание уделяется взаимодействию и конфликту традиционной правовой культуры кочевников, основанной на нормах обычного права (адат), и имперского административно-правового регулирования. Исследуется феномен «двойственно-го» понимания ключевых экономических категорий (таких как аренда земли) на стыке кочевой и оседлой цивилизаций. Показано, как торговля стала катализатором глубоких социально-экономических изменений в казахском обществе, способствуя его интеграции в экономическую систему Российской империи и одновременно порождая внутренние конфликты, ярким проявлением которых стало восстание под предводительством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова (1836–1838 гг.). Решающая роль в появлении стационарных населенных пунктов в Орде принадлежит торговцам, чье появление и устройство в этих землях стало возможным при поддержке со стороны властных структур разного уровня – от ханской администрации до имперских губернских органов. Делается вывод о том, что Букеевская орда имела уникальный путь развития, обусловленный ее особым внутренним статусом («анклавом» в составе империи) и географической близостью к ключевым экономическим центрам Нижнего Поволжья и Южного Урала. Это способствовало формированию здесь более сложных и динамичных гибридных форм торгово-правовых отношений, сочетавших кочевую традицию с имперскими административными новациями, что отличало Букеевскую орду от других казахских жузов, долгое время сохранявших более традиционный уклад.

Ключевые слова: Букеевская орда, история торговли, ярмарки, обычное право, российское законодательство, натуральный обмен, денежное обращение, аренда земли, правовое регулирование, межцивилизационное взаимодействие, хан Джангир.

Для цитирования: Кабдиев Д. Н. Развитие торговли и её правового обеспечения во Внутренней (Букеевской) орде казахов (первая половина XIX в.) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 3 (23). С. 89–97. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-89-97>

Сведения об авторе: Д. Н. Кабдиев – аспирант факультета истории и социальных коммуникаций, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, 414056, Россия, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20а.

© Кабдиев Д. Н., 2025

Scientific Article

UDC 397(=470.61)+339.1/340.141

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-89-97>

DEVELOPMENT OF TRADE AND ITS LEGAL SUPPORT IN THE INNER (BUKEY) HORDE OF KAZAKHS (FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY)

Dzhambul N. Kabdiev

Astrakhan State University named
of V. N. Tatishcheva
Astrakhan, Russia, kabdiev00@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0000-7723-5332>

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the formation and evolution of trade relations and their legal regulation in the Inner (Bukey) Horde of Kazakhs in the first half of the 19th century. Based on a wide range of archival sources and scientific literature, the article traces the transformation of trade practices from traditional barter (*ayyrbas sauda*) and itinerant trade to an organized fair system with monetary circulation. The author pays particular attention to the interaction and conflict between the traditional legal culture of the nomads, based on the norms of customary law (*adat*), and imperial administrative and legal regulation. The phenomenon of a dual understanding of key economic categories (such as land lease) at the junction of nomadic and sedentary civilizations is explored. The study shows how trade became a catalyst for profound socio-economic changes in Kazakh society, facilitating its integration into the economic system of the Russian Empire while simultaneously generating internal conflicts, a vivid manifestation of which was the uprising led by Isatai Taimanov and Makhambet Utemisov (1836–1838). Merchants played a decisive role in the emergence of permanent settlements in the Horde. They settled on these lands thanks to the support of government structures at various levels – from the khan's administration to imperial provincial authorities. In conclusion, the Bukey Horde had a unique development path, conditioned by its special internal status (an enclave within the empire) and its geographic proximity to the key economic centers of the Lower Volga and Southern Urals. This facilitated the development of more complex and dynamic hybrid forms of trade and legal relations, combining nomadic traditions with imperial administrative innovations. This distinguished the Bukey Horde from other Kazakh zhuzes, which for a long time retained a more traditional way of life.

Keywords: Bukey Horde, history of trade, fairs, customary law, Russian legislation, barter, monetary circulation, land lease, legal regulation, cross-civilizational interaction, Khan Zhangir.

For citation: Kabdiev, DN 2025, 'Development of Trade and its Legal Support in the Inner (Bukey) Horde of Kazakhs (First Half of the 19th Century)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (23), pp. 89–97, [http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-89-97](https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-89-97) (in Russ.)

Information about the Author: Dzhambul N. Kabdiev – Postgraduate Student of the Department of History and Social Communications, Astrakhan State University named of V. N. Tatishcheva, 20a, Tatishchev Str., Astrakhan, 414056, Russia.

Введение

Настоящая статья посвящена проблеме торговли во Внутренней казахской (Букеевской) орде. Император Павел I в свой последний день жизни и правления разрешил в 1801 г. султану Букею и подвластным группам занять пустовавшие после ногайцев и калмыков весьма обширные земли между реками Волга и Урал вплоть до северной кромки Каспийского моря. Но проблему границ в связи с торговлей можно обсуждать отдельно в дальнейшем. Этот регион, исторически связанный с торговыми путями, стал зоной интенсивных межрегиональных и межэтнических экономических контактов.

Источниками для нас послужили архивные документы, включая Положение от 19 мая 1806 г. «Об отводе земель калмыкам и другим народам, кочующим в губерниях Астраханской и Кавказской», а также данные журналов мануфактур и торговли, приведенные до революции Алексеем Ираклиевичем Лёвшинским и Яковом Владимировичем Ханыковым [8; 14]. Много интересного приводят в своих трудах по Букеевской орде Алексей Николаевич Харузин [15], этнограф Павел Иванович Небольсин [9], а также Михаил Игнатьевич Иванин – бывший советник Временного Совета Внутренней орды [6]. Данные архивов из Казахстана и Оренбуржья, приведены в сборнике по истории Букеевской орды [7] и в приложении книги профессора Биляла Аспандиярова [1]. Полезные сведения мы получили из монографий по российским казахам современных авторов – Геннадия Александровича Ташпекова [12], Ларисы Дмитриевны Утюшевой [13]. В Государственном архиве Астраханской области нам повезло уточнить локализацию одной ярмарки, а также взаимоотношения между казахами-букеевцами и российскими купцами не ранее 1810 г. [3, л. 1]. Добавим также наши материалы из поездки почти по всему Букеевскому пространству в связи с конференцией в городе Уральск и поселке Ханская Ставка в декабре 2023 г.

Основная часть

Геополитическое расположение Букеевского ханства в первой половине XIX в. характеризовалось следующими контактными зонами: север – Саратовская губерния, восток – земли Уральского казачьего войска, юг – частные дачи и рыболовецкие поселения на побережье Каспийского моря, запад – Енотаевский уезд Астраханской губернии, а также кочевья калмыков и кундровских татар (ногайцев-карагашей). Торговля между ордой и соседними губерниями (Астраханской, Саратовской, Оренбургской и др.) прошла несколько этапов, а именно – от разъездной формы к стационарной и наиболее слаженной, организованной ярмарочной торговле, от меновой (*айырбас сауда*) – к денежной. Эти разные виды осуществлялись последовательно во времени. Букеевцам высочайше было определено первое место для «мены-ярмарки»: согласно пункту 38, учредить «Киргизский базар» надлежало у реки Ахтубы между кордонными постами Белой мечети и Долот-хана [3, с. 289].

В ассортименте с обеих сторон присутствовали следующие товары: мелкий и крупный скот (овцы, коровы, лошади, иногда верблюды), продукты животноводства (шерсть, кожи, кошмы, конский волос), а также меха (волка, лисицы, сурков, куницы и т. д.) со стороны казахов, а со стороны россиян – фабричные товары, текстильные изделия и мануфактурная продукция, предметы первой необходимости, продукты питания (хлеб, ткани, чай, крупы, зерно, мука, сахар, деревянные изделия, всяческая утварь, оружие и порох), что, конечно, внесло свой вклад в трансформации традиционного уклада жизни букеевских казахов.

На раннем этапе, до организации стационарных торговых точек, меновые и денежные торговые операции осуществлялись стихийно в приграничных зонах – возле русских поселений, казачьих сторожевых линий, военных форпостов и укреплений, окружавших территорию орды. А товарообмен в самой Букеевской (Внутрен-

ней) орде носил, в основном, «разъездной» характер – купцы из Астрахани, Саратова, Самары, прибыв с товарами, разъезжали по урочищам, где кочевали казахи, производили с ними обмен и уезжали обратно. Упомянутые выше А. И. Лёвшин и Я. В. Ханыков выделяли следующие места активных коммерческих операций на тот период. На северной границе орды наблюдалась интенсивная коммерческая активность преимущественно вдоль Узенской линии, особенно в Глининском форпосте. В северо-западной части Букеевской степи – озеро Эльтон, где не ранее 1810 г. была организована ярмарка, хотя там торговали и до её учреждения. На южном участке Уральской линии – от Кулагинской крепости до Гурьева городка. Особой концентрацией торговой активности отличалась Сарайчиковская станица (ныне в Атырауской области Казахстана).

В прибрежной зоне Каспийского моря между Гурьевым городком и Астраханью функционировала сеть рыбопромышленных ватаг, где осуществлялась торговля между букеевскими казахами и купеческими группами. Букеевцы торговали на Калмыцком базаре, который был расположен недалеко от Астрахани. Это было поселение, официально закрепленное за калмыками [8, с. 395–396; 14, с. 58–60].

Таким образом, торговые операции проводились в основном с уральскими казаками, русскими, отчасти с баскунчакскими украинцами (чумаками), немецкими колонистами, а также иногда с кочевниками – калмыками и соседними полукочевниками, в частности с карагашами (кундрровскими татарами).

Стоит отметить, что для администрирования ярмарок ханы ввели должность попечителя, в чьи обязанности входило посредничество между казахами и иногородними торговцами, разрешение конфликтов и документальный учет торговых операций, прежде всего – сделок по продаже скота, с последующим представлением отчетности султану.

В 1832 г., в период правления хана Джангира, в Ханской ставке была официально учреждена регулярная сезонная ярмарка, функционировавшая дважды в год – с 15 апреля по 15 мая и с 15 сентября по 15 октября, с параллельным законодательным запретом на практику разъездной торговли. Инфраструктура постепенно развивалась: от временных кибиточных стоянок к деревянным постройкам (складам, торговым рядам). Одновременно создавались специализированные пункты ветеринарного контроля, где осуществлялся обязательный осмотр пригоняемого скота, выдавались купцам соответствующие свидетельства, а также оформлялись сопроводительные документы для транспортировки купленного скота и сырья на российские внутренние рынки.

Казахи оперировали своим обычным правом (адат), официальные власти – законами империи и губернскими установлениями. Исследователями отмечены противоречия полномочий в ханской и официальной юрисдикции: хан забирал себе больше и даже иногда хитрил [12, с. 120]. Но, похоже, что можно выделить даже специальное ярмарочное право. Нарушения были, но дабы не нарушать общий настрой мероприятия, публичные наказания хан Джангир запретил.

Порядок на ярмарках был примерно таков: сроки определялись чаще сезонно – после окончания кочевий (*жайлау*), хан Джангир учредил должность депутата. К примеру, выделялся особый депутат, который выполнял регулятивную функцию: обязанный находиться в Ханской ставке, уполномоченный представитель обеспечивал поддержание правопорядка среди казахского населения, в частности, казахских участников торгов, контроль за исполнением предписаний местной полиции и посредничество при разрешении конфликтов между оседлым населением и кочевниками в период проведения ярмарок.

Ярмарки имели свою топографию: торговые лавки ставились в два и более рядов. Устанавливался срок решения малозначительных торговых споров в один день.

Предусматривались даже, говоря современным языком, пени и ступенчатая апелляция. Не допускалось фальсификации товаров и примешивания к весовым товарам неподобающих веществ (песка), развивалось документирование с обеих сторон, за сохранение спорного имущества нарушителя, оставленного нарушителем, отвечали доверенные лица [7, с. 361–368].

Уточняя сюжет об этапах, любопытно отметить историю появления стационарных торговых пунктов. Так, 26 декабря 1824 г. асессор из Оренбургской пограничной комиссии, титулярный советник А. Д. Кузнецов в служебной переписке с ханом Джангиром обозначил проблемы в ведении торговли, с которыми сталкивались российские купцы в степи. В связи с этим он предложил открыть на территории Орды два стационарных торговых пункта для развития «...купеческой коммерции...». Уже в феврале 1825 г. оренбургский военный губернатор П. К. Эссен издал распоряжение об учреждении новых торговых пунктов: у горы Чапчачи (недалеко от Волги) и при Нарын-песках на урочище Уялы (неподалеку от Урала) – оба располагались вблизи кордонных линий [там же, с. 253–255]. Здесь ежегодно в апреле проходили организованные съезды для оптовых закупок скота, куда приезжали купцы из внутренних городов империи. Несмотря на учреждение этих центров, гибкая модель разъездной торговли не была вытеснена. Купцы продолжали использовать как прямое посещение кочевий, так и опосредованные схемы работы через доверенных казахов, получавших товар под расписку.

Как упоминалось выше, основной формой торговли у букеевских казахов в первой четверти XIX в. выступал натуральный обмен, где расчетной единицей служил годовалый баран (*ісек*), двухгодовалый (*кунан*) стоил как полтора секи, а трехгодовалый (*донен*) стоил как два годовалых. Такая практика соответствовала традиционной структуре кочевого хозяйства, однако носила неэквивалентный характер с точки зрения рыночных отношений. Поэтому с 1820-х гг. происходят изменения в торговых практиках в связи с введением в орде денежной системы налогообложения, а также из-за практической целесообразности денежных расчетов (выгодность денежных платежей при внесении податей, удобство при приобретении товаров в других губерниях) и формирования у букеевцев навыков денежного накопления.

На юге были расположены дачи, принадлежавшие графу Безбородко и князю Юсупову, с которыми у букеевских казахов возникали споры в течение почти всего периода существования ханской власти в орде (1801–1845 гг.) [4, л. 1–3]. В связи с изданием Положения 1806 г. приказчики помещиков, жившие на рыбных промыслах и в населенных пунктах, стали ограничивать казахов в пользовании пастьбищами на северном побережье Каспийского моря. Приказчики стали обозначать границы дач маяками, межевыми столбами и более мелкими межниками, а за пастьбу скота в районе дач они стали требовать плату. Хотя помещики вскоре ввели в практику отработку, предпочитая её арендной плате [1, с. 63–65].

Следует обратить внимание, что понимание аренды у казахов Букеевской Орды в этот период было переходным и сочетало в себе три пласта:

1. традиционные кочевые представления (господствующие);
2. политику царской администрации (внешнее влияние);
3. экономическую необходимость (вынужденная адаптация).

Как и все кочевники, казахи Букеевской Орды не рассматривали землю как объект собственности, который можно продать или сдать в аренду. Они считали, что земля – общее благо рода.

К середине XIX в. в Букеевской Орде сформировалось двойственное понимание собственно аренды:

1. Внутриордынское: по-прежнему на основе обычного права *саун* как социальная помощь и временный доступ к пастьбищам за плату натурой;

2. Внешнее: вынужденная экономическая аренда как плата (скотом, деньгами, товаром) за доступ к пастбищам у соседей или за право вести хозяйство на своей же земле, но по правилам, навязанным ханской властью и российскими чиновниками.

Таким образом, казахи Букеевской Орды понимали аренду еще по-кочевому, но уже были вынуждены вступать в арендные отношения по новым, поначалу чуждым им правилам, что стало источником серьезных социальных конфликтов и недопонимания.

Однако существовали устоявшиеся формы пользования ресурсами, которые русские чиновники, не вникая в суть, часто тоже записывали для отчетов как «аренду».

– Передача скота на выпас (*саун*). Это была главная форма «протоаренды» внутри кочевого общества. Бедные или пострадавшие от джуута семьи отдавали свой скот баю на содержание. Взамен хозяин скота обретал право пользоваться продуктами (молоко, шерсть), а владелец пастбищ получал приплод или часть продуктов. Это был социальный договор, а не коммерческая аренда земли.

– Разрешение на кочевку на своей территории. Представитель другого рода мог попросить разрешения перекочевывать на земли чужого рода. За это он мог выплатить компенсацию скотом или изделиями. Это также воспринималось как временная плата за пользование ресурсом, а не как аренда территории в европейском смысле.

Букеевская Орда с самого начала находилась под пристальным вниманием российской администрации (Пограничная комиссия, Астраханское и Оренбургское генерал-губернаторство). Власти пытались регулировать жизнь орды по имперским законам. Например, российские чиновники пытались фиксировать отношения между казахами и другими народами (русскими, татарами, калмыками) через письменные договоры аренды. Казахи, не имевшие письменной традиции в этом вопросе, часто шли на это, не понимая долгосрочных последствий.

Также царская администрация признавала верховным собственником земли хана (Джангира) и его султанов. Это подрывало общинное землевладение и создавало прецедент, что кто-то один может распоряжаться землей от имени всех. Хан Джангир (правил в 1823–1845 гг.), будучи образованным человеком, сам начал активно использовать арендные отношения, раздавая лучшие пастбища своей знати и приближенным, что было новшеством для традиционного общества.

Как было упомянуто выше, Букеевская Орда была окружена российскими землями, а ее внутреннего пространства перестало хватать для растущего поголовья скота и населения. Казахи были вынуждены арендовать пастбища у соседей – уральских казаков, калмыков и русских помещиков. Здесь традиционные представления столкнулись с реальностью. Они платили за право кочевать на этих землях скотом, деньгами или отработками. Это была уже вынужденная и внутренне конфликтогенная экономическая сделка, близкая к классической аренде.

Восстание под предводительством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова (1836–1838 гг.) служит иллюстрацией такого конфликта. Восставшие выступали против произвольной раздачи ханом земель в аренду. Хан Джангир и его окружение рассматривали землю как объект для распоряжения и извлечения дохода (арендная плата). Родовые старшины и простые кочевники видели в этом предательство исконных обычаяев (*әдем-ғұрып*), где земля – общая, и никто не вправе единолично сдать ее в аренду, лишив сородичей пастбищ. И такие социальные неурядицы отмечались и далее не раз (в том числе и вне рассматриваемого нами периода).

Также стоит упомянуть о населенных пунктах в Орде. В XIX в. земли Внутренней (Букеевской) орды оставались слабозаселенными. Миграция оседлого населения из других регионов Российской империи была незначительной в силу ряда сдерживающих факторов.

Во-первых, правовой режим этих территорий, дарованных императором Александром I в исключительное пользование букеевским казахам, ограничивал возможности для колонизации. Во-вторых, суровые природно-климатические условия степи были малопригодны для ведения оседлого земледелия и создания постоянных поселений. Кроме того, данные земли не вызывали интереса у государства ввиду отсутствия стратегических транспортных маршрутов и разведанных месторождений полезных ископаемых.

Вследствие этого в XIX столетии на территории Орды возникло лишь три небольших поселения. Долгое время Ханская Ставка (основана в 1828 г.) оставалась не только административным, но и единственным постоянным населенным пунктом. Только во второй половине века усилиями торговцев были заложены два новых поселка – Новая Казанка и Таловка [2, с. 642].

Выводы

По этапности развития букеевской торговли. Торговля Букеевской орды с со-пределльными российскими губерниями прошла в своем развитии три этапа:

- разъездная торговля: стихийный товарообмен в приграничных зонах, где русские и татарские купцы самостоятельно разъезжали по степи;
- стационарные пункты: создание по инициативе имперской администрации (например, у горы Чапчачи и урочища Уялы в 1825 г.) постоянных мест для торговых операций;
- организованная ярмарочная система: учреждение централизованных, регламентированных по времени и месту проведения ярмарок (как в Ханской ставке в 1832 г.), что означало переход к высшей форме торговой организации.

По эволюции форм расчета. Произошел переход от чисто натурального обмена, где универсальной расчетной единицей выступал скот (годовалый баран – ісек), к денежному обращению. Эта трансформация была обусловлена введением денежной системы налогообложения, практической целесообразностью и постепенным формированием у кочевников навыков денежного накопления.

По формированию уникального правового поля. Торговая деятельность на территории орды регулировалась сложным переплетением трех правовых систем:

- казахское обычное право (адат) регулировало отношения между самими кочевниками;
- имперское законодательство регламентировало отношения между русскими купцами и казахами, а также формально устанавливало общие правила;
- так называемое ярмарочное право – комплекс локальных правил и установлений, выработанных непосредственно для регулирования ярмарочной жизни (срока разрешения споров, борьба с фальсификацией товаров, должность ярмарочного депутата и попечителя). Это право стало продуктом синтеза имперских административных норм и практической необходимости учета местной специфики.

По двойственности в понимании экономических отношений. Ключевым противоречием стало столкновение кочевого и оседлого восприятия собственности и аренды. Для кочевого общества традиционными были отношения *саун* (передача скота на выпас как акт социальной помощи) и плата за временный доступ к ресурсам. Имперская администрация и ханская власть, возглавляемая образованным ханом Джангиром, насаждали понятие земли как объекта собственности и коммерческой аренды. Это противоречие стало одной из главных причин социального протеста, вылившегося в восстание 1836–1838 гг.

О геоэкономических преимуществах Букеевской орды. Внутренний статус орды и ее близость к крупным торговым центрам империи (Астрахань, Саратов, Оренбург) обусловили более быстрое и глубокое вовлечение ее в общероссийский экономический процесс по сравнению с Зауральскими ордами. Это проявилось в более

плотных торговых связях, более раннем переходе к денежным отношениям и смещении торговой инфраструктуры (ярмарок) непосредственно на территорию орды с первой половины XIX в.

Стационарные поселения в Букеевской орде. В XIX в. на территории Орды возникло всего три поселения – Ханская Ставка, Ново-Казанка и Таловка. В рассматриваемый период ключевым драйвером возникновения стационарных поселений в Букеевской орде выступила именно торговая деятельность. Их появление и консолидация стали возможны благодаря лояльной политике местной ханской администрации и властей, поощрявших торговые операции на подконтрольных территориях.

О культурно-языковом взаимодействии. Торговля выступала не только экономическим, но и коммуникативным каналом, способствуя возникновению многоязычной ярмарочной лексики («жарменке», «бодокчай») и интерференции русского, казахского и калмыцкого языков.

Примечания

1. Основные положения статьи были доложены автором 3 июля 2025 г. на секции «Экономика и право в этнокультурном измерении» XVI Конгресса антропологов и этнологов в г. Перми.

Список источников и литературы

1. Аспандиаров Б. А. Образование Букеевской орды и её ликвидация. Алматы: Казак энциклопедиясы, 2007. 400 с.
2. Белоусов С. С. Роль торгово-ремесленного населения в создании стационарных поселений на землях казахов Внутренней киргизской орды Астраханской губернии. XIX в. // Oriental Studies. 2019. № 12 (4). С. 634–644. URL: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-634-644>
3. ГАОО (Государственный архив Астраханской области ГАОО). Ф. 1. Оп. 3. Т. 1. Д. 565.
4. ГАОО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 1122.
5. Зиманов С. З. Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата: Наука, 1982. 171 с.
6. Иванин М. И. Внутренняя или Букеевская киргизская орда // Букеевской Орде 200 лет. Изд. из 6 кн. Алматы: Өлкө, 2001. Кн. 4. С. 90–146.
7. История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.: сб. документов и материалов / сост. Б. Т. Жанаев, В. А. Иночкин, С. Х. Сагнаева. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 1120 с.
8. Лёвшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
9. Небольсин П. И. Очерки Волжского низовья. СПб.: Тип. МВД, 1852. 197 с.
10. Полное собрание законов Российской империи. 1830. Собр. 1-е. Т. 29: 1806–1807. № 23164. С. 283–309.
11. Почекаев Р. Ю. «Маргинальные» государства на пост-ордынском пространстве: чингизидское и российское влияние на государственно-правовое устройство Касимовского и Букеевского ханств // Средневековые тюрко-татарские государства : сб. статей. Казань: Ихлас; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. Вып. 3. С. 112–127.
12. Таштеков Г. А. Казахи Волгоградской области: история и современность. Алматы: Эдебиет, 2023. 578 с.
13. Утюшева Л. Д. История, культура и традиции казахского народа. Волгоград: Панорама, 2016. 208 с.
14. Ханыков Я. В. Очерки состояния Внутренней Киргизской орды в 1841 году // Записки Императорского Русского Географического общества. 1847. Кн. 2. С. 27–60.
15. Харузин А. Н. Киргизы Букеевской Орды (Антраполого-этнологический очерк). Вып. 1. М.: Тип. А. Левенсон и К, 1889. 549 с.

References

1. Aspandiyarov, BA 2007, *Obrazovaniye Bukeyevskoy ordy i yeyo likvidatsiya* (The Bukey Horde: Establishment and Annexation), Qazaq Entsiklopediasy publ, Almaty. (In Russ.)
2. Belousov, SS 2019, ‘Rol torgovo-remeslennogo naseleniya v sozdaniii statsionarnykh poseleniy na zemlyakh kazakhov Vnutrenney kirgizskoy ordy Astrakhanskoy gubernii. XIX v.’ (The Inner Kirghiz Horde of Astrakhan Governorate: the Impact of Trades and Crafts People on the Establishment of Stationary Settlements in Kazakh-Inhabited Lands. 19th Century), *Oriental Studies*, no. 12 (4), pp. 634–644, doi: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-634-644. (In Russ.)
3. *Gosudarstvennyy arkhiiv Astrakhanskoy oblasti (GAAO)* (State Archives of the Astrakhan Region), fund 1, inventory 3, volume 1, file 565. (In Russ.)
4. *Gosudarstvennyy arkhiiv Astrakhanskoy oblasti (GAAO)* (State Archives of the Astrakhan Region), fund 1, inventory 4, volume 1, file 1122. (In Russ.)
5. Zimanov, SZ 1982, *Rossiya i Bukeyevskoye khanstvo* (Russia and the Bukey Khanate), Nauka publ, Alma-Ata. (In Russ.)
6. Ivanin, MI 2001, ‘Vnutrennyaya ili Bukeyevskaya kirgizskaya orda’ (Internal or Bukey Kyrgyz Horde), *Bukeyevskoy Orde 200 let. Izd. iz 6 kn.* (Bukeyevskaya Horde is 200 years old. In 6 vols), vol. 4, Өлкө publ, Almaty, pp. 90–146. (In Russ.)
7. Zhanayev, BT, Inochkin, VA & Sagnayeva, SKh 2002, *Istoriya Bukeyevskogo khanstva. 1801–1852 gg.* (History of the Bukey Khanate. 1801–1852), Dayk-Press publ, Almaty. (In Russ.)
8. Lyovshin, AI 1996, *Opisaniye kirgiz-kazachikh, ili kirgiz-kaysatskikh, ord i stepey* (Description of the Kyrgyz-Cossack, or Kyrgyz-Kaisak, Hordes and Steppes), Sanat publ, Almaty. (In Russ.)
9. Nebolsin, PI 1852, *Ocherki Volzhskogo nizovya* (Essays on the Lower Volga), Tip. MVD publ, St. Petersburg. (In Russ.)
10. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. 1806–1807* (Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 1806–1807) 1830, coll. 1, vol. 29, no. 23164, pp. 283–309. (In Russ.)
11. Pocheokayev, RYu 2011, “Marginalnyye” gosudarstva na post-ordynskom prostranstve: chingizidskoye i rossiyskoye vliyanije na gosudarstvenno-pravovoye ustroystvo Kasimovskogo i Bukeyevskogo khanstv’ (“Marginal” states in the post-Horde space: Chinggisid and Russian influence on the state and legal structure of the Kasimov and Bukey Khanates), *Srednevekovyye tyurko-tatarskiye gosudarstva* (Medieval Turkic-Tatar States), no. 3, Ikhlas publ, In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT publ, Kazan, pp. 112–127. (In Russ.)
12. Tashpekov, GA 2023, *Kazakhi Volgogradskoy oblasti: istoriya i sovremennost* (Kazakhs of the Volgograd Region. History and Modernity), Әdebiyet publ, Almaty. (In Russ.)
13. Utyusheva, LD 2016, *Istoriya, kultura i traditsii kazakhskogo naroda* (History, Culture, and Traditions of the Kazakh People), Panorama publ, Volgograd. (In Russ.)
14. Khanykov, YaV 1847, ‘Ocherki sostoyaniya Vnutrenney Kirgizskoy ordy v 1841 godu’ (Essays on the State of the Inner Kirghiz Horde in 1841), *Zapiski Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva* (Notes of the Imperial Russian Geographical Society), book 2, pp. 27–60. (In Russ.)
15. Kharuzin, AN 1889, *Kirgizy Bukeyevskoy Ordы (Antropologo-etnologicheskiy ocherk)* (Kirghiz of the Bukey Horde (Anthropological and Ethnological Essay)), no. 1, Tip. A. Levenson i K publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 29.09.2025
Одобрена после рецензирования: 05.11.2025
Принята к публикации: 05.11.2025

The article was submitted: 29.09.2025
Approved after reviewing: 05.11.2025
Accepted for publication: 05.11.2025

Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 3 (23). С. 98–115.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 3 (23). P. 98–115.

Научная статья
УДК 94(47).081+94(47).082
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-98-115>

«НЕНАСТОЯЩИЕ КУПЦЫ» В ГУБЕРНСКОМ ГОРОДЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.: ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ ТУЛЫ МЕЖДУ ПРАВОМ И ВЫГОДОЙ

**Никита Алексеевич
Биленко**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, nikitabilenko@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4666-4553>

Аннотация. Статья посвящена проблеме существования слоя предпринимателей в России второй половины XIX в., которые приобретали купеческие свидетельства на право торговли и промыслов, но не пользовались правом перехода в истинно гильдейское купечество. Исследование выполнено в рамках локального подхода, что связано с вариантом решения проблемы исследования и спецификой источников базой. Основу работы составили массовые исторические источники фискально-административной документации – «Журналы генеральной проверки торговли и промышленных заведений» по г. Тула. Их выбор обусловлен информационной насыщенностью и наличием подробного описания конкретных торгово-промышленных заведений города и сведений о торговых документах, на основе которых они функционировали. Журналы содержат сведения в т. ч. и о владельцах предприятий. В работе устанавливается социальный состав предпринимателей без купеческого звания – обладателей купеческих свидетельств и билетов на право торговли и промыслов; их долевое присутствие в различных сферах торговли и промышленного производства в пределах локального рынка губернского центра; рассматриваются особенности их хозяйственной деятельности на протяжении второй половины XIX столетия. В результате проведенного исследования устанавливается «подвижность» и неоднородность слоя «ненастоящих купцов» Тулы. Итоги работы подтверждают тезис о расширении социальной основы предпринимательства в России второй половины XIX в. на фоне процесса маргинализации слоя предпринимателей губернского центра. Материалы проведенного исследования подтверждают значимость сословных начал российского общества рассматриваемого периода для предпринимателей в процессе их хозяйственной деятельности по организации торговых и промышленных предприятий.

Ключевые слова: экономическая история, история предпринимательства, эпоха модернизации, город, купечество, массовые исторические источники.

Для цитирования: Биленко Н. А. «Ненастоящие купцы» в губернском городе второй половины XIX в.: предприниматели Тулы между правом и выгодой // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 3 (23). С. 98–115. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-98-115>

Сведения об авторе: Н. А. Биленко – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 125.

Scientific Article

UDC 94(47).081+94(47).082

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-98-115>

"FAKE MERCHANTS" IN A PROVINCIAL TOWN IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY: ENTREPRENEURS OF TULA BETWEEN RIGHT AND BENEFIT

Nikita A. Bilenko

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Tula, Russia, nikitabilenko@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4666-4553>

Abstract. The article is devoted to the problem of the existence of a stratum of entrepreneurs in Russia in the second half of the 19th century, who acquired merchant certificates for the right to trade and crafts, but did not use the right to join the true guild merchants. The study was carried out within the framework of a local approach, which is associated with a solution to the research problem and a specific source base. The work was based on mass historical sources of fiscal and administrative documentation – "Journals of general verification of trade and industrial establishments" in Tula. Their choice is due to the information saturation and the availability of a detailed description of specific commercial and industrial establishments of the city and information about the trade documents on the basis of which they functioned. The journals contain information, including about the owners of enterprises. The work establishes the social composition of entrepreneurs without a merchant's title – holders of merchant certificates and tickets for the right to trade and crafts; their share presence in various spheres of trade and industrial production within the local market of the provincial center; The features of their economic activity during the second half of the 19th century are considered. As a result of the conducted research, the "mobility" and heterogeneity of the layer of "fake merchants" of Tula are established. The results of the work confirm the thesis about the expansion of the social basis of entrepreneurship in Russia in the second half of the 19th century against the background of the process of marginalization of the stratum of entrepreneurs of the provincial center. The materials of the conducted research confirm the importance of the class principles of the Russian society of the period under review for entrepreneurs in the process of their economic activity in organizing commercial and industrial enterprises.

Keywords: economic history, history of entrepreneurship, the era of modernization, the city, merchants, mass historical sources.

For citation: Bilenko, NA 2025, "Fake Merchants" in a Provincial Town in the Second Half of the 19th Century: Entrepreneurs of Tula Between Right and Benefit', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (23), pp. 98–115, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-98-115> (in Russ.)

Information about the Author: Nikita A. Bilenko – PhD in History, Associate Professor of the Department of History and Archaeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Введение

Вторая половина XIX столетия в истории России характеризуется как эпоха экономической либерализации [32, с. 275–276]. После принятия «Положения о пошлинах за право торговли и других промыслов» 1863 г. (с дополнениями 1865 г.) [30; 31] представители различных сословий: от крестьян до дворян получили широкие возможности организации своей предпринимательской деятельности. Отныне, любой подданный империи или иностранец, приобретая торговые документы (на разносный или развозный торг, на мелочную торговлю или купеческие) имел возможность организовать «свое дело». Масштабность разрешенной предпринимательской деятельности теперь зависела от финансовых возможностей жителя страны приобрести торговый документ соответствующего уровня [4, с. 420].

Законодательство империи четко фиксировало род предпринимательской деятельности и внешние признаки торгово-промышленных заведений, которые разрешено было содержать по соответствующим торговым документам. Для организации торговли или промышленного производства в значимых масштабах, подобно представителям древнего купеческого сословия, необходимо было приобрести купеческие свидетельства и билеты I или II гильдии (по которым предоставлялся наибольший объем торгово-промышленных прав). Фактически с середины 1860-х гг. экономические права, которые традиционно принадлежали купечеству, были отделены от социального статуса купца [4, с. 420; 32, с. 77–84]. Это институциональное изменение рассматривается историками экономики в качестве фактора, который способствовал распространению частного предпринимательства в России [22; 23; 28; 29, с. 245–246; 33; 34]. Специалисты же в области социальной истории воспринимают это законодательное новшество как одно из проявлений «размыивания» сословных границ [21, с. 423–431]¹.

Однако историографическая практика XX – первой четверти XXI в. свидетельствуют все же о том, что в глазах историков развитие крупного предпринимательства в России связано с деятельностью представителей именно купеческого сословия. Учеными установлено: предприниматели, обладавшие купеческим званием (причисленные к 1 или 2 гильдии), чаще являлись владельцами наиболее крупных и стablyно работавших торговых и промышленных заведений [24; 25; 28; 29, с. 244–245; 33; 37; 38; 40; 41, с. 53]. Современная российская историческая наука располагает десятками, если не сотнями работ, посвященных формам и масштабам их профессиональной деятельности. Благодаря широкому спектру сохранившихся делопроизводственных и справочных материалов, это-документов историки в деталях восстанавливают биографии купцов и даже проводят просопографические исследования выдающихся купеческих родов [23; 26; 27; 33; 39].

Но нельзя забывать, что либерализация торгового законодательства второй половины XIX в. позволила населению империи заниматься «купеческими» формами предпринимательства без перехода в купеческое сословие (с сохранением прежнего социального статуса). Долгое время на фоне массива трудов, посвященных непосредственно купцам, эти торговцы и промышленники «терялись» на страницах исследований. Действительно, хорошая изученность и доступность корпуса исторических источников, содержащих сведения об имуществе и торгово-промышленных заведениях купечества [1] делает изучение хозяйственного опыта этих «бизнесменов» XIX в. приятной работой. Иное дело – обнаружить провинциальных предпринимателей, не обладавших купеческим званием, не принадлежавших к элитарным слоям русского общества XIX в., не являвшихся «олигархами» Российской империи, но владевших значимыми по обороту средств торговыми-промышленными предприятиями.

Настоящее исследование является попыткой выявить этих «ненастоящих купцов», составить коллективный портрет наиболее активных предпринимателей – выходцев из самых разных слоев населения что воспользовались экономической либерализацией второй половины XIX в. Кто из предпринимателей приобретал купеческие свидетельства и отказывался переходить в купеческое сословие? С чем это было связано? Массовым ли было это явление? И чем отличалась деятельность этих «ненастоящих купцов» от хозяйственно-профессиональной активности обладателей истинно гильдейского звания?

Источниковая база и методология исследования

В середине 1860-х – 1890-х гг. купеческие свидетельства I и II гильдии закрепляли наибольший объем торгово-промышленных прав за их владельцами. К примеру, по купеческому свидетельству II гильдии было разрешено производить в том уезде, где был приобретен документ, розничную торговлю русскими и иностранными товарами из лавок и магазинов; содержать фабрики и заводы с применением машинного труда, ремесленные заведения без ограничения в их числе, но с уплатой за каждое особого билетного сбора. Кроме того, разрешалось принимать подряды, поставки и откуп, но на сумму не свыше 15 000 рублей [31, ст. 32–34]. Одновременно приобретение этих документов устанавливало право их собственников записываться вместе с семейством в купеческую гильдию [31, ст. 84–87]. Логично предположить, что избравших эти торговые документы, но не записавшихся в гильдию предпринимателей, в первую очередь интересовали именно экономические права. Это означает, что в исторических источниках необходимо искать так называемые «цензовые» предприятия – средние и относительно крупные торгово-промышленные заведения, которые разрешено было содержать только с уплатой пошлин и оформлением торговых документов.

Наиболее подходящими для решения этой задачи представляются массовые исторические источники фискально-административной документации – «Журналы генеральной поверки торговли и промышленных заведений». Эти документы ежегодно оформлялись чиновниками губернских казенных палат в присутствии торговых депутатов по итогам генеральных проверок предпринимательской деятельности в городах и уездах страны. Журналы являлись основанием для определения law-мерности хозяйственной активности торговца или промышленника, оценки правильности налогообложения [2].

Поскольку налогообложение предпринимателей в рассматриваемый период базировалось на патентной системе (для этого и были введены торговые свидетельства и билеты), значимыми для чиновников становились внешние признаки торга или промышленного производства и торговые документы, на основе которых осуществлялась предпринимательская деятельность. Журналы генеральной поверки содержат подробные описания форм и размеров торгово-промышленных заведений, сведения об их собственниках, лицах, непосредственно осуществлявших управление предприятиями, документах, на основании которых осуществлялся торг, данные о масштабности торговли, ассортименте реализуемых товаров. Еще одним преимуществом Журналов как исторических источников является их типовой формуляр. Систематичность сбора сведений о предпринимателях и их предприятиях позволяет сопоставлять данные источников по годам и местностям, выявляя тенденции экономического развития или устанавливать типичное и особенное в хозяйственном опыте торговцев и промышленников различных регионов страны.

Особенности источниковой базы – информационная насыщенность и детальность описания конкретных торгово-промышленных заведений определяют методологию и методику настоящего исследования. Наиболее результативным представляется локальный подход. Выявление «ненастоящих купцов» и характеристика их

хозяйственной активности были осуществлены по материалам Журналов г. Тулы – административного центра Тульской губернии Центральной части Европейской России [5, л. 2–376; 6, л. 9–17, 24 – 39; 7, л. 4–179; 8, л. 37–73, 78–87, 90–116, 162–174; 9, л. 10–263; 10, л. 7–133; 11, л. 6–142; 12, л. 5–59; 13, л. 2–45, 56–100; 14, л. 2–43, 52–78; 15, л. 2–5, 7–130, 137–175; 16, л. 4–89; 17, л. 2–69; 18, л. 19–113; 19, л. 2–106; 20, л. 1–57]. Высокая степень сохранности этих материалов в Государственном архиве Тульской области позволила сформировать презентативную генеральную выборку обследуемых торгово-промышленных заведений и рассмотреть эволюцию предпринимательской деятельности «ненастоящих купцов» губернского центра на протяжении почти всей второй половины XIX в.

Анализ предпринимательской деятельности торговцев и промышленников именно в этой местности неслучаен. Во-первых, Тула хоть и входила в десятку крупнейших населенных пунктов Российской империи, но являлась не столичным, а типичным провинциальным городом. Во-вторых, сам город являлся социокультурным и социоэкономическим центром, местом сосредоточения предпринимательской деятельности в губернии. Данное обстоятельство позволяет наиболее «рельефно» представить хозяйственную активность «ненастоящих купцов» на фоне остальных предпринимателей одной местности. В-третьих, Тульская губерния сочетала в себе черты Центрально-Промышленного и Центрально-Земледельческого районов [35, с. 5–8], что делает выводы по материалам губернского центра наиболее ценными для последующего сравнительного анализа положения предпринимателей северных и южных провинций России.

С целью обработки большого массива сведений на основе Журналов были составлены источнико-ориентированные реляционные базы данных с применением СУБД Microsoft Access [3]. Результаты автоматизированной обработки материалов источников стали основой для составления Таблиц 1, 2 и 3.

Кто они, эти «неправильные купцы»?

Одним из главных вопросов настоящего исследования является то, кем являлись «ненастоящие купцы» г. Тулы – владельцы торгово-промышленных заведений, которые содержали свои предприятия по купеческим свидетельствам и билетам, но с сохранением прежнего сословного статуса. В таблице 1 представлены зафиксированные в источниках социальные статусы таких предпринимателей и динамика изменения численности торгово-промышленных заведений в их собственности с 1864 г. по 1892 г. Для удобства анализа и точности выводов, представленные в Таблице 1 торгово-промышленные заведения были сгруппированы в три категории: торговые, промышленные и предприятия сферы услуг. Подобное деление отсутствует в исторических источниках, но оно необходимо для понимания тенденций развития слова «ненастоящего купечества», специфики его хозяйственной активности.

Таблица 1

Социальный состав владельцев торгово-промышленных заведений г. Тулы второй половины XIX в., содержавших предприятия по купеческим свидетельствам без приобретения купеческого звания

Владельцы торгово- промышленных заведений ²	Численность торгово-промышленных заведений					
	1864 г.	1876 г.	1880 г.	1884 г.	1888 г.	1892 г.
Торговые заведения						
Дворянин	-	2	1	-	-	-
Почетный гражданин	-	12	3	12	7	15

Таблица 1 (продолжение)

Владельцы торгово- промышленных заведений ²	Численность торгово-промышленных заведений					
	1864 г.	1876 г.	1880 г.	1884 г.	1888 г.	1892 г.
Мещанин	-	27	30	19	49	51
Цеховой ремесленник	-	2	2	1	4	7
Оружейник	5	-	-	-	-	-
Крестьянин	-	16	24	31	31	39
Отставной рядовой	-	2	1	5	8	2
Отставной унтер-офицер	-	-	2	-	2	3
Капитан	-	-	-	-	1	2
Подполковник	-	-	-	1	-	-
Солдатка	-	-	1	1	2	2
Провизор	-	6	6	4	8	7
Старший фельдшер	-	-	-	-	-	1
Чиновник	1	6	3	2	2	3
Магистрант	-	-	-	2	-	-
Германский подданный	-	1	2	1	-	1
Генуэзский подданный	-	-	-	-	1	-
Прусский подданный	-	1	-	-	-	-
Французский подданный	-	2	2	1	-	-
Гражданин города Лодзь	-	-	-	-	-	1
Итого:	6	77	77	80	115	134
<i>Промышленные предприятия</i>						
Дворянин	1	1	-	-	-	-
Почетный гражданин	-	6	-	6	3	4
Мещанин	-	12	7	10	12	13
Цеховой ремесленник	-	-	2	-	1	3
Оружейник	8	-	-	-	-	-
Крестьянин	1	8	6	3	7	11
Отставной рядовой	-	-	-	1	-	-
Капитан	-	-	-	1	-	-
Провизор	-	-	-	-	1	-
Чиновник	-	6	4	3	5	2
Генуэзский подданный	-	-	1	-	-	-
Германский подданный	-	3	-	-	1	1
Прусский подданный	-	2	1	1	2	-
Саксонский подданный	-	-	1	-	-	-
Французский подданный	-	1	2	1	-	-
Подданный Великобритании	-	-	-	-	1	1
Гражданин города Лодзь	-	-	-	-	-	1
Итого:	10	39	24	26	33	36

Таблица 1 (продолжение)

Владельцы торгово- промышленных заведений ²	Численность торгово-промышленных заведений					
	1864 г.	1876 г.	1880 г.	1884 г.	1888 г.	1892 г.
Предприятия сферы услуг						
Дворянин	-	1	1	-	-	-
Почетный гражданин	-	-	-	2	-	3
Мещанин	-	9	7	8	8	11
Цеховой ремесленник	-	-	1	-	4	-
Крестьянин	-	26	22	38	50	52
Отставной рядовой	-	-	-	2	1	
Отставной унтер-офицер	-	-	-	-	-	1
Старший писарь	-	-	-	-	-	1
Солдатка	-	1	1	-	-	-
Капитан	-	-	-	-	1	-
Чиновник	-	1	2	-	-	-
Прусский подданный	-	2	-	1	1	1
Французский подданный	-	1	1	1	-	-
Итого:	0	41	35	52	65	69

Материалы источников, представленные в Таблице 1 наглядно демонстрируют: во-первых, участие в различных сферах предпринимательской деятельности (торговле, промышленности и сфере услуг) представителей практически одних и тех же социальных слоев Тулы; во-вторых, пошаговое увеличение численности предпринимателей, избравших купеческие свидетельства для организации своей деятельности. Данные сведения следует рассматривать в качестве подтверждения тезисов о развитии частного предпринимательства в России второй половины XIX в., расширении его социальной базы на уровне губернского города.

Однако выявленный широкий спектр социальных слоев, выходцы из которых приобретали купеческие торговые документы и не переходили в купеческое сословие требует более детального рассмотрения. Этих предпринимателей условно можно разделить на четыре группы:

- 1) имевших социальный статус выше купеческого;
- 2) обладателей социально-профессионального статуса, который юридически не гарантировал какие-либо экономические преференции, но обеспечивал определенный социальный статус в обществе (чиновники, действующие военные);
- 3) имевших сословную принадлежность, стоявшую ниже в сословной иерархии (мещане, цеховые ремесленники, крестьяне);
- 4) иностранцы, прибывшие в Россию и не получившие русского подданства.

Но почему именно эти категории населения отказывались приобретать купеческое звание?

Первая выявленная категория предпринимателей – личные и потомственные дворяне, личные и потомственные почетные граждане. Для них вхождение в звание купца являлось ненужным и даже вредным. Однако стоит оговорить, что большинство почетных граждан приобретали свой статус на основании долгого пребывания в купеческом звании. Вместе с тем, выходцы и из мещанского слоя имели возможность приобретения статуса почетного гражданина. В целом, для этой группы пред-

принимателей приобретение нижестоящего в социальной иерархии купеческого статуса было бессмысленным.

Ко второй группе предпринимателей возможно отнести действующих и отставных военных, чиновников, провизоров. Первые из них, согласно материалам Журналов, получали от Городской Думы льготные купеческие билеты на организацию «своего дела» в качестве меры поддержки после увольнения в запас. Вторые являлись представителями местной власти и не торопились отказываться от выгодного профессионального положения. К примеру, в 1876 г. семья губернского секретаря Васильева владела несколькими питейными домами и харчевнями, а управлением всего этого имущества числилась его супруга – Евгения Николаевна. В 1888 г. губернский секретарь Дмитрий Петрович Докудовский содержал склад, откуда производилась оптовая и розничная торговля строительными материалами. Провизоры – собственники аптек осуществляли свою профессиональную деятельность по особым законам империи и пользовались признанным уважением в обществе.

Третья – самая многочисленная и неоднородная группа. Мещане и цеховые ремесленники являлись постоянными городскими жителями и их предпринимательская деятельность, судя по всему, в значительных масштабах (так как для нее требовалось приобретение именно купеческого свидетельства) закономерно должна была приводить к получению социального статуса купца. Однако лишь каждый пятнадцатый мещанин поступал именно так. Вероятно, это было связано с двумя факторами. Во-первых, вторая половина XIX в. характеризуется частыми экономическими кризисами 1870-х – 1880-х гг., сильно сказавшимися на финансовом положении городских жителей и платежеспособности крестьянства. Неуверенность в своем экономическом положении зачастую приводила к отказу от ежегодного продления мещанами и цеховыми купеческих свидетельств. Это наглядно видно по колебаниям численности торгово-промышленных заведений в их собственности за различные годы в Таблице 1. Во-вторых, специалисты в области социальной истории зафиксировали постепенное падение привлекательности звания купца в России на протяжении всей второй половины XIX в. в связи с поэтапным сокращением сословных привилегий. Аналогичные процессы были зафиксированы И. Н. Лобачевой и в Тульской губернии. Историк отмечает: «В целом... уменьшение притока новых семейств в купечество, наряду с устойчивым снижением его численности, указывает на постепенное падение привлекательности купеческого статуса, утратившего уже большую часть своих привилегий. Кроме того, и особенности состояния торговли в регионе не создавали условий для быстрого развития бизнеса до масштабов "купеческого"» [27, с. 64].

Четвертая группа – иностранцы. «Положением о пошлинах за право торговли и промыслов» 1863/65 гг. разрешалось им организовывать свою предпринимательскую деятельность на территории страны [36, с. 39]. Вопрос же получения ими купеческого звания скорее был сопряжен с вопросом о получении подданства Российской империи. С 1864 г. по 1888 г. в рассматриваемых источниках фигурируют одни и те же фамилии с неизменным указанием чиновником их социального статуса – «иностранец». Кроме того, материалы Журналов по г. Туле свидетельствуют о том, что практически все иностранцы являлись владельцами предприятий, которые можно отнести либо к капиталоемким (кондитерские), либо к высокотехнологичным (фотография). Организация подобных торгово-промышленных заведений заведомо требовала наличия значительных капиталов, которые иностранные подданные приобрели не в России, и, видимо, не готовы были отказаться от них на своей родине.

Помимо наличия широкой социальной основы слоя «неправильных купцов» материалы таблицы 1 свидетельствуют о двух закономерностях: 1) крестьяне приобретали купеческие свидетельства для организации в большей степени торговли и

предприятий сферы услуг (постоялых дворов, харчевен и т. д.); 2) мещане приобретали купеческие документы чаще для организации торговли и промышленных заведений. Подобные тенденции следует рассматривать в контексте «эффекта колеи». Мещане являлись городскими жителями и до 1863 г. их занятость уже была связана с ремесленным или промышленным производством [35, с. 118]. Крестьяне же избирали такие формы и масштабы предпринимательской деятельности, которые не требовали серьезных вложений в средства производства. Приготовление пищи или организация постоянного двора требовали куда меньше расходов, чем организация какого-либо завода или фабрики.

В целом, стоит признать высокую «подвижность» социального состава «ненастоящих купцов». В среде дворян, военных и иностранцев была явно выражена эпизодичность содержания предприятий по купеческим свидетельствам. А по итогам пофамильного сличения списков владельцев торгово-промышленных заведений из среды мещан, цеховых ремесленников и крестьян становится очевидна высокая скорость обновления этого слоя – более 30 % каждые четыре года.

Проблема различий между сословиями во второй половине XIX в. часто решается историками через анализ эволюции правовых норм. Однако анализ вовлеченности различных слоев населения в общую для всех предпринимательскую деятельность может иметь не меньшее значение в решении данной проблемы. Отсюда закономерен вопрос: насколько существенно присутствие «ненастоящих купцов» на локальном рынке г. Тулы?

В Таблице 2 представлена динамика численности учтенных в источниках торгово-промышленных заведений, располагавшихся в Туле во второй половине XIX в. Материалы таблицы позволяют установить соотношение собственно купеческих предприятий и торгово-промышленных заведений «ненастоящих купцов».

Таблица 2

Соотношение численности торгово-промышленных предприятий г. Тулы во второй половине XIX в., находившихся в собственности гильдейского купечества и предпринимателей без купеческого звания

Владельцы торгово-промышленных заведений	Количество частных торгово-промышленных заведений					
	1864 г.	1876 г.	1880 г.	1884 г.	1888 г.	1892 г.
Торговые заведения						
Купцы I и II гильдии	127	326	295	245	241	220
Предприниматели без купеческого звания, обладавшие купеческими свидетельствами и билетами	6	77	77	80	115	134
Общее количество учтенных торговых заведений в г. Тула	258	1064	974	992	1110	1184
Доля (в %) купеческих торговых заведений в г. Тула	49 %	30,6 %	30,3 %	24,7 %	21,7 %	18,6 %
Доля (в %) торговых заведений, содержавшихся по купеческим свидетельствам предпринимателями без купеческого звания в г. Тула	2,3 %	7,2 %	7,9 %	8,1 %	10,4 %	11,3 %

Таблица 2 (продолжение)

Владельцы торгово-промышленных заведений	Количество частных торгово-промышленных заведений					
	1864 г.	1876 г.	1880 г.	1884 г.	1888 г.	1892 г.
Промышленные предприятия						
Купцы I и II гильдии	15	102	92	60	69	58
Предприниматели без купеческого звания, обладавшие купеческими свидетельствами и билетами	10	39	24	26	33	36
Общее количество учтенных промышленных заведений в г. Тула	70	858	838	634	488	496
Доля (в %) купеческих промышленных заведений в г. Тула	21,4 %	11,9 %	11 %	9,5 %	14,1 %	11,7 %
Доля (в %) промышленных заведений, содержавшихся по купеческим свидетельствам предпринимателями без купеческого звания в г. Тула	14,3 %	4,5 %	2,6 %	4,1 %	6,7 %	7,3 %
Предприятия сферы услуг						
Купцы I и II гильдии	5	61	63	40	23	20
Предприниматели без купеческого звания, обладавшие купеческими свидетельствами и билетами	0	41	35	52	65	69
Общее количество учтенных предприятий сферы услуг в г. Тула	31	443	379	366	176	190
Доля (в %) купеческих предприятий сферы услуг в г. Тула	16,1 %	13,8 %	16,6 %	10,9 %	13,1 %	10,5 %
Доля (в %) предприятий сферы услуг, содержавшихся по купеческим свидетельствам предпринимателями без купеческого звания в г. Тула	0 %	9,3 %	9,3 %	14,2 %	36,9 %	36,3 %

Данные Таблицы 2 фиксируют разнонаправленные тенденции. Наиболее явные изменения в социальном составе владельцев «купеческих» по масштабу предприятий произошли в сфере торговли. Если гильдейские купцы в начале рассматриваемого периода контролировали почти половину торговых заведений, то концу века – лишь 18 %. Вместе с тем, доля предприятий «ненастоящих купцов» выросла с 2,3 % до сопоставимых с собственно купеческими – 11,3 %. Еще более явной оказалась ситуация с предприятиями сферы услуг: доля собственников из гильдейского купечества сократилась с 16,1 % до 10,5 %, в то время как доля заведений «ненастоящих купцов» выросла с 0 % до 36,3 %.

Иная тенденция предстает в сфере промышленного производства: и гильдейское купечество, и «ненастоящие купцы» сократили свое присутствие на рынке гу-

бернского центра. Во многом это связано со значительным приростом промышленных предприятий в собственности мещан, ремесленников и крестьян, содержавшихся по промысловым свидетельствам.

Чем богаты...

Третьим аспектом в исследовании социального слоя «ненастоящих купцов» является вопрос о специфике их хозяйственной деятельности, ее отличии от занятий истинно гильдейского купечества. В Таблице 3 представлены формы торговых и промышленных заведений, находившихся во владении этих предпринимателей.

Таблица 3

**Формы и численность торгово-промышленных заведений г. Тулы
во второй половине XIX в., содержащихся по купеческим
свидетельствам предпринимателями без купеческого звания**

Формы торгово- промышленных заведений	Торгово-промышленные заведения (м – в собственности мужчин; ж – в собственности женщин)											
	1864 г.		1876 г.		1880 г.		1884 г.		1888 г.		1892 г.	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Торговые заведения												
Амбар	-	-	2	-	-	-	-	-	1	-	-	-
Аптека	-	-	6	-	6	-	4	1	7	1	7	1
Комната для продаж	-	-	1	-	4	-	-	-	-	-	-	-
Контора	-	-	10	-	9	-	1	-	-	-	2	-
Лавка	5	-	33	9	40	5	44	6	61	8	71	8
Лесной склад	-	-	2	-	1	-	2	-	-	-	-	-
Магазин	-	-	13	3	11	2	15	1	13	-	17	2
Мелочная лавка	-	-	7	-	1	-	3	-	-	-	1	-
Оптовый склад	1	-	1	1	2	-	2	-	3	-	3	-
Палатка	-	-	2	-	10	2	-	-	5	1	-	-
Продажа дров	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-
Продажа угля	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Продажа цемента	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Ренковый погреб	-	-	1	-	-	-	-	-	25	-	35	8
Рундук	-	-	2	-	1	-	-	-	2	1	1	-
Сарай	-	-	1	-	-	-	1	-	-	-	1	-
Склад	-	-	-	-	5	-	1	-	1	-	1	-
Строительный двор	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-
Промышленные предприятия												
Булочная	-	-	1	-	-	-	-	-	1	-	4	-
Водочный завод	-	-	3	1	-	-	-	-	-	-	-	-
Гармонное заведение	-	-	2	-	1	-	-	-	2	-	1	-
Гончарная мастерская	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Гробовое заведение	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	1	-
Заведение для приготовления фруктовой воды	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
Заведение для производства гарного масла	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-
Кожевенная фабрика	-	-	1	-	1	-	-	-	3	-	2	-

Таблица 3 (продолжение)

Формы торгово- промышленных заведений	Торгово-промышленные заведения (м – в собственности мужчин; ж – в собственности женщин)											
	1864 г.		1876 г.		1880 г.		1884 г.		1888 г.		1892 г.	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Промышленные предприятия												
Колбасное заведение	-	-	-	-	-	-	3	-	2	-	1	1
Кондитерская	-	-	2	-	3	-	2	-	-	-	-	2
Крупорушка	-	-	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-
Кузница	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
Иконописная мастерская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-
Латунно- прокатный завод	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
Мебельная мастерская	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Мельница	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-
Механическая фабрика	-	-	1	-	-	-	-	-	1	-	2	1
Обувная мастерская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-
Патронный завод	-	-	-	-	-	-	1	-	2	-	1	-
Пекарня	1	-	2	-	1	-	3	-	2	-	3	-
Пиво- медоваренный завод	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Портная мастерская	-	-	2	1	5	-	3	-	1	-	-	-
Самоварная фабрика	6	-	7	-	5	-	6	1	7	1	3	-
Сахарный завод	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1	-
Свечной завод	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1	-
Скобяная мастерская	-	-	-	-	2	1	-	-	-	-	1	-
Слесарное заведение	1	-	6	-	4	-	1	-	1	1	3	1
Столярное заведение	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-
Табачная фабрика	-	-	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-
Типолитография	-	-	2	1	3	-	5	-	4	-	2	3
Чугунолитейный завод	-	-	-	-	1	-	2	-	2	-	1	1
Швейная мастерская	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	2	1
Шорная мастерская	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Щетинная фабрика	-	-	2	-	1	-	-	-	-	-	-	-
Предприятия сферы услуг												
Артель каменщиков	-	-	-	-	2	-	-	-	2	-	5	-
Артель кровельщиков	-	-	1	-	2	-	-	-	1	-	4	-
Артель маляров	-	-	1	-	1	-	-	-	1	-	-	-
Артель мостовщиков	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
Артель печников					1	-	-	-	1	-	-	-
Артель плотников	-	-	1	-	3	-	-	-	5	-	4	-

Таблица 3 (продолжение)

Формы торгово- промышленных заведений	Торгово-промышленные заведения (м – в собственности мужчин; ж – в собственности женщин)											
	1864 г.		1876 г.		1880 г.		1884 г.		1888 г.		1892 г.	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Предприятия сферы услуг												
Артель работников	-	-	-	-	1	-	16	-	1	-	-	-
Артель штукатуров	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
Банк / ссудная контора	-	-	4	-	2	-	1	-	1	-	4	-
Буфет	-	-	2	-	3	-	1	-	2	-	-	2
Гостиница	-	-	4	-	3	-	8	-	13	3	12	4
Заведение ломовых извозчиков	-	-	2	-	1	-	1	-	-	-	1	-
Контора транс- портирования кладей	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Меблированные комнаты	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Парикмахерская	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-
Питейный дом					3	-	8	1	-	-	-	-
Постоялый двор	-	-	5	-	5	-	1	-	-	-	-	-
Прачечная	-	-	1	-	1	-	-	-	1	-	-	-
Ресторация	-	-	2	-	-	-	4	-	1	-	-	2
Справочная контора	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
Торговые бани	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-
Трактир	-	-	2	-	1	-	4	-	17	6	12	5
Фотография	-	-	4	-	2	1	-	-	2	-	2	-
Харчевня	-	-	6	1	2	1	6	2	6	1	6	3
Часовая мастерская	-	-	2	-	-	1	-	-	-	-	2	-

Данные Таблицы 3 свидетельствуют о широком спектре сфер предпринимательской деятельности «ненастоящих купцов». В целом он соответствует занятиям истинного гильдейского купечества. Наиболее массовой формой торгового предпринимательства в их среде следует признать содержание лавок и магазинов, предназначенных для розничной торговли. Абсолютное большинство из них не имели четкой товарной профилизации: в заведениях одновременно реализовывали как продовольственные, так и непродовольственные товары. Промышленное предпринимательство осуществлялось «ненастоящими купцами» как в сфере производства продуктов питания, так и в области выпуска непродовольственных товаров. Однако обращает на себя внимание единичность присутствия этих предпринимателей в различных сферах промышленного производства, так что нельзя выделить определенную производственную сферу типичную для данного социального слоя. Среди предприятий сферы услуг значительное число занимали артели. Все они носили характер временных, а большинство их глав – крестьяне. Очевидно, что подобные предприниматели не воспринимали приобретение купеческих свидетельств в качестве шага по вступлению в купеческую гильдию, а вынуждены были приобретать документы для легальной работы.

Анализируя формы предпринимательской деятельности «ненастоящих купцов» следует обратить внимание и на пол собственников торгово-промышленных заведений. В абсолютном большинстве случаев владельцами являлись мужчины.

Очевидно, что главы семейств мещан, крестьян, ремесленников или иностранцы брали на себя ответственность по организации «своего дела».

Выводы

По итогам анализа материалов массовых исторических источников «ненастоящие купцы» г. Тулы предстают перед нами как крайне подвижный и неоднородный слой предпринимателей. Для большинства из них подобное состояние являлось временным и определялось необходимостью приобретения экономических прав для осуществления определенных хозяйственных действий. Наличие этого социального слоя, его вовлеченность в широкий спектр торговых и производственных сфер следует рассматривать в качестве подтверждения тезиса о расширении социальной основы предпринимательства в России второй половины XIX в. Однако значительное присутствие «ненастоящего купечества» (до 30 % в отдельных сферах) на локальном рынке губернского центра свидетельствует о маргинализации слоя предпринимателей Тулы, подтверждает проблему противоречивости их сословного, профессионального и имущественного деления. Эпизодичность пребывания торговцев и промышленников в положении «ненастоящих купцов» вынуждает признать силу сословных начал российского общества рассматриваемого периода в процессе организации торговых и промышленных предприятий. В конечном счете предприниматели либо полноценно переходили в гильдейское купечество, либо сокращали масштабы своей деятельности до возможностей содержать предприятия по некупеческим, промысловым торговым документам.

Примечания

1. На рубеже XX и XXI вв. в российской историографии проходила дискуссия относительно степени сословности торгово-промышленного законодательства Российской империи второй половины XIX в. Историки С. И. Королева и М. Н. Барышников отстаивали тезис о ликвидации принципа сословности, провозглашении равенства в торговле и промышленности всех сословий после принятия «Положения о пошлинах за право торговли...» (Королева С. И. Торговое сословие России. М., 1998; Барышников М. Н. Деловой мир России. Историко-биографический справочник. СПб., 1998). В свою очередь социальные историки Н. А. Иванова и В. П. Желтова отстаивали идею о сохранении принципа сословности, отмечая наличие в нормативных актах середины – второй половины XIX в. особых норм, касавшихся предпринимательской деятельности именно купечества (Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М., 2004). Настоящая работа построена с учетом третьего мнения – исследований историка И. В. Поткиной, отмечавшей непоследовательность в реализации принципа бессословности / всесословности в рассматриваемый период. По ее справедливому замечанию купцом мог стать человек далекий от предпринимательства, и наоборот, успешный предприниматель мог не приобретать купеческое звание (Поткина И. В. Торгово-промышленное законодательство Российской империи // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. М., 2001. С. 303–322).
2. В Таблице 1 в графе «Владельцы торгово-промышленных заведений» намеренно приведен перечень социальных статусов предпринимателей без применения какого-либо критерия для классификации (не приводится отдельно сословное или профессиональное деление). Все указанные социальные группы приведены в соответствии с их упоминанием в исторических источниках – «Журналах генеральной поверки торговли и промышленных заведений». Сохранение указанного чиновниками и торговыми депутатами социального или сословного статуса предпринимателя представляется важным при анализе социальных слоев, выходцы из которых пополняли ряды профессиональных торговцев и промышленников. Важным здесь является и восприятие (или идентификация) социальной принадлежности предпринимателя проводившими проверку чиновниками и торговыми депутатами.

Список источников и литературы

1. Акользина М. К. Источниковая база для изучения предпринимательской деятельности провинциального купечества первой половины XIX в.: ресурсы региональных архивов (по материалам Государственного архива Тамбовской области) // Тульский научный

- вестник. Серия История. Языкоzнание. 2022. Вып. 4 (12). С. 23–31. URL: <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-4-23-31> (дата обращения: 15.05.2025).
2. Биленко Н. А. Журналы генеральной поверки торговли и промышленных заведений как исторические источники по изучению внутреннего рынка Российской империи второй половины XIX века // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 4–9.
 3. Биленко Н. А. Источнико-ориентированная база данных «Предприниматели Тулы и Тульского уезда второй половины XIX века»: проблемы формирования и возможности использования в исторических исследованиях // Актуальные проблемы источниковедения : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 27–29 апреля 2023 г. в 2 т. / отв. ред. А. Н. Дулов, М. Ф. Румянцева. Витебск, 2023. Т. 1. С. 79–81.
 4. Биленко Н. А. Торговая правосубъектность подданных Российской империи во второй половине XIX в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI – XIX вв. : сб. материалов Четвертой междунар. науч. конф. (Н. Новгород, 28–30 сент. 2017 г.) / ред.-сост. А. И. Раздорский. Н. Новгород, 2018. С. 416–422.
 5. Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области» (ГУ ГАТО). Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 18137.
 6. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 18686.
 7. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 18687.
 8. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 18688.
 9. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 19330.
 10. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 19331.
 11. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 19332.
 12. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 19333.
 13. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 20315.
 14. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 20323.
 15. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 20325.
 16. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 11. Д. 21811.
 17. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 11. Д. 21812.
 18. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 11. Д. 21813.
 19. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 11. Д. 21814.
 20. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 11. Д. 21815.
 21. Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый хронограф, 2010. 752 с.
 22. История предпринимательства в России. Кн. 2: Вторая половина XIX – начало XX века. М.: РОССПЭН, 2000. 575 с.
 23. Кораблев Н. А. Предпринимательство в Карелии во второй половине XIX – начале XX вв. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2011. 269 с.
 24. Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. 446 с.
 25. Лавертычев В. Я. Крупная буржуазия в пореформенной России (1861–1900). М.: Мысль, 1974. 281 с.
 26. Летопись тульского предпринимательства : кол. моногр. / ред. Ю. В. Иванова, науч. ред. Е. В. Симонова. Тула: Аквариус, 2016. 216 с.
 27. Лобачева И. Н. Семья и частная жизнь русского купечества во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Тульской губернии). М., 2019.
 28. Лобачева И. Н. Хозяева и управляющие: анализ социального и гендерного состава предпринимателей Тульской губернии в конце 60-х гг. XIX в. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2021. № 1 (5). С. 6–23. URL: https://tulavestnik.ru/archive/vipusk_5/6/ (дата обращения: 15.05.2025).
 29. Нифонтов А. С. Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX в. // Исторические записки. 1955. Т. 54. С. 239–250.
 30. Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов 1863 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Отд-ние 1-е. 1863. Т. XXXVIII, № 39118. СПб., 1866. С. 3–31.

31. Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов 1865 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Отд-ние 1-е. 1865. Т. XL, № 41779. СПб., 1867. С. 157–175.
32. Поткина И. В. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России, XIX – первая четверть XX в. М.: Норма, 2011. 304 с.
33. Роднов М. И. Уфимское купечество во второй половине XIX века : монография. Электрон. изд. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2024. 362 с. URL: <http://rihll.com/files/Knigi/kuprech.pdf> (дата обращения: 12.09.2025).
34. Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России (1850–1880 гг.). М.: Наука, 1978. 295 с.
35. Симонова Е. В. Провинциальные города Тульской губернии в XIX веке. Тула: [б. и.], 2005. 237 с.
36. Смирнов С. А. Правовой режим предпринимательства иностранцев в России в период капиталистической модернизации во второй половине XIX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5. Юриспруденция. 2011. № 1 (14). С. 39–46.
37. Терещенко А. А. Социально-экономическое развитие провинциального города Центрального Черноземья во второй половине XIX – начале XX века. Курск, 2003. 145 с.
38. Ульянова Г. Н. Купечество Российской империи в пореформенный период (1863–1898): сословный статус, численность, структура, территориальное распределение // В служении Клио : сб. к 70-летию д-ра ист. наук, проф. Ю. А. Петрова / отв. ред. А. А. Горский, Д. Б. Павлов. М.: Ин-т рос. ист. РАН, 2025. С. 248–261.
39. Ульянова Г. Н. Купчихи, дворянки, магнатки: женщины-предпринимательницы в России XIX века. М.: НЛО, 2021. 352 с.
40. Устюгова О. А. Социальное положение и общественная деятельность предпринимателей-торговцев на юге Дальнего Востока России во второй половине XIX в. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 3. С. 41–47.
41. Яковлева Т. Г. Торговля по правилам и без: Власть и торговцы в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX века. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2021. 462 с.

References

1. Akolzina, MK 2022, ‘Istochnikovaya baza dlya izucheniya predprinimatelskoy deyatelnosti provintsialnogo kupechestva pervoy poloviny XIX v.: resursy regionalnykh arkhivov (po materialam Gosudarstvennogo arkhiva Tambovskoy oblasti)’ (Source base for the study of entrepreneurial activity of provincial merchants in the first half of the 19th century: resources of regional archives (by the state archive of Tambov oblast)), *Tul'skiy nauchnyy vestnik. Seriya Istorya. Yazykoznanije* (Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics), no. 4 (12), pp. 23–31, doi: 10.22405/2712-8407-2022-4-23-31. (In Russ.)
2. Bilenko, NA 2018, ‘Zhurnaly generalnoy poverki torgovli i promyshlennykh zavedeniy kak istoricheskiye istochniki po izucheniyu vnutrennego rynka Rossiyskoy imperii vtoroy poloviny XIX veka’ (Journals of general check of trade and industrial institutions in Tula governorate as the historical sources on studying the domestic market of the Russian Empire in the 2nd half of 19th century), *Sovremennaya nauka: aktualnyye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnyye nauki* (Modern Science: actual problems of theory and practice), no. 1, pp. 4–9. (In Russ.)
3. Bilenko, NA 2023, ‘Istochniko-oriyentirovannaya baza dannykh «Predprinimateli Tuly i Tul'skogo uyezda vtoroy poloviny XIX veka»: problemy formirovaniya i vozmozhnosti ispolzovaniya v istoricheskikh issledovaniyakh’ (Commercial entrepreneurship of the burghers in the city of Tula in the second half of the 19th century: forms, scales, development trends), *Aktualnyye problemy istochnikovedeniya : materialy VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf* (Current issues of source studies. Proceedings of the 7th International scientific and practical conference), vol. 1, Vitebsk, 27–29 April 2023, ed. by A. N. Dulov, M. F. Rumyantseva, Vitebsk, pp. 79–81. (In Russ.)

4. Bilenko, NA 2018, ‘Torgovaya pravosubjektnost poddannykh Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX v.’ (Trade legal capacity of subjects of the Russian Empire in the second half of the 19th century), *Torgovly, kupechestvo i tamozhennoye delo v Rossii v XVI – XIX vv. : sb. materialov Chetvertoy mezhdunar. nauch. konf.* (Trade, merchants and customs affairs in Russia in the 16th - 19th centuries. Collection of writings of the 4th international scientific conference), Nizhny Novgorod, 28–30 September 2017, ed. by A. I. Razdorskii, Nizhny Novgorod, pp. 416–422. (In Russ.)
5. *Gosudarstvennoye uchrezhdeniye «Gosudarstvennyy arkiv Tulskoy oblasti» (GU GATO)* (State Institution “State Archives of Tula Oblast”), fund 118, inventory 1, vol. 8, file 18137. (In Russ.)
6. *GU GATO*, fund 118, inventory 1, vol. 8, file 18686. (In Russ.)
7. *GU GATO*, fund 118, inventory 1, vol. 8, file 18687. (In Russ.)
8. *GU GATO*, fund 118, inventory 1, vol. 8, file 18688. (In Russ.)
9. *GU GATO*, fund 118, inventory 1, vol. 9, file 19330. (In Russ.)
10. *GU GATO*, fund 118, inventory 1, vol. 9, file 19331. (In Russ.)
11. *GU GATO*, fund 118, inventory 1, vol. 9, file 19332. (In Russ.)
12. *GU GATO*, fund 118, inventory 1, vol. 9, file 19333. (In Russ.)
13. *GU GATO*, fund 118, inventory 1, vol. 9, file 20315. (In Russ.)
14. *GU GATO*, fund 118, inventory 1, vol. 9, file 20323. (In Russ.)
15. *GU GATO*, fund 118, inventory 1, vol. 9, file 20325. (In Russ.)
16. *GU GATO*, fund 118, inventory 1, vol. 11, file 21811. (In Russ.)
17. *GU GATO*, fund 118, inventory 1, vol. 11, file 21812. (In Russ.)
18. *GU GATO*, fund 118, inventory 1, vol. 11, file 21813. (In Russ.)
19. *GU GATO*, fund 118, inventory 1, vol. 11, file 21814. (In Russ.)
20. *GU GATO*, fund 118, inventory 1, vol. 11, file 21815. (In Russ.)
21. Ivanova, NA & Zheltova, VP 2010, *Soslovnoye obshchestvo Rossiyskoy imperii (XVIII – nachalo XX veka)* (The estate society of the Russian Empire (18th – early 20th centuries)), Novyy khronograf publ, Moscow. (In Russ.)
22. ‘Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka’ (The second half of the 19th – early 20th century) 2000, *Istoriya predprinimatelstva v Rossii* (History of entrepreneurship in Russia), vol. 2, ROSSPEN publ, Moscow. (In Russ.)
23. Korablev, NA 2011, *Predprinimatelstvo v Karelii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* (Entrepreneurship in Karelia in the second half of the 19th – early 20th centuries), Karel. nauch. tsentr RAN publ, Petrozavodsk. (In Russ.)
24. Koshman, LV 2008, *Gorod i gorodskaya zhizn v Rossii XIX stoletiya: sotsialnyye i kulturnyye aspekty* (The city and urban life in Russia of the 19th century. Social and cultural aspects), ROSSPEN publ, Moscow. (In Russ.)
25. Lavrychev, VYa 1974, *Krupnaya burzhuaziya v poreformennoy Rossii (1861 – 1900)* (The Big bourgeoisie in post-Reform Russia (1861-1900)), Mysl publ, Moscow. (In Russ.)
26. Ivanova, YuV & Simonova, YeV (eds.) 2016, *Letopis tulskogo predprinimatelstva* (Chronicle of Tula entrepreneurship), Akvarius publ, Tula. (In Russ.)
27. Lobacheva, IN 2019, *Semya i chastnaya zhizn russkogo kupechestva vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka (po materialam Tulskoy gubernii)* (Family and private life of the Russian merchant class in the second half of the 19th – early 20th century (based on materials from the Tula province)), Moscow. (In Russ.)
28. Lobacheva, IN 2021, ‘Khozyayeva i upravlyayushchiye: analiz sotsialnogo i gendernogo sostava predprinimateley Tulskoy gubernii v kontse 60-kh gg. XIX v.’ (Owners and stewards: analysis of social and gender composition of the entrepreneurs of the Tula province of the late 60s of the 19th century), *Tul'skiy nauchnyy vestnik. Seriya Istoryia. Yazykoznanie* (Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics), no. 1 (5), pp. 6–23, http://tula-vestnik.ru/pdf/2021/vipusk_5_31_03_21.pdf (In Russ.)
29. Nifontov, AS 1955, ‘Formirovaniye klassov burzhuaznogo obshchestva v russkom gorode vtoroy poloviny XIX v.’ (Formation of classes of bourgeois society in the Russian city of the second half of the 19th century), *Istoricheskiye zapiski* (Historical notes), vol. 54, pp. 239–250. (In Russ.)

30. ‘Polozheniye o poshlinakh za pravo torgovli i drugikh promyslov 1863 g.’ (Regulation on duties for the right to trade and other trades of 1863) 1866, *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* (Complete Collection of Laws of the Russian Empire), coll. 2, section 1, 1863, vol. 38, no. 39118, St. Petersburg, pp. 3–31. (In Russ.)
31. ‘Polozheniye o poshlinakh za pravo torgovli i drugikh promyslov 1865 g.’ (Regulation on duties for the right to trade and other trades of 1865) 1867, *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* (Complete Collection of Laws of the Russian Empire), coll. 2, section 1, 1865, vol. 40, no. 41779, St. Petersburg, pp. 157–175. (In Russ.)
32. Potkina, IV 2011, *Pravovoye regulirovaniye predprinimatelskoy deyatelnosti v Rossii, XIX – pervaya chetvert XX v.* (Legal regulation of entrepreneurial activity in Russia, 19th – first quarter of the 20th century), Norma publ, Moscow. (In Russ.)
33. Rodnov, MI 2024, *Ufimskoye kupechestvo vo vtoroy polovine XIX veka* (Ufa merchants in the second half of the 19th century), IIYAL UFITS RAN publ, Ufa, <http://rihll.com/files/Knigi/kupech.pdf> (In Russ.)
34. Ryndzyunskiy, PG 1978, *Utverzhdeniye kapitalizma v Rossii (1850 – 1880 gg.)* (The establishment of capitalism in Russia (1850–1880)), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
35. Simonova, YeV 2005, *Provintsialnyye goroda Tulsкоy gubernii v XIX veke* (Country town of the Tula governorate in the 19th century.), Tula. (In Russ.)
36. Smirnov, SA 2011, ‘Pravovoy rezhim predprinimatelstva inostrantsev v Rossii v period kapitalisticheskoy modernizatsii vo vtoroy polovine XIX veka’ (The legal regime of foreign businesses in Russia during the capitalist modernization in the second half of the 19th century), *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5. Yurisprudentsiya* (Legal Concept), no. 1 (14), pp. 39–46. (In Russ.)
37. Ulyanova, GN 2025, ‘Kupechestvo Rossiyskoy imperii v poreformenny period (1863–1898): soslovnyy status, chislennost, struktura, territorialnoye raspredeleniye’ (Merchants of the Russian Empire in the post-reform period (1863–1898): class status, number, structure, territorial distribution), *V sluzhenii Klio. Sbornik k 70-letiyu doktora istoricheskikh nauk, professora Yu.A. Petrova* (In the service of Clio. Collection dedicated to the 70th anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor Yu.A. Petrov), ed. by A.A. Gorskiy, D.B. Pavlov, In-t ros. istorii Ros. akad. nauk. Publ, Moscow, pp. 248–261. (In Russ.)
38. Tereshchenko, AA 2003, *Sotsialno-ekonomicheskoye razvitiye provintsialnogo goroda Tsentralnogo Chernozemya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* (Socioeconomic development of a provincial town in the Central Black Earth Region in the second half of the 19th – Early 20th century), Kursk. (In Russ.)
39. Ulyanova, GN 2021, *Kupchikhi, dvoryanki, magnatki: zhenshchiny-predprinimatelitsy v Rossii XIX veka* (Merchant wives, noblewomen, magnates: women entrepreneurs in 19th-century Russia), NLO publ Moscow. (In Russ.)
40. Ustyugova, OA 2010, ‘Sotsialnoye polozheniye i obshchestvennaya deyatelnost’ predprinimateley-torgovtsev na yuge Dalnego Vostoka Rossii vo vtoroy polovine XIX v.’ (Social status and public work of merchants in the South of the Russian Far-East in the second half of the 19th century), *Oykumena. Regionovedcheskiye issledovaniya* (Ojkumena. Regional Researches), no. 3, pp. 41–47. (In Russ.)
41. Yakovleva, TG 2021, *Torgovlya po pravilam i bez: Vlast’ i torgovtsy v Yeniseyskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* (Trade according to the rules and without: Power and traders in Yenisei province in the second half of the 19th – early 20th century), Izd-vo Yevrop. un-ta v Sankt-Peterburge publ, St. Petersburg. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 21.07.2025

Одобрена после рецензирования: 05.11.2025

Принята к публикации: 05.11.2025

The article was submitted: 21.07.2025

Approved after reviewing: 05.11.2025

Accepted for publication: 05.11.2025

Тульский научный вестник. Серия История. Языкоизнание. 2025. Вып. 3 (23). С. 116–126.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 3 (23). P. 116–126.

Научная статья
УДК 398.49:615.89
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-116-126>

ДРЕВЕСНАЯ МАГИЯ И ДЕНДРОТЕРАПИЯ КАК ЧАСТЬ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ ОБСКИХ УГРОВ

Татьяна Владимировна
Волдина-Ледкова

Обско-угорский институт
прикладных исследований и разработок
Ханты-Мансийск, Россия tatyana.voldina@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6527-370X>

Аннотация. В традиционной культуре обско-угорских народов – хантов и манси, проживающих в таёжной зоне северо-западной Сибири в бассейне Оби и Иртыша, отмечается особое отношение к деревьям, их почитание и бережное обращение. Деревья являются не только основой их материального быта, но и частью их духовной культуры. В мировоззрении обских угров они олицетворяют связь с определёнными частями мироздания, с духами-предками, являются центрами священных мест, нашли применение в обрядовой практике. Представления о них восходят к образам древа мира, древа жизни – источнику жизненных сил. Ханты и манси особо выделяют берёзу, кедр и лиственницу. Особое место в традиционном мировоззрении локальных групп имеют также ива, сосна, ель, пихта.

В статье рассматриваются традиции древесной магии и применение средств, получаемых от деревьев в народной медицине коренных народов Югры. Древесная магия – древнее и многостороннее направление использования свойств и энергии деревьев, символически ассоциирующихся с определёнными сферами бытия, нашедшими отражение в народной мифологии и традиционных верованиях. Она тесно взаимосвязана с оздоровительными практиками с использованием целебных свойств деревьев и кустарников, именуемых в настоящее время как дендротерапия.

Целебные свойства деревьев нашли активное применение в народной медицине коренных народов Югры. Каждое дерево, его части: кора, плоды, соцветия, грибные наросты и т.п. издавна активно использовались в лечении и для поддержания здоровья людей.

Исследование основывается на выборке опубликованных данных по народной медицине и ритуальным практикам различных групп хантов и манси, а также на полевых материалах автора.

Ключевые слова: обские угры, народная медицина, древо жизни, древесная магия, дендротерапия, культ деревьев.

Для цитирования: Волдина-Ледкова Т. В. Древесная магия и дендротерапия как часть народной медицины обских угров // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоизнание. 2025. Вып. 3 (23). С. 116–126. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-116-126>

Сведения об авторе: Т. В. Волдина-Ледкова – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, 628011, Россия, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14А.

Scientific Article

UDC 398.49:615.89

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-116-126>

WOOD MAGIC AND DENDROTHERAPY AS PART OF THE FOLK MEDICINE OF THE OB UGRA PEOPLE

Tatyana V. Voldina-Ledkova

Ob-Ugric Institute of Applied Researches
and Development
Khanty-Mansiysk, Russia, tatyayanavoldina@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6527-370X>

Abstract. The traditional culture of the Ob-Ugric peoples – the Khanty and Mansi, who live in the taiga zone of northwestern Siberia in the Ob and Irtysh River basins – celebrates a special relationship with trees, venerating them and treating them with care. Trees are not only the foundation of their material existence but also part of their spiritual culture. In the worldview of the Ob-Ugric peoples, trees represent a connection with certain parts of the universe and with ancestral spirits. They are the centers of sacred sites and are used in ritual practices. These beliefs derive from the imagery of the tree of the world and the tree of life – the source of vitality. The Khanty and Mansi place particular emphasis on birch, cedar, and larch. Willow, pine, spruce, and fir also hold a special place in the traditional worldview of local groups.

This article examines the traditions of tree magic and the use of tree-derived remedies in the folk medicine of the indigenous peoples of Yugra. Tree magic is an ancient and multifaceted approach to harnessing the properties and energy of trees, symbolically associated with certain spheres of existence, reflected in folk mythology and traditional beliefs. It is closely interconnected with wellness practices that utilize the healing properties of trees and shrubs, now known as dendrotherapy.

The healing properties of trees have found extensive use in the folk medicine of the indigenous peoples of Yugra. Each tree, its parts – bark, fruits, inflorescences, fungal growths, etc. – have been actively used since ancient times in healing and maintaining human health.

This study is based on a selection of published data on folk medicine and ritual practices of various Khanty and Mansi groups, as well as the author's fieldwork.

Keywords: Ob Ugrians, folk medicine, tree of life, tree magic, dendrotherapy, tree cult.

For citation: Voldina-Ledkova, TV 2025, 'Wood Magic and Dendrotherapy as Part of the Folk Medicine of the Ob Ugra People', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (23), pp. 116–126, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-116-126> (in Russ.)

Information about the Author: Tatyana V. Voldina-Ledkova – PhD in Historical Sciences, Leading Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development, 14A, Mira Str., Khanty-Mansiysk, 628011, Russia.

Введение

Среди современных направлений в народном целительстве одно из ведущих мест занимают методы лечения и профилактики, основанные на применении растительных средств, как не теряющие свою актуальность в современном мире и дополняющие методы официальной медицины. Наряду с траволечением, или фитотерапией, известны близкие этому направлению оздоровительные практики с использованием целебных и полезных свойств деревьев и кустарников, или, как их иногда называют, дендротерапия. Это целительское направление уходит корнями в глубокую древность, было развито у многих народов. С ним, в свою очередь, была связана древесная магия, являющаяся частью мифологии и традиционных верований, что хорошо прослеживается на примере разных групп хантов и манси. Представления обских угров о деревьях затрагивались в исследованиях К. Ф. Карьялайнена [4, с. 88–91], В. М. Кулемзина [6], А. М. Сагалаева [17], М. Ф. Косарева [5] и др. Локальным особенностям почитания деревьев и их использованию в лечении уделили свое внимание С. А. Попова [11; 12], Т. Р. Пятникова [13], Е. И. Ромбандеева [14], Р. К. Слепенкова [17], Т. Д. Слинкина [18] и мн. др.

В круг источников по рассматриваемому вопросу вместе с данными опубликованных работ вошли полевые материалы. Длительное время автором собирались материалы по духовной культуре обских угров, они включают в себя сведения и по теме данной работы, часть из них опубликована [1; 2], другая – пока нет [ПМА, 2022–2025]. В 2008 г. состоялась специальная полевая экспедиция автора в п. Полноват Белоярского района ХМАО-Югры с целью изучения народной медицины казымских хантов, основные результаты которой отражены в отдельном издании [9]. Значительная коллекция народных рецептов и целебных практик коренных народов Севера, к которым относятся и обские угры, опубликована в работе профессиональных медиков под руководством В. И. Хаснулина [19].

Архетип Древа Жизни как первооснова культа деревьев у обских угров

Обские угры и их предки издревле питали особое отношение к деревьям, источнику тепла и основы их материальной культуры, а многие породы деревьев находились в ранге священных, традиционно выполняя для людей роль медиатора с высшими мирами в их обрядовых действиях. Эти ритуалы и сейчас содержат в себе очень чёткую семиотическую структуру, где каждая порода дерева олицетворяет собой связь с определенной областью мироздания и несёт определённые функции. Деревья являются центрами священных мест, где почитаются родовые духи-предки. Как отмечал в своё время В. М. Кулемзин, в мировоззрении этих народов «деревья занимали исключительно много места» [6, с. 166].

В основе существующего у обских угров культа деревьев лежит архетип Древа Мира, или Древа Жизни, образ дерева, также известного как шаманское дерево, соединяющие миры, а также связанное с представлениями о жизненных силах. Более подробно этот вопрос рассматривался автором в контексте представлений о реинкарнации у хантов и манси [1, с. 47–62].

Обстоятельно универсальная концепция Мирового Древа, Древа Жизни и производных от него вариантов этого образа в различных мифологических системах исследовалась В. Н. Топоровым, который связывал его с «высшим подъемом творческой теургической энергии», давшей начало всем творениям этого мира и во всей её полноте представляющей жизнь, а также несущей в себе «эликсир бессмертия» [20, с. 14]. В культурах многих народов, например, урало-алтайских, к которым относятся и обские угры, дерево выступает главным посредником между мирами, а также местом рождения–умирания [15, с. 79].

Олицетворением Древа Жизни в обско-угорском миропонимании повсеместно выступает берёза. Как отмечал М. Ф. Косарев, это дерево представляет жизнь во всей её полноте и обладает всеми необходимыми свойствами, отвечающими «сибирско-языческим представлениям о плюсовых значениях системы миропонимания» [5, с. 240]. В перечень почитаемых деревьев обских угров кроме берёзы входят кедр, лиственница, локально почитали также пихту, ель, сосну и многие другие породы деревьев, каждое из них находило применение как в ритуальном, так и практическом лечении людей. В основе древесной магии лежали не только представления о сакральном статусе деревьев, но подмеченное, по-видимому, ещё в древности свойство деревьев питать энергией или её забирать.

Итак, рассмотрим отводимые им области духовного влияния на человека в традиционной культуре обских угров и соответствующие способы применения их в лечебной практике.

Древесные «целители»

Кедр (кедровая сосна). В мансиjsких преданиях отмечается, что кедр был первым деревом, выросшим на земле [14, с. 16, 18], что может рассматриваться как отсылка к образу Мирового Древа. Несмотря на противоречивые ассоциативные связи с этим деревом, зафиксированные у северных манси, восходящие к почитанию самых разных божеств: лесному человеку *Мис-хум'у* [3, с. 88], жизнеподательнице *Калтащ*, так как оно кормит людей [14, с. 74], это дерево играет особую роль в обрядности перевода в иной мир. Исследователь культуры манси С. А. Попова поясняет это тем, что «кедр – дерево предков» [12, с. 147].

В представлениях о кедре и связанных с ним обрядах у северных хантов более чётко прослеживается его роль медиатора с миром нижним, или миром предков. На него подвешивают чёрную ткань в качестве дара, чтобы предохранить близких от преждевременной смерти и болезней. Среди родов, связывающих своих покровителей с этой сферой мироздания, всегда было много целителей.

В лечении же использовались в основном кедровые орехи. Они применялись: при авитаминозе; при болях в животе – для этого ядрышки кедровых орехов вываривались в рыбьем жиру мелких рыб [19, с. 263]; а также при простудных заболеваниях, в этом случае перед их употреблением они запаривались кипятком, также считается, что они очищают организм от шлаков [9, с. 2].

Берёза. Как отмечалось выше, олицетворением Древа Жизни в традиционном мировоззрении многих народов повсеместно выступает берёза. В мифологии обских угров она предстает как «небесное» дерево и, соответственно, выполняет роль медиатора с верхним миром, а также олицетворяет собой высшее женское начало. Её нередко связывают с женской ипостасью небесного бога *Торума* – *Торум-аңку* (казым. хант.). (В молитвенных обращениях к богу, например, произносят: «*Торум-аңку* – *Торум-ащи...*» ‘Небесная мать – Небесный отец’). В обрядах, направленных на благополучие и здоровье семьи, рода, в качестве дара *Торуму* на берёзу подвешивается белая ткань [1, с. 51].

Но чаще всего берёза ассоциируется с богиней *Калтащ* – подательницей жизни, посылающей души, ведающей тайнами жизни, а также такими чисто физическими функциями в жизни людей, как зачатие и созревание ребёнка в утробе матери и его появление на свет (иногда эти функции отводятся Маленькой *Калтащ* – у казымских и среднеобских хантов или *Сянь* – у манси).

В сознании обских угров берёза изначально несёт в себе положительные и целительные свойства. «От берёзы все полезно», – утверждают информанты [9, с. 3]. Вот несколько способов её применения.

- При лечении «всех болезней» (для укрепления, оздоровления организма) принимают внутрь настой берёзовых почек [19, с. 263, 276].

- Листья берёзы употребляли для очищения организма [8, с. 211].
- Нарывы вскрывали раскалённым ножом, прикладывали повязку с внутренним слоем бересты – *сумат шув* (казым. хант.) или с берёзовым листом. Считается, что кора берёзы вытягивает гной и заживляет [19, с. 263, 277; 9, с. 2]. «Береста лечит раны, даже пули вытаскивает», – говорят сургутские ханты [ПМА, 2025]
- При лечении ожогов «тонко-тонко снимают слой бересты, внутреннюю сторону бересты прикладывают к ране, смачивая слюной» [9, с. 2].
- При кишечных инфекционных заболеваниях пили отвар внутренней части берёзовой коры. Если не было возможности её заварить, то её жевали небольшими кусочками и проглатывали [18, с. 63];
- Берёзовый сок – при весеннем авитаминозе [18, с. 65].

Особое значение придаётся не только самому дереву, но и грибам, растущим на берёзе [2]. По наблюдению Т. Р. Пятниковой, хантам известно несколько видов берёзового народа *вэш*: «...тэмкайе использовали для окуривания помещения во время “медвежьих игрищ” и жертвоприношений; лэм ставили под порог полукруглой стороной к жилищу, лицом к двери, считалось, что он охраняет дом от нечистой силы... Во время сильной грозы зажигали кусочек берёзового народа, чтобы уберечь дом от поражения молнией» [13, с.176].

Действительно, каждый обско-угорский ритуал, от самого простого до такого крупного церемониала, как медвежьи игрища, сопровождается окуриванием чагой – берёзовым нарости, хорошо известным и в официальной медицине лечебным средством, или составом, в который она входила.

Очищение дымом курящейся чаги в лечебных ритуалах: дом с заболевшим было принято время от времени было принято окуривать, как и при проведении лечебных процедур. Это действие не только очищает пространство, изгоняя, как считается, все злое и нечистое, но одновременно созывает «добрых» или, как еще говорят, «жизневедущих» духов, укрепляющих здоровье и благополучие человека. Об этом свидетельствуют слова, которые произносили старые люди во время окуривания жилого помещения, обходя по солнцу все углы дома с дымящейся чагой [9, с. 3; 2]. Современные ханты видят в этом не только магический, но и рациональный подход, подчеркивая, что чага обладает бактерицидными и дезинфицирующими свойствами, как и другие компоненты, которые добавляют в состав окуривающих средств.

Подобное защитное значение у многих групп обских угров наряду с окуриванием имел также отвар чаги, с помощью которого совершались обряды омовения, использовавшиеся в родильных обрядах в отношении младенца и роженицы, и в похоронном – для обмывания покойника. Современные ханты сравнивают это средство с настойкой марганцовки.

Используя отвар чаги как напиток, люди поправляли свою печень и желудок. А с помощью горящего крохотного кусочка чаги, «правильно» помещенного в естественную ямку локтя или колена, снимали суставную боль [19, с. 271; 9, с. 3]. Сургутские ханты таким же образом прижигают суставную ямочку сзади на шее между позвонками, но берут для этой цели не один, а 3 кусочка чаги (маленький, побольше и ещё крупнее), зажигая их поочередно. Так лечат остеохондроз, головную боль, спину [ПМА, 2025].

Противовоспалительными свойствами, по мнению хантыйских целителей, обладает другой берёзовый гриб-трутовик *Моц нэ тулах* (казым. хант.) – гриб прародительницы *Моц*. В отличие от чаги он мягкий, но со временем твердеет. Его золу, как и золу чаги, добавляли в табачные жевательные смеси для профилактики и лечения болезней десен, зубов и желудка. Эта же смесь использовалась для лечения ран и порезов, а свежесрезанной головкой гриба накрывали глубокие резаные и ко-

лотые раны [9, с. 3]. Отвар берёзового трутовика традиционно использовался при слабости и желудочных болях. В период эпидемии COVID-19 он также нашёл своё применение в среде обских угров в качестве лечебного и восстанавливающего средства после перенесённого заболевания [ПМА, 2022].

Сушёный берёзовый гриб-трутовик использовался в магических практиках. Из него ханты и манси делали *шивт* (казым. хант.) – трут для добывания огня, который использовали также для лечения [16, с. 335, 337]. Из мягкого берёзового гриба для облегчения родов изготавливали куклу, олицетворявшую Маленькую *Калтащ* у северных хантов или *Сянь* у северных манси – помощницу рождениц [14, с. 8].

Ива. На Северной Сосьве – территории расселения манси, где отсутствует берёза, её заменяет ива (тальник), также олицетворяющей богиню-мать, символизируя идею плодовитости и возрождения [4, с. 90; 13, с. 6]. К иве перешли и соответствующие обрядовые функции.

В народной медицине от авитаминоза применялись молодые таловые побеги [19, с. 65].

Лиственница. Лиственницу ханты считали олицетворением богатырского духа предков – воинов, воспетых в героических песнях и сказаниях [1, с. 51]. По представлениям манси, лиственница – это дерево лесных людей, могучее, как и сами великаны-силачи [14, с. 74]. Заросли лиственницы, как и кедрачи, и берёзовые рощи, признавались особыми местами.

За лекарственные свойства высоко ценится нарост лиственницы, или лиственничная губка, применение которой было аналогично берёзовым трутовикам. Её собирают весной с живого дерева, высушивают, заваривают измельченное сырьё кипящей водой, настаивают и употребляют при заболеваниях печени и желудка [8, с. 211; 19, с. 271]. По утверждению многих информантов, это средство способно излечивать даже рак. При болях в теле кусочек «губки» лиственницы, как и в описанном выше способе лечения чагой, зажигается, прикладывается к больному месту и находится там до полного сгорания [19, с. 276].

Смола лиственницы в качестве жевательной резинки используется при заболеваниях десен и для чистки зубов [19, с. 263, 272; 19, с. 65]. Один из способов лечения ран и нарывов – повязка со смесью медвежьего сала, смолы лиственницы, горючей серы и мёда [19, с. 263, 272].

Сосна. По представлениям манси, лиственница – это дерево лесных людей, могучее, как и сами великаны-силачи. В описаниях Е. И. Ромбандеевой, сыгвинские манси причисляли сосну также к дереву богатырей [14, с. 74]. Лиственницу ханты считали олицетворением предков – воинов, воспетых в героических песнях и сказаниях. В то время как казымским хантам в образе сосны видится образ Маленькой *Калтащ* (*Ай Калтащ*), считающейся одной из ипостасей богини – подательницы жизни и ассоциирующейся с функциями цветения и плодоношения. А иногда её просто называют: «дерево-мать» [1, с. 51].

Лечебные свойства этого дерева также сильны и нашли своё место в народной практиках поддержания здоровья.

- Весной собирают пыльцу сосны (она жёлтого цвета), её используют в приготовлении общеукрепляющего целебного напитка [ПМА, 2022].
- От авитаминоза – молодые сосновые побеги [18, с. 65].
- Трешины губ смазывают сосновой смолой (живицей, серой). Лечение проводят до заживления [19, с. 263, 272].
- Жевание сосновой смолы помогало от заболеваний зубов, дёсен, а также от ангины [18, с. 65].
- «Для духа поранений осуществлялось жертвоприношение путем привязывания жертвы к сосне» [6, с. 166].

Пихта. Пихта также играла роль как в обрядовых действиях – её корой окуривали помещение, так и как средство народной медицины, где широко применялись настой коры, живица и хвоя.

- Окуривание жилища корой пихты считается надежным способом защиты от «злых» духов [6, с. 166; 20, с. 263; 9, с. 3]
- Для лечения заболеваний суставов конечностей используются горячие ванны из настоя пихтовой коры или отвара пихтовой хвои [19, с. 263; 272; 274–275; 18, с. 64].
- Глазные болезни лечили живицей пихты. На коре из папулы кончиком ногтя выдавливали капельку живицы и закладывали за веко у внутреннего уголка глаз. Это средство вызывает сильное жжение в глазу, но исчезают ячмени, мутные пятна на роговице глаз. Так улучшали зрение [18, с. 63; ПМА, 2025].
- При туберкулезе принимают настой хвои пихты, ели, лиственницы [19, с. 263, 274–275].
- От ран и боли использовали пихтовую смолу [ПМА, 2025].

Но нельзя жевать смолу пихты и ели, т. к. считается, что это может привести к снижению слуха или будут болеть уши [18, с. 66].

Осина. В обско-угорских культурах знали о свойствах осины забирать или снимать отрицательную энергию. Осиновой корой в определённых обстоятельствах производилось окуривание, а отваром из неё могли производить омовение, им также лечили определенные болезни. С помощью осины удерживали в определенном месте «бродячие» души.

Известны следующие способы применения этого «магического дерева».

- При заболеваниях, плохих снах, для изгнания злого духа, а также при обрядах лечения производилось окуривание осиновой корой [19, с. 263]. Этим же способом, а также отваром осиновой коры снимали плохую энергетику, мыли лицо плачущего ребёнка [9, с. 3].
- Осиновое полено могли положить у порога для того, чтобы в дом не смогли зайти «злые» духи. На могилу часто снившегося и беспокоящего людей похонника бросали осиновую щепку [1, с. 97–102].
- При лихорадке принимают внутрь отвар коры осины. Кора скоблится с дерева по направлению снизу вверх, высушивается и из неё готовят отвар [19, с. 263].

Другие породы деревьев. Широко использовались как магическое средство и в лечебных целях рябина, черёмуха, ольха, крушина и другие древесные «лекари».

Древесная магия, например, нашла своё выражение в следующих представлениях обских угров. Например, считается, что рябина отпугивает злых духов [6, с. 166]. А в прошлом у васюганских хантов для духа оспы осуществлялось жертвоприношение путём привязывания жертвы на крушину (листья похожи на пятна – последствия болезни) [6, с. 166].

В практическом лечении:

- ягоды рябины используются как общеукрепляющее средство [18, с. 63];
- при кишечных расстройствах применяется отвар плодов, коры и листьев черёмухи, он должен иметь интенсивно красный цвет [19, с. 271; 18, с. 63];
- настой ольховых шишек применяли при циститах [19, с. 263, 274–275];
- при дизентерии пользовались ольховыми соплодиями [18, с. 63].

Древесные стружки и труха деревьев как гигиеническое средство

В качестве гигроскопичного средства, аналога современной ваты и других впитывающих гигиенических принадлежностей у обских угров повсеместно использовалась мягкая древесная стружка *вэтлуп* (казым. ханты). Стружки выполняли также функцию одноразовых полотенец для вытирания рук, лица и посуды. В соблюдении чистоты и личной гигиены у хантов большую роль играли стружки берё-

зы, тальника, сосны и осины [7, с. 80; 20, с. 257, 276; ПМА, 2025]. По оценке современных медиков, исследовавших этот народный метод, данный материал обладает также дезинфицирующим и лечебным свойством, является хорошей профилактикой женских заболеваний [ПМА, 2025]. Приведем одно из описаний их применения ещё в недалёком прошлом во время регул: «С момента наступления критических дней 'овён вэлты' ... девушки и женщины носили гигиенические пояса, сшитые из кожи 'каш кел' ..., а ещё раньше из вареной бересты. В пояс вкладывали чип из стружек...» [20, с. 182–183].

Березовую труху также использовали как гигроскопичный материал, профилактическое средство от опрелости. Для изготовления такого порошка брали оранжевые стволы перепрелой сухой берёзы, труху толкли и просеивали. Её клали в колыбели [7, с. 81; 18, с. 66].

Использование древесной золы

Отдельного внимания заслуживает использование золы деревьев. Её применяют:

- при мытье волос для улучшения их роста [8, с. 211];
- при лечении чистых ран, порезов – раневую поверхность присыпали пеплом (золой) сожжённой древесины – *рат рав* (казым. хант.) [19, с. 263];
- при заболеваниях горла и ушей применяют компрессы из горячей золы [19, с. 263; с. 272];
- как уже упоминалось, зола чаги и лиственничной губки использовалась для смеси табачной смеси как средство профилактики и лечения болезней десен.

Взаимодействие человека с деревьями

В основе древесной магии лежали не только представления о сакральном статусе деревьев, но подмеченное, по-видимому, ещё в древности свойство одних деревьев наполнять энергией или её забирать. Так, во время экспедиции в Томскую область, где в тесном контакте проживают васюганские ханты и нарымские селькупы, одинаково называемые до сих пор остыками, селькупская женщина рассказала, что каждый человек может выбрать себе дерево-друга, не зависимо от его породы. Оно определяется по особому приятному ощущению, такое дерево охотно наполняет человека своей энергией или, как говорят, силой.

У хантов и манси также принято относиться к деревьям как к живым существам, взаимодействовать и общаться с ними. Этот метод дендротерапии работает зачастую спонтанно и зависит от способности самого человека чувствовать деревья. В. М. Кулемзиным зафиксирована информация от «знающих» людей, что деревья способны «говорить» и отдельные люди их могут слышать [6, с. 165]. Одна моя основная информантка умеет «разговаривать» с деревьями и не раз демонстрировала это для близких [ПМА, 2022].

Об особом отношении к деревьям писала одна из представительниц обских угров: «Любой коренной житель Севера зря не срубит дерево, не сломает ветку... Срубленные для дела деревья старались использовать полностью»; «Если зимой охотник оказался на полпути до дома, и застала его ночь, то он из веток делал себе лежанку прямо на снегу. Тогда он извинялся перед деревьями, которых побеспокоил, говоря: “Не могу же я спать на холодном снегу”» [17, с. 178–180].

Считалось, что за непочтительное отношение деревья могут наказывать и даже насыпать болезни. Сосна, например, по поверью ваюганских хантов насыпает слепоту [6, с. 166]. «К деревьям, влияющим на общий жизненный путь человека, требовалось особо почтительное отношение. Людей, осмеливающихся использовать их на дрова, рано или поздно ожидало возмездие, т. к. другие деревья этого вида “мстили” за своих собратьев» [6, 124–125].

Итак, народная медицина обских угров основывается на двух взаимосвязанных составляющих: магико-мистических представлениях о мире и базирующихся на них практиках, а также на рациональных знаниях о природных явлениях и их воздействии на человеческий организм, что ярко выражено в рассмотренном направлении.

Несмотря на существующие различия в традициях почитания деревьев у разных групп обских угров и вкладываемый в них символический смысл, связанный с отождествлением с определёнными силами, их объединяет общее – культ деревьев восходит к архетипу Мирового Древа (или Древа Жизни), соединяющего миры, связанного с представлениями о жизненных силах.

Тесное общение с природой коренных народов Севера, к которым относятся обские угры, безусловно, имеет положительное психологическое воздействие на них. Они по-прежнему периодически используют вековые практические методы лечения, опирающиеся на опыт многих поколений, в том числе на знания о целебных свойствах деревьев, полученные от предков.

Список источников и литературы

1. Волдина Т. В. «Долгой жизни вековечный танец»: реинкарнация в контексте мифоритуальных традиций обских угров. Ч. 1. Тюмень: ФОРМАТ, 2016. 206 с.
2. Волдина Т. В. «Ритуальные» грибы в традиционной культуре обских угров // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 4. С. 417–427.
3. Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси. Культовые места (XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1986. 192 с.
4. Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Т. 2. / пер. с нем. Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1995. 284 с.
5. Косарев М. Ф. Образ дерева в мифо-ритуальной традиции сибирских народов // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии : памяти В. Н. Чернецова : сб. статей. М.: Ин-т археологии РАН, 2006. С. 239–253.
6. Кулемзин В. М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. 192 с.
7. Лукина Н. В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1985. 364 с.
8. Молданова М. В. Представление о здоровье, использование традиционных методов сохранения здоровья в практике интернатской системы // Обские угры: научные исследования и практические разработки : материалы Всерос. науч. конф. VII Югорские чтения. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. С. 207–220.
9. Народная медицина хантов Белоярского района: (по материалам научно-исследовательской экспедиции). Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. 13 с.
10. ПМА (Полевые материалы автора). Казым, Тромаган, 2022–2025 гг.
11. Попова С. А. Деревья, символизирующие плодовитость, круговорот жизни и перерождение в родильной обрядности северных манси // Культурные и филологические аспекты генезиса и трансформации исторических общностей коренных народов Югры. Вып. 2. Тюмень: ФОРМАТ, 2014. С. 5–14.
12. Попова С. А. Мансийская обрядность перевода в иной мир // Народы Северо-Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2002. Вып. 9. С. 134–161.
13. Пятникова Т. Р. Представления о духах – хозяевах леса, воды, огня усть-казымского Приобья // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации : материалы науч.-практ. конф. XI Югорские чтения (20 декабря 2012 г., г. Ханты-Мансийск). Ханты-Мансийск: Технополис, 2013. С. 264–276.
14. Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: Северный дом : Северо-Сибирское регион. кн. изд-во, 1993. 208 с.

15. Сагалаев А. М. Уральская мифология: символ и архетип. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. 154 с.
16. Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам / пер. с нем. Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2001. 342 с.
17. Слепенкова Р. К. Обряды и обычаи, связанные со здоровьем ханты Полноватского Приобья // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации : материалы дистанц. науч.-практ. конф. Х Югорские чтения. Ханты-Мансийск: Информ.-изд. центр : Обско-угорский ин-т прикладных исслед. и разраб., 2012. С. 177–186.
18. Слинкина Т. Д. Народная медицина манси, основанная на традиционном мировосприятии // Вестник угроведения. 2006. № 2. С. 61–66.
19. Современный взгляд на медицину Севера / В. И. Хаснулин [и др.]. Новосибирск: СО РАМН, 1999. 281 с.
20. Топоров В. Н. Мировое древо. Универсальные знаковые комплексы. Т. 2. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. 496 с.

References

1. Voldina, TV 2016, “*Dolgov zhizni vekovechnyy tanets*”: *reinkarnatsiya v kontekste mifоritualnykh traditsiy obskikh ugrov* (“The Eternal Dance of Long Life”: Reincarnation in the Context of Mythical and Ritual Traditions of the Ob Ugrians), vol. 1, FORMAT publ, Tyumen. (In Russ.)
2. Voldina, TV 2021, ‘Ritualnyye’ griby v traditsionnoy kulture obskikh ugrov’ (“Ritual” Mushrooms in the Traditional Culture of the Ob Ugrians), *Finno-ugorskiy mir* (Finno-Ugric World), no. 4, pp. 417–427, doi: 10.15507/2076-2577.013.2021.04.417-427. (In Russ.)
3. Gemuyev, IN & Sagalayev, AM 1986, *Religiya naroda mansi. Kultovyye mesta (XIX – nachalo XX v.)* (Religion of the Mansi People. Cult Places (19th – early 20th Century)), Nauka publ, Novosibirsk. (In Russ.)
4. Karyalaynen, KF 1995, *Religiya yugorskikh narodov* (Religion of the Ugra peoples), vol. 2, Izd-vo Tomskogo un-ta publ, Tomsk. (In Russ.)
5. Kosarev, MF 2006, ‘Obraz dereva v mifo-ritualnoy traditsii sibirskikh narodov’ (The image of a tree in the mythological and ritual tradition of the Siberian peoples), *Miroponimaniye drevnikh i traditsionnykh obshchestv Evrazii. Pamyati Valeriya Nikolaevicha Chernetsova* (World understanding of ancient and traditional societies of Eurasia. In memory of Valery Nikolaevich Chernetsov), Institut arkheologii RAN publ, Moscow, pp 239-253. (In Russ.)
6. Kulemin, VM 1984, *Chelovek i priroda v verovaniyah khantov* (Human and nature in the beliefs of the Khanty), Izd-vo Tomskogo un-ta publ, Tomsk. (In Russ.)
7. Lukina, NV 1985, *Formirovaniye materialnoy kultury khantov (vostochnaya gruppa)* (Formation of material culture of the Khanty (eastern group)), Izd-vo Tomskogo un-ta publ, Tomsk. (In Russ.)
8. Moldanova, MV 2008, ‘Predstavleniye o zdorovye, ispolzovaniye traditsionnykh metodov sokhraneniya zdorovya v praktike internatskoy sistemy’ (Concept of health, use of traditional methods of health maintenance in the practice of the boarding school system), *Obskiye ugry: nauchnyye issledovaniya i prakticheskiye razrabotki: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii VII Yugorskiye chteniya* (Ob Ugrians: scientific research and practical developments. Proceedings of the All-Russian scientific conference 7th Yugra readings), Poligrafist publ, Khanty-Mansiysk, pp. 207–220. (In Russ.)
9. *Narodnaya meditsina khantov Belyarskogo rayona (po materialam nauchno-issledovatel'skoy ekspeditsii)* (Traditional medicine of the Khanty of the Belyarsky district (based on the materials of the research expedition)) 2008, Khanty-Mansiysk. (In Russ.)
10. *Polevyye materialy avtora* (Field materials of the author) 2022–2025, Kazym, Tromagan (In Russ.)
11. Popova, SA 2014, ‘Derevya, simvoliziruyushchiye plodovitost, krugоворот zhizni i pererozhdeniye v rodilnoy obryadnosti severnykh mansi’ (Trees symbolizing fertility, the cycle of life, and rebirth in the birthing rites of the northern Mansi), *Kulturnyye i filologicheskiye aspekty*

- genezisa i transformatsii istoricheskikh obshchnostey korennykh narodov Yugry* (Cultural and philological aspects of the genesis and transformation of historical communities of the indigenous peoples of Yugra), vol. 2, FORMAT publ, Tyumen, pp. 5–14. (In Russ.)
12. Popova, SA 2002, ‘Mansiyskaya obryadnost perevoda v inoy mir’ (Mansi Rituals of Transfer to the Other World), *Narody Severo-Zapadnoy Sibiri* (Peoples of North-Western Siberia), no. 9, Izd-vo Tomskogo un-ta publ, Tomsk, pp. 134–161. (In Russ.)
13. Pyatnikova, TR 2013, ‘Predstavleniya o dukhakh – khozyaevakh lesa, vody, ognya ust-kazymskogo Pribya’ (Concepts of the Spirits – Masters of the Forest, Water, and Fire of the Ust-Kazym Ob Region), *Korennyye malochislenyye narody Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka: traditsii i innovatsii. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii XI Yugorskiye chteniya (20 dekabrya 2012 goda, g. Khanty-Mansiysk)* (Indigenous Peoples of the North, Siberia, and the Far East: Traditions and Innovations. Proceedings of the 11th Yugra Readings Scientific and Practical Conference, 20 December 2012, Khanty-Mansiysk, Tekhnopolis publ, Khanty-Mansiysk, pp. 264–276. (In Russ.)
14. Rombandeyeva, EI 1993, *Istoriya naroda mansi (vogulov) i ego duchovnaya kultura (po dannym folklora i obryadov)* (History of the Mansi (Vogul) People and Their Spiritual Culture (Based on Folklore and Rituals)), Severnyy dom publ, Severo-Sibirskoye regionalnoye knizhnoye izdatelstvo publ, Surgut. (In Russ.)
15. Sagalayev, AM 1991, *Uralskaya mifologiya: simvol i arkhetip* (Ural Mythology: Symbol and Archetype), Nauka publ, Novosibirsk. (In Russ.)
16. Sirelius, UT 2001, *Puteshestviye k khantam* (Journey to the Khanty), Izd-vo Tomskogo un-ta publ, Tomsk. (In Russ.)
17. Slepenkova, RK 2012, ‘Obryady i obychai, svyazannyye so zdorovyem khanty Polnovatskogo Pribya’ (Rites and Customs Associated with the Health of the Khanty of the Polnovatskoye Ob Region), *Korennyye malochislenyye narody Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka: traditsii i innovatsii: Materialy distantsionnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii X Yugorskie chteniya* (Indigenous Peoples of the North, Siberia, and the Far East: Traditions and Innovations: Proceedings of the Distance Scientific and Practical Conference 10th Yugra Readings), Inform.-izd. Tsentr publ, Obsko-ugorskiy in-t prikladnykh issled. i razrab. publ, Khanty-Mansiysk, pp. 177–186. (In Russ.)
18. Slinkina, TD 2006, ‘Narodnaya meditsina mansi, osnovannaya na traditsionnom mirovospriyatii’ (Mansi Traditional Medicine Based on the Traditional Worldview), *Vestnik ugrovedeniya* (Bulletin of Ugric Studies), no. 2, pp. 61–66. (In Russ.)
19. Khasnulin, VI, Vilgelm VD, Skosyрева, GA & Povoroznyuk, EP 1999, *Sovremennyy vzglyad na meditsinu Severa* (Modern View of Northern Medicine), SO RAMN publ, Novosibirsk. (In Russ.)
20. Toporov, VN 2010, *Mirovoye drevo. Universalnyye znakovyye kompleksy* (The World Tree. Universal Sign Complexes), vol. 2, Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 27.09.2025

Одобрена после рецензирования: 05.11.2025

Принята к публикации: 05.11.2025

The article was submitted: 27.09.2025

Approved after reviewing: 05.11.2025

Accepted for publication: 05.11.2025

Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 3 (23). С. 127–139.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 3 (23). P. 127–139.

Научная статья
УДК 94(47)+398.3
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-127-139>

ИЗГНАТЬ ЧЕРНУЮ НЕМОЧЬ И УНИЧТОЖИТЬ КОРОВЬЮ СМЕРТЬ: ОБРЯД ОПАХИВАНИЯ В ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В. КАК НАРОДНАЯ БОРЬБА С ЭПИЗООТИЯМИ

Мария Олеговна
Сафонова

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, mashasafronova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0626-8860>

Аннотация. Статья посвящена одному из древнейших обрядов – опахиванию селений (ритуальной пахоте) в целях предупреждения падежа скота или для избавления от болезней при уже начавшихся эпизоотиях. Цель работы – выявить локальные особенности проведения обряда и подтвердить наличие в Тульской губернии инвариантного ядра обрядовых действий, общего для всех великорусских губерний. Основной источниковой базой данной статьи являются этнографические материалы архива Русского географического общества (РГО), собранные в середине XIX в. и публикации приходских священников в церковном издании «Тульские епархиальные ведомости». Также в качестве источника рассмотрены публикации исследователей в журнале «Этнографическое обозрение» в конце XIX – начале XX в. Анализ источников позволил рассмотреть проведение обряда опахивания в Тульской губернии за период с 1840-х до 1910-х гг., выявить особенности состава участников, ритуальных действий, обрядовых атрибутов. Автором сделан вывод о соответствии «общего сценария» опахиваний в Тульской губернии в конце XIX – начале XX в. проведению этого обряда в других великорусских губерниях Российской империи. Было выявлено, что опахивание в Тульской губернии в середине XIX в. проводилось повсеместно, сохраняя значительные архаичные черты. К началу XX в. фрагментарные сведения об опахиваниях говорят не о стандартной и привычной, а о рецидивирующей практике. Также было выявлено частое сочетание опахиваний с обрядами добывания «живого огня» при падежах скота. Кроме того, автором отмечается наличие в локальных свидетельствах об опахиваниях в Тульской губернии указаний на большое количество усиливающих атрибутов и ритуальных действий: «замыкание» селения, обведение защитной нитью, исключительно шумовое сопровождение и т. д.

Ключевые слова: Тульская губерния, крестьянство, эпизоотия, опахивание, апотропейческие обряды, катартические обряды.

Для цитирования: Сафонова М. О. Изгнать черную немочь и уничтожить Коровью Смерть: обряд опахивания в Тульской губернии в XIX – начале XX в. как народная борьба с эпизоотиями // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 3 (23). С. 127–139.
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-127-139>

Сведения об авторе: М. О. Сафонова – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 125.

Scientific Article

UDC 94(47)+398.3

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-127-139>

TO BANISH THE BLACK INFIRMITY AND PREVENT COW'S DEATH: THE RITE OF PLOWING ("OPAKHIVANIE") IN THE TULA PROVINCE AS A TRADITIONAL STRUGGLE AGAINST EPIZOOTICS IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Mariya O. Safronova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, mashasafronova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0626-8860>

Abstract. The article is devoted to one of the oldest rites – the plowing of villages (ritual plowing) in order to prevent the death of livestock or to get rid of diseases in case of epizootics that have already begun. The purpose of the work is to identify the local features of the rite and to confirm the presence in the Tula province of an invariant core of ritual actions common to all Great Russian provinces. The main source base of the article is the ethnographic materials of the Russian Geographical Society (RGS) archive, collected in the middle of the 19th century, and the publications of parish priests in the church publication "Tula Diocesan Gazette". The article also considers the publications of researchers in the journal "Ethnographic Review" in the late 19th and early 20th centuries. The analysis of the sources allowed to examine the rite of plowing in the Tula province from the 1840s to the 1910s, and to identify the characteristics: participants, ritual actions, and ceremonial paraphernalia. The author comes to the conclusion that the "general scenario" of the plowing in the Tula province in the late 19th and early 20th centuries was similar to the practice in other Great Russian provinces of the Russian Empire. It was revealed that the ritual plowing was widespread in the mid-19th century and retaining significant archaic features in the Tula province. By the beginning of the 20th century fragmentary information about the plowing suggests that wasn't a standard or habitual practice, but rather a relapses. The author also notes that local accounts of plowing often mention the use of strengthening ritual paraphernalia and actions, such as "locking" the village, using a protective thread, and making noise in the Tula province.

Keywords: Tula province, peasants, epizootic, plowing ("opakhivanie"), apotropaic rituals, cathartic rituals.

For citation: Safronova, MO 2025, 'To Banish the Black Infirmitiy and Prevent Cow's Death: the Rite of Plowing ("Opakhivanie") in the Tula Province as a Traditional Struggle Against Epizootics in the 19th – Early 20th Centuries', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (23), pp. 127–139, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-127-139> (in Russ.)

Information about the Author: Mariya O. Safronova – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Archaeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Введение

Эпидемии, эпизоотии, пожары, неурожай и голод, высокая детская смертность – жизнь русского крестьянства на протяжении столетий была наполнена чередой разных негативных событий, ответ на которые сформировал определенный набор практик магического и религиозного характера. Вера крестьянства в сверхъестественные причины болезней, социальных катастроф порождала мысль, что борьба с ними невозможна рациональными методами, она переносилась в плоскость мистического.

В любой деревне бедой становился падеж скота. Несмотря на то, что скотоводство в Тульской губернии было менее развито по сравнению с земледелием, имея вспомогательный характер, потеря поголовья скота потенциально означала катастрофу для любого домохозяйства и общины в целом. Особенно, если речь идет о лошадях или крупном рогатом скоте. Среди традиционных практик борьбы крестьянства с встречавшимися в Тульской губернии чумой, ящуром, сибирской язвой и другими эпизоотическими вспышками особое место занимает обряд опахивания селений, который встречается во всех великорусских губерниях.

А. Ф. Журавлев отмечает, что опахивание существовало в двух формах: профилактической и катартической, т. е. очистительной [7, с. 99]. В основе этого обряда лежало создание защитного круга – одна из древнейших и наиболее распространенных форм апотропейической магии. Е. Е. Левкиевская, в свою очередь, указывает, что опахивание – это полисемантический обряд, в который включен ряд мотивов кроме круга, усиливающих магический эффект [9, с. 37].

Опахивание – один из обрядов, восходящих к общим восточнославянским практикам. При этом в российских губерниях к XIX в. разнились варианты и детали проведения этого обряда. Исследователи отмечают наличие наиболее частотных и, вероятно, архаичных элементов. Условно инвариантным ядром обряда является следующее: участие в нем незамужних женщин и вдов, которые по предварительному словору и преимущественно в полночь собирались вместе, раздеваясь до рубах или даже донага и распуская волосы. Исследователи также отмечают, что в обряде настойчиво от местности к местности повторяются элементы, связанные с цифрой три или числом, кратным трем [9, с. 37–38]. Например, в числе участниц.

Впрягая в соху незамужнюю девицу или вдову, процессия «опахивала» селение – проводила одну или три замкнутых борозды, таким образом заключая селение в защитный круг. Делалось это в тишине или, наоборот, – с максимально диссонирующими шумовым сопровождением. Обряд проводился с целью не допустить в село или изгнать при уже начавшемся падеже Коровью Смерть – образ персонифицированной смерти крупного рогатого скота, персонаж низшей славянской демонологии. При этом участницы обряда могли избить до потери сознания любого человека, который встречался и мешал им в ходе этой сакральной практики. А вот встреченное животное убивалось как возможный носитель той самой Коровьей Смерти. В связи с явно прослеживающимися актами насилия при проведении опахивания, исследователи называют их обрядово-ритуальными преступлениями [4]. Девиантным было также шумное и неистовое поведение участниц обряда. Визги, крики простоволосых женщин, шум, издаваемый разной домашней утварью – все это получало «знаковую функцию» в рамках «ритуального поведения», т. е. не считалось зазорным на время проведения самого обряда [21, с. 34]. Сами женщины, участвовавшие в этой сакральной практике, символически будто бы получали магические силы.

Материалы и методы

Наличие свидетельств об опахивании по разным губерниям мы в основном находим в публикациях «Этнографического обозрения», местных епархиальных ведомостях, архиве Русского географического общества, в материалах Этнографиче-

ского бюро князя В. Н. Тенишева. Сразу оговоримся, что материалов о тульских опахиваниях в Тенишевском бюро нет [23]. В этнографических материалах, присланных корреспондентами в РГО, напротив, есть несколько абсолютно уникальных и подробных описаний обряда опахивания, относящихся к середине XIX в. При этом иногда концептуально разных, что зависело от самой личности фиксирующего: был это священник, ученый или местный дворянин. Если последние смотрели на опахивание как наблюдатели-исследователи, то приходской пастырь был учителем и увещевателем с задачей – искоренить суеверие. Массу сведений мы также находим на страницах «Тульских епархиальных ведомостей» («ТЕВ»). В первый год издания этого официального церковного журнала в нем было опубликовано распоряжение епархиального начальства от 3 сентября 1862 года. Из-за разбиравшегося дела об опахивании в одном селе (местность редакцией журнала не указывалась) епархиальное начальство для искоренения этого «суеверного обряда» пригласило приходских священников к обстоятельному описанию этого действия для помещения на страницах прибавления к «ТЕВ» [28, с. 1–2]. Уже в 1863 г. в «ТЕВ» появилась серия публикаций, посвященная опахиванию [1; 8; 10; 20]. Обстоятельные описания обряда были редки. Чаще священники упоминали опахивание как архаичный пережиток, как негативную крестьянскую практику, предрассудок, который «всем известен и описания не требует». Мы не ставим цель выявить абсолютно все упоминания проведения обряда опахивания в Тульской губернии в архивных материалах и литературе. Наша задача определить презентативную выборку свидетельств, которые позволят проанализировать локальные особенности и имеющиеся общерусские элементы в обрядовых действиях.

Несмотря на настойчивые попытки большинства благочинных в официальных рапортах для епархиальных властей сообщать о «невыявлении суеверий» среди своей паствы, другая часть священников фиксировала сохранявшуюся силу магических предрассудков. Правда, не обоходилось без конфликтных ситуаций. В 1863 г. автором «А. А.» было опубликовано свидетельство семинариста В. Щеглова об опахивании некоего села Р. на Каширской дороге в Тульском уезде [1, с. 197–198]. Поскольку все прекрасно поняли, что речь идет о единственном возможном селе Рудневе, приходской священник поспешил написать опровержение [2]. Он указывал на достижения своего предшественника по искоренению суеверий в приходе, на то, что сам продолжал эту деятельность, и что прихожане вверенной ему церкви отличались религиозностью. Но последнее вовсе не мешало проведению обряда, поскольку в него вплелось достаточно много элементов, которые в крестьянском сознании были неразрывно связаны с божественным заступничеством, обращением к святым и, по сути, к помощи церкви. Это использование в ритуалах иконы святого Власия, Спасителя, Богородицы или других святых, церковных свечей, пение молитв («Святый Боже!»), завершение ритуальных песен традиционным для молитвы «Аминь!» и пр. Антрополог А. Б. Островский в целом говорит об этом обряде как о синтезе двух регистров мировоззрения – языческого и христианского [18, с. 337]. Поэтому религиозность прихожан не являлась сдерживающим фактором при проведении опахивания. Один из постоянных авторов «ТЕВ» – Федор Тихвинский – преподаватель Тульской духовной семинарии, прямо писал, что в среде нашего крестьянства религиозность удивительно сочеталась с суеверием, а сам русских крестьянин был мистиком по природе, которому нужна таинственность и чудесность [26, с. 52, 57–58]. Само действие опахивания и было религиозным для крестьян, но псевдохристианским, суеверным по сути. Попытка приходского священника села Руднево оправдать свою паству может объясняться тем, что борьба с предрассудками и суевериями была прямой обязанностью причта. И фиксация случаев проведения архаичных ритуалов с выносом этого на всеобщее обозрение, в первую очередь перед епархиальным

начальством, могла негативно сказаться на самом священнике, который не сообщил об этом хотя бы благочинному округа. Тем не менее нельзя исключать, что свидетельство семинариста В. Щеглова было не прямым свидетельством, а описанием, основанным на хорошо известном в губернии обряде.

Вообще описание разного рода суеверий для борьбы с ними стояло в качестве одной из основных задач перед авторами «прибавлений» к номерам «ТЕВ». Кроме описания самого обряда предлагалось размещать «увещевательные речи» и проповеди, чтобы приходские священники использовали опыт лучших пастырей [28, с. 1–2]. Такое «обличительное слово» священника Иоанна Пискарева опубликовали в 1863 г. Ранее эта проповедь уже публиковалась в столице в 1849 г. в сборнике «Получения к сельским прихожанам протоиерея Тульской губернии, Ефремовского уезда, села Благодати Иоанна Пискарева» [20]. Интересна еще одна проповедь – речь священника М. Мерцалова (г. Ефремов, Преображенская церковь) [10]. Оба «пастырских слова» были реально произнесены по случаю опахивания в приходах. Они интересны с точки зрения нравственного увещевания пастырей, а также содержания бытовых подробностей. Священник М. Мерцалов вовсе выбирал достаточно саркастичные выражения, создав местами карикатурный образ участников обряда для них самих.

Оба священника упоминали скотские падежи конца 1840-х гг., которые сопровождали холерную эпидемию. Поскольку проведение обряда в эти годы, по всей видимости, имело массовый характер, в синхронных этнографических материалах РГО мы находим живой образ этого действия в разной степени детализации. Достаточно интересные подробности в своих описаниях сообщали веневский священник И. Милловидов (1849 г.) [14] и ефремовский священник М. Пятницкий (1851) [13], также В. Троицкий – священник Белевского уезда (1850) [15]. Этнограф и филолог А. Г. Зеленецкий прислал материалы о Чернском уезде (1853 г.) [16], а помещик Г. А. Мяседов, отец знаменитого художника, – о Новосильском (1854) [17].

Если говорить о детальных описаниях обряда в «ТЕВ», кроме свидетельства В. Щеглова в 1863 г. была опубликована заметка священника села Никольского-на-Птани Ефремовского уезда – И. Ивановского – это подробнейшая фиксация не «нравственного безобразия», а именно элементов обряда [8]. Только в конце автор позволил себе вывод в виде морали, что, несмотря на опахивание, повальные болезни рогатого скота проникали в село, как бы обличая само суеверие. В 1872 году в одной из частей очерка «Народный взгляд на болезни и способы их лечения» автор, подписавшийся как «К. М-ов», также дал подробную характеристику обряда [11]. В «Этнографическом обозрении» мы находим еще два упоминания опахиваний в Тульской губернии: заметку В. А. Городцова и Г. П. Броневского «Обычаи во время эпидемий» (1897 г.) [6], а также С. Сухотина «Несколько обрядов и обычаяев в Тульской губернии» (1912 г.) [25]. Позднейшие свидетельства об опахивании были собраны Н. И. Лебедевой в Тульском округе (после упразднения губернии) в 1929 г. Но и они относились к дореволюционным «рецидивам» проведения обряда [29]. Таким образом, у нас фактически есть более чем полувековой охват свидетельств об опахивании, который позволяет проанализировать основные элементы обряда в Тульской губернии: участников, время проведения, обрядовые действия, наличие атрибутов, предметов-медиаторов и предметов-усилителей, вербальные формулы.

Результаты

Большинство свидетельств относятся к южным землепашеским уездам Тульской губернии, удаленным от губернского центра. Вероятно, архаичные культурно-бытовые элементы в этих местностях сохранились дольше, чем в других. Но, по сути, самый активный период фиксации этих случаев приходится на конец 1840-х гг., что связано с деятельностью РГО по сбору этнографических материалов. Далее еще один

всплеск сведений приходится на 1860–80-е гг. – публикации приходских священников в «ТЕВ». После 1880-х гг. сведения об опахиваниях фрагментарны. Возможно, это объясняется тем, что с 1880-х гг. начинает полноценно развиваться земская медицина в формате существования стационарных врачебных сельских участков. И параллельно с трансляцией земскими врачами медицинских и санитарных знаний, начинают множиться и ветеринарные знания. И хотя земская ветеринарная служба в Тульской губернии не получила такого развития, как система охранения народного здравия, все-таки она в определенной степени способствовала отмиранию суеверных практик, связанных с предупреждением эпизоотий или попытками остановить уже начавшиеся падежи скота.

Положительную роль играли приходские священники, особенно в период массового открытия церковно-приходских школ. Занимаясь народным образованием, они не только искореняли суеверные практики, но и обращали их в христианские обряды. На страницах «ТЕВ» мы вскорь видим цитирование статьи издания «Голос», порицавшей священника – опосредованного участника обряда опахивания в другой губернии [3]. Авторы заметки в «ТЕВ» задали резонный вопрос: не было ли это попыткой превратить обряд в молитвенное действие. Видимо, такие попытки периодически предпринимались приходскими священниками. С их стороны было бы естественным трансформировать этот обряд в молебен и крестный ход. В данных об опахиваниях, собранных этнографом Н. И. Лебедевой в 1929 г., но относящихся к 1910-м гг., мы видим то, что на обряд уже брали благословение у священника. Землю из ритуальной борозды при этом откладывали, по словам информантов, «на батюшку» – на дом священника. Если ранее смысл откладывания земли от населенного пункта был просто в отвращении болезни и несчастья от своего дома и села, то к началу XX в. мы наблюдаем еще и апеллирование к власти сакрального пространства приходского священника [29; с. 38]. Однако если священник противился этому обряду или стыдил участников в проповедях, прихожане практически доходили до жалоб на него. Так было с ефремовским священником М. Пятницким (1851). Прихожанки высказали однозначное желание обратиться с жалобой к епархиальному начальству, потому что священник отвращал их от проведения опахивания в городской слободе во время эпидемии холеры и падежа скота. Только смерть хозяина сохи, на которой опахивали территорию, остановила суеверных женщин. При этом самая старшая из участниц, около 70 лет, указала, что за всю жизнь она три раза участвовала в опахивании, называя его великим и важным делом [13, л. 11].

Мы также видим обряд в стадии распада или трансформации в позднейших сообщениях С. Сухотина (1912) из Новосильского уезда [25]. Его информант – крестьянка Феодосия Снегирева 58 лет сообщила, что не помнит, как заканчивались обрядовые слова. И в целом ее описание обряда не имеет финала. Возможно, это означало, что опахивание давно не проводилось, его элементы забыты. И в самом описании обряда не было важной составляющей – ритуальной пахоты. Хотя при этом свидетельство мы отнесли к опахиваниям, потому что видим набор практических инвариантных элементов – полураздетых простоволосых женщин, «вооруженных» косами, шумное шествие которых из конца в конец селения служит для отпугивания персонифицированной смерти скота. Но здесь мы не видим ни сохи, ни плуга, ни выстраивания защитного круга – контура в виде борозды. А между тем опахивание было распространено ранее во всей губернии. Авторы в «ТЕВ» не раз отмечали, что именно опахивание – один из самых крупных суеверных пережитков.

Даже не учитывая свидетельство из заметки С. Сухотина, можно найти практически общую канву для всех зафиксированных описаний обряда опахивания в Тульской губернии. Локальное, условно инвариантное ядро практически не отличалось от того, что выводят исследователи в общероссийских работах, посвященных

опахиванию. Это был и апотропейический, и катартический обряд, проводившийся окказионально – по случаю падежа скота при начале эпизоотии в ближайших местностях или в самом селении. Активное участие в нем принимали женщины (девицы, вдовы, «бабы», в т. ч. замужние), которые, будучи босыми, растрепанными и в одних рубахах, шумным шествием обводили селение ритуальным пахотным кругом, делая это три ночи подряд или в одну ночь, но оставляя три борозды. Одна из участниц (девица или вдова) впряженная в соху, еще одна или несколько символически пахали на ней. Интересно, что, по свидетельству семинариста В. Щеглова, в селе Р. он и во все видел участников-мужчин с кнутами – единственное упоминание такого рода по губернии [1, с. 197]. Однако спорность этого свидетельства мы обозначили выше.

А. Б. Островский отмечает, что наиболее частой и важной семантической осью опахивания была «отрицательная фертильность» участниц, что означало их формальную телесную чистоту [18, с. 344]. На это же указывает Е. Е. Левкиевская, отмечая, что сексуальная и ритуальная чистота участниц должна была усилить магический эффект проводимого обряда [9, с. 37–38]. На тульском материале это однозначно не прослеживается. Не все авторы конкретно указывали социальный статус женщин. Возможно, священники, собиравшие информацию и описывавшие обряд, не придавали значения смыслу исключительных ролей вдов и незамужних девушек. Поэтому писали просто – «женщины». Однако часть корреспондентов РГО, например, прямо указывали, что и замужние могли быть участницами действия. Но речь шла чаще об участии в «шумной толпе». Участие «замужних жен» отражалось в ритуальных песнях. Такую привел А. Г. Зеленецкий в этнографических материалах о Чернском уезде (1853) [16, л. 200б.–21]:

Тайди (отайди) ведъба прочь,
Тайди, старая прочь,
От нашего села,
От осинового кола;
Мы отгонять идем,
Девять девок, три вдовы
И три замужних жены,
С ладоном святым;
Помилуй нас, Боже!
Коровушек наших:
И рябых, и черных,
И бурых, и всяких!
У! У! У! У!

И все же центральные сакральные действия: создание защитного круга, пахотной борозды, по всей видимости, были возложены в большинстве случаев только на вдов и девиц. Этот вывод можно сделать, потому что несколько авторов и исследователей четко фиксировали распределение ритуальных ролей только среди них.

В свидетельствах об опахивании в Тульской губернии мы видим использование классических медиаторов этого обряда (соха, икона) и атрибутов-усилителей. В некоторых материалах РГО зафиксировано использование нити в качестве инструмента для усиления защитного круга в Веневском, Белевском и Алексинском уездах (И. Миловидов, 1849; В. Троицкий, 1850; М. Любомудров, 1849) [14, л. 8; 15, л. 8; 12, л. 4]. Такую нить пропускали через борозду или разматывали клубок вокруг деревни, идя за сохой. В одной из заметок «ТЕВ» мы также видим единственное упоминание еще одного усилителя – использование замка и ключа [8, с. 723–724]. Замок зарывался возле храма – это было символическое замыкание или запирание в обряде. Ключ хранился у вдовы, которая должна была еще и «сеять песок». Ритуальное «засеивание» борозды песком в свою очередь также имело определенное магическое

значение – как песок – «семя невсхожее» – не может прорасти, так и Коровья Смерть – зайти в селение. Смысл сеяния песка отражен в ритуальной песне, зафиксированной Г. П. Броневским (1897) [6, с.188]:

Удовушка на девушке пашет,
Песок рассеивает,
Когда песок узойдет,
Тогда к нам смерть (т. е. коровья) придет.
У нас на селе Увлас святой
Со святою свечой.
На чужой стороне скот и везут и несут
А нас Господь помилует.

Похожую формулу зафиксировала Н. И. Лебедева в Одоевском уезде [29, с. 38]:

Где же это видано,
Где же это слыхано,
Чтоб девушки пашут,
Удовушки сеят
Невсхожие семена
В урожайную землю.

Приведенные песни – одни из немногих сохранившихся вербальных элементов обряда. Пожалуй, еще одним известным текстом является ритуальная песня из труда И. П. Сахарова [24, с. 229–230]. Мы не приводим ее как реальную фиксацию обрядовых элементов, поскольку А. Л. Топорков доказал парофольклорность данной формулы как плода творчества и стилизации самого тульского этнографа-фольклориста [27].

Несмотря на то что к фольклорным изысканиям И. П. Сахарова нужно подходить с осторожностью, стоит отметить, что его описание опахивания полностью укладывается в основную канву проведения этого обряда в Тульской губернии. Но в любом случае автор не указал губернию, где собрал информацию об обряде. Если он вообще собирал материал самостоятельно. Однако интересно, что И. П. Сахаров указывал на условную «распорядительницу» обряда опахивания, которую называл – «повещалка» [24, с. 228]. Она сама впрягалась в соху и вела все шествие за собой. Возможно, это перекликается со свидетельством И. Ивановского, который говорил о ритуальной роли старухи, формально руководящей обрядом [8]. Только она была не нага и не впряженна в соху, а облачена в мужскую одежду и называлась «попом», ведя женское шествие вокруг селения. Это превращало все действие практически в квазикрестный ход. Логично предположить, что чаще такими «попами» могли быть деревенские бабки-знахарки, признаваемые крестьянским миром как «владеющие силой и знанием». В описаниях опахиваний в Тульской губернии мы часто фиксируем наличие старухи-вдовы, которая играла главную роль в проведении обряда. Похожую «распорядительницу» описал и Г. А. Мясоедов – новосильский помещик (1854): «...Впереди идет вожак, токая же вдова с безликим образом в обратном положении...» [17, л.18об.]. Видимо, именно такого «безликого вожака» на своей картине «Опахивание» изобразил сын Григория Андреевича – художник Г. Г. Мясоедов.

Пожалуй, самое яркое образное описание оставил священник Ефремовского уезда И. Пискарев [20]. Другой священник из самого г. Ефремова – Михаил Пятницкий, готовя свои материалы для РГО, дословно цитировал его в описании проведения обряда [13]. В речи И. Пискарева мы видим языческий архаичный ритуал, в котором не было никаких христианских атрибутов и медиаторов. В этом описании нет упоминания икон, свечей, шествия от храма, молитвы, возвзвания к святым или Богу. Автор представляет жуткое и безнравственное действие, похожее на шабаш и

завершавшееся жертвоприношением. Конечно, текст, имевший форму «обличительного слова», предполагал гиперболизированную негативизацию действия опахивания. Возможно, священник намеренно опустил участие святынь в обряде. Однако для другого священника – М. Мерцалова – это, наоборот, стало поводом, чтобы лишний раз укорить женщин: как они могли совершать такие безобразные действия перед святыми образами [10, с. 719–720]. При этом в Тульской губернии чаще мы все-таки обнаруживаем, что крестьянки использовали в обряде икону Богородицы. В ритуальной песне, приведенной выше, указана также икона святого Увласа, то есть Власия, которому молились, почитая за покровителя скота.

Дикостью все авторы называли шум, крики, «сквернословие и наглое бесстыдство» [19, с. 86], скакания на помеле, визги и ритуальные песни, которые были непременным атрибутом тульских опахиваний. А. Ф. Журавлев отмечает, что профилактические опахивания чаще проходили в молчании, а очистительные сопровождались активным произведением разного рода шума [7, с. 108]. Е. Е. Левкиевская указывает на ритуальное молчание фактически как на магический усилитель обряда [9; 37]. Но при этом в Тульской губернии и защитные, и катартические варианты обряда проходили одинаково шумно. Что, видимо, было одной из древнейших местных черт ритуала отпугивания Коровьей Смерти. Для этого женщины, кроме нестройных криков и визгов, а также ритуальных формул, в качестве шумового сопровождения использовали сковородки, чашки, звенели косами. Г. А. Мясоедов в своих этнографических записках для РГО даже сохранил строку нот напева: «Уж ты смерть, ты смерть, ты каровья смерть, ты беги, ты беги» [17, л. 18об.] (рис. 1).

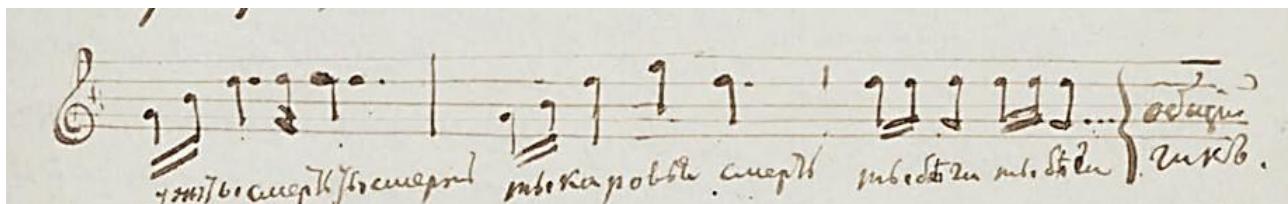

Рис. 1. Запись мотива народного крика-припева Г. А. Мясоедовым (Новосильский уезд)
Источник: НА РГО. Ф. Р-XLII. Оп. 1. Д. 53. Л. 18 об. <https://www.prlib.ru/item/1495409>

Если встречали животное, то считалось, что это и есть носитель Коровьей Смерти, отождествляемой с демоническими силами. Участники обряда должны были гнаться за животным и убить его с громкими криками: «Секите, рубите коровью смерть топорами, косарями» (В. Щеглов, 1963) [1, с. 197–198]. «Держи, держи, гони, гони; вот она... бей, бей ее» (И. Пискарев, 1849; И. Ивановский, 1863) [20, с. 716; 8, с. 724]. Еще одним вариантом являлась заклинательная формула, зафиксированная Ар. Пятницким в очерке «Суеверия, поверья и приметы, заговоры, лечения и гаданья» в 1873 г.: «Бей, секи, руби коровью смерть! Сгинь, пропади, черная немочь! Запашу, заколю, засеку, замету!» [22, с. 227]. В 1929 г. Н. И. Лебедева записала еще один вариант ритуальных слов, которые помнили одоевские крестьяне деревни Ильинское. При том, что опахивания не проводились, с их слов, практически 40 лет или больше: «Ты смерть, ты смерть / Не ходи в наше село, / Не мори наших коров, / Мы тебя запорем, / Памелами заметем, / Рагачами запорем» [29, с. 38]. Все это прекрасно отражается в том наборе атрибутов, которые присутствовали у тульских крестьянок в обряде: косы, топоры, кнуты, палки.

Избиения людей, ритуальные убийства случайно встреченных животных и намеренные жертвоприношения петухов, щенков и кошек были самыми жестокими элементами обряда. Принесение в жертву черных животных в финале обряда, по всей видимости, олицетворяло расправу с самой черной немочью, т. е. Коровьей Смертью. Или было частью «откупа». Однако кроме символической жертвы белые и черные петухи в тульских опахиваниях играли роль защиты и отпугивания нечистой силы ночью, когда проводился обряд (В. Щеглов, 1863) [1, с. 198].

Часто единственным огнем должны были быть используемые участницами обряда свечи (в фонарях или без них). Другой огонь в селении должен был быть погашен. Также нередко опахивания завершались ритуальным очистительным костром. У И. Ивановского фактически описан обряд добывания так называемого «живого», или «древесного», огня путем трения дерева о дерево [8, с.725]. Этот «новый», только что добытый огонь должен был выполнять очистительную функцию. Он использовался и в самостоятельных обрядах при падеже скота, а также и в сочетаниях с опахиваниями. В сочетании с «живым огнем» тульские крестьяне также проводили другой самостоятельный обряд – прогон скота через «земляные ворота».

К сожалению, нельзя сказать, каким именно способом разводили ритуальные костры после жертвоприношений, упомянутых Г. П. Броневским (1897) и Г. А. Мяседовым (1854) [6, с. 188; 17, л. 18]. Однако тот факт, что желающие женщины могли прыгнуть через огонь, тоже говорит в пользу очистительной семантики. Похожий ритуал описан в художественном очерке Ф. Тихвинского (1878): «*Но вот показались первые лучи восходящего солнца; вдруг послышались голоса всех четырех голых фигур, произносящия, по-видимому, молитву, обращенную к солнцу. Эта молитва повторилась три раза. Затем запылал костер, послышался пронзительный крик наподобие кошки... голые фигуры быстро вскочили на своих коней и начали ма-хать через огонь – раз, раз, и затем все это чудесное ведение быстро скрылось в лесу*». [26, с. 59]. Интересно, что Федор Тихвинский писал свои художественно-документальные очерки на основе наблюдения за «народным бытом», но в произведении с говорящим названием «Во время скотского падежа» опахивания селения не упоминаются.

Заключение

Брат публициста и богослова Н. П. Гилярова-Платонова стал очевидцем обряда опахивания, когда гостил в имении Хомяковых в Богучарове Тульского уезда в 1820-е гг., и написал родителям письмо, наполненное ужасом. Этот обряд показался ему демоническим, потрясая видом и исступленным пением [5, с. 206]. Видимо, именно такой и была общая архаичная форма обряда в Тульской губернии, полная языческих элементов и практически первобытного исступления. Что подтверждают описания И. Пискарева, И. Ивановского, Г. П. Броневского и др. авторов фольклорно-этнографических материалов. Однако свидетельства о ритуальном опахивании практически полностью исчезают к началу XX в. Редкие случаи можно считать не более, чем рецидивами, вызванными крайне сложной медико-социальной обстановкой в общине.

Список источников и литературы

1. А. А. Заметки // Тульские епархиальные ведомости. 1863. № 3. Прибавление. С. 181–200.
2. Б-в А. К известиям об опахивании // Тульские епархиальные ведомости. 1863. № 15. Прибавления. С. 185–187.
3. Газетные заявления из пастырской практики // Тульские епархиальные ведомости. 1871. № 24. Прибавления. С. 441–450.

4. Георгиевский Э. В. Обрядовые (ритуальные) преступления русских крестьян // Сибирский юридический вестник. 2006. № 2 (29). С. 66–71.
5. Гиляров-Платонов Н. П. Из пережитого. Т. 1. СПб.: Наука, 2009. 612 с.
6. Городцов В. А., Броневский Г. П. Обычаи во время эпидемий // Этнографическое обозрение. 1897. № 3 (кн. 34). С. 185–189.
7. Журавлев А. Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки. М.: Индрик, 1994. 256 с.
8. Ивановский И. Об опахивании – в Ефремовском уезде // Тульские епархиальные ведомости. 1863. № 12. С. 723–725.
9. Левкиевская Е. Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М.: Индрик, 2002. 336 с.
10. Мерцалов М. Другое слово по тому же случаю // Тульские епархиальные ведомости. 1863. № 12. С. 717–722.
11. М-ов К. Народный взгляд на болезни и способы их лечения // Тульские епархиальные ведомости. 1872. № 3. Прибавления. С. 85–96.
12. НА РГО (Научный архив Русского географического общества). Ф. Р-XLII. Оп. 1. Д. 7.
13. НА РГО. Ф. Р-XLII. Оп. 1. Д. 15.
14. НА РГО. Ф. Р-XLII. Оп. 1. Д. 22.
15. НА РГО. Ф. Р-XLII. Оп. 1. Д. 34.
16. НА РГО. Ф. Р-XLII. Оп. 1. Д. 46.
17. НА РГО. Ф. Р-XLII. Оп. 1. Д. 53.
18. Островский А. Б. Ритуалы бедствия в русской деревне // Антропология мышления: Избранные статьи 1990–2016 гг. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 334–359.
19. Панов Г. Суеверия и поверия в религиозно-нравственном отношении // Тульские епархиальные ведомости. 1864. № 14. Прибавления. С. 70–92.
20. Пискарев И. Слово обличительное по случаю опахивания скота во время скотской чумы // Тульские епархиальные ведомости. 1863. № 12. Прибавления. С. 715–717.
21. Померанцева Э. В. Роль слова в обряде опахивания // Обряды и обрядовый фольклор. М.: Наука, 1982. С. 25–35.
22. Пятницкий Ар. Суеверия, поверья и приметы, заговоры, лечения и гаданья // Тульские епархиальные ведомости. 1873. № 6. Прибавления. С. 223–229.
23. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 6: Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. СПб.: Деловая полиграфия, 2008. 600 с.
24. Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым / сост. С. Д. Ошевский. Тула: Приок. кн. изд-во, 2000. 480 с.
25. Сухотин С. Несколько обрядов и обычаев в Тульской губернии // Этнографическое обозрение. 1912. № 3-4 (кн. 94-95). С. 98–101.
26. Тихвинский Ф. Во время скотского падежа // Тульские епархиальные ведомости. 1878. № 2. Прибавления. С. 52–60.
27. Топорков А. Л. Опыт прочтения одного «парафольклорного» текста из «Сказаний русского народа» И. П. Сахарова // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7, № 3. С. 298–321.
28. Тульские епархиальные ведомости. 1862. № 24.
29. Этнологические материалы / Н. И. Лебедева; [сост., предисл., comment. и указ. Е. А. Самоделовой]. Рязань: Ряз. обл. центр нар. творчества, 1997. 158 с.

References

1. A A 1863, ‘Zametki’ (Notes), *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 3, pp. 181–200. (In Russ.)
2. B-v, A 1863, ‘K izvestiyam ob opakhivanii’ (To the news about the plowing), *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 15, pp. 185–187. (In Russ.)
3. ‘Gazetnyye zayavleniya iz pastyrskoj praktiki’ (Newspaper statements from pastoral practice) 1871, *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 24, pp. 441–450. (In Russ.)

4. Georgievskiy, YeV 2006, ‘Obryadovye (ritualnye) prestupleniya russkikh krestyan’ (Ritual crimes of Russian peasants), *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik* (Siberian Law Herald), no. 2(29), pp. 66–71. (In Russ.)
5. Gilyarov-Platonov, NP 2009, *Iz perezhitogo* (From the experience), vol.1, Nauka publ, St. Petersburg. (In Russ.)
6. Gorodtsov, VA & Bronevskiy, GP 1897, ‘Obychai vo vremya epidemiy’ (Customs during the epidemic), *Etnograficheskoye obozreniye* (Ethnographic Review), no. 3 (b. 34), pp. 185–189. (In Russ.)
7. Zhuravlev, AF 1994, *Domashniy skot v poveryakh i magii vostochnykh slavyan. Etnograficheskiye i etnolinguisticheskiye ocherki* (Livestock in the Beliefs and Magic of the Eastern Slavs. Ethnographic and Ethnolinguistic Essays), Indrik publ, Moscow. (In Russ.)
8. Ivanovskiy, I 1863, ‘Ob opakhivanii – v Yefremovskom uyezde’ (About Plowing – in Efremov Uyezd), *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 12, pp. 723–725. (In Russ.)
9. Levkiyevskaya, EE 2002, *Slavyanskiy obereg. Semantika i struktura* (Slavic talisman. Semantics and Structure), Indrik publ, Moscow. (In Russ.)
10. Mertsalov, M 1863, ‘Drugoye slovo po tomu zhe sluchayu’ (Another word for the same case), *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 12, pp. 717–722. (In Russ.)
11. M-ov, K 1872, ‘Narodnyy vzglyad na bolezni i sposoby ikh lecheniya’ (The traditional view on diseases and their treatment), *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 3, pp. 85–96. (In Russ.)
12. *Nauchniy arkhiv Russkogo geograficheskogo obshchestva (NA RGO)* (Scientific Archive of the Russian Geographical Society), fund R-XLII, inventory 1, file 7. (In Russ.)
13. *NA RGO*, fund R-XLII, inventory 1, file 15. (In Russ.)
14. *NA RGO*, fund R-XLII, inventory 1, file 22. (In Russ.)
15. *NA RGO*, fund R-XLII, inventory 1, file 34. (In Russ.)
16. *NA RGO*, fund R-XLII, inventory 1, file 46. (In Russ.)
17. *NA RGO*, fund R-XLII, inventory 1, file 53. (In Russ.)
18. Ostrovskiy, AB 2019, ‘Ritualy bedstviya v russkoy derevne’ (Rituals of disaster in the Russian village), *Antropologiya myshleniya: Izbrannyye statyi 1990–2016 gg.* (Anthropology of Thinking. 1990–2016 Selected Articles), Nestor-Istoriya publ, St. Petersburg, pp. 334–359. (In Russ.)
19. Panov, G 1864, ‘Suyeveriya i poveriya v religiozno-nravstvennom otnoshenii’ (Superstitions and beliefs in religious and moral terms), *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 14, pp. 70–92. (In Russ.)
20. Piskarev, I 1863, ‘Slovo oblichitelnoye po sluchayu opakhivaniya skota vo vremya skotskoy chumy’ (The Condemnation word on the occasion of plowing of cattle during the plague of cattle), *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 12, pp. 715–717. (In Russ.)
21. Pomerantseva, YeV 1982, ‘Rol slova v obryade opakhivaniya’ (The role of the word in the plowing ceremony), *Obryady i obryadovyy folklor* (Rites and ritual folklore), Nauka publ, Moscow, pp. 25–35. (In Russ.)
22. Pyatnitskiy, A 1873, ‘Suyeveriya, poverya i primety, zagovory, lecheniya i gadanya’ (Superstitions, beliefs and omens, conspiracies, cures and fortune-telling), *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 6, pp. 223–229. (In Russ.)
23. ‘Kurskaya, Moskovskaya, Oloneckaya, Pskovskaya, Sankt-Peterburgskaya i Tul'skaya gubernii’ (Kursk, Moscow, Olonets, Pskov, St. Petersburg and Tula Governorate) 2008, *Russkiye krestyane. Zhizn. Byt. Nravy. Materialy «Etnograficheskogo byuro» knyazya V. N. Tenisheva* (Russian peasants. Life. Everyday life. Customs. Materials of the “Ethnographic Bureau” of Prince V. N. Tenishev), vol. 6, Delovaya poligrafiya publ, St. Petersburg. (In Russ.)
24. Oshevskiy, SD 2000, *Skazaniya russkogo naroda, sobrannyye I. P. Sakharovym* (Tales of the Russian people collected by I. P. Sakharov), Priok. Kn. Izd-vo publ, Tula. (In Russ.)
25. Sukhotin, S 1912, ‘Neskolkо obryadov i obychayev v Tulskoy gubernii’ (Several rites and customs in Tula province), *Etnograficheskoye obozreniye* (Ethnographic Review), no. 3-4 (b. 94-95), pp. 98–101. (In Russ.)

26. Tikhvinskiy, F 1878, ‘Vo vremya skotskogo padezha’ (During the cattle plague), *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 2, pp. 52–60. (In Russ.)
27. Toporkov, AL 2022, ‘Opyt prochteniya odnogo «parafolklorного» teksta iz «Skazaniy russkogo naroda» I. P. Sakharova’ (The experience of reading the “parafolklore” text from I. P. Sakharov’s “Tales of the Russian People”), *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 3, pp. 298–321. (In Russ.)
28. *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette) 1862, no. 24. (In Russ.)
29. Lebedeva, NI & Samodelova, EA (eds.) 1997, *Etnologicheskiye materialy* (Ethnological materials), Ryaz. obl. tsentr nar. tvorchestva publ, Ryazan. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 29.09.2025

Одобрена после рецензирования: 05.11.2025

Принята к публикации: 05.11.2025

The article was submitted: 29.09.2025

Approved after reviewing: 05.11.2025

Accepted for publication: 05.11.2025

Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 3 (23). С. 140–155.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 3 (23). P. 140–155.

Научная статья
УДК 394
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-140-155>

«У ЛЮДЕЙ ОПЫТ ЕСТЬ, ЧТО МОЖНО ЕСТЬ»: ПИЩЕВЫЕ ПРАКТИКИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ САХАЛИНА

**Наталья Ивановна
Новикова**

Институт этнологии и антропологии
имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
Москва, Россия, natinovikova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5686-1104>

Аннотация. В статье рассматривается культура питания коренного населения острова на основании полевых материалов, собранных на Сахалине в 2000–2021 гг. Я предлагаю посмотреть на водные биологические ресурсы как на основу продовольственного суверенитета и устойчивости местных сообществ, которые достигаются в значительной степени их разнообразием, ритмом использования и технологиями обработки. Дается общая характеристика пищевых практик и выделяется особое место отдельных блюд и продуктов. Специальное внимание уделено приготовлению и использованию *мось* в ритуальной и повседневной практиках коренных народов Сахалина. Идея разнообразия подтверждается составом этого блюда: рыба, жир, ягоды. Известный праздник Кормления моря анализируется через жертвоприношение и совместную трапезу, которые демонстрируют как прочность социальных связей внутри сообщества, так и стремление коренных народов приобщить к своим традициям все население области. При анализе практик питания внимание будет обращено на их влияние на развитие солидарности, а также будет показано, как участие в приготовлении определенных блюд становится и элементом социализации, и социальным лифтом. Специальное внимание будет обращено на межэтнические контакты, в первую очередь с сахалинскими корейцами. В современных условиях (в течение последних тридцати лет) важнейшим фактором презентации этничности на Сахалине стали фестивали кухни на различных местных праздниках и официальных мероприятий. Участие коренных народов в движении «slow food» связывается активистами и с традициями рецпрокности, и с правами на доступ к ресурсам и на свободное самобытное развитие. Коренные народы настаивают, чтобы при всех экологических ограничениях на добычу ресурсов учитывались их знания и локальные практики.

Ключевые слова: Сахалин, коренные народы, пища, трапеза, пищевые практики, разнообразие, устойчивое развитие.

Для цитирования: Новикова Н. И. «У людей опыт есть, что можно есть»: пищевые практики коренных народов Сахалина // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 3 (23). С. 140–155. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-140-155>

Сведения об авторе: Н. И. Новикова – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Севера и Сибири, Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, 119334, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32А.

Scientific Article

UDC 394

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-140-155>

“PEOPLE KNOW FROM EXPERIENCE WHAT THEY CAN EAT”: THE FOOD PRACTICES OF SAKHALIN INDIGENOUS PEOPLES

Natalya I. Novikova

Institute of Ethnology and Anthropology
named after N. N. Mikloukho-Maklay RAS
Moscow, Russia, natinovikova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5686-1104>

Abstract. The article examines the food culture of the Sakhalin Island indigenous peoples based on field data collected between 2000 and 2021. The author proposes viewing aquatic biological resources as the foundation for food sovereignty and resilience of local communities, achieved largely through their diversity, harvesting rhythms, and processing technologies. The article provides an overview of dietary practices, highlighting particular dishes and foodstuffs. The preparation and use of *mosi* in both ritual and everyday practices among Sakhalin's indigenous peoples deserves special attention. The composition of this dish (fish, fat, and berries) confirms the concept of diversity. The author presents an analysis of the well-known Feeding the Sea festival in the context of sacrifice and communal meal, which demonstrate both the strength of social bonds within the community and the indigenous peoples' desire to share their traditions with the entire population of the region. In analyzing food practices, the author pays attention to their impact on fostering solidarity, shows how participation in preparing certain dishes serves as both an element of socialization and a social elevator, and highlights the importance of interethnic contacts, primarily with Sakhalin Koreans. Under contemporary conditions (over the past thirty years), cuisine festivals at local celebrations and official events have become the most significant factor for the presentation of ethnicity in Sakhalin. Indigenous peoples associate their participation in the slow food movement with activists, the principle of mutual cooperation, and the rights to access resources and develop their own identity freely. Indigenous peoples also insist that environmental restrictions on resource extraction should incorporate their traditional knowledge and local practices.

Keywords: Sakhalin, indigenous peoples, food, meal, food practices, diversity, sustainable development.

For citation: Novikova, NI 2025, “People Know from Experience What They Can Eat”: the Food Practices of Sakhalin Indigenous Peoples’, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (23), pp. 140–155, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-140-155> (in Russ.)

Information about the Author: Natalya I. Novikova – Doctor of Science (History), Senior Researcher of the Northern and Siberian Division, Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Mikloukho-Maklay RAS, 32A, Leninsky Prospect, Moscow, 119334, Russia.

Введение

Когда полевая работа этнографа проводится на острове, многие привычные понятия и явления выглядят по-другому, чем на материке. Площадь Сахалина 76 400 км², а население менее 500 тыс. человек, из них около 4 тыс. составляют представители коренных малочисленных народов. На острове значительный процент корейцев – около 45 тыс. человек. Пищевые ресурсы острова определяются Охотским морем, и именно это обстоятельство рассматривается мною как важнейший фактор культуры питания коренных народов. Для этих народов обычно характерна приверженность к одним и тем же продуктам питания и технологиям их изготовления. Другой важной особенностью коренных народов является принятая в культуре жизнеобеспечения этих народов необходимость использовать в пищу те ресурсы, которые они сами добыли. Приверженность своей пищевой культуре отмечается многими исследователями даже тогда, когда в остальных сферах коренные народы Сахалина утратили этнические особенности своей культуры [5, с. 174].

Что же способствовало длительной устойчивости системы питания, что предлагается на бытовом и празднично-ритуальном уровнях и что создает сегодня угрозы продовольственной безопасности для коренных народов на острове? Я уже обращалась к теме пищевых практик в своих статьях о природопользовании [13, 14], в данной работе я фокусируюсь на продовольственной системе коренных народов Сахалина как на островном феномене, укорененном в их локальных знаниях, и разнообразии как фактору устойчивости островной культуры питания. Статья основывается на полевых материалах автора и научной литературе, содержащей подробные описания еды и пищевых практик коренных народов Сахалина. Эта важнейшая составляющая культуры жизнеобеспечения и в целом этнических культур рассматривается в статье в контексте социальных отношений коренных народов и их устремлений в современных условиях.

Продовольственная система коренных народов Сахалина – эмиссионные представления о приоритетах

Пища, ее состав, методы приготовления наиболее полно включены в повседневность. Это беспрогрызная тема для начала общения с людьми в этнографическом поле. Этнографы часто становятся знатоками в этой сфере даже когда, кажется, и не занимаются ею специально. В литературе XIX в. народы Сахалина имели названия «рыбокожие», «рыбоедцы». Они живут на острове, и, очевидно, их культура определяется этим местом, похожим на карте на рыбу. В анализе пищи много аспектов, меня в данной статье будут в первую очередь интересовать многообразие и устойчивость. Такой подход определяется как изучаемыми мною практиками, так и общим актуальным взглядом на устойчивое развитие и современное положение коренных народов. Неслучайно одним из принципов глобальных целей устойчивого развития ООН, принятых 193 странами, является «ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания, и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства» [28]. Как антрополога меня эти мировые проблемы интересуют на микроуровне, а именно, как они решаются коренными народами Сахалина, насчитывающими около 4 тыс. человек. В данном исследовании я не планирую дать общую картину культуры питания этих народов, так как это обширная тема уже неоднократно освещалась в научной литературе за длительный период изучения коренных народов. Фокус моего исследования направлен на интерпретацию тех пищевых практик, которые позволили этим народам не только адаптироваться к ресурсам острова, но и вписаться в социальный и духовный ландшафт своего местообитания. Более того, в современных условиях они широко манифестируют пищу как важнейший и неотъемлемый символ своей культуры и идентичности. В литературе подробно описаны различные виды пищи коренных народов Сахалина и зависи-

мость приготавливаемых блюд от природной среды региона [15; 8; 9; 10 и др.], я хочу сфокусировать внимание на разнообразии блюд как основе неистощительного природопользования на острове. Эта традиция особенно контрастирует, на мой взгляд, с практиками народов Западной Сибири, где в основном используются рыба и мясо, причем довольно ограниченных видов.

Важным аспектом изучения пищевых практик коренных народов является внимание к возможности обеспечения продовольственной безопасности. Для коренных народов она связана не только с доступом к ресурсам и исключением голода, но и культурными, эмоциональными, религиозными составляющими системы жизнеобеспечения и оценки качества жизни [3]. В рамках междисциплинарных подходов представляет интерес обоснование необходимости «взгляда изнутри» именно для народов Севера и Арктики в дополнение к количественным и формальным методам экономического анализа, выделение понятия культурной продовольственной безопасности [21; 32].

Основой для написания статьи стал доклад, прочитанный на конференции «Арутюновские чтения» в Институте этнологии и антропологии РАН в декабре 2024 г. Она была посвящена памяти выдающегося исследователя, ученого энциклопедических знаний и интересов Сергея Александровича Арутюнова. Среди многих тем его интересовала и тема еды, культура питания. Именно благодаря ему сложилось направление исследований в этой сфере и на протяжении 2000-х гг. эта тема развивалась на конгрессах антропологов и этнографов России, а по результатам обсуждений издано несколько коллективных монографий [18; 25; 26; 27]. В дальнейшем это направление сохранилось как в рамках конгрессов, так и на региональном уровне. В европейских исследованиях отмечается все больший интерес к локальности, пищевым феноменам, привязанным к конкретной территории. Это привело к появлению понятия «типичные пищевые ландшафты», «которое, в свою очередь, было справедливо соотнесено с концептами «устойчивого развития» регионов, с их исторической и социальной структурами» [3, с. 22]. При исследовании народов Арктики и Севера также в последнее время особое внимание уделяется роли локальных знаний в пищевых практиках [17]. В последние годы на Сахалине было издано несколько книг, описывающих в основном рецепты традиционной кухни коренных народов, написанных представителями этих народов или в соавторстве с этнографами, длительное время работающими с ними [11; 12; 20; 21; 23], что подчеркивает современную тенденцию внимания к знаниям коренных народов и необходимости интеграции академических и традиционных знаний. В небольшой статье невозможно охватить все аспекты рассматриваемой темы, поэтому я фокусирую внимание на двух актуальных аспектах: устойчивости и разнообразии.

С. А. Арутюнов подчеркивал роль культуры питания в развитии многокультурности и устойчивости этнических предпочтений. Он отмечал, что сбалансированный культурный полиморфизм, т. е. способность общества использовать в разных обстоятельствах ряд заложенных в общем фонде традиций, существующих средств адаптации, играл особенно большую роль в прошлом [1, с. 227]. Современные полевые материалы показывают сохранность и развитие таких практик на примере антропологии питания коренных народов, причем они приобретают и важное символическое значение. Для данной статьи значима его концептуализация понятия трапеза. С. А. Арутюновым была выделена «трапеза» как «основная элементарная единица анализа». Он писал: «Именно трапезы, а не отдельные составляющие пищи выступают в качестве действительного эквивалента таким единицам исследования, как поселения, жилища и определенные комплексы одежды». Именно в них отразилась этническая и культурно-историческая специфичность народов [1, с. 206–207].

До перехода к описанию конкретных полевых материалов необходимо обратить внимание еще на одну черту контекста пищевых практик. Еще Л. Я. Штернберг отмечал, что гиляки (старое название нивхов – Н. Н.) очень гостеприимны. «Этот благородный обычай гостеприимства имеет еще и другую хорошую сторону. В черный год, когда не хватает пищи у гиляков ни для себя, ни для собак и купить не на что, гиляк не должен протягивать руки благодетелю, он спокойно отправляется в гости, зная очень хорошо, что со временем ему отплатят тем же» [29, с. 363].

Для Сахалина в качестве трапезы как единицы анализа может рассматриваться праздник Кормления духа моря, который почти в неизмененном виде проводится уже более 30 лет. Подобный обряд делается семьями и на реках, но в заливе Терпения он приобрел наибольший размах. Я имела возможность наблюдать и отчасти участвовать в этом празднике в Поронайске несколько раз. Структура его примерно повторяется из года в год и включает в себя обряд жертвоприношения, общую трапезу, выступление народных фольклорных коллективов, соревнования в национальных видах спорта, конкурсы костюмов, предметов декоративно-прикладного искусства и национальной кухни. Наиболее яркое впечатление у меня осталось от праздника 2004 г., когда он был полностью организован самими коренными жителями – Советом родовых хозяйств и организациями коренных малочисленных народов. На праздник готовится большое количество разнообразных блюд. Они готовятся из продуктов рыболовства, охоты и собирательства, т. е. водных и лесных биологических ресурсов: это различные виды рыбы, моллюсков, водорослей, ягод. Большую роль играют мясо и жир нерпы. Именно трапеза определяет смысл праздника. Его центром является жертвоприношение / «кормление», которое совершают старейший мужчина. При объяснении обряда мне говорили, что все дары морю нужно положить в специально вырезанное из дерева корытце, а старейшина должен войти в воду. Такие корытца использовались и на медвежьем празднике, сейчас они представлены в музеях. На этом празднике, как и на других, я наблюдала несколько различные модели жертвоприношения. Отличаются и те тексты, которые произносят участники, но общий его смысл состоит именно в «кормлении» и моря, и людей, которые собирались на праздник.

Илл. 1.
Жертвоприношения
на празднике
Кормления моря.
Фото Н. И. Новиковой

На празднике «Кормления духа моря» именно трапеза занимает центральное место, причем жертвоприношение морю должно быть разнообразным, подчеркивается именно эта его черта, а не объем приносимых даров. Мне пока не удалось выяснить, почему при таком обряде нужно заходить в море. Возможно, это связано с представлением о единении человека и природы. Смысл обряда сегодня во многом изменился, хотя его мировоззренческая часть сохраняется: обращение к морю для обеспечения успешного промысла, участие «старейшин»¹, использование традиционной посуды – резного деревянного корытца, которые сейчас больше известны как музеиные экспонаты или произведения резчиков-художников. Е. А. Крейнович подробно описал ритуал кормления моря в заливе Чайво и использование при этом подобной посуды. Ее важность подчеркивалась тем, что вдоль берега устанавливались несколько корыт от разных родов. В его описании использованы священные корыта, изготовленные для утонувших, и простые для кормления моря. Он писал: «Священные корыта, по словам нивхов, должны идти в море первыми, за ними – простые корыта. Корыта со студнем, по представлениям нивхов, как идут в море гуськом, так и приходят к хозяину моря и морским людям. Причем нивхи верят, что хозяин моря просматривает корыта и, если студень приготовлен плохо, он его не принимает». Корытам придавали форму морских животных и относились к ним, как к живым существам. [10, с. 430–431]. Важность ритуала подчеркивалась необходимостью донести жертву морю, гарантировать ее качество, обеспечить и эффективность обряда в представлении его участников, и их благополучие, полностью зависящее от моря и его даров. По аналогии можно предположить, что с этим же связана современная традиция, чтобы старейшина с жертвенным корытцем заходил в море, а не просто бросал жертву с берега. Праздничная трапеза объединяет всех ее участников, поэтому нужно хорошо накормить и море, и людей, поэтому готовится большое количество блюд. На празднике, о котором я пишу, всех кормили ухой, сваренной прямо на берегу. Остальные блюда проходили скорее дегустацию, все участники и гости могли попробовать и оценить их многообразие.

Илл. 2. Жертвоприношения на празднике
Кормления моря.
Фото Н. И. Новиковой

Илл. 3. Дегустация кухни коренных народов.
Фото Н. И. Новиковой

все угощенье делали за свой счет. Руководители хозяйств активно участвовали в приготовлении. Праздник демонстрировал стремление к продовольственному суверенитету, предполагающему не только самостоятельную добычу ресурсов, но и приготовление их по этническим рецептам с использованием местных технологий. Это обеспечивает и привлекательность для всего населения области, и является одним из знаков культуры коренных народов.

Анализируя свой опыт участия в празднике, я предположила, что не случайно мне было поручено участвовать в приготовлении именно этого блюда вместе со знакомыми. Конечно, я была подмастерьем, но мне много дал этот опыт. Мы готовили все кушанья в доме у Л. М. Курмангужиновой, в то время председателя Совета родовых хозяйств. Там собралось несколько женщин из разных районов Сахалина, я получила интересный опыт полевой работы. Во время этого вечера, затянувшегося как я помню далеко за полночь, я могла не только знакомиться с рецептами, но и наблюдать «народную педагогику» в действии. Женщины собирались опытные, знающие, но они постоянно учились друг у друга и ненавязчиво учили меня. Этот метод я уже знала по другим регионам Севера и называли его для себя «здесь нет повелительного наклонения». В то время я еще только начинала работать на острове и мо-

Идея разнообразия подтверждается и составом одного из главных ритуальных блюд – мось. В прошлом, по описаниям конца 1920-х гг. Е. А. Крейновича, приготовлением мось занимались все семьи. Женщины готовили шкуры кеты и молодого тайменя, их замачивали на ночь, а утром растирали деревянными пестами. Затем в однородную массу бросали ягоды. Образовывался студень, который пробовали все участники обряда, остатки с берега приносили домой, где всех угостили [10, с. 428–433]. Сегодня мось широко используется и в редких ритуалах, и в широко распространенных фестивалях с презентацией кухни коренных народов Сахалина. Известный по литературе XIX в. способ приготовления блюда не претерпел больших изменений [4]. И сегодня его предпочитают готовить вручную, длительно растирая рыбью кожу. В него добавляют нерпичий жир, таким образом, в мось сочетаются дары моря и леса: рыба, морские животные и ягоды. Во время праздника, о котором я пишу в этой статье, родовые хозяйства

им будущим информантам, как я потом узнала, хотелось не только научить меня, но и проверить, что я за человек.

Для населения острова морские продукты естественны, они составляют значительную часть рациона. Как местные ресурсы они доступны в той или иной мере всем жителям региона. Однако можно отметить, что мясо и жир нерпы, несмотря на свои свойства здоровой пищи из-за специфического запаха меньше употребляются в среде «некоренного» населения. С. В. Березницкий приводит интересный пример из своих полевых материалов, связанный с одним из известных на острове деятелей общественного движения Г. Н. Псягиным. Ему нужно было отправить в Южно-Сахалинск посылку с нерпичным мясом, но никто, в том числе и нивхи, не соглашался ее взять на поезд из-за сильного специфического запаха. Г. Н. Псягин воспринял это болезненно как отказ от традиций [2, с. 101]. Специфические запахи этнической пищи коренных народов, наряду с сыроедением, часто выступают ее символами, но на бытовом уровне становятся препятствием для распространения некоторых пищевых практик среди иноэтничного населения.

Никто не должен оставаться голодным

Остров Сахалин сравнительно небольшой, но геологические, природные условия, различие течений, глубин и исторический опыт привели к складыванию разнообразных практик добычи, а, значит, и возможностям обеспечения населения разной рыбой [22, с. 53–56]. Богатство острова не ограничивалось водными ресурсами. Хозяйство коренных народов при очевидном превалировании рыболовства всегда включало и включает в себя морзверобойный промысел, собирательство. Остров очень богат ягодами и съедобными дикими растениями. Мясные продукты были в большей степени характерны для оленеводов, правда в последние годы ульта и эвенки в значительной степени утратили своих оленей, тем не менее иногда и они сами, и нивхи употребляли мясо и домашних, и особенно диких оленей. Нивхи получали его в основном благодаря рецептурным родственным и дружеским отношениям. Более важным ресурсом были дикие растения: папоротник, лопух и другие. Их каждого из них нивхам, ульта было известно множество рецептов. Эти съедобные растения описаны многими авторами. Крейнович выделил корнеплоды, растения, употребляемые в свежем виде, растения, употребляемые в вареном виде, ягоды, орехи, а также водоросли, в первую очередь морскую капусту [10, с. 153–161]. На выставках «Сокровища Севера» в последние годы знатоки де-

Илл. 4. Презентация сахалинских чаев на выставке «Сокровища Севера».

Фото Н. И. Новиковой

монстрируют большое разнообразие травяных чаев. И нивхи, и уильта готовят блюда, состоящие из многих ингредиентов [9, с. 190].

Пищевые практики, в первую очередь, определялись экологическими условиями, а также существовавшими у коренных народов религиозными представлениями и обычаями, нормами обычного права. Я несколько раз имела возможность наблюдать правила на путинах в разных районах острова. Они предполагали достаточное питание рыбаков, правило «никто не должен оставаться голодным» было всегда определяющим. Использование рыбных ресурсов не жестко контролируется, и рыбаки, конечно, могли заготовить их в разумных объемах для семей.

Благодаря большому культурному разнообразию на Сахалине кухня приобрела новые вкусовые оттенки. Исследователи отмечают влияние корейской кухни, в первую очередь в сфере общественного питания и торговли [6, с. 221]. Для коренных народов Сахалина, особенно в Поронайском районе, самое значимое корейское влияние наблюдается в семейной повседневной культуре питания. Здесь много смешанных корейско-нивхских и корейско-уильтинских семей. Их кухня стала еще более разнообразной и привлекательной для соседей. Изменились и некоторые правила приготовления пищи, стали использовать больше приправ, в том числе и импортируемых из Южной Кореи, большую роль стали играть мужчины в приготовлении разнообразных блюд.

Знание традиций национальной кулинарии, умение приготовить вкусное блюдо ценится в каждом обществе, но на Сахалине этому, кажется, придается особое значение. [9, с. 190; 14]. Каждая трапеза дома с приемом гостей, а иногда и только членов семьи имеет эмоциональную нагрузку. Характерной мне показалась такая ситуация. В 2004 г. я проводила полевые исследования в стане хозяйства «Ларга», которое организовало летний лагерь для детей и подростков. Однажды дети рисовали, и один мальчик изобразил машину с грузом — выловленной рыбой. Он не умел писать, и попросил меня сделать надпись на нарисованной им машине — слово «счастье» — именно так воспринимают люди на острове успешный улов. [13, с. 171]. Мне приходилось неоднократно отмечать во время полевых исследований, насколько эмоционально люди на Сахалине готовят еду, с каким открытым удовольствием ее едят. Столь большое внимание к качеству рыбы привело к отрицательной оценке выращенной на заводах рыбы. К тому же эти заводы имеют и отрицательные социальные последствия для местных рыбаков, так как, по их словам, они перегораживают ход дикой рыбы. Кроме того, мои наблюдения деятельности таких заводов показали, что эти заводы не стали местом официальной занятости для коренных народов.

Местная аборигенная кухня выигрывает часто благодаря свежести продуктов. Кроме того, большое разнообразие приводит к естественному сохранению ресурсов, сокращению давления на добычу лосося как самой дорогой рыбы. Люди говорят: «Для нас в каждый период вся рыба значима, в какой период идет. Когда мало красной рыбы, мы другую ловим. От моря все брали, после шторма все собирали. У людей опыт есть, что можно есть».

Наблюдения за пищевыми практиками коренных жителей Сахалина показывают, что именно разнообразие позволяет им и позволяло в течение длительного времени сохранять устойчивый запас ресурсов. Традиционно было принято есть все свежим, пожалуй, только один продукт был и в какой-то степени остается уникальным в этом ряду, — это юкола. Когда я первый раз попала на остров, мне повезло встретиться со знатоком нивхской культуры Лидией Мувчик. Мы попали к ней на стойбище в Вени, которое и сегодня уже без нее сохраняется как своеобразный центр культуры [14]. Я думаю, она хотела одним действием показать мне, что значит для нивхов рыба, и, протянув кусок юколы, сказала: «Это наш хлеб». Как по русской по-

словице: «Хлеб всему голова». В значительной степени заботой нивхских семей в летнюю и осеннюю путину было приготовление, заготовка и сохранение юколы [24, с. 15; 10, с. 159–161]. Среди местных женщин высоко ценилось умение разделять и резать рыбу тонкими пластами для вяления и сушки. Кроме того, нужно было следить, чтобы она не отсырела и могла долго храниться. Вешала с этой прозрачной от жира, красиво тонко нарезанной горбушей и кетой были визуальным знаком рыболовных станов и мелких поселений коренных народов. Для оленеводов юкола, возможно, играла еще большую роль, так как поддерживала их при перекочевках. Во всяком случае, уильта было известно много разновидностей этого местного деликатеса [23]. Таким образом, юкола была одним из немногих внесезонных продуктов длительного хранения и в периоды отсутствия свежей рыбы помогала в прошлом людям выживать, кормить собак, а в современных условиях дополняет рацион привычным местным деликатесом. Делали также заготовки ракушек, некоторых растений, водорослей, но не в таких размерах.

Пищевые практики и этнокультурная идентичность

Презентация кухни коренных народов стала неотъемлемой частью всех акций, посвященных им на Сахалине. Обильная, разнообразная, самобытная кухня этих народов, традиции, связанные с едой, выступают важнейшими элементами их этнической и культурной идентичности. Не случайно большой размах здесь получило движение Slow Food / Слоу фуд. Целью этого международного движения является сохранение и популяризация местных продуктов питания, обеспечение доступа к ним всего населения. Философия движения определяется тремя компонентами: «Вкусно: свежие и ароматные сезонные продукты, которые приятны для органов чувств и являются частью местной культуры. Чисто: производство и потребление продуктов питания, которое не наносит вреда окружающей среде, благосостоянию животных и здоровью человека. Честно: доступные цены для потребителей, спра-

Илл. 5. Юкола. Фото Н. И. Новиковой

ведливая оплата и достойные условия труда для производителей» [30]. Участие в семинарах и фестивалях Слоу фуд в Москве и за рубежом знакомит представителей коренных народов не только с различными блюдами и способами их приготовления, но и с более глобальными целями движения, связанными с правами на доступ к ресурсам, свободное развитие и самоопределение [14]. Большую работу по пропаганде этнической кухни ведет центр Кых-Кых в пос. Некрасовка, организующий презентации в школе-интернате. В таких мероприятиях всегда участвует знаток нивхской культуры Е. В. Очан. Приготовленный ею мось вошел в международный каталог «Ковчега вкуса», а Е. А. Королева стала вице-президентом по коренным народам организации «Слоу фуд в России» в 2018 г. Нивхи и другие коренные народы используют не только исторически известные продукты, но и прежде не употребляемые ими в пищу. Сегодня на Сахалине популярна ягода красника (клоповка). О ее употреблении есть разные мнения, но в основном нивхи не собирали и не ели эту ягоду. Сейчас она стала дорогой и востребованной, продают сироп и мармелад из этой ягоды. Нивхи используют ее как современную презентацию Сахалина, продукты из красники стали знаковым подарком в поездках в другие регионы и для фестивалей [16, с. 67–70].

Важно учитывать, что исторически сложившиеся традиции питания относятся к ядру культуры коренных народов. Именно через них в наиболее полной мере развиваются реципрокные отношения. Сегодня они сохраняются в семейной и дружественной сфере. Например, когда я записывала интервью у молодых людей, живущих в Южно-Сахалинске, они говорили мне, что рыбу и другие морские продукты получают от своих родственников. Это особенно важно, так как, несмотря на то что столица области отнесена к местам традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности, вылов рыбы затруднен из-за отсутствия выделенных рыболовных участков. Также широко распространены посылки рыбных продуктов сахалинцам, живущим в других регионах. Угощение сахалинскими деликатесами является одной из ниточек, которые связывают информантов и исследователей. Мне приходилось слышать, что голодным на острове трудно оставаться. Я была очень удивлена, когда увидела нивха, занимающегося попрошайничеством в Южно-Сахалинске. Я пришла в торговый центр вместе с двумя молодыми женщинами, работающими в сфере культуры. Мы пришли поужинать и пообщаться, у входа заметили этого человека. Видя мое удивление, они пояснили, что действительно для мужчины не инвалида довольно трудно оставаться на острове без источников существования, ведь можно всегда поймать рыбу или тебе помогут соседи и родственники, голодным не останешься. Одна из них знала этого нищего и знала, что ему неоднократно предлагали помочь родные, но он не хотел ее принимать. У меня сложилось впечатление, что у этого человека какие-то психологические проблемы. Несмотря на трансформации традиционной культуры, значительные изменения в укладе коренных народов в современных условиях, жизнеобеспечивающие традиции на острове сохраняются. Дарообменные отношения носят неформальный характер, но они играют не меньшую роль в обеспечении продовольственной безопасности, чем рыболовство.

В Поронайском районе был короткий период деятельности родовых хозяйств и созданных ими структур, когда такие отношения были добровольно-принудительными и входили в обязанности родовых хозяйств. Они делились пойманной рыбой с пенсионерами, семьями, где не было рыбаков, помогали в снабжении лицем, где учились дети коренных народов. Санкцией за невыполнение могло быть ограничение в квотах, но в большей степени – общественное мнение. Председатель созданного тогда фонда рассказывала мне, что хозяйства всегда выполняют такие обязательства. К сожалению, созданная самими представителями коренных

народов система просуществовала недолго и была разрушена ограничениями в доступе к ресурсам, когда хозяйства стали разоряться. Продолжающееся уже в течение многих лет ограничение доступа к ресурсам, закрытие для коренных народов Поронайского района залива Терпения, ограничение их свободной предпринимательской деятельности контролирующие органы власти объясняют экологическими изменениями. Такие ограничения принимаются без учета мнения и законных интересов коренных народов, что приводит к ухудшению качества жизни этих народов, хотя сами представители этих народов и их организации настаивают на необходимости диалога, чтобы участие коренных народов в принятии решений могло смягчить последствия изменения окружающей среды [31]. На Сахалине в качестве решения проблемы часто предлагаются рыболовные заводы или даже продажа рыбы в социальных магазинах вместо свободной рыбной ловли, что негативно воспринимается коренными народами. Неслучайно в последнее время так активно обсуждаются вопросы рыболовства на федеральном уровне, вносятся изменения в нормативные документы, и организации коренных народов активно участвуют в этих процессах. Во время моих исследований на Сахалине я была свидетельницей попыток активистов включиться в процесс мониторинга, установить партнерство с учеными, которые и устанавливают эти ограничения, но пока это не удалось сделать.

В недавно опубликованной в журнале «Антропологический форум» дискуссии о теоретических основаниях антропологии мое внимание привлекла рефлика известного британского ученого Т. Ингольда: «О чем же мы размышляем? Единственный вопрос, ответом на который движимы антропологические исследования, – это вопрос “как нам следует жить?”. Каждый образ жизни – это одна из попыток прожить эту жизнь, и цель антропологии – извлечь из данных попыток уроки, чтобы помочь нам в совместной работе по созданию условий и возможностей для жизни будущих поколений. Преследуя эту цель, мы не собираем данные о других людях, чтобы их описать. Скорее мы исследуем вместе с ними. Мы учимся у всего мира с его множеством голосов, и мир становится нашим мультиверситетом» [7, с. 75].

Выводы

В вопросах культурной пищевой безопасности коренные народы Сахалина достигли большого успеха. Соединив воедино пищевые практики, солидарность, религиозные и этические запреты они сохранили и продолжают развивать столь необходимые для всех ресурсы. Эти народы не навязывают остальному миру свой образ жизни, они активно учатся, включая в свой мир все новые знания и навыки. Руководствуясь признанными в мире принципами защиты своих прав, они стремятся к тому, чтобы окружающий мир учитывал их локальные знания, их мнение. Полевые исследования показывают, что исследования пищевых практик коренных народов обладают большим потенциалом для изучения многих вопросов их современного развития, а документирование традиционных знаний и интеграция их в академический дискурс может привести к пониманию некоторых глобальных вызовов, с которыми сталкивается мировое сообщество.

Примечания

1. На таких праздниках в роли «старейшин» выступают самые старшие мужчины и женщины из числа коренных народов района.

Список источников и литературы

1. Арутюнов С. А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1980. 247 с.

2. Березницкий С. В. Традиция сыроядения в культуре питания коренных народов Амуро-Сахалинского региона // Кунсткамера. 2021. № 3 (13). С. 104–114.
 3. Вкус Европы: антропологические исследования культуры питания / отв. ред. М. Ю. Мартынова, О. Д. Фаис-Леутская. М.: Кучково поле Музеон, 2020. 568 с.
 4. Глебова Е. В. Ритуальный студень из рыбьей кожи в пищевой культуре коренных народов Нижнего Амура и Сахалина // Праздничная и обрядовая пища народов мира / отв. ред. С. А. Арутюнов, Т. А. Воронина. М.: Наука, 2017. С. 271–280.
 5. Г. А. Отания о северных народностях Сахалина / подгот. А. Т. Мандрик // Исторические чтения. Труды Государственного архива Сахалинской области. Южно-Сахалинск: Обл. кн. изд-во, 1995. Вып. 1. С. 171–185.
 6. Дин Ю. И. Корейцы и русские на Сахалине: межкультурное взаимодействие в послевоенном сахалинском обществе // Евразия – диалог культур : материалы Двадцать вторых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: Рос. этногр. музей, 2023. С. 218–223.
 7. Ингольд Т. Пара слов о теории. Антропологические теории для XXI века: дорожная карта // Антропологический форум. 2025. № 64. С. 74–76.
 8. История и культура нивхов : историко-этнографические очерки / отв. ред. В. А. Тураев. СПб.: Наука, 2008. 270 с.
 9. История и культура уйльта (ороков) Сахалина : историко-этнографические очерки (XIX–XXI вв.) / отв. ред. В. В. Подмаскин. Владивосток: Дальнаука, 2021. 376 с.
 10. Крейнович Е. А. Нивхгу. Южно-Сахалинск: Сахалин. кн. изд-во, 2001. 520 с.
 11. Ланина Е. К. «Нивхгу мролф тор» (нивхские старинные традиции). Южно-Сахалинск: Сахалин. кн. изд-во, 2007. 223 с.
 12. Мидзushima M., Aida M., Roon T. P. Растения в жизни коренных жителей Сахалина-народа уйльта (ороков) // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. 2007. № 14. С. 162–200.
 13. Новикова Н. И. Азбука жизнеобеспечения коренных народов Сахалина в начале XXI века // Этнография. 2023. № 3 (21). С. 169–187.
 14. Новикова Н. И. Экономические практики и творчество коренных народов Сахалина: эффект уникальности // Тульский научный вестник. Сер.: История. Языкоzнание. 2023. Вып. 3 (15). С. 49–59. URL: https://tula-vestnik.ru/archive/vipusk_15/49/ (дата обращения: 24.06.2025).
 15. Осипова М. В., Тэмина М. Г. Пищевая традиция палеоазиатов (нивхов и айнов) как часть природно-средовой культуры // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2013. № 4 (40). С. 49–55.
 16. Островский А. Б. Сахалинские корни. Актуальные формы этнокультурной идентичности. СПб.: Славия, 2023. 224 с.
 17. Питание в Арктике: мобильность, снабжение, инфраструктура / отв. ред. В. Н. Давыдов, Д. С. Ермолин. СПб.: МАЭ РАН, 2024. 296 с.
 18. Праздничная и обрядовая пища народов мира / отв. ред. С. А. Арутюнов, Т. А. Воронина. М.: Наука, 2017. 773 с.
 19. Рагулина М. В. Культурные аспекты этноэкономики и продовольственная безопасность коренных народов Севера: подходы к исследованию // Вестник Евразийской науки. 2018. Т. 10, № 4. URL: <https://esj.today/PDF/55ECVN418.pdf> (дата обращения: 24.06.2025).
 20. Сборник рецептов блюд национальных кухонь коренных малочисленных народов Севера Поронайского района : брошюра / отв. за вып. Е. А. Панник. Поронайск, 2011. (Архив автора).
 21. Сила традиций / сказитель Ефросинья Николаевна Шкалыгина. Красноярск, 2021. 104 с.
 22. Смоляк А. В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. М.: Наука, 1984. 248 с.
 23. Соловьева О. Ф. Национальные рецепты уйльтинской кухни // Третьи краеведческие чтения (памяти Ю. В. Кнорозова) : сб. материалов межрегионал. науч. конф. (Южно-Сахалинск, 6–8 декабря 2022 г.) / отв. ред. Ю. И. Дин. Калининград: Полиграфычъ, 2023. С. 107–119.
-

24. Таксами Ч. М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов. Л.: Наука, 1975. 238 с.
25. Традиционная пища как выражение этнического самосознания / отв. ред. С. А. Арутюнов, Т. А. Воронина. М.: Наука, 2001. 295 с.
26. Хлеб в народной культуре : этнографические очерки / отв. ред. С. А. Арутюнов, Т. А. Воронина. М.: Наука, 2004. 413 с.
27. Хмельное и иное: напитки народов мира / отв. ред. С. А. Арутюнов, Т. А. Воронина. М.: Наука, 2008. 488 с.
28. Цели в области устойчивого развития // ООН : офиц. сайт. URL: <https://www.un.org/ru/common-agenda/sustainable-development-goals> (дата обращения: 09.05.2025).
29. Штернберг Л. Я. Гиляки, орохи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933. 740 с.
30. Slow Food : офиц. сайт. URL: <https://www.slowfood.com/ru> (дата обращения: 22.06.2025).
31. Horstkotte T., Löf A., Moen J. Understanding Adaptation Landscapes: Mapping the Complexity of Decision-Making in Reindeer Herding // Arctic Review on Law and Politics. 2024. Vol. 15. P. 202–230.
32. Whyte K. P. Indigenous Food Sovereignty, Renewal and Settler Colonialism. The Routledge Handbook of Food Ethics / ed. M. Rawlinson and C. Ward. New York: Routledge, 2016. P. 354–365.

References

1. Arutyunov, SA 1980, *Narody i kultury. Razvitiye i vzaimodeystviye* (Peoples and cultures. Development and interaction), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
2. Bereznitskiy, SV 2021, ‘Traditsiya syroyadeniya v kulture pitaniya korennnykh narodov Amuro-Sakhalinskogo regiona’ (The Tradition of Raw Foodism in the Food Culture of the Indigenous Peoples of the Amur-Sakhalin Region), *Kunstkamera*, no. 3 (13), pp. 104–114, doi 10.31250/2618-8619-2021-3(13)-104-114 (In Russ.)
3. Martynova, My & Fais-Leutskaya, OD (eds.) 2020, *Vkus Evropy. Antropologicheskiye issledovaniya kultury pitaniya* (Taste of Europe. Anthropological studies of food culture), Kuchkovo pole Muzeon publ, Moscow. (In Russ.)
4. Glebova, EV 2017, ‘Ritualnyy studen iz rybyey kozhi v pishchevoy kultury korennnykh narodov Nizhnego Amura i Sakhalina’ (Ritual fish skin jelly in the culture of the indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin), *Prazdnichnaya i obryadovaya pishcha narodov mira* (Festive and Ritual Food of the Peoples of the World), ed. S. A. Arutyunov, T. A. Voronina, Nauka publ, Moscow, pp. 271–280. (In Russ.)
5. Mandrik, AT (ed.) 1995, ‘G.A. Otaina o severnykh narodnostyakh Sakhalina’ (G. A. Otaina on the northern peoples of Sakhalin), *Istoricheskiye chteniya. Trudy Gosudarstvennogo arkhiva Sakhalinskoy oblasti* (Historical Readings. Proceedings of the State Archives of Sakhalin Oblast), no. 1, Yuzhno-Sakhalinsk, pp. 171–185. (In Russ.)
6. Din, YuI 2023, ‘Koretsy i russkiye na Sakhaline: mezhkulturnoye vzaimodeystviye v poslevoennom sakhalinskem obshchestve’ (The Koreans and the Russians on the Sakhalin: Intercultural Interaction in the Post-War Sakhalin Society), *Evrasiya – dialog kultur: Materialy Dvadtsat' vtorikh Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chteniy* (Eurasia – Dialogue of Cultures: Proceedings of the Twenty-Second St. Petersburg Ethnographic Readings), St.Petersburg. Ros. etnogr. Muzey publ, pp. 218–223. (In Russ.)
7. Ingold, T 2025, ‘Para slov o teorii. Antropologicheskiye teorii dlya XXI veka: dorozhnaya karta’ (A Few Words about Theory. Anthropological Theories for the Twenty-First Century: a Road Map), *Antropologicheskiy forum*, no. 64, pp. 74–76. (In Russ.)
8. Turayev, VA (ed.) 2008, *Istoriya i kultura nivkhov: istoriko-etnograficheskiye ocherki* (History and Culture of the Nivkhs: Historical and Ethnographic Essays), Nauka publ, St. Petersburg. (In Russ.)
9. Podmaskin, VV (ed.) 2021, *Istoriya i kultura uylta (orokov) Sakhalina: istoriko-etnograficheskiye ocherki (XIX–XXI vv.)* (History and culture of the Uilta (Oroks) of Sa-

- khalin: historical and ethnographic essays (19th – 21st centuries), Dalnauka publ, Vladivostok. (In Russ.)
10. Kreynovich, YeA 2001, *Nivkhgu* (Nivhgu), Sakhalin. kn. izd-vo publ, Yuzhno-Sakhalinsk. (In Russ.)
 11. Lanina, YeK 2007, “*Nivkhgu mrolf tor*” (*nivkhskiye starinnyye traditsii*) (Nivkh ancient traditions), Sakhalin. kn. izd-vo publ, Yuzhno-Sakhalinsk. (In Russ.)
 12. Midzushima, M, Aida, M & Roon, TP 2007, ‘Rasteniya v zhizni korennyykh zhiteley Sakhalin-naroda uylta (orokov)’ (Plants in the life of the indigenous people of Sakhalin - the Ulta (Oroks) people), *Vestnik Sakhalinskogo muzeya. Yezhegodnik Sakhalinskogo oblastnogo krayevedcheskogo muzeya*, no.14, pp. 162–200. (In Russ.)
 13. Novikova, NI 2023, ‘Azbuka zhizneobespecheniya korennyykh narodov Sakhalina v nachale XXI veka’ (The ABCs of Sakhalin indigenous peoples' livelihoods at the beginning of the 21st century), *Etnografia*, no. 3 (21), pp. 169–187, doi: 10.31250/2618-8600-2023-3(21)-169-187. (In Russ.)
 14. Novikova, NI 2023 ‘Ekonomicheskiye praktiki i tvorchestvo korennyykh narodov Sakhalina: ehffekt unikalnosti’ (Economic practices and creativity of the indigenous peoples of Sakhalin: the effect of uniqueness), *Tulskiy nauchnyy vestnik. Seriya Istoryya. Yazykoznanije* (Tula scientific bulletin. History. Linguistics), no. 3 (15), pp. 49–59, doi: 10.22405/2712-8407-2023-3-49-59. (In Russ.)
 15. Osipova, MV & Temina, MG 2013, ‘Pishchevaya traditsiya paleoaziatov (nivkhov i aynov) kak chast prirodno-sredovoy kultury’ (Food tradition of paleoasiates (Nivkhs and Ainus) as part of natural and environmental culture), *Sotsialnyye i gumanitarnyye nauki na Dalnem Vostoke* (The Humanities and Social Studies in the Far East), no. 4 (40), pp. 49–55. (In Russ.)
 16. Ostrovskiy, AB 2023, *Sakhalinskiye korni. Aktualnyye formy etnokulturnoy identichnosti* (Sakhalin roots. Actual forms of ethnocultural identity), Slaviya publ, St. Petersburg. (In Russ.)
 17. Davydov, VN & Yermolin, DS (eds.) 2024, *Pitaniye v Arktike: mobilnost, snabzheniye, infrastruktura* (Arctic nutrition: mobility, supply, infrastructure), MAE RAN publ, St. Petersburg. (In Russ.)
 18. Arutyunov, SA & Voronina, TA (red) 2017, *Prazdnichnaya i obryadovaya pishcha narodov mira* (Festive and ritual food of the peoples of the world), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
 19. Ragulina, MV 2018, ‘Kulturnyye aspekty etnoekonomiki i prodovolstvennaya bezopasnost korennyykh narodov Severa: podkhody k issledovaniyu’ (Cultural aspects of the ethnic economy and food security of the indigenous peoples of the North: approaches to research), *The Eurasian Scientific Journal*, vol. 10, no. 4, viewed 24 June 2025, <https://esj.today/PDF/55ECVN418.pdf> (In Russ.)
 20. Pannik, YeA (ed.) 2012, *Sbornik retseptov blyud natsionalnykh kukhon korennyykh malochislenykh narodov Severa Poronayskogo rayona* (Collection of recipes for dishes of national cuisines of small indigenous minorities of the North of the Poronaysky District), Poronaysk. (In Russ.)
 21. Shkalygina, YeN 2021, *Sila traditsiy* (The Power of Traditions), Krasnoyarsk. (In Russ.)
 22. Smolyak, AV 1984, *Traditsionnoye khozyaystvo i materialnaya kultura narodov Nizhnego Amura i Sakhalina* (Traditional economy and material culture of the Lower Amur and Sakhalin peoples), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
 23. Solovyova, OF 2023 ‘Natsionalnyye retsepty uyltinskoy kukhni’ (National recipes of the Ulta cuisine), *Tretyi krayevedcheskiye chteniya (pamyati Yu. V. Knorozova): sbornik materialov mezhregionalnoy nauchnoy konferentsii* (Third local history readings (in memory of Yu. V. Knorozov)). Proceedings of the interregional scientific conf.), Yuzhno-Sakhalinsk, 6–8 December 2022, ed. Yu. I. Din, Poligrafych publ, Kaliningrad, pp. 107-120. (In Russ.)
 24. Taksami, ChM 1975, *Osnovnyye problemy ehtnografii i istorii nivkhov* (The Main Problems of the Ethnography and History of the Nivkhs), Nauka publ, Leningrad. (In Russ.)
 25. Arutyunov, SA & Voronina, TA (eds) 2001, *Traditsionnaya pishcha kak vyrazheniye ehtnicheskogo samosoznaniya* (Traditional food as an expression of ethnic identity), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)

26. Arutyunov, SA & Voronina, TA (eds) 2004, *Khleb v narodnoy kulture: Etnograficheskiye ocherki* (Bread in folk culture. Ethnographic essays), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
27. Arutyunov, SA & Voronina, TA (eds) 2008, *Khmelnoye i inoye: napitki narodov mira* (Famous and others: drinks of the peoples of the world), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
28. *Tseli v oblasti ustoychivogo razvitiya* (Sustainable Development Goals), viewed 09 May 2025, <https://www.un.org/ru/common-agenda/sustainable-development-goals> (In Russ.)
29. Shternberg, LYa 1933, *Gilyaki, orochi, goldy, negidaltsy, ayny* (Gilyaks, Orochis, Golds, Negidals, Ainu), Dalgiz publ, Khabarovsk. (In Russ.)
30. Slow Food, viewed 22 June 2025, <https://www.slowfood.com/ru> (In Russ.)
31. Horstkotte, T, Löf, A & Moen, J 2024, ‘Understanding Adaptation Landscapes: Mapping the Complexity of Decision-Making in Reindeer Herding’, *Arctic Review on Law and Politics*, vol. 15, pp. 202–230.
32. Whyte, KP 2016, *Indigenous Food Sovereignty, Renewal and Settler Colonialism. The Routledge Handbook of Food Ethics*, eds. M. Rawlinson, C. Ward, Routledge publ, New York, pp. 354–365.

Статья поступила в редакцию: 27.06.2025
Одобрена после рецензирования: 05.11.2025
Принята к публикации: 05.11.2025

The article was submitted: 27.06.2025
Approved after reviewing: 05.11.2025
Accepted for publication: 05.11.2025

Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 3 (23). С. 156–169.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 3 (23). P. 156–169.

Научная статья
УДК 39(571)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-156-169>

О ЧЕМ ПИШУТ НЕНЦЫ В ИНТЕРНЕТЕ

**Ейко Игоревич
Богданов**

Институт этнологии и антропологии
имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
Москва, Россия, bogdanov.ei@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9511-9036>

Аннотация. Регулярное присутствие человека в киберпространстве становится одной из базовых потребностей современности, благодаря этому развивается блогосфера, в том числе и среди ненцев. В данной статье рассматривается контент ненецких блогеров, дается краткий обзор текстов, выделяются основные направления и темы блогов. Делается сопоставление некоторых авторов с ненецкими историческими героями, а также сравнивается содержание их блогов с традиционным фольклором и традиционным образом жизни. Отдельное внимание среди блогеров уделено творчеству молодого поэта и прозаика Макара Окотэтто. Его тексты исследуются методом философской антропологии В. А. Подороги, выделяются паттерны аборигенного знания, которые ранее были описаны австралийским исследователем Т. Янкапорта. В статье приводятся параллели между аборигенными знаниями, вплетенными в тексты Окотэтто и академическими знаниями. В работе говорится о трансформации ненецкого фольклора через блогинг в новую форму постлора – интернетлор. Нужно отметить, что большинство коренных малочисленных народов Севера, в том числе и ненцев, сейчас проживают в поселках и городах, о чем свидетельствует официальная статистика. Перестает ли при этом ненец быть номадом, оказавшись в городе или даже родившись в городе? Все более актуальными становятся вопросы о самоидентификации и динамики идентичности народов Севера, восприятия их обществом и властью в новых реалиях. Какие мировоззренческие конструкты являются стержневыми для номадов, с какими новыми вызовами они сталкиваются? Эти вопросы вызывают интерес для интерпретаций этнокультурных процессов. Основной целью исследования является поиск начальных характеристик идентичности современных ненцев, связанных с адаптацией к городской жизни и сохранением устойчивой связи с традиционной жизнью. Рассматриваемая проблема требует дальнейшего изучения из-за перманентных изменений, их высокой скорости и интенсивности.

Ключевые слова: Российский Север, Арктика, Ямал, ненцы, мужчины, киберпространство, киберэтнография, блогеры, идентичность, картина мира.

Для цитирования: Богданов Е. И. О чем пишут ненцы в Интернете // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 3 (23). С. 156–169. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-156-169>

Сведения об авторе: Е. И. Богданов – аспирант, стажер-исследователь Отдела Севера и Сибири, Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, 119334, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32А.

Scientific Article

UDC 39(571)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-156-169>

WHAT THE NENETS WRITE ABOUT ON THE INTERNET

Yeyko I. Bogdanov

Institute of Ethnology and Anthropology
named after N. N. Mikloukho-Maklay RAS
Moscow, Russia, bogdanov.ei@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9511-9036>

Abstract. Regular human presence in cyberspace is becoming one of the basic needs of modern times. Therefore, the blogosphere is actively developing today, including among the Nenets. This article examines the Nenets bloggers' content, compares some of them with Nenets historical heroes, provides a brief overview of the texts, highlights the main areas and topics of blogs, and draws parallels between the content and traditional way of life. The author pays special attention to the work of Makar Okotetto, the young poet and novelist, and studies his texts using the method of philosophical anthropology by V. A. Podoroga. As a result, it was possible to identify patterns of aboriginal knowledge previously described by the Australian researcher T. Yunkaporta. The article provides parallels between the aboriginal knowledge woven into the Okotetto's texts and academic knowledge. The paper notes the transformation of Nenets folklore through blogging into an internetlore, the new form of post-folklore. It is also important to note that the majority of the indigenous peoples of the North, including the Nenets, already live in towns and cities at the current historical stage, as life itself and official statistics tell us, and this trend continues. Do the Nenets cease to be nomads after moving or even being born in the city? The issues of self-identification and the dynamics of the identity of the peoples of the North, their perception by society and the authorities in the new realities are becoming increasingly relevant. What worldview constructs are core to nomads, and what new challenges do they face? These issues are of interest for the interpretation of ethnocultural processes. The main purpose of the study is to find the initial characteristics of the modern Nenets people identity related to adaptation to urban life and maintaining a stable connection with traditional life. The problem under consideration requires further study due to permanent changes in their high rate and intensity.

Keywords: northern Russia, the Arctic Region, Yamal, Nenets, menfolks, cyberspace, cyberethnography, bloggers, identity, worldview.

For citation: Bogdanov, YeI 2025, 'What the Nenets Write About on the Internet', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (23), pp. 156–169, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-156-169> (in Russ.)

Information about the Author: Yeyko I. Bogdanov – Postgraduate Student, Intern Researcher of the Northern and Siberian Division, Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Mikloukho-Maklay RAS, 32A, Leninsky Prospect, Moscow, 119334, Russia.

Введение

В последние годы интернет-пространство достигло состояния «живой» вселенной, социальные сети трансформировались из площадки общения друзей в глобальные медиа, в которых технически каждый может стать одномоментной или долгоиграющей и даже коммерчески успешной знаменитостью. У всех есть смартфоны, и имеется если не постоянный доступ в интернет, то периодический. Мир захлестнуло цунами блогинга и этноблогинга, который введен в научный дискурс и является предметом постоянного изучения учеными всего мира методами кибер-/цифровой антропологии, этнографии. В российской науке большой вклад в актуализацию, исследования и популяризацию этого направления внесли С. Ю. Белоруссова [1], А. В. Головнев, Т. С. Киссер [10], С. В. Соколовский [27].

В этом исследовании проведён обзор мужского ненецкого блогинга, показаны основные темы и вопросы, затрагиваемые блогерами, и форма их подачи. Также к своим задачам отношу поиск паттернов аборигенного знания и той формы блогинга, которая отразила в большей степени традиционную картину мира, способ его передачи, при этом успешно приживающийся в киберпространстве.

Материалы и методы

Полевые материалы собирались мной в период с 2015 по 2024 г. во время работы в одном из крупнейших СМИ Ямало-Ненецкого автономного округа в отделе интернет-проектов, службе новостей и отделе проектов КМНС. Региональные СМИ вслед за общероссийским и мировым трендом устремились осваивать цифровую реальность и адаптироваться к ней. Постоянный мониторинг сети в поиске историй и новых лиц в киберпространстве стал нормой для всей медиа индустрии и лично для меня. Данные собирались на основе новостных лент, лент локальных, этнических и сообществ по интересам, трендов, хэштэгов, уведомлений о предпочтениях кибердрузей и их друзей. Также в основу материалов исследования вошел опыт практики проведения Школы межэтнической журналистики, основанной в 2010 г. по инициативе Гильдии межэтнической журналистики как системы повышения квалификации для журналистов, работающих с этнической тематикой. В дальнейшем «школа» расширила свою аудиторию до студентов журфаков и смежных дисциплин. В 2020–2021 гг. проект был реализован мной в городе Салехард ЯНАО. В качестве кураторов-наставников проекта выступили журналисты АНО «Ямал-Медиа», а приглашёнными лекторами – ученые и специалисты в области медиа (режиссёры, операторы, главные редакторы печатных изданий). Успешно прошли курс двадцать четыре слушателя, некоторые из них выросли в кочевых и полукочевых семьях. В процессе обучения слушатели под руководством наставников готовили публикации и телесюжеты, лучшие из них были опубликованы. Выпускники проекта теперь работают в СМИ, учреждениях культуры, двое вошли в Молодежное правительство округа.

Выбор метода анализа творчества Макара Окотэтто изначально был для меня неочевиден. Он должен сочетать одновременно и академические подходы, и аборигенные знания / мировоззрение. В связи с этим обозначу точку входа, перспективу и логику некоторых положений. Анализируется авторский текст без изменений из ста четырех публикаций с августа 2020 г. по ноябрь 2024 г. Для интерпретации текстов Макара Окотэтто был выбран метод известного отечественного философа и антрополога В. А. Подороги [22], приемы и исследовательские установки которого сформулировал А. В. Гасилин [4], в частности, использование окулярных метафор в качестве абстрактных схем представления при анализе художественных произведений. Это явилось следствием того, что, собирая тексты из его блога в единое полотно, я обратил внимание на то, что этот прием достаточно часто применяется Макаром в текстах. Об этом говорит и Т. Янкапорта, известный австралийский исследователь,

представитель клана Апалеч, основатель Лаборатории систем аборигенного знания. Он выяснил, что аборигенным народам свойственно использовать визуальные пары к словесным, устным формам [35, с. 10–11].

Обзор ненецких блогеров-мужчин

Для начала предлагаю обзор некоторых ненецких блогеров из массы имеющихся, тем не менее это поможет получить общее представление о них, и понять причину, по которой я остановился на блогере-писателе Макаре Окотэтто.

Начну с новой ненецкой кухни или даже высокой современной ненецкой кухни, которая формируется на наших глазах [24, с. 67]. К примеру, этноблогер Павел Лановой готовит хамон из ноги оленя или американский стейк с соусом «Джек Дэниелс» из оленины, в его кулинарных экспериментах можно увидеть ненецкое прочтение различных культур [13]. Ейко Сэротэтто – оленевод, активист-коммунист – озвучивает проблемы традиционных видов деятельности (оленеводов и рыбаков) в простой форме, из-за чего приобрёл амплуа оппозиционера [28]. Для народа он понятен и зозвучен образу эпических героев ненцев, которые смело бросали вызов хитрым царским чиновникам, находили союзников, покровителей и т. д. [25, с. 27–30]. Мне видится, что этот образ будет сохранен в памяти народа и обрастет большим количеством «мифов» и историй, как с Вавлой Неняняном [34, с. 3] или тех героев ярабцев¹ эпохи социального неравенства и бунта угнетенных XIX – начала XX в., чей психологический мир описывала З. Н. Куприянова [12, с. 9].

Музыкант, поэт и марафонец Альберт Окотэтто реализует различные проекты, которые получают широкое освещение в СМИ, привлекают внимание людей в социальных сетях, а также добровольцев, желающих поддержать его. Один из последних проектов Альберта – ультрамарафон длиною более трехсот километров от Салехарда до Надыма, за которым следили ямальцы в СМИ и соцсетях. Жителям Ямала понравилась его ненецкая версия песни «Don't worry, be happy», что подтверждает десятки тысяч прослушиваний [19]. Новый блогер – Евгений Худи / Сава ҃ыңгу (*Всё будет хорошо*) [35] – участник СВО, исполняющий песни о войне, который в своем творчестве отражает боль войны, что тоже имеет связь с эпическим песнями, в которых рассказывается о тяготах и подвигах воинов [25, с. 27–30]. «Баритон Арктики», как называют теперь Геннадия Салиндура, рассказывает в соцсетях о своих концертах, записях ТВ-программ, выкладывает новые песни и репетиции [26]. Трагически погибший рэпер Сергей Махако [3] (просил меня при общении обращаться к нему Серёга) исполнял свои композиции на ненецком и русском языках, его ненецкие песни были близки к жанру ярабц. Он подталкивал меня к мысли о том, что ненцам близок рэп своим речитативом, и мы могли бы привнести новую мелодику и звучание в это направление. К сожалению, слишком мало профессиональных музыкантов и аранжировщиков среди ненцев, поэтому на данный момент я слышал в основном рэп-песни, записанные под бесплатные аранжировки, естественно, имеющие мало общего с ненецкой музыкальной традицией [2, с. 24]. Интересные проекты реализует Илья Сэротэтто: собирает традиционные песни, приглашает к себе в студию исполнителей фольклора, придает этим произведениям нематериального наследия современное электронное звучание [31], делает озвучивание популярных детских мультфильмов на ненецком языке [30], а также со своей женой Еленой проводил конкурс каверов песен на языках коренных народов [29]. Велико присутствие блогеров-спортсменов. Основная их масса занимается северным многоборьем и различными видами единоборств.

Общим паттерном для блогеров является тяготение к устным, музыкальным и спортивным направлениям, что связываю с ненецкой устно-песенной культурой, активным образом жизни. Политический контент из этого контекста выбивается, так

как является во многом результатом профессиональных политтехнологических экспериментов, что, безусловно, может быть темой отдельного исследования.

Для исследования мировоззренческих конструктов «новых номадов» важен термин «новый номадизм», вводимый и разрабатываемый Т. С. Киссер в рамках проекта «Новый номадизм кочевников Арктики». Она пишет: «Этот подход дает ключ к пониманию социокультурных процессов и явлений, связанных с распространением новых средств коммуникаций и систем жизнеобеспечения. Еще недавно кочевой образ жизни северных народов рассматривался как архаизм, с которым следовало поскорее покончить “переводом кочевников на оседлость”. Убежденность в том, что образ жизни северных кочевников –rudiment цивилизации, а также стремление упрочить контроль над территориями, настраивали чиновников разных стран, в том числе СССР, на строительство больших поселков, культбаз, школ-интернатов. И только завидное упорство, и приверженность номадов собственным ценностям позволили им устоять перед административными нажимами и соблазнами оседлости. В наши дни номадизм уже не рассматривается как след архаики; напротив, в высокой мобильности видится исконное свойство человечества, драйвер его развития, перспектива прорывных технологий будущего» [10]. Тексты вышеперечисленных блогеров не дают достаточного представления об образе мыслей самих авторов, их личных рефлексиях, логике, снах, фантазиях, восприятии и других компонентах, помогающих понять, каким же видят мир сами ненцы, о чем думают и что чувствуют. К этому же и стремится наша наука – к интерпретации культуры таким образом, чтобы стало максимально, насколько это возможно, понятно, как видят и воспринимают мир другие [5, с. 36]. В моей семье мама и папа посвятили свои жизни исследованиям народов Севера, мне это помогло, особенно на первых этапах, интерпретировать культуру ненцев. С одной стороны, не экзотизировать ненецкую культуру с позиции родной культуры для матери, с другой, папиной, стороны – иметь необходимую дистанцию исследователя для возможности увидеть то, что не могут увидеть сами представители культуры, и подчеркнуть важность этих элементов, закономерностей.

Макар Окотэтто – новый номад

Особое место среди ненецких этноблогеров занимает Макар Окотэтто – поэт, прозаик, оленевод-тундровик, с которым мне удалось познакомиться в 2021 г. В тот момент я был куратором наставнического проекта «Школа межэтнической журналистики» в Ямало-Ненецком автономном округе, о котором делал доклад на 15-м Конгрессе этнологов и антропологов России [21, с. 242]. Проект продолжался три месяца, встречи проходили по три раза в неделю, была возможность познакомиться с участниками ближе и присмотреться к ним. Макар был одним из них. Впоследствии многие участники проекта сблизились и образовали определенную часть творческого ядра молодежи коренных народов Ямала. Макар выделялся немногоСловностью, при этом было видно, что он глубоко через себя пропускает и проживает информацию. Это можно объяснить тем, что он был старше большинства участников. Когда он зачитывал написанные тексты, чувствовалась его скованность, но они производили необыкновенный эффект, напоминающий эффект от шаманского камлания, уводящий слушателей в мир его повествования. Слушатели покачивали головой в знак согласия или одобрения, а в завершении прочтения могли прозвучать аплодисменты и возгласы. Так или иначе, это был яркий творческий акт, в определенном смысле «магико-мистический» [32, с. 27–40]. Усиление эффекта происходило также потому, что некоторые молодые люди так же, как и Макар, выросли в тундре и знакомы с традицией исполнения ненецких песен.

Вспоминая ход моего знакомства с Макаром, скажу, что в один момент он пропал из моего поля зрения. Как позже выяснилось, ему пришло уехать из Сале-

харда и вернуться в Мыскаменскую тундру из-за смерти отца, чтобы подготовиться к похоронам, наладить семейные и хозяйственные дела уже в новом качестве старшего мужчины в семье. Примерно через год он снова появился в Салехарде, а спустя еще некоторое время в 2023 г. стал лауреатом премии губернатора Ямала по литературе. Макар – старший из восьмерых детей в семье. По этой причине после окончания девяти классов он вернулся в тундру для помощи своему отцу Дмитрию Моноровичу в оленеводческом хозяйстве. В этот период с пятнадцати до тридцати лет он по-настоящему возмужал, взяв взрослую ответственность перед семьей в подростковом возрасте. В одной из бесед он мне сказал, что только к тридцати годам, когда младшие братья стали мужчинами, у него появилась возможность делать в жизни то, что ему близко по духу. В Салехарде он работал в аэропорту разнорабочим, брался за различные подработки и не устраивался на какую-то постоянную работу осознанно, чтобы не терять возможности в нужный момент уехать в тундру и продолжать писать. Я очень сожалел, что он не согласился работать на телевидении в тот момент, когда я его приглашал, но одновременно я понимал его осторожность и бережное отношение к своему дару.

Макару Окотэтто в наибольшей степени удалось уловить и воплотить в своем творчестве мировоззрение и образ мыслей ненцев, общих с другими аборигенными народами [36, с. 24], традиционную устную культуру, традицию рассказывания снов, в которых присутствует осознанное действие, сжатие и растяжение времени, образные метафоры (например, полёты в виде гуся). Его основными мотивами являются воспоминания детства, рефлексия о прошедшем, происходящем и будущем. В то же время большое значение он придает сновидениям. В текстах присутствует персональная (иррациональная) реальность [4, с. 92]. Из больших ненецких писателей и мыслителей XX в. широко известны такие имена, как Леонид Лапцуй и Юрий Вэлла. Первый был символом ненцев в 1960-е годы, другой – в 1990-е. На 60-е годы прошлого века выпал расцвет советского человека и идеологии, которую сформулировал Борис Осипович Долгих в своем предисловии к работе о ненцах и энцах: «До неизвестности изменился духовный облик и быт этих народов. Исчез традиционный кочевой образ жизни, повсеместно все дети коренных жителей Севера обучаются в школах-интернатах, в населенных пунктах налажено медицинское обслуживание. У народов Севера появилась своя национальная интеллигенция. Отсталые в прошлом, эти малочисленные народы активно включились в строительство коммунистического общества» [8, с. 5]. Это и нашло отражение в творчестве Лапцуя в виде ненецкого советского человека, который одновременно с гордостью и тоской прощается с архаичным прошлым своего недавно «отсталого» народа, и с множеством вопросов или даже страхом смотрит в светлое коммунистическое будущее. 1990-е годы становятся осознанием развала всех прошлых концептов и драмой для всей страны во всех областях жизни [15, с. 608] и одновременно политическим ренессансом интеллигенции этносов страны, который постепенно угас в двухтысячных, потеряв инерцию ярких лозунгов борьбы за равное участие в государственном управлении. Н. И. Новикова интерпретировала и описала идеалы, мечты и надежды Юрия Вэллы, который осознанно создал «живой» музей-стойбище и жил в нем, реконструируя традиционный образ жизни своего народа, об исчезновении которого он переживал всей душой [18].

В отличие от Леонида Лапцуя, Макар Окотэтто не отказывается от «отсталого» прошлого, и, в отличие от Юрия Вэллы, не стремится воссоздавать «традиционное», «бросая вызов» нефтяникам, он говорит и пишет о том, что он думает и чувствует, не делая выбора между новой и старой жизнями, он живет в двух этих пространствах. В этом и особенность его творчества, его мира, его повседневности. Он уже ближе к поколению, которое выросло в стране, прошедшей 90-е, и по-новому сформулиро-

ванной в 2012 г. «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года», в которой переосознана и закреплена важность сохранения, развития культуры этносов российской нации, что обозначается сегодня разворотом к традициям [32].

В одном из интервью он говорил о том, как он формировался, и кто формировал его умение рассказывать истории [23]. Это традиционный способ устной культуры – от матери, отца, дедушек и бабушек, из уст в уста, от поколения к поколению. Если он перенимал опыт сказительства от бабушек и дедушек, то он впитал картину мира ненцев в том самом «традиционном» виде. И то, что мы имеем в его текстах в киберпространстве, с учетом того, что он пишет на русском языке то, что думает на ненецком, можно назвать традиционным ненецким сказительством. Можно это интерпретировать так: ненецкий *мысленный* текст – основной, русский *написанный* повтор мысленного, равнозначный тексту *тэлтангода* (тэлтангода – второй сказитель 1) вторящий при исполнении фольклорных жанров сюдбабц, ярабц, лаханако; 2) помощник шамана [25, с. 177]).

Ненецкая литература (я не говорю традиционных песнях различных жанров и фольклоре во всем его разнообразии, к большому сожалению, все еще недостаточно исследованном) начала формироваться с распространением ненецкой письменности в широких народных массах через школьное образование в начале XX в. По этой причине творчество Макара в формате блога – это переходная форма ненецкой картины мира, фольклора в современную ненецкую литературу. С. Ю. Неклюдов называет одной из форм постфольклора интернетлор. Интернет даёт уже совершенно другие конфигурации бытования текста, причём парадоксальным образом тексты интернета в некотором смысле более фольклороподобны, нежели просто книжные. Текст интернета более пластичен: его легко менять, редактировать, он в некотором смысле варьируется. Я получил некий текст, если он мне понравился, то я этот текст переслал дальше. Но если мне в нем что-то не понравилось, то тогда я сначала его отредактировал, и послал дальше, это, в сущности, как фольклоре. В отличие от того, что с книжным текстом вы это сделать не можете. Вы получили книжный текст, вы его в таком виде должны передать. После того, как кончилась рукописная традиция, появился типографский станок и так далее. Сейчас этот интернетлор активно изучается [17].

Аборигенные знания как путь к академическим открытиям

Как говорилось ранее, для анализа текстов Макара был выбран метод В. А. Подороги, в котором, как он говорит в книге «Феноменология тела. Введение в философскую антропологию», «стремился идти от литературных, живописных, кинематографических образцов к философскому осмыслинию антропологического материала» [22, с. 7]. Также элементы метода Подороги имеют точки пересечения с паттернами, сформулированными Янкапортой, о визуальных парах к словесным формам [36, с. 10–11]. Это демонстрирует следующий отрывок из поста Макара.

Лето проживает последние дни, ночи отдало осени. Тучи приподняли юбку, обнажив апельсиновые бёдра послезакатного неба, на юге носит тёмно-синюю вуаль. Над рекой, в шаг с течением, идёт туман. Черника дрожит от холода на ветках, умирая, падает на землю, скатываясь по слалому мокрой травы. Крачки сегодня устроили прощание, завтра они полетят на юг, их отпуск пришёл к концу. Олени в эту ночь разбрелись в темноте, слышно, как они ощипывают траву, влажная трава тянется, скрипит. Мошки все до единого легли на землю, в позе спортсмена, делающего планку. Какой-то малец, лёжа на тёплой шкуре, под тёплой ягушкой, перед сном сгибает пальцы, считает дни до школы. Морошка, которую не хватили руки

собирателя ягоды, от уныния свесила голову, молча завидуя тем подружкам, что купаются в тепле, и в сахаре. Синяя Стрекоза в это время ест ложкой йогурт, плывёт на лодке вместе с Лукой Бессмертным, там у них день [20].

Помимо сосредоточенности на эмоциональном аспекте проживания текущего, окулярная аналитика Подороги демонстрирует повышенный интерес к трансгресивным состояниям (феномен перехода «непроходимой границы», прежде всего границы между возможным и невозможным) и сопутствующим трансформациям перцептивного поля (каждый из нас обладает собственным перцептивным полем, распространяющимся на определенное расстояние от нашего тела, которое отличается от полей других индивидов и культур). Субъект может иметь минимальную либо максимальную зону терпимости или чувствительности, зависящую от той культуры, к которой он принадлежит. В представлении У. Найссера перцептивные схемы подготавливают субъекта к принятию информации того или иного вида и таким образом направляют его исследовательскую активность [16, с. 42–43].

Сегодня я вышел на улицу, чтобы отдохнуть от своей прокрастинации. Позволил ветру и солнцу оставить отпечаток на моём лице, словно как случайную улыбку, когда услышал знакомый, приветливый крик гусей, которых я не увидел, как бы не пытался вытянуть свою шею. Гуси возвращаются на север, я же одел обувь, шапку положил в карман куртки, на всякий случай – если вдруг гуси решат улететь обратно на юг. С приходом весны, как и с приходом чего-то нового – когда понимаешь, что это уже наступило, когда твои границы открывают для тебя новые возможности, чувствуешь то – что когда-то далёкое и непостижимое стало частью тебя, а невозможное стало возможным и достаточно логичным для понимания. Прибавляются силы, и ты уже летишь вместе с гусями, по родным, знакомым местам. Испытываешь эйфорию от полёта. В тебя стреляют охотники, но тебе совсем не страшно – потому что ты – гусь бессмертный [20] ².

Временной план выходит за жесткие рамки кантовских априорных способностей, имеющих, как известно, универсальный общечеловеческий характер, задавая не только динамику восприятия художественного текста, но и правила формирования и распределения того, что Подорога называет энергией произведения – особой произведенческой «силой», объединяющей разрозненные фрагменты текста в единое целое, притягивающей зрительское внимание и направляющей его по заданным траекториям нарратива [3, с. 48].

Ночью, в тишине, приятно слушать гагар, их крики имеют разную тональность, если хорошо разбираться, то можно узнать свою гагару из тысячи, по голосу. В тишине звуки обретают силу и это здорово, гул дневной жизни помеха эстетичному слуху, ночью малейший шорох подобен грому, небольшой поворот в сторону головы, даёт знать о слегка подсохшей смазке шейных позвонков, дыхание, как буйствующий ветер на проводах. Нужна машина, записывающая тихие звуки, издающую затем их на большой громкости. Нужна машина, снимающая гагар на расстоянии ста метров, показывающая потом их очень близко. Где-то в углу умер комар, последний его вопль был очень страшен, эта машина сломалась [20].

Как и в случае с оптическим планом, нарочито антинатуралистическим, совершенно чуждым «объективным методам» визуального анализа, временной план у

Подороги предполагает возможность разворачивания нарратива в самых разных хронологиях: сгущенных и разреженных, прямых и инверсивных, параллельных и пересекающихся, динамических и статических [4].

По весне, когда появятся проталины, очень приятно лопается под ногами, с такими хлопками, будто упаковочный пакет с пупырышками, очень успокаивает нервы, также красит ноги в фиолетовый, сиреневый, малиновый и в цвет красного вина. У куропатки, там, где у человека ложбинка между ключиц, есть мешочек, туда она собирает ягоды и другую пищу, только потом всё это попадает в желудок, кожица этого мешочка пропитывается фиолетовым цветом. Если по пальцу сильно ударить молотком, то ноготь станет тёмно-фиолетового цвета, потом он упадет. На улице посветлело, тучи стали серыми. Солнце робко выглядывает за низкими деревьями, некоторые лучи достигают восточных, синих боков черники, ягода радуется теплу, надевает маску оптимиста. Гагары притихли, крачки возмущаются - им задержали утренний рейс, тонкие деревья качаются на слабом ветру, их листочки совсем приуныли [20].

И опять же возвращаясь к Янкапорте, у многих аборигенных народов время и пространство не раздельное понятие, а имеющее общую сущность [36, с. 36], что видно в наших языках, в том числе и ненецком. Об этом же говорит А. В. Головнев: понятие «пространство-время» у кочевников категории синтезированные [5, с. 15]. К примеру, понятия *далеко и завтра утром* у нас (ненцев) обозначаются, одним словом, *хупта*. Е. Т. Пушкарева уточнила, есть отличие в долготе «У» в этих словах, тем не менее, считаю, что это приближает их друг к другу. Она привела другой пример: путь героев и расстояния в ненецких текстах часто описываются днями, сезонами и другими временными отрезками, в том числе и жизнями. Это привело меня к мысли, что в русском и других языках приравнивается пространство и время – столько-то световых лет и столько дней пути. Это меня тоже вдохновило к применению метода Подороги в исследовании текстов Макара. Также важно отметить, что данное понятие *пространство-время* было сформулировано в XX в. в рамках теории относительности Эйнштейна: физическая модель, дополняющая пространство равноправным временем измерением и, таким образом, создающая теоретико-физическую конструкцию, которая называется пространственно-временным континуумом, это подталкивает к мысли о том, что часть физических теорий и моделей были вплетены в традиционные аборигенные знания. В ненецком фольклоре встречаются путешествия в Космосе, для которых герои обращаются в железных насекомых, например, в *еся пилё* – железных оводов и других [25, с. 21].

Выделяя паттерны текстов Макара, стоит отметить, что в них часто описываются сны, что характерно для ненцев. Нормой является практика пересказывания снов, умение контролировать сны. С детства родители приучают детей, что в определенных сюжетах сна необходимо действовать проактивно и направлять его развитие к правильнойвязке. Если же сон прошел в неправильном направлении, то его пересказывание помогает нейтрализовать негативное воздействие.

Кто-то встречается со своими умершими друзьями или с родителями, нисколько не подозревая во сне, что те давно умерли, для него в снах они всегда живые, как будто так и было [20].

В произведениях Макара присутствует кристаллизованное соединение двух миров – тундрового и городского, для него они равнозначны, не являются экзотич-

ными. Переходы из одного в другой не требуют сборов, подготовки, осмысления, в отличие от «традиционного» кочевника – оленевода, рыбака, горожанина.

Кошки, коты – довольно наглые животные, типа собственники, в чуме висела люлька, в ней плакал малыш, кошка сидела у ног малыша, с улицы, на плач, прибежала постарше девочка, она отогнала кошку, сказав ей – это тебе не колыбель для кошки, и начала убаюкивать малыша. Вы когда-нибудь видели песца на цепи, привязанного к палке, таких песцов раньше называли Сято, в фильме Дзиги Вертова "Шестая часть мира" есть кадр с таким песцом, дело происходит на архипелаге Новая Земля, там раньше жили ненцы, теперь там орудуют военные машины. В селе Сёяха раньше была звероферма, сейчас на её месте стоят трёхэтажные дома. Там было много песцов, из шкурки песца шили одежду, она была теплой. Железные норки песцов не были нараспашку, иначе бы они убежали. Потом песцы стали невыгодными машинами, их всех забраковали. Сейчас песцы бегают по тундре, иногда они заходят в газовые посёлки, иногда их там подкармливают нефтедобывающие машины. Этот текст верстает исправная копировальная машина, заимствующая машина. Всё. Хватит о машинах. Далее текст верстает оригинальная полумашина [20].

При этом формат блога в соцсети наиболее близок к устному [17], он не проходит корректора, редактора, не имеет конечной формы, легко изменяется и пересылается. Онлайн-блог Макара Окотэтто даже напоминает вечер в чуме, когда все поужинали и кто-то рассказывает, что произошло или делится какими-то размышлениями, а аудитория слушает и обсуждает это в беседе. Кто-то не может понять манеру, стиль Макара, но продолжает читать и писать комментарии, кто-то делиться его текстами, они имеют уникальный биоритм, насыщены тундровым состоянием сознания, я не говорю об измененном состоянии сознания, потому что это естественное состояние тундровика.

Для него травинка и кустик являются теми же акторами, что и мы сами, он пишет о них, об их жизни и судьбе. Что созвучно акторно-сетевой теории Бруно Латтура о «людях-нечеловеках» [14, с. 185] и тем идеям, которые считаются новаторскими в современной антропологии, например, в работе П. Кальво «Растения умны, и вот как» [9, р. 11–28].

В нашей тундре, недалеко от озера Лякиндо, на склоне сопки, которая смотрит на юг, вот уже несколько лет пытается вырасти маленькая однокая лиственница. После долгой зимы, весной и летом, она набирается сил и вроде бы на сантиметр другой поднимается ближе к солнцу. Только в сентябре, каждый год олени ломают ей ветви. Рядом с ней живут неуклюжие карликовые ивы, может быть, что они уверенные в своей красоте, исходят до низких человеческих пороков, то есть буллят маленькую, но сильную девочку. Знает ли маленькая лиственница, что где-то за сотни и более километров живут её громадные и могучие родственники? Могут ли они когда-нибудь забрать её под свою опеку? Или может ей суждено стать прародительницей небольшого лиственного лесочка, обогнать и оставить у стволов низкорослые ивы? И сколько таких же, сильных духом как она, лиственниц, одиночно разбросано по тундре, вдали от богатого леса? [20].

Выводы

Таким образом, мы видим, что ненецкие блогеры создают контент различных направлений: кухня, искусство, спорт, политика. Для изучения мировоззрения новыхnomадов – современных ненцев – наиболее подходящим из множества блогов является писательский контент Макара Окотэтто. При изучении текстов Макара из ста четырех публикаций с августа 2020 по ноябрь 2024 г. выявлено, что в них рыбы встречаются в три раза чаще оленей, между рыбами и оленями разместились птицы – девяносто один раз; кругов больше квадратов в пятнадцать раз, а квадраты реже углов в два раза; улиц больше тундры, тундры больше города в два раза; песен в два раза больше тишины и столько же, сколько духов; солнце чаще кругов: девяносто шесть раз и девяносто соответственно; луна встречается всего четыре раза, а ночь – пятьдесят шесть, любовь упоминается больше ста раз; время в тексте появляется сто двадцать раз и только слушает он больше – сто тридцать раз. Он свободно описывает традиционную жизнь оленевода и городское пространство, а также ориентируется и впитывает в себя мировую культуру, ощущая себя её частью. Это уже определенный портрет, который необходимо дописывать в прогрессии. Круги и спирали текстов Макара приковывают внимание, как и круги, по которым бегут олени из видео, собравшее тысячи просмотров в киберпространстве [7, с. 244], приближая нас к новому образу ненца – образу нового nomada.

Примечания

1. Ярабц – песня о злоключениях персонажей.
2. Тексты Окотэтто приводятся в его авторской редакции, орфография и пунктуация сохранены.

Список источников и литературы

1. Белоруссова С. Ю., Головнёв А. В. Виртуальная этничность – новация на фоне традиции? // Сибирские исторические исследования. 2019. № 2. С. 36–40.
2. Богданов И. А. Теоретические и практические проблемы музыкальной этнопедагогики: На прим. народов Севера : дис. ... канд. пед. наук в форме научн. докл. : 13.00.01 / Богданов Игорь Аркадьевич. М., 1992. 55 с.
3. [Vanuutto C.J. Это Я'МАЛ!!! (Original) // ВКонтакте : соц. сеть. URL: https://vk.com/wall534991975_2093 (дата обращения: 11.11.2024).
4. Гасилин А. В. Метод Подороги. Окулярная аналитика и мгновение письма // Человек. 2021. Т. 32, № 5. С. 84–102.
5. Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
6. Головнёв А. В. Кочевники Арктики: искусство движения // Этнография. 2018. № 2. С. 6–45.
7. Головнёв А. В., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. Виртуальная этничность и киберэтнография. СПб.: МАЭ РАН, 2021. 280 с.
8. Долгих Б. О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.: Наука, 1970. 269 с.
9. Кальво П., Соуза Г. М., Гальяно М. Растения умны, здесь вот как // Летопись ботаники. 2019. Т. 125, № 1. С. 11–28.
10. Киссер Т. С. «Новый nomadizm» кочевников Арктики | // Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) : офиц. сайт. URL: <https://www.kunstkamera.ru/science/grant/granty-nachatye-v-2024-g/novyy-nomadizm-kochevnikov-arktiki/> (дата обращения: 25.04.2025).
11. Князев О. Источник: «красный оленевод» Сэротэтто будет выдвигаться в Законодательное собрание ЯНАО в 2025 году // Ура.ру : информ.-аналит. агентство. URL: <https://ura.news/news/1052821926> (дата обращения: 10.10.2024).
12. Куприянова З. Н. Эпические песни ненцев. М.: Наука, 1965. 781 с.

13. *Лановой П. В.* Рубрика Хамон выходного дня! // ВКонтакте : соц. сеть. URL: <https://vk.com/id784355733>. Дата размещения: 11.03.2023.
14. *Латур Б.* Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями // Логос. 2017. Т. 27, № 1. С. 173–200.
15. *Милов Л. В.* История России XX – начала XXI века. М.: Эксмо, 2006. 643 с.
16. *Найссер У.* Познание и реальность. М.: Прогресс, 1981. 230 с.
17. *Неклюдов С. Ю.* Зачем наука изучает фольклор – курс Сергея Неклюдова : видеолекция // ПостНаука : [образоват. платформа на видеохостинге YouTube]. URL: <https://youtu.be/ZVwgS5MCxHo?t=6818> (дата обращения: 20.11.2024).
18. *Новикова Н. И.* Модель многокультурности Юрия Вэллы // Вестник угреведения. 2018. Т. 8, № 2. С. 376–384.
19. *Окотэтто А. Н.* Новый герой – Альберт Окотэтто // ЭтноАрктика : [канал на VK Видео] / Отдел проектов КМНС «Ямал-Медиа». URL: https://vkvideo.ru/video-177396622_456239180 (дата обращения: 16.10.2024).
20. *Макар Окотэтто* // ВКонтакте : соц. сеть. URL: https://vk.com/ma_kartutpishe (дата обращения: 21.10.2025).
21. *Пивнева Е. А., Разумова И. А.* Наставничество в культурах Севера России: научные рефлексии и общественные практики // Вестник антропологии. 2024. № 3. С. 232–246.
22. *Подорога В. А.* Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. М.: Ad Marginem, 1995. 340 с.
23. Макар Окотэтто – о своем творчестве и ямальском литературном фестивале : видеointервью / кор. М. Пормина // Вести Ямал : [новостной канал]. URL: https://vk.com/video-120315139_456243151 (дата обращения: 20.10.2024). Доступ в соц. сети ВКонтакте.
24. *Пушкарева Е. Т.* Гастрономические встречи: этнографические очерки о кухне ненцев и не только... Салехард: Ямал-Медиа, 2022. 207 с.
25. *Пушкарева Е. Т.* Картина мира в фольклоре ненцев: системно-феменологический анализ. Екатеринбург: Баско, 2007. 248 с.
26. Видео от G-SALINDER: [Выступил в самом сердце Мурманской области - в саамском селе Ловозеро] / Геннадий Салиндер // ВКонтакте : соц. сеть. URL: https://vk.com/video-209716557_456239062 (дата обращения: 21.11.2024).
27. *Соколовский С. В.* Киборги в киберпространстве: современные исследования в области кибер- и цифровой антропологии // Этнографическое обозрение. 2020. № 1. С. 5–22.
28. *Ейко Сэротэтто* // ВКонтакте : соц. сеть. URL: <https://vk.com/eikoserotetto> (дата обращения: 21.02.2025). Доступ только для авториз. пользователей.
29. *Илья Сэротэтто* // ВКонтакте : соц. сеть. URL: <https://vk.com/mr.seriv> (дата обращения: 21.02.2025). Доступ только для авториз. пользователей.
30. Озвучка мультфильмов на ненецком языке : [офиц. страница проекта] / И. Сэротэтто // ВКонтакте : соц. сеть. URL: <https://vk.com/nenetsmult> (дата обращения: 21.02.2025).
31. Сё' мэти" мя" («Дом поющих голосов») // ВКонтакте : соц. сеть. URL: https://vk.com/wall-208389547_1536 (дата обращения: 21.02.2025).
32. Указ Президента Российской Федерации № 1666 от 19.12.2012 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» : (в ред. указов Президента Российской Федерации от 06.12.2018 № 703, от 15.01.2024 № 36) // Президент России : офиц. сайт. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 21.02.2025).
33. *Харитонова В. И.* Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий. М.: Наука, 2006. 371 с.
34. *Харючи Г. П.* Вавлё Ненянг. СПб.: Ист. иллюстрация, 2018. 175 с.
35. *Худи Е.* На войне нет нации, там все едины! // ВКонтакте : соц. сеть. URL: https://vk.com/video856967486_456239080 (дата обращения: 21.02.2025). Доступ только для авториз. пользователей.
36. *Янкапорта Т.* Разговоры на песке. Какaborигенное знание может спасти мир. М.: Маргинем Пресс, 2022. 224 с.

References

1. Belorussova, SYu & Golovnyov, AV 2019, 'Virtualnaya etnichnost – novatsiya na fone traditsii?' (Is virtual ethnicity a novel phenomenon in the context of tradition?), *Sibirskiye istoricheskiye issledovaniya* (Siberian Historical Research), no 2, pp. 36–40. (In Russ.)
2. Bogdanov, IA 1992, Teoreticheskiye i prakticheskiye problemy muzykal'noy etnopedagogiki: Na prim. narodov Severa (Theoretical and Practical Problems of Musical Ethnopedagogy: On the Example of the Peoples of the North), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)
3. Vanuito, S 2022, *Eto YAMAL!!! (Original)* (It's YAMAL!!! (Original)), viewed 11 November 2024, https://vk.com/wall534991975_2093 (In Russ.)
4. Gasilin, AV 2021, 'Metod Podorogi. Okulyarnaya analitika i mgnoveniye pisma' (Podoroga's Method. An Ocular Analytics and an Instant of Writing), *Chelovek* (The Human Being), vol. 32, no. 5, pp. 84–102, doi: 10.31857/S023620070017440-1 (In Russ.)
5. Geertz, C 2004, *Interpretatsiya kultur* (The Interpretation of Cultures), ROSSPEN publ, Moscow. (In Russ.)
6. Golovnyov, AV 2018, 'Kochevniki Arktiki: iskusstvo dvizheniya,' (Arctic Nomads: the Art of Movement), *Etnografija*, no.2, pp. 6-45, doi: 10.31250/2618-8600-2018-2-6-45 (In Russ.)
7. Golovnyov, AV, Belorussova, SYu & Kissner, TS 2021, *Virtualnaya etnichnost i kiberetnografiya* (Virtual Ethnicity and Cyberethnography), MAE RAN publ, St. Petersburg. (In Russ.)
8. Dolgikh, BO 1970, *Ocherki po etnicheskoy istorii nentsev i entsev* (Essays on the Ethnic History of the Nenets and Enets), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
9. Calvo, P, Gagliano, M, Souza, GM & Trewavas, A 2020, 'Plants are intelligent, here's how', *Annals of Botany*, vol. 125, no. 1, pp. 11–28, <https://doi.org/10.1093/aob/mcz155>.
10. Kissner, TS 'Novyy nomadizm' kochevnikov Arktiki' ("The "New Nomadism" of Arctic Nomads"), *Muzey antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera)* (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera)), viewed 25 April 2025, <https://www.kunstkamera.ru/science/grant/granty-nachatye-v-2024-g/novyy-nomadizm-kochevnikov-arktiki/> (In Russ.)
11. Knyazev, O 2024, 'Istochnik: «krasnyy olenevod» Serotetto budet vydvigat'sya v Zakanodatel'noye sobraniye YANAO v 2025 godu' ("Red Reindeer Herder" Serotetto Will Run for the Yamalo-Nenets Autonomous District Legislative Assembly in 2025), *Ura.ru*, viewed 10 October 2024, <https://ura.news/news/1052821926> (In Russ.)
12. Kupriyanova, ZN 1965, *Epicheskiye pesni nentsev* (Nenets Heroic Songs), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
13. Lanovoy, PV 2023, *Rubrika Khamon vykhodnogo dnya!* ('Weekend Ham!' Section), viewed 18 January 2025, <https://vk.com/id784355733> (In Russ.)
14. Latour, B 2017, 'Ob aktorno-setevoy teorii. Nekotoryye razyasneniya, dopolnennyye yeshche bolshimi uslozhneniyami' (On Actor-Network Theory. A Few Clarifications, Plus More Than a Few Complications), *Logos*, vol. 27, no. 1, pp. 173–200, doi: 10.22394/0869-5377-2017-1-173-197 (In Russ.)
15. Milov, LV 2006, *Istoriya Rossii XX – nachala XXI veka* (History of Russia in the 20th – Early 21st Centuries), Eksmo publ, Moscow. (In Russ.)
16. Neisser, U 1981, *Poznaniye i realnost* (Cognition and reality), Progress publ, Moscow. (In Russ.)
17. Neklyudov, SYu 2023, 'Zachem nauka izuchayet folklor – kurs Sergeya Neklyudova' (Why Science Studies Folklore – A Course by Sergey Neklyudov), *PostNauka*, viewed 20 November 2024, <https://youtu.be/ZVwgS5MCxHo?t=6818> (In Russ.)
18. Novikova, NI 2018, 'Model mnogokulturnosti Yurya Velly' (Yuriy Vella's model of multiculturalism), *Vestnik ugrovedeniya* (Bulletin of Ugric Studies), vol. 8, no. 2, pp. 376–384, doi:10.30624/2220-4156-2018-8-2-376-384 (In Russ.)
19. Okotetto, AN 2021, 'Novyy geroy – Albert Okotetto' (New hero - Albert Okotetto), *EtnoArktika*, viewed 16 October 2024, https://vkvideo.ru/video-177396622_456239180 (In Russ.)
20. 'Makar Okotetto' (Makar Okotetto), *VKontakte* (VK), viewed 21 October 2025, <https://vk.com/makartutipishete> (In Russ.)

21. Pivneva, YeA & Razumova, IA 2024, 'Nastavnichestvo v kulturakh Severa Rossii: nauchnyye refleksii i obshchestvennyye praktiki' (Mentoring in the Cultures of the Russian North: Scientific Reflections and Social Practices), *Vestnik antropologii* (Herald of Anthropology), no. 3, pp. 232–246. (In Russ.)
22. Podoroga, VA 1995, *Fenomenologiya tela. Vvedeniye v filosofskiyu antropologiyu* (Phenomenology of the Body. Introduction to Philosophical Anthropology), Ad Marginem publ, Moscow. (In Russ.)
23. Pormina, M 2024, 'Makar Okotetto – o svoyem tvorchestve i yamal'skom literaturnom festivale' (Makar Okotetto about his work and the Yamal literary festival), *Vesti Yamal*, viewed 20 October 2024, https://vk.com/video-120315139_456243151 (In Russ.)
24. Pushkaryova, Yet 2022, *Gastronomicheskiye vstrechi: etnograficheskiye ocherki o kuhne nentsev i ne tolko...* (Gastronomic encounters: ethnographic essays on the cuisine of the Nenets and more...), Yamal-Media publ, Salekhard. (In Russ.)
25. Pushkaryova, Yet 2007, *Kartina mira v folklore nentsev: sistemno-femenologicheskiy analiz* (The worldview in Nenets folklore: a system-phenomenological analysis), Basko publ, Yekaterinburg. (In Russ.)
26. Salinder, GV, 'Vystupil v samom serdtse Murmanskoy oblasti - v saamskom sele Lovozero' (Performed in the very heart of the Murmansk region - in the Sami village of Lovozero), *VKontakte* (VK), viewed 21 November 2024, https://vk.com/video-209716557_456239062 (In Russ.)
27. Sokolovskiy, SV 2020, 'Kiborgi v kiberprostranstve: sovremennyye issledovaniya v oblasti kiber- i tsifrovoy antropologii' (Cyborgs in Cyberspace: Contemporary Research in Cyber- and Digital Anthropology), *Etnograficheskoye obozreniye*, no. 1, pp. 5–22. (In Russ.)
28. 'Yeyko Serotetto' (Yeyko Serotetto), *VKontakte* (VK), viewed 21 February 2025, <https://vk.com/eikoserotto> (In Russ.)
29. 'Ilya Serotetto' (Ilya Serotetto), *VKontakte* (VK), viewed 21 February 2025, <https://vk.com/mr.seriv> (In Russ.)
30. Serotto, IV, 'Ozvuchka multfil'mov na nenetskoy yazyke' (Voice acting of cartoons in the Nenets language), *VKontakte* (VK), viewed 21 February 2025, <https://vk.com/nenetsmult> (In Russ.)
31. 'Dom poyushchikh golosov' (House of singing voices), *VKontakte* (VK), viewed 21 February 2025, https://vk.com/wall-208389547_1536 (In Russ.)
32. 'Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii № 1666 ot 19.12.2012 "O Strategii gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda" : (v red. ukazov Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 06.12.2018 № 703, ot 15.01.2024 № 36)' (Decree of the President of the Russian Federation No. 1666 of 19.12.2012 "On the Strategy of the State Nationalities Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025": (as amended by Decrees of the President of the Russian Federation of 06.12.2018 No. 703, of 15.01.2024 No. 36)), *Prezident Rossii* (President of Russia), viewed 21 February 2025, <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (In Russ.)
33. Haritonova, VI 2006, *Feniks iz pepla? Sibirskiy shamanizm na rubezhe tysyacheletiy* (Phoenix from the Ashes? Siberian Shamanism at the Turn of the Millennium), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
34. Kharyuchi, GP 2018, *Vavlo Nenyang*, Ist. Illyustratsiya publ, St. Petersburg. (In Russ.)
35. Khudi, Ye 'Na voynye net natsii, tam vse ediny!' (There is no nation in war, everyone is united there!), *VKontakte* (VK), viewed 21 February 2025, https://vk.com/video-856967486_456239080 (In Russ.)
36. Yunkaporta, T 2022, *Razgovory na peske. Kak aborigennoye znanije mozhet spasti mir* (Sand Talk: How Indigenous Thinking Can Save the World), Marginem Press publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 21.05.2025
Одобрена после рецензирования: 05.11.2025
Принята к публикации: 05.11.2025

The article was submitted: 21.05.2025
Approved after reviewing: 05.11.2025
Accepted for publication: 05.11.2025

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 3 (23). С. 170–177.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 3 (23). P. 170–177.

Научная статья

УДК 81.373.47

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-170-177>

ЭПИТЕТАЦИЯ В «СВОДНЫХ ТЕТРАДЯХ» М. ЦВЕТАЕВОЙ

**Сергей Анатольевич
Губанов**

Поволжский государственный университет
телекоммуникаций и информатики
Самара, Россия, gubanov5@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3011-4589>

Аннотация. Эпитетация в прозаических текстах М. Цветаевой остается малоизученной, особенно ее «Сводные тетради», с чем связана актуальность проводимого исследования. Когнитивный взгляд на эпитетацию и атрибутивность дает возможность описать механизмы переноса признака из одной концептуальной области в другую, вскрыть глубинные когнитивные основания атрибутивности как процесса наделения объекта признаком. Отмечается, что для творческого почерка М. Цветаевой характерна рефлексия над словом, авторская этимология, что находит свое особое отражение в дневниках и сводных тетрадях. Эпитетация в рассматриваемом источнике разнообразна и представлена метафоризацией, метонимизацией признака, а также сложными метафтонимическими и окказиональными формами атрибутизации. Особое место занимает антропоморфная эпитетация и соматическая метонимизация, частотная в поэзии и востребованная в прозе для передачи душевного состояния лирической героини. Составные многокомпонентные эпитетные комплексы в сводных тетрадях отражают логику движения мысли автора, зачастую разбиваются на части, перечисляются через запятую. Направления эпитетации в прозе М. Цветаевой представляют собой различные типы свободного ассоциирования элементов реальности на основе отождествления любых объектов на основе общих для них признаков. Новизна эпитетных слов основывается на авторской установке бесконечного поиска нужного слова, раскрывающего свое значение в контексте. Преемственность «Сводных тетрадей» и поэтической практики отражается в вариантах стихотворений, в которых также можно найти примеры трансформаций эпитетных комплексов. Исследование выполнено в русле когнитивной теории эпитетации, рассматривающей эпитетный комплекс как ментально-вербальный конструкт с пересекающимися когнитивными полями, образующими блендированный сложный признаковый образ.

Ключевые слова: эпитет, эпитетация, эпитетный комплекс, метафора, метонимия, когнитивная семантика, Марина Цветаева, идиостиль.

Для цитирования: Губанов С. А. Эпитетация в «Сводных тетрадях» М. Цветаевой // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 3 (23). С. 170–177. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-170-177>

Сведения об авторе: С. А. Губанов – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры философии, Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, 443010, Россия, Самарская область, г. Самара, ул. Л. Толстого, д. 23.

© Губанов С. А., 2025

Scientific Article

UDC 81.373.47

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-170-177>

EPITHETATION IN THE M. TSVETAeva'S "SUMMARY NOTEBOOKS"

Sergey A. Gubanov

Povelzhskiy State University
of Telecommunications & Informatics,
Samara, Russia, gubanov5@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3011-4589>

Abstract. Epithetation in M. Tsvetaeva's prose texts remains poorly studied, especially her "Summary Notebooks", which is the reason for the relevance of the research. A cognitive view of epithetation and attribution makes it possible to describe the mechanisms of transferring an attribute from one conceptual area to another, to reveal the deep cognitive foundations of attribution as a process of endowing an object with an attribute. The author notes such features M. Tsvetaeva's creative style as reflection on the word, the author's etymology, especially in diaries and summary notebooks. Epithetation in the source under consideration is diverse and includes metaphorization, metonymization of an attribute, as well as complex metaphonymic and occasional forms of attribution. Anthropomorphic epithetation and somatic metonymization, which are common in poetry and in demand in prose to convey the mental state of the lyrical heroine, also occupy a special place in the work under consideration. Compound multi-component epithet complexes in summary notebooks reflect the logic of the author's thought, are often divided into parts, listed through commas. Directions of epithetation in M. Tsvetaeva's prose represent various types of free association of reality elements based on the identification of any objects based on their common attributes. Epithet words have novelty, because the writer's attitude is to endlessly search for the right word, revealing its meaning in context. The continuity of summary notebooks and poetic practice is reflected in the variants of poems, in which one can also find examples of epithet complexes transformations. The author conducts research within the framework of the cognitive theory of epithetation, which considers the epithet complex as a mental-verbal construct with intersecting cognitive fields that form a blended complex attribute image.

Keywords: epithet, epithetation, epithet complex, metaphor, metonymy, cognitive semantics, Marina Tsvetaeva, individual style.

For citation: Gubanov, SA 2025, 'Epithetation in the M. Tsvetaeva's "Summary Notebooks"', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (23), pp. 170–177, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-170-177> (in Russ.)

Information about the Author: Sergey A. Gubanov – Doctor of Science (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Povelzhskiy State University of Telecommunications and Informatics, 23, L. Tolstoy Str., Samara, 443010, Russia.

Введение

Стремительное развитие когнитивной лингвистики указывает на усиливающееся стремление связать языковые феномены с когнитивными структурами, понять механизмы образования, а не только функционирования и проявления тех или иных лингвистических явлений. Наметившаяся тенденция к исследованию когнитивной природы многих тропов, метафоры, метонимии вскрыла глубокие процессы, лежащие в основе данных логик мышления, а не только стилистических средств об разности.

Эпитет, как и сравнение, долгое время оставался в поле внимания тропеистики и поэтики художественного текста. Если основы когнитивной теории сравнения связываются с метафорическим учением о природе взаимоотношений между сферой-донором и сферой-источником, то эпитет в силу своей «элементарности» все еще мыслился как украшающее средство языка [1; 11].

Эпитет иногда включается в метафору, что, на наш взгляд, не совсем верно; точнее говорить о метафорическом эпитеете. Так, Ю. И. Левин различает метафоры сравнения (*колоннада рощи*), метафоры-загадки (замещение объекта: *били копыта по клавишам мерзлым*) и метафоры, приписывающие данному объекту свойства другого объекта (*ледовитый взгляд, золотая лень*) [7, с. 296]. Все три типа метафор могут иметь признаковое выражение, последний же – более сложный тип, описываемый эпитетологией.

Однако в последние годы наметился явный перелом в теории эпитета: формируется когнитивная эпитетология [2; 3; 4; 6]. При этом следует понимать, что данный подход к изучению признаковых слов не отменяет всего предыдущего опыта, но расширяет границы исследования, выводя понятие эпитета на новый научный уровень.

Эпитет является признакомым компонентом эпитетной структуры, в котором отражается когнитивная природа осмысления объекта эпитетации. Наиболее адекватно, на наш взгляд, эпитетацию описывает теория блендинга, рассматривающая ее как процесс наложения признаков объектов различных ментальных пространств [13–15].

Эпитет понимается в настоящей работе в качестве элемента двухкомпонентной когнитивно-семантической структуры, эпитетного комплекса, который содержит в себе признак, приписываемый иному объекту, как правило, ему не свойственный. Такая «несвойственность» интересует эпитетологию; эпитетация понимается как результат наложения признаков из различных концептуальных областей, области объекта эпитетации (определяемого предмета) и области признака.

При описании различных идиостилей типы эпитетации, свойственные текстам того или иного автора, позволяют выявить логику поэтического мышления, установить характерные стратегии номинации объекта признаком.

Материалы и методы

Материалом для когнитивного анализа эпитетации послужило прозаическое рефлексивное творчество М. Цветаевой, «Сводные тетради», до недавнего времени остававшиеся неисследованными. Прозаические тексты М. Цветаевой, по выражению М. В. Ляпон, обладают «семантической дерзостью», основанной на сближении «двух сущностей, скорее вопреки, чем благодаря их сходству» [8, с. 165]. Особенно ярко это проявляется в прозаических текстах, где автор может свободно выражать свои мысли.

Анализ эпитетной парадигмы, совокупности эпитетных слов, или отдельных прилагательных-эпитетов встречается в цветаеведении довольно часто [5; 9; 10], однако ощущается потребность в системном описании эпитетации в текстах поэта.

В «Сводных тетрадях» М. Цветаева рассуждает о природе творчества и утверждает примат художественного слова, построенного на метафоричности: *Сам стань мостом, или пусть мост станет тобою, отождествись или отождестви. Всегда – иносказки* [12, с. 329].

Результаты

Целью работы выступило описание типов эпитетации в «Сводных тетрадях» М. Цветаевой с когнитивно-семантической позиции. В статье остановимся на некоторых наиболее показательных как для идиостиля поэта, так и для текста рассматриваемых сводных тетрадей стратегиях и типах эпитетации. Всего было проанализировано 185 эпитетных комплексов; из них отобраны 79 примеров, содержащих наиболее показательные типы эпитетации.

1. Метафорическая эпитетация, основанная на наложении признаков объектов, принадлежащих природному миру, и ментальному пространству человека (45 примеров). Как известно, в целом для идиостиля М. Цветаевой характерна антропоморфная эпитетация метафорического и метонимического типов, что выражается в переносе признака, принадлежащего концептополю человека на иные объекты; в свою очередь, неживые объекты олицетворяются, как олицетворяются и части тела человека, на которые переносятся признаки человека как целого организма. В условиях личного прозаического повествования возникает возможность поэкспериментировать с признакомой метафоризацией, наводя признаки из далеких ментальных областей. Чаще всего происходит распространение признака антропоморфного типа на природные объекты: *Высокодышащая грудь земли* [12, с. 57]; *Вихрь седобородый ... Вяз седобородый* [12, с. 112]; *Непроспавшееся небо, точно проптирающее глаза верхом руки* [12, с. 117]; *Можжевельник монашествующий* [12, с. 114]. Перед нами метафоризованные признаки, обрисовывающие и черты внешнего облика, и физиологическое состояние сна, и социально-коммуникативное поведение (*монашествующий*, т.е. одинокий).

Реже происходит признаковое уподобление человека природному объекту: *Вы – последнее русло моей души, мне так хорошо у Вас в берегах!* (как: в руках) [12, с. 11]. Развернутая метафора позволяет создать образ духовного облика человека, опираясь на метафору реки.

Развернутая натуралистическая метафора дает возможность образно описать внешность человека: *Орлиный нос как горный хребет* между голубыми *озерами* по-настоящему спокойных глаз, седой венец волос (*ледники, вечность*) высокая шея, высокая грудь, всё – *высоко* [12, с. 335].

Предикативное уподобление природного объекта артефакту также нечасто, но обладает яркой образностью: *Море – пляшущий погост; Моя любовь (бесполезный пожар) к Волконскому* [12, с. 25].

Установка на всеобщее отождествление, упомянутая выше, оказывается жизнеспособной и востребованной в контексте личного прозаического дискурса.

2. Соматическая эпитетация, метонимическая мотивация связи между частями тела человека как взаимопроникновения внешнего и внутреннего (18 примеров): *С Вами ум всегда насыщен, душа всегда впроголодь. Так мне и надо* [12, с. 29]; *Живу явно-рациональным началом: душа стала разумной, верней разум стал душой* [12, с. 54].

В поэтическом творчестве метонимия признака очень распространена, как и во многих эссе; в сводных тетрадях она явно уступает метафоре, однако остается средством емкой и образной характеристики человека в целом, чаще лирической героини, с опорой на изображение признака его части (тела или души): *Мозг слишком умный: он знает, что не от чего грустить* [12, с. 548].

3. Авторская этимология признака (10 примеров). Разъяснение, этимологизация значения слова средствами развернутой эпитетации представляет собой частотный прием для идиостиля М. Цветаевой в целом. Она строится на паронимии, фонетическом уподоблении близких по смыслу слов (поэтическая этимология, паронимическая аттракция в терминологии Л. В. Зубовой). В прозе автор имеет возможность графически отметить необходимое слово, установив связь между нужными смыслами: слово или выделяется курсивом, или помещается в скобки, иногда отмечается тире: *Личная жизнь, т.е. жизнь моя в жизни (т.е. в днях и местах) не удалась* [12, с. 270].

Разъяснение семантики эпитета всегда непредсказуемо; эпитетом становится относительное прилагательное, приобретающее качественное значение в контексте: *Ворожба по сугробам. – Весна: дребезг – ударная весна (весна в ударном порядке)* [12, с. 78]; *Хлебная ложь (ложь самого хлеба, т.е. необходимости есть и жить)* [12, с. 132].

Во многих случаях границы эпитетных комплексов условны, поскольку эпитетный ряд разрастается до пределов всего высказывания: *Я хочу Вас безупречным, а безупречность – не отсутствие повода к упрекам: вольное подчинение (подставление себя) упреку: – упрекай! (если можешь, а я – конечно – не смогу)* [12, с. 191].

Оксюморонность, противоречивость значений эпитета – характерная черта антонимичного мышления поэта: *Мне всё скучно. Заранее и заведомо. Когда я с людьми, я несчастна: пуста, т.е. полна ими. Я – выпита* [12, с. 220].

Иногда выделение курсивом дает возможность обратить особое внимание на эпитетное слово, которое является центром высказывания: *Для меня опасны слишком выявленные города и страны. Отвлекают* [12, с. 235] (слово *выявленные* выделено курсивом).

4. Многосоставные цепочки эпитетов (6 примеров). Данная стратегия эпитетации характерна для прозаических текстов М. Цветаевой, в которых автор стремится полно, иногда противоречиво, но всегда индивидуально перечислить признаки объекта. Перечисление эпитетов, перебирание признаков для точного и исчерпывающего описания предмета мысли создает впечатление рождающегося на глазах у читателя образа или впечатления от объекта.

Поэт группирует признаки, отбирая их по степени важности, личной «пристрастности», создавая градационные эпитетные ряды, где сильную позицию занимает последнее слово: *Я по чести – герой труда: тетрадочного, семейного, материнского, пешего* [12, с. 524].

При размышлении о чем-либо поэт попутно фиксирует свои мысли, создавая уточняющие признаковые конструкции: *Черный. Белый. Темный и светлый* мне нужнее: больше дает. Думаю – п.ч. черный существует еще и как разряд: густоты, степени жара и пр. (*Черный: жаркий: густой: резкий*), т.е. как ряд определенных присутствий, мне не-нужных, лишних, м.б. враждебных. Черный: ряд (свойств и вещей), темный – всё [12, с. 116].

Авторская семантика наречий-эпитетов раскрывается только в контексте и может представлять собой цепочку связанных друг с другом эпитетных комплексов:

Просто как путь, трудно как осуществление, гадательно как цель, безнадежно как исход [12, с. 26].

Свообразной квинтэссенцией творческих поисков эпитетации можно считать фрагмент:

Еще безумно – м.б. безумнее всего – боюсь толпы (взятости в оборот). Но это – да и всё это – уже дело сердца (физического). Мое – здоровое. И – безумное [12, с. 397].

В нем присутствует и комментирование семантики слова, графически оформленное скобками, и метонимизация человека посредством указания на его орган, сердце, которое и здоровое, а потому и – безумное.

Особо следует сказать о конструировании окказиональных эпитетных комплексов, призванных точно, полно передать мысль автора: *Умею любить вселенную позвёздно и погнёздно, но это величайший соблазн – раз в жизни – оптом, в собирающем стекле – чего? – ну хотя бы глаз* [12, с. 129].

Окказионализация признака основывается на обновлении семантики слова, а также на взаимопроникновении смыслов однокоренных или паронимически мотивированных слов:

Женщина во мне спит глубоко – всегда – годами, пока ее – самыми простыми средствами – не раздразнят. Самыми простыми средствами, дающими такие самые непростые – ум-за-разумные – последствия [12, с. 159].

Обозначенные направления эпитетации имеют целью передать сложный внутренний мир поэта, ее неустанную рефлексию над внешней жизнью (бытом) и творчеством (истинным бытием).

Заключение

Аналитическое описание совокупности различных типов и способов эпитетации в «Сводных тетрадях» М. Цветаевой подтвердило и доказало существование эпитетной логики осмысления реальности, справедливой не только для поэтического и во многом художественного прозаического дискурса поэта (эссе, дневники, письма, воспоминания), но и для «частного», «литературно необработанного» типа текстов. Без сомнения, все тексты поэта представляют собой часть художественного языка, однако тексты неизданного демонстрируют по большей мере биографические заметки, однако в них неизменно содержится та же рефлексия над событиями в жизни и над языком.

Указанные выше типы эпитетации актуализируют «экспрессию мысли» поэта, поэтому становятся настолько востребованными сложные метафорические атрибутивные конструкции, цепочки эпитетных слов, соматическая признаковая метонимия. Отождествление всего со всем, себя и мира, отмеченное в тетрадях, проявляется в когнитивном процессе наложения ассоциативно сближенных в авторском сознании признаков объектов.

Список источников и литературы

1. Булахова Н. П., Сковородников А. П. К определению понятия эпитет (предготовление к функциональной характеристики) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2 (9). С. 122–143.
2. Виноградова С. А. Пластиность семантики признаковых слов // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. 2021. № 4 (71). С. 30–38.
3. Гращенков П. В., Лютикова Е. А. Прилагательные в типологии и теории языка: семантика, дистрибуция, деривация. doi: 10.31862/2500-2953-2018-4-9-33 // Rhema. 2018. № 4. С. 9–25. URL: https://rhema-journal.com/Rema_2018_4_Grashchenkov_Lyutikova.pdf (дата обращения: 01.09.2025).
4. Грязнова В. М., Губанов С. А. Гиперконцепт качество как механизм вербального представления эпитетной парадигмы в творчестве М. Цветаевой // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10, № 2. С. 337–342.
5. Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: лингвистический аспект. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 264 с.
6. Кубаева Ф. Р. Когнитивно-семантические характеристики перенесенного эпитета в английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Кубаева Фатима Рамазановна. Пятигорск, 2009. 170 с.

7. Левин Ю. И. Структура русской метафоры // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 181: Труды по знаковым системам. Тарту: Изд-во Тартуского университета, 1965. Т. 2. С. 293–299.
8. Ляпон М. В. Риторика смыслосозидания Марины Цветаевой // Семья Цветаевых в истории и культуре России : XV Междунар. науч.-тематич. конф. (Москва, 8–11 октября 2007 г.) : сб. докл. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. С. 161–176.
9. Ревзина О. Г. Метафора в поэтическом идиолекте Марины Цветаевой // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой : в 4 т. / сост. И. Ю. Белякова, И. П. Оловянникова, О. Г. Ревзина. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1999. Т. 3. Кн. 1: М–Орден. С. 5–30.
10. Ревзина О. Г. Окказиональное слово в поэтическом языке // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой : в 4 т. М., 1998. Т. 2. С. 5–40.
11. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект-Пресс, 1996. 334 с.
12. Цветаева М. И. Неизданное. Сводные тетради. М.: Эллис-Лак, 1997. 640 с.
13. Fauconnier G. Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1994. 190 p.
14. Fauconnier G., Turner M. Mental spaces: conceptual integration networks // Cognitive linguistics: basic readings / ed. Dirk Geeraerts. Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. P. 303–371.
15. Sweetser E. Blended spaces and performativity // Cognitive linguistics. 2000. Vol. 11, № 3/4. P. 305–333.

References

1. Bulakhova, NP & Skovorodnikov, AP 2017, ‘K opredeleniyu ponyatiya epitet (predugotovleniye k funktsionalnoy kharakteristike)’ (Concerning the definition of epithet (preparation to the functional characteristic), *Ecology of Language and Communicative Practice*, no. 2 (9), pp. 122–143. (In Russ.)
2. Vinogradova, SA 2021, ‘Plastichnost semantiki priznakovykh slov’ (Plasticity of semantics of predicate words), *Herald of Tver State University Series: Philology*, no. 4 (71), pp. 30–38, doi: 10.26456/vtphilol/2021.4.030. (In Russ.)
3. Grashchenkov, PV & Lyutikova, EA 2018, ‘Prilagatelnyye v tipologii i teorii yazyka: semantika, distributsiya, derivatsiya’ (Adjectives in typology and theory of language: semantics, distribution, derivation), *Rhema*, no. 4, pp. 9–25, doi: 10.31862/2500-2953-2018-4-9-33. (In Russ.)
4. Gryaznova, VM & Gubanov, SA 2023, ‘Giperkontsept kachestvo kak mekhanizm verbalnogo predstavleniya epitetnoy paradigm v tvorchestve M. Tsvetaevoy’ (Hyperconcept quality as a mechanism of verbal representation of epithetic paradigm in M. Tsvetaeva’s works), *Humanities and law research*, vol. 10, no. 2, pp. 337–342, doi: 10.37493/2409-1030.2023.2.1. (In Russ.)
5. Zubova, LV 1989, *Poeziya Mariny Tsvetaevoy: Linguisticheskiy aspect* (Poetry of Marina Tsvetaeva: Linguistic Aspect), Izd-vo LSU publ, Leningrad. (In Russ.)
6. Kubayeva, FR 2009, Kognitivno-semanticheskiye kharakteristiki perenesennogo epiteata v angliyskom yazyke (Cognitive-semantic characteristics of the transferred epithet in English), PhD thesis, Pyatigorsk. (In Russ.)
7. Levin, YuI 1965, ‘Struktura russkoy metafory’ (The structure of Russian metaphor), *Trudy po znakovym sistemam. Issue 2. Uchenyye zapiski Tartuskogo universiteta*, no. 181, pp. 293–299 (In Russ.)
8. Lyapon, MV 2008, ‘Ritorika smyslosozidaniya Mariny Tsvetaevoy’ (Rhetoric of meaning-making by Marina Tsvetaeva), *Semya Tsvetaevykh v istorii i kulture Rossii* (The Tsvetaev Family in the History and Culture of Russia), ed. I. Belyakova, 8–11 October, Moscow, Dom-muzey Mariny Tsvetayevoy publ, Moscow, pp. 161–176 (In Russ.)
9. Revzina, OG 1999, ‘Metafora v poeticheskem idiolekte Mariny Tsvetaevoy’ (Metaphor in the poetic idiolect of Marina Tsvetaeva), *Slovar poeticheskogo yazyka Mariny Tsvetaevoy* (Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva), eds. I. Yu. Belyakova, I. P. Olovyanikova,

- va, O. G. Revzina, vol. 3 (1), Dom-muzey Mariny Tsvetayevoy publ, Moscow, pp. 5–30. (In Russ.)
10. Revzina, OG 1998, ‘Okkazionalnoye slovo v poeticheskem yazyke’ (Occasional word in poetic language), *Slovar poeticheskogo yazyka Mariny Tsvetaevoy* (Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva), vol. 2, Moscow, pp. 5–40. (In Russ.)
11. Tomashevskiy, BV 1996, *Teoriya literatury. Poetika* (Theory of literature. Poetics), Aspekt-Publishing House publ, Moscow. (In Russ.)
12. Tsvetaeva, MI 1997, *Neizdannoye. Svodnyye tetradi* (Unpublished. Summary notebooks), Ellis-Lak publ, Moscow. (In Russ.)
13. Fauconnier, G 1994, *Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language*, Cambridge University Press publ, Cambridge, UK.
14. Fauconnier, G & Turner, M 2006, ‘Mental spaces: conceptual integration networks’, *Cognitive linguistics: basic readings*, ed. D. Geeraerts, Walter de Gruyter GmbH & Co. KG publ, pp. 303–371.
15. Sweetser, E 2000, ‘Blended spaces and performativity’, *Cognitive linguistics*, vol. 11, no. 3/4, pp. 305–333.

Статья поступила в редакцию: 23.07.2025
Одобрена после рецензирования: 05.11.2025
Принята к публикации: 05.11.2025

The article was submitted: 23.07.2025
Approved after reviewing: 05.11.2025
Accepted for publication: 05.11.2025

Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 3 (23). С. 178–187.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 3 (23). P. 178–187.

Научная статья

УДК 82.192

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-178-187>

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ПЕСЕННЫХ ТЕКСТОВ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

**Виктория Ивановна
Иванова¹**

**Анна Александровна
Буряковская²**

^{1, 2} Тульский государственный университет

Тула, Россия

¹ vik26620009@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0003-1339-4304>

² annaburya@hotmail.com

² <https://orcid.org/0009-0000-1255-6151>

Аннотация. В статье исследуются некоторые языковые особенности песенного текста в детской литературе. Песенный дискурс представляет собой комплексное взаимодействие языка, культуры и социальной действительности, открывающее широкие возможности как для лингвистического анализа, так и для анализа различных социокультурных процессов.

Детская песня выполняет развивающую и эстетическую функции, способствует обучению и воспитанию, помогает ребёнку познать окружающую действительность и самого себя, подготовиться ко взрослой жизни. Знакомство с песнями разных народов способствует общекультурному развитию ребёнка, формированию его кругозора и мировоззрения.

В статье проанализированы примеры перевода песенных текстов в сказках и их сценических и мультипликационных адаптациях. Рассмотрены функциональные характеристики песенных вставок в различных произведениях литературы для детей. Авторами подчёркивается мысль, что на переводчика возлагается достаточно серьёзная миссия трансляции реалий и ценностей инокультурного социума с адаптацией к культуре родного языка в понятном для детей формате. Важно принимать во внимание воспитательную миссию детской литературы.

В работе представлены сложности, с которыми сталкивается переводчик, работающий с песенным текстом. Последний, в отличие от поэтического текста, ограничен привязанностью к музыке, на которую он наложен. Задача переводчика – не просто подобрать адекватные языковые средства, но и представить текст в стихотворной форме, положить его на музыку, правильно определив расстановку ударений, паузацию и т. д. При этом в двух языках, как правило, существует разница в количестве слогов, длине предложений, что затрудняет процесс музыкального переложения материала. Кроме того, выбор лексических единиц ограничен для переводчика в силу возрастных особенностей детской аудитории.

Ключевые слова: сказка, песня, баллада, детская литература, интертекстуальность.

Для цитирования: Иванова В. И., Буряковская А. А. К вопросу о переводе песенных текстов в детской литературе // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 3 (23). С. 178–187. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-178-187>

Сведения об авторах: В. И. Иванова – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и перевода, Тульский государственный университет, Россия, 300012, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 92;

А. А. Буряковская – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и перевода, Тульский государственный университет, Россия, 300012, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 92.

Scientific Article

UDC 82.192

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-178-187>

ON TRANSLATING SONGS IN LITERATURE FOR CHILDREN

^{1, 2} Tula State University

Viktoria I. Ivanova ¹

Tula, Russia,

¹ vik26620009@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0003-1339-4304>

Anna A. Buryakovskaya ²

² annaburya@hotmail.com

² <https://orcid.org/0009-0000-1255-6151>

Abstract. The article explores some linguistic features of the song text in children's literature. Song discourse is a complex interaction of language, culture and social reality, which opens up wide opportunities for both linguistic analysis and consideration of various socio-cultural processes. A children's song performs developmental and aesthetic functions, promotes learning and upbringing, develops children and helps them to know the surrounding reality and themselves, and prepare for adulthood. Acquaintance with the different nations' songs contributes to the general cultural development of children, the formation of their horizons and worldview. The article analyzes examples of the translation of song texts in fairy tales and their stage and cartoon adaptations; considers the functional characteristics of song inserts in various works of literature for children. The authors emphasize the idea that the translator has a rather important task: to transmit the realities and values of a foreign cultural society with adaptation to the culture of native language in a format understandable to children. It is important to understand the educational mission of literature for children. The paper presents the difficulties faced by a translator working with a song text, which, unlike a poetic text, depends on its attachment to the music to which it is set. The translator's task is not only to select adequate language tools, but also to present the text in poetic form, to set it to music, correctly determining the stress, pauses, etc. At the same time, in two languages, as a rule, there is a difference in the number of syllables and the length of sentences, which complicates the process of setting. In addition, the translator works with a limited set of lexical units due to the age characteristics of the children's audience.

Keywords: fairy tale, song, ballad, children literature, intertextuality.

For citation: Ivanova, VI & Buryakovskaya, AA 2025, 'On Translating Songs in Literature for Children', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (23), pp. 178–187, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-178-187> (in Russ.)

Information about the Authors: *Viktoria I. Ivanova* – Doctor of Science (Pedagogical Sciences), Professor, Head of the Chair of Linguistics and Translation, Tula State University, 92, Lenin Prospect, Tula, 300012, Russia;

Anna A. Buryakovskaya – PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Linguistics and translation, Tula State University, 92, Lenin Prospect, Tula, 300012, Russia.

Введение

На сегодняшний день одним из наиболее актуальных и наименее изученных вопросов переводоведения, который вызывает интерес как учёных, так и специалистов-практиков, является перевод и адаптация детских песен, стихов, считалок и т. д., вплетённых в текст сказок и произведений других жанров детской литературы.

Детская песня как элемент детской литературы ориентирована на возрастные интересы и потребности ребенка, особенности детского восприятия окружающего мира. Она способствует обучению и воспитанию, помогает ребёнку познать окружающую действительность и самого себя, подготовить ребёнка ко взрослой жизни.

Целью данного исследования является изучение места и роли песенных текстов в традиционных англоязычных сказках и их современных адаптациях в виде мюзиклов, мультипликационных и видеофильмов.

Песенный текст в детской литературе изучался в разных аспектах. Дж. Р. Р. Толкин в эссе «О волшебных сказках» отмечает, что песни в сказках выполняют роль «магического языка», связывающего реальное и волшебное [9]. Существуют многочисленные исследования того, как песни в фильмах киностудий различных стран мира помогают развивать сюжет и характеры: *The Oxford Handbook of the Disney Musical* [11]; *The Musical World of Walt Disney* [15]. Статьи *Universal organising principles of music and fairy tales* [14] и *A Comparative Study of Fairy Tale and Rap Narratives: Spaces Specificity* [13] посвящены роли музыки в сказках разных культур, проводят анализ песен с точки зрения семиотики.

Также изучаются и этнолингвистические аспекты [8] и синтаксические особенности [2] английских сказок. Более детальное изучение песенного дискурса и его особенностей обусловлено интересом со стороны мультикультурной аудитории. О. И. Капица в работе «Детский фольклор» рассматривает коммуникативные свойства песни как способа общения между героями сказки, между рассказывающим и слушающим ребенком, самостоятельное существование песенок вне сказок, вариантов одной и той же песенки, сказочных сюжетов, встречающихся полностью в песенной форме, обсуждает кумулятивный вид сказок, проводит параллели с фольклором других народов [6, с. 163–169].

О. И. Капица писал, что форма детского фольклора находится в тесной связи с детской психикой. Такие языковые средства, как ритм, повторения, звукоподражания, аллитерации, ассонансы, другие приёмы, диктуются детскими вкусами и восприятием [6]. Стихотворные тексты, являясь неким вкраплением в прозаическое произведение, помогают удерживать внимание ребенка благодаря своей поэтической структуре, ритмике, они способствуют сохранению интереса к чтению и восприятию конкретного произведения в целом.

Одной из основных функций детской литературы в целом и детской песни в частности мы считаем развивающую функцию. В раннем детском возрасте речь может идти о познании основ социальной коммуникации (посредством изучения социальных ролей, поведенческих паттернов сказочных героев), о расширении словарного запаса посредством узнавания новых слов. Развивающее влияние на ребёнка (на его фонематический слух, чувство ритма) в процессе ознакомления с детскими песнями оказывает ритм, мелодия музыкального произведения. Одновременно стихотворные тексты в детской литературе реализуют также эстетическую функцию, развивающую чувство прекрасного, и гедонистическую – удовлетворение потребностей ребенка в развлечении.

В старшем дошкольном и младшем школьном возрасте у ребёнка начинает формироваться кругозор и собственное мировоззрение. Ребёнок начинает воспринимать окружающую действительность в широком смысле этого слова. Он понимает, что есть мир за пределами родного дома, города, страны. Помочь в процессе озна-

комлении с этим миром призвана зарубежная детская литература, в частности, сказки, а также детские произведения в популярном сейчас у детей видеоформате: мультифильмы, мюзиклы.

Для того чтобы все эти функции могли реализоваться, ребёнку нужно услышать или прочитать песенный текст, что зачастую возможно только в переводе. На переводчика возлагается достаточно серьёзная миссия трансляции реалий и ценностей инокультурного социума с адаптацией к культуре родного языка в понятном для детей формате. При этом важно принимать во внимание воспитательную миссию детской литературы.

Материалы и методы

Исследование особенностей перевода детских песенных текстов проводилось с применением лингвистических и общеначальных методов. Применялись методы сопоставительного анализа переводов, создания теоретических моделей перевода и описания различных типов преобразований (трансформаций), научного описания иллюстративного материала и его систематизации.

При обобщении данных, полученных методом сплошной выборки, применялись общеначальные методы анализа и классификации данных.

Материалами исследования послужили оригинальные тексты детских песен в англоязычных балладах, сказках, мюзиклах, мультильмах и их переводах на русский язык, отобранные методом сплошной выборки.

Детские произведения в видеоформате, экранизации, театральные постановки создаются на основе традиционных произведений различных жанров детской литературы. Это позволяет экстраполировать результаты исследований, проведённых на материале именно произведений сказочного жанра.

Результаты

Стихотворные вставки в детских произведениях легко ложатся на несложные мелодии, что позволяет детям пропевать их, облегчая запоминание и узнавание. Они становятся частью глобального многоаспектного песенного дискурса, включающего в себя особенности использования языка как инструмента эмоционального воздействия, взаимодействующего с другими формами искусства (аудио- и видеосоставляющими) [7]. Песенный дискурс в произведениях для детей становится хранилищем и источником знаний, отражающих культурную и социальную жизнь народа. Он представляет собой синтез верbalного и невербального компонентов, сочетающий поэтический текст и музыкальное сопровождение, представляет таким образом одну из форм отражения фрагментов картины мира.

Песни в англоязычных сказках способствуют развитию сюжета, раскрытию характеров персонажей и эмоциональному воздействию на аудиторию. В таких произведениях, как сказки о Робине Гуде, песни часто используются для передачи атмосферы. В английском фольклоре не теряют популярности традиционные баллады, которые являются песнями по сути, а сказками – по содержанию. В этих произведениях песня и сказка тесно переплетены: такие баллады, как английская *Scarborough Fair* или шотландская *Barbara Allan*, сами по себе являются сказочными историями в музыкальной форме. Шотландская баллада *The Elfin Knight* – песня-диалог между эльфом и девушкой, где загадки и требования становятся испытанием для героини – пример того, как песня формирует сюжет и раскрывает характеры.

Существуют и пользуются популярностью ритуальные и сезонные песни, такие, как колядки *Christmas carols*, которые включают в себя элементы сказочных сюжетов о волшебстве и доброте. Эти праздничные песнопения становятся неотъемлемым элементом художественных и мультипликационных фильмов о рождественских праздниках. Другие стихотворные тексты не просто сохраняются в экранизациях и постановках, но зачастую становятся и их центральным компонентом, что

можно видеть в мультиплекционных фильмах компании «Дисней». В современной массовой культуре известны, активно используются и тиражируются несколько песен из детских произведений. В фильме «Белоснежка и семь гномов» песня *Heigh-Ho* стала символом труда и единства, в «Золушке» песня *Bibbidi-Bobbidi-Boo* подчеркивает магию и превращение, в «Русалочке» песня *Part of Your World* отражает мечты и стремления главной героини, в «Красавице и Чудовище» *Be Our Guest* является примером гостеприимства и веселья, в «Алисе в Стране чудес» песни *Twinkle, Twinkle, Little Bat* пародируют традиционные детские стихи, добавляя абсурдности происходящему.

Песенный текст в детской литературе представляет собой дополнительные трудности при переводе произведений. Перевод песенного текста считается одной из наиболее сложных форм художественного перевода, поскольку речь идет о переводе стихов, которые характеризуются определенным ритмом, подчиняются законам стихосложения и определяют, таким образом, форму переводного текста. В этом случае задачей переводчика становится не просто подобрать адекватные языковые средства переводящего языка, но и представить текст в стихотворной форме, позволяющей положить его на музыку, правильно определив расстановку ударений, паузацию и т. д. В двух языках существует разница в количестве слогов, длине предложений, что также затрудняет процесс музыкального переложения материала. Перевод детских песен осложняется и тем, что выбор лексических единиц ограничен в силу возрастных особенностей аудитории.

Главной особенностью перевода песенного текста является то, что он, в отличие от поэтического текста, усложнён, а, следовательно, ограничен своей привязанностью к музыке, на которую он наложен. Сохранение при переводе ритмических качеств оригинала может повлиять на искажение смысла и художественные особенности песни [3].

Как отмечает А. С. Баннова, профессиональный перевод песен редко бывает подстрочным. Он зачастую не воспроизводит текст оригинала дословно, так как при этом могут быть утрачены смысл и полнота образов песни-оригинала. Поэтический текст отличается тем, что в каждое предложение «как будто бы добавлен мощный концентрат авторских чувств и эмоций, что делает музыкально-поэтический текст высоко экспрессивным и выразительным» [1].

К переводу песенных и стихотворных текстов приходится прибегать при адаптации англоязычных мюзиков, зачастую основанных на детских произведениях. Одним из примеров адаптации песенного текста на русский язык является английский мюзикл *Cats* («Кошки»), созданный по мотивам цикла детских стихотворений *Old Possum's Book of Practical Cats* [10] («Популярная наука о кошках, написанная старым Опоссумом») поэта и драматурга Т. С. Элиота, и адаптированный на русский язык в 2005 году [10].

Зачастую различия в языке оригинала и языке перевода не позволяют полностью передать идею оригинала и создать полный эквивалент, тогда переводчику приходится прибегать к перефразированию. Это может быть связано с использованием в оригинальном тексте аллюзий, связанных с культурой или историей определенного общества. Подобный случай мы встречаем в следующем примере перевода текста песни *Bustopher Jones*, где несмотря на перефразирование, выполненное переводчиком, в переведенном тексте сохраняется юмористический эффект оригинала и раскрывается та же идея о неумеренном потреблении пищи:

For any one cat to belong both to that / And The Joint Superior Schools

For a similar reason when game is in season / I'm found not at Fox's but Blimp's;

I am frequently seen at the gay Stage and Screen / Which is famous for winkles and shrimps

In the season of venison I give my ben'son / To the Pothunter's succulent bones;
 Чудесный доклад был недавно назад / А какой роскошный обед
Для научной работы в сезоны охоты / Чтобы это искусство постичь
Отправляюсь с утра / Нет не в лес в ресторан
За столом дегустировать дичь / Баскетболом и теннисом ты не заменишь
Хорошо пропеченный кусок

Можно заметить, что в тексте перевода не всегда звучат культурные и социальные реалии. Например, строка *is the name of this Brummell of Cats* переведена без упоминания лондонского денди Джорджа Браммелла, однако переводчик указывает на образ жизни аристократа фразой «накрахмалив манжеты и хвост». Не упоминается и название вымышленного лондонского джентльменского клуба *The Drones* из рассказов английского писателя П. Г. Вудхауса. Стока *a moment too soon to drop in for a drink at the Drones* переведена с опущением названия клуба, но с сохранением смысла описанной ситуации: «нет ничего, что в обед нам заменит хороший глоток».

Подобное опущение встречается и в следующем примере:

A long while before Queen Victoria's accession / As we did in the days when Victoria reigned

О, это не кот — это целая эпоха / По сравнению с нами вы просто щенки

В данном случае в тексте оригинала присутствуют отсылки к королеве Виктории и периоду ее правления. Однако переводчик опускает данную информацию, используя вместо имени собственного указание на «целую эпоху», поскольку конкретный временной промежуток правления королевы и ее личность могут быть не знакомы массовому русскоязычному слушателю. Например — фрагмент перевода *Jellicle Songs for Jellicle Cats*, в котором вместо транскрибирования или транслитерации имен фольклорных персонажей *Whittington* и *Pied Piper* переводчик называет их «шутом» и «крысоливом», адаптируя их к русской реальности, так как эти наименования будут знакомы русскоязычным слушателям:

Were you Whittington's friend? / The Pied Piper's assistant?

<ты> Подшутил над шутом, Помогал крысоливу?

В официальной адаптации мультипликационного фильма *Tangled* («Рапунцель: Запутанная история»), выполненной М. Кекемановой, также решались похожие переводческие задачи. Рассмотрим первые строчки песни *I've Got a Dream* («У меня есть мечта»), в котором вместо дословного перевода с перечислением качеств героя («злобный, подлый, страшный») переводчик прибегает к использованию фразы «бандит с большой дороги», что является известным и закрепившимся в русской культуре образе злодея-разбойника, совмещающим в себе понятия злобы и подлости. Данный приём демонстрирует пример модуляции, и вместо использования слова «разбойник» мы видим «бандит», так как его использование гораздо удачнее для сохранения ритма.

I'm malicious, mean and scary / My sneer could curdle dairy

Я — бандит с большой дороги / Мой оскал подкосит ноги

В этом же песенном тексте мы встречаем строки, в которых видим контекстуальную замену, использованную при переводе фразы *show-tune medley*, дословный перевод которой «попурри мелодий» не несет для слушателя информации, связанной с сюжетным развитием. Контекстуальная замена «для друзей с высокой башни», выполненная переводчиком, напротив, обеспечивает развитие диалога в тексте, указывая на адресата сообщения — главную героиню Рапунцель, сидящую в высокой башне. Как и в первом примере, текст перевода сохраняет единые ритм и рифму:

Yer, I'd rather be called deadly / for my killer show-tune medley

Да! Пускай я буду страшным / Для друзей с высокой башни.

Другим примером подобной работы переводчика с реалиями может служить фрагмент перевода песни *Show Yourself* («Покажи себя»), выполненный Л. Королевой для адаптации мультфильма *Frozen* («Холодное Сердце»). В данном примере мы наблюдаем опущение слова “inch”, перевод которого «дюйм» не был бы информативным, поскольку дюйм не является принятой в России мерой измерения и не известен детской аудитории:

*Every inch of me is trembling, but not from the cold
Я дрожжу, по коже холод, но то не мороз*

Аналогичные действия переводчик использует и в следующем случае *Some Things Never Change* с интертекстуальным включением:

*Peter Pumpkin just became a fertilizer
Тыква рыжая теперь – удобрение*

Peter Pumpkin (Питер, любитель тыкв) является персонажем детского английского стихотворения *Peter Peter Pumpkin Eater*. Для русскоязычного слушателя данная аллюзия может быть непонятна, поэтому переводчик прибегает к опущению имени собственного, заменяя его на фразу «тыква рыжая».

Обсуждение результатов

Проанализировав собранные примеры стихотворных и песенных текстов из детской литературы, мы отмечаем, что реализация универсальных функций песенного дискурса, таких, как эмотивная, апеллятивная, референтная, фатическая, этно-консолидационная [5], позволяет отметить, что песенный текст можно рассматривать как разновидность поэтического текста. Помимо этого, песни в сказках включают сюжетное развитие, продвигают действие, раскрывают ключевые события или предсказывают будущее (в балладах о Робине Гуде песни рассказывают истории его подвигов); содержат характеристацию персонажей (герои выражают свои эмоции, мотивы или скрытые черты через песни. Так, злодеи иногда исполняют угрожающие баллады, а добрые персонажи — лирические мелодии); передают моральные аспекты (песни содержат нравоучительные послания, как в сказке «Три поросёнка», в которой песенка *Who's Afraid of the Big Bad Wolf?* подчеркивает тему преодоления страха); способствуют запоминаемости (рифмованные тексты и мелодии помогают детям запоминать сюжет произведения и его мораль); благоприятствуют обеспечению эмоциональной вовлеченности (песни усиливают сопереживание героям).

Анализ эмпирического материала также позволяет сделать вывод, что для песенных текстов в сказках свойственно использование аллюзий (отсылки к библейским сюжетам, историческим событиям или другим сказкам, как песни в «Волшебнике страны Оз»), а также нестандартной лексики (архаизмов, просторечий, диалектных форм, лексем с аллитерацией и ассонансом).

Интертекстуальность песен в сказочных текстах обеспечивает передачу моральных, социальных или религиозных идей своего времени. Таким образом, исследование песенного дискурса в контексте детской литературы может позволить определить особенности отражения определенных тем или идей через призму литературных и культурных традиций, а также продемонстрировать, как данные идеи могут быть адаптированы для иноязычной аудитории. Особое место в песенном творчестве занимает индивидуально-авторская метафора. Вне зависимости от принадлежности определенного произведения песенного дискурса к конкретному жанру, его автор прибегает к использованию метафор для создания яркого художественного образа и эффективного воздействия на сознание слушателя.

По мнению А. С. Горловой, при переводе песенных метафор переводчику необходимо решать задачи адекватной адаптации высказывания в языке перевода: это подразумевает авторские примечания, терминологические ссылки, а иногда и полную трансформацию конструкции, построение синонимических и ассоциативных

рядов, понятных слушателю, и т. д. Иногда основная сложность состоит в том, чтобы передать авторское высказывание в неизменном виде, сохранив как смысловое наполнение, так и стилистическую форму [4].

При переводе песенных текстов с английского языка на русский необходимо учитывать различия в культурных контекстах и традициях, поскольку детская аудитория не только обладает ограниченным культурным знанием, но и может не иметь достаточных навыков для поиска необходимой информации. Также при работе с детскими песенными текстами стоит уделить особое внимание авторским неологизмам. Перевод неологизмов предполагает, что они должны быть переосмыслены и выражены на другом языке прямо или при помощи пояснений.

Песни в печатных текстах дают переводчику большую свободу в адаптации текста. В то время как в мюзиклах, мультиликационных и видеофильмах необходимо сохранять рифму и ритм, чтобы сохранить звучание песен, их музыкальную сопровождающую.

Заключение

Песенный дискурс в рамках лингвокультурологического подхода представляет собой многослойное явление. Песенные тексты служат эстетическим, социальным и культурным идентификационным элементом, отражая культурные нормы, традиции и ценности определенной социальной группы, а также становятся способом выражения личных и коллективных эмоций при помощи использования языковых средств выразительности, что делает их важным элементом социального взаимодействия и коммуникации. Следовательно, песенный дискурс представляет собой комплексное взаимодействие языка, культуры и социальной действительности, открывающее широкие возможности для анализа как художественных особенностей песенных текстов, так и различных социокультурных процессов.

Песни – это важный структурный и смысловой элемент англоязычных сказок. Они сохраняют культурное наследие, усиливают нарратив и сохраняются в памяти слушателей, передавая мудрость через поколения. Это необходимо учитывать при их адаптации для иноязычной детской аудитории при переводе сказок.

Список источников и литературы

1. Баннова А. С. Специфика перевода современных английских песен (на примере творчества группы *imagine dragons*) // Актуальные проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранного языка : материалы науч.-практ. конф., Липецк, 10 апреля 2019 г. Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. С. 56–60.
2. Брандаусова А. В. Основные синтаксические особенности английской литературной сказки : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Брандаусова Александра Вячеславовна. М., 2008. 209 с.
3. Васюк В. В., Майсс М. Р. Особенности перевода песенного текста (на материале песни «Take me Out» группы Franz Ferdinand и ее перевода) // Ученые заметки ТОГУ. 2023. Т. 14, № 3. С. 12–20.
4. Горлова А. С., Гурьянова О. А. Проблема перевода англоязычных метафор: на материале текстов современных песен // Язык науки и техники в современном мире : материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 16–18 апреля 2024 г.). Омск: ОмГТУ, 2024. С. 11–14.
5. Дуняшева Л. Г. Лингвокультурные аспекты песенных текстов // Исследования молодых ученых : сб. ст. аспирантов. Минск: МГЛУ, 2012. С. 32–36.
6. Капица О. И. Детский фольклор: песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Изучение. Собирание. Обзор материала. Л.: Прибой, 1928. 223 с.
7. Максименко О. И., Подрядова В. В. Поликодовый музыкальный поэтический дискурс // Вестник РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семиантология. 2013. № 4. С. 27–37.

8. Плахова О. А. Английские сказки в этнолингвистическом аспекте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Плахова Ольга Александровна. Н. Новгород, 2007. 221 с.
9. [Толкин Дж. Р. Р.] «О волшебных сказках» – эссе Джона Толкиена / пер. С. Кошелева // Bestseller : сайт. URL: <https://bestseller.com.ru/posts/polka/83183-%22o-volshebnyh-skazkah%22---ehsse-dzhona-tolkiena> (дата обращения: 03.03.2025).
10. Элиот Т. Популярная наука о кошках, написанная Старым Опоссумом // Достоевский: сайт. URL: <https://dostoevskiyfyodor.ru/eliot/wp-content/uploads/sites/400/2024/02/Populyarnaya-nauka-o-koshkah-napisannaya-Starym-Opossumom-Tomas-Eliot.pdf> (дата обращения: 03.03.2025).
11. The Oxford Handbook of the Disney Musical / ed. D. Broomfield-McHugh, C. Montgomery. Oxford University Press, 2025. 666 p. (Oxford Handbooks).
12. Eliot T. S. Old Possum's Book of Practical Cats. London: Faber and Faber, 1948. Electronic version of the printed publication. URL: <https://gutenberg.ca/ebooks/eliotts-practicalcats/eliotts-practicalcats-01-h.html> (accessed: 03.03.2025).
13. Kravchenko N. K., Davydova T. V., Goltssova M. G. A Comparative Study of Fairy Tale and Rap Narratives: Spaces Specificity // Journal of History Culture and Art Research. 2020. Vol. 9, № 3. P. 155–167.
14. O'Brien Nada Ivanović. Universal organising principles of music and fairy tales // Muzikologija. 2018. Issue 25. P. 207–220. URL: <https://doi.org/10.2298/MUZ1825207I> (accessed: 03.03.2025).
15. Tieyen D. The Musical World of Walt Disney. Milwaukee, Wis.: H. Leonard Pub. Corp, 1990. 158 p.

References

1. Bannova, AS 2019, ‘Spetsifika perevoda sovremennoykh angliyskikh pesen (na primere tvorchestva gruppy imagine dragons)’ (Specifics of translating modern English songs (based on Imagine Dragons songs), *Aktualnyye problemy romano-germanskoy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannogo yazyka : materialy nauch.-prakt. konf.* (Actual problems of Romano-Germanic philology and methods of teaching foreign languages. Proceedings of the scientific-practical conference), Lipetsk, 10 April, LGPU im. P. P. Semenova-Tyan-Shanskogo publ, Lipetsk, pp. 56–60. (In Russ.)
2. Brandausova, AV 2008, Osnovnyye sintaksicheskiye osobennosti angliyskoy literaturnoy skazki (Main syntactic features of the English literary fairy tale), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)
3. Vasyuk, VV & Mayss, MR 2023, ‘Osobennosti perevoda pesennogo teksta (na materiale pesni “Take me Out” gruppy Franz Ferdinand i yeeye perevoda)’ (The translation peculiarities of the song text (on the example of the song “Take Me Out” by Franz Ferdinand and its translation)), *Uchenyye zametki TOGU* (Scientists notes PNU), vol. 14, no. 3, pp. 12–20. (In Russ.)
4. Gorlova, AS & Guryanova, OA 2024, ‘Problema perevoda angloyazychnykh metafor: na materiale tekstov sovremennoykh pesen’ (The problem of English metaphors translating: based on modern lyrics), *Yazyk nauki i tekhniki v sovremennom mire: materialy XIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* (The Language of Science and Technology in the Modern World. Proceedings of the 13th international scientific-practical conference), 16–18 April, OmGTU publ, Omsk, pp. 11–14. (In Russ.)
5. Dunyasheva, LG 2012, ‘Lingvokulturnyye aspekty pesennyykh tekstov’ (Linguocultural aspects of song texts), *Issledovaniya molodykh uchenykh : sb. st. aspirantov* (Research of Young Scientists. Collection of articles of PhD students), MGLU publ, Minsk, pp. 32–36. (In Russ.)
6. Kapitsa, OI 1928, *Detskiy folklor: pesni, poteshki, draznilki, skazki, igry. Izuchenije. Sobiranije. Obzor materiala* (Children's folklore: songs, nursery rhymes, teasers, fairy tales, games. Learning. Collecting. An overview of the material), Priboy publ, Leningrad. (In Russ.)
7. Maksimenko, OI & Podryadova, VV 2013, ‘Polikodovyy muzykalnyy poeticheskiy diskurs’ (Polycode musical poetic discourse), *Vestnik RUDN. Ser.: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* (RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics), no. 4, pp. 27–37. (In Russ.)

8. Plakhova, OA 2007, Angliyskiye skazki v etnolingvisticheskem aspekte (English fairy tales in the ethnolinguistic aspect), PhD thesis, Nizhny Novgorod. (In Russ.)
9. Tolkien, JRR ‘O volshebnykh skazkakh’ (On Fairy-Stories), trans. S. Kosheleva, *Bestseller*, viewed 3 March 2025, <https://bestseller.com.ru/posts/polka/83183-%220-volshebnyh-skazkah%22---ehsse-dzhona-tolkiena> (In Russ.)
10. Eliot, T ‘Populyarnaya nauka o koshkakh, napisannaya Starym Opossumom’ (Old Possum's Book of Practical Cats), *Dostoyevskiy*, viewed 3 March 2025, <https://dostoevskiyfedor.ru/eliot/wp-content/uploads/sites/400/2024/02/Populyarnaya-nauka-o-koshkah-napisannaya-Starym-Opossumom-Tomas-Eliot.pdf> (In Russ.)
11. Broomfield-McHugh, D & Montgomery, C (eds.) 2025, *The Oxford Handbook of the Disney Musical*, Oxford University Press publ, Oxford.
12. Eliot, TS 1948, *Old Possum's Book of Practical Cats*, Faber and Faber publ, London, viewed 3 March 2025, <https://gutenberg.ca/ebooks/eliotts-practicalcats/eliotts-practicalcats-01-h.html>
13. Kravchenko, NK, Davydova, TV & Goltsova, MG 2020, ‘A Comparative Study of Fairy Tale and Rap Narratives: Spaces Specificity’, *Journal of History Culture and Art Research*, vol. 9, no. 3, pp. 155–167.
14. O'Brien Nada Ivanović 2018, ‘Universal organising principles of music and fairy tales’, *Muzikologija*, no. 25, pp. 207–220, viewed 3 March 2025, <https://doi.org/10.2298/MUZ1825207I>
15. Tieyen, D 1990, *The Musical World of Walt Disney*, H. Leonard Pub. Corp publ, Milwaukee, Wisconsin.

Вклад авторов:

Иванова В. И. – написание статьи, научное редактирование текста.

Буряковская А. А. – сбор материала, обработка материала, написание статьи.

Contribution of the authors:

Viktoria I. Ivanova – writing the section of the article, scientific editing.

Anna A. Buryakovskaya – collecting the material, processing the material, writing the section of the article.

Статья поступила в редакцию: 24.06.2025

Одобрена после рецензирования: 05.11.2025

Принята к публикации: 05.11.2025

The article was submitted: 24.06.2025

Approved after reviewing: 05.11.2025

Accepted for publication: 05.11.2025

«ЛЮБОВЬ СИЛЬНЕЕ»: РАССКАЗ Л. Н. ТОЛСТОГО «ЧТО Я ВИДЕЛ ВО СНЕ...» В ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

**Мария Александровна
Кучерова**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, merismus@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0009-2502-7481>

Аннотация. Статья посвящена лингвопоэтическому анализу рассказа Л. Н. Толстого «Что я видел во сне...» (1906), относящегося к позднему периоду творчества писателя. Несмотря на лаконичность формы, характерную для поздних произведений Толстого, рассказ сохраняет глубину философского содержания, продолжая традиционную для автора тему нравственного выбора. В исследовании применяется комплексный методологический подход, сочетающий литературоведческие и лингвистические методы анализа, что позволяет рассмотреть единство формы и содержания текста. Основное внимание уделяется трем аспектам: 1) композиционной структуре рассказа, построенной на противопоставлении пространств обвиняющего (князя Михаила Ивановича) и обвиняемого (его дочери Лизы) с последующим их пересечением; 2) приему смены повествовательных перспектив, характерному для толстовского стиля; 3) языковым средствам выражения психологического состояния героя. Особое значение имеет анализ лексико-семантических групп, выявляющий «движение души» князя от ненависти и злобы к милосердию и раскаянию. Исследование демонстрирует, как синтаксические особенности (переход от сложных конструкций к простым предложениям) и лексические повторы отражают внутреннюю трансформацию героя. Показано, что победа «нравственного инстинкта» над «оскорбленной гордостью» сопровождается изменением оценочной лексики с отрицательного вектора на положительный. Открытый финал рассказа интерпретируется как указание на возможность полного духовного очищения. Работа вносит вклад в изучение поэтики произведений «позднего» Толстого, показывая, как в «малой» форме достигается глубина психологического анализа и философского содержания. Результаты исследования подтверждают непрерывность развития толстовской антропологической концепции от ранних произведений к поздним. Материал может быть полезен для дальнейших исследований в области лингвопоэтики и эволюции творческого метода Толстого.

Ключевые слова: художественный текст, лексика, семантика, эмотивность, «малая проза», лингвопоэтика, Л. Н. Толстой.

Благодарности: Исследование выполнено в ТГПУ им. Л. Н. Толстого за счет средств гранта Правительства Тульской области (проект «"Малая проза" Л. Н. Толстого начала XX века: язык и стиль»; ДС/160).

Для цитирования: Кучерова М. А. «Любовь сильнее»: рассказ Л. Н. Толстого «Что я видел во сне...» в лингвопоэтическом аспекте // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 3 (23). С. 188–195. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-188-195>

Сведения об авторе: М. А. Кучерова – магистрант факультета русской филологии и документоведения, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 125.

Scientific Article

UDC 811.161.1+821.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-188-195>

“LOVE IS STRONGER”: SHORT STORY *MY DREAM* BY L. TOLSTOY IN THE LINGUISTIC AND POETIC ASPECT

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Maria A. Kucherova

Tula, Russia, merismus@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0009-2502-7481>

Abstract. The article analyses the linguistic and poetic aspects of Leo Tolstoy's short story *My Dream* (1906), which belongs to the late period of the writer's work. Despite the conciseness of form characteristic of Tolstoy's later works, the story retains the depth of its philosophical content, continuing the author's traditional theme of moral choice. The study uses a comprehensive methodological approach combining literary and linguistic methods of analysis, revealing the form and content unity of the text. The author focuses on three aspects: 1) the compositional structure of the story, based on the juxtaposition of the spaces of the accuser (Prince Mikhail Ivanovich) and the accused (his daughter Lisa) with their subsequent intersection; 2) the method of changing narrative perspectives, characteristic of Tolstoy's style; 3) linguistic means of expressing the psychological state of the hero. The analysis of lexico-semantic groups, revealing the workings of the Prince heart from hatred and malice to mercy and repentance is of particular importance. The study demonstrates how syntactic features (the transition from complex constructions to simple sentences) and lexical repetitions reflect the inner transformation of the hero. It is also worth noting the change in evaluative vocabulary from a negative vector to a positive one, which accompanies the victory of 'moral instinct' over 'offended pride'. The open ending of the story indicates the possibility of complete spiritual purification. The article contributes to the study of the poetics of the late period of Tolstoy's work, showing ways to achieve the depth of psychological analysis and philosophical content in a flash fiction. The results of the study confirm the continuity of the development of Tolstoy's anthropological concept from early works to later ones. The material may be useful for further research in the field of linguistic and poetics and the evolution of Tolstoy's creative method.

Keywords: literary text, vocabulary, semantics, emotivity, flash fiction, linguopoetics, L.N. Tolstoy.

Acknowledgements: The research was carried out at the Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University at the expense of a grant from the Government of the Tula region (the project 'Flash fiction by Leo Tolstoy at the beginning of the 20th century: language and Style'; DS/160).

For citation: Kucherova, MA 2025, “Love is Stronger”: Short Story *My dream* by L. Tolstoy in the Linguistic and Poetic Aspect', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (23), pp. 188–195, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-188-195> (in Russ.)

Information about the Author: Maria A. Kucherova – Master's Degree Student of the Faculty of Russian Philology and Documentary Studies, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Введение

Лингвопоэтика текстов Л. Н. Толстого нечасто попадает в поле исследовательского внимания, в особенности это касается его поздних произведений, тяготеющих к «малым», более аскетичным формам, однако не менее важных для понимания эволюции творческого метода писателя, чем произведения «зрелого» периода, получившие в филологии и, в частности, в толстоведении довольно широкое освещение.

Как известно, рассказ Льва Николаевича Толстого «Что я видел во сне...» (1906) относится к позднему периоду творчества писателя, когда его художественная манера, как уже говорилось, приобретает определенную лаконичность. Тем не менее, несмотря на простоту выбираемых художником форм для наиболее концентрированного выражения транслируемых идей, темы, волнующие его, хотя и предстают в осмысленном виде, остаются прежними, а ключевым мотивом – мотив нравственного выбора. Уже в середине 50-х годов позапрошлого века, когда Толстой-писатель только начинал свою литературную деятельность, Н. Г. Чернышевский отмечал: «...глубокое знание тайных движений жизни и непосредственная чистота нравственного чувства... всегда останутся существенными чертами его таланта, какие бы новые стороны ни высказывались в нем при дальнейшем его развитии...» [10, с. 428]. Точно так же, как в одном из первых произведений (в автобиографической трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность») Николенка Иртеньев оказывается в ситуации выбора между тщеславием, склонность к которому стала следствием влияния светского общества, и «нравственным инстинктом», заложенным, по мнению Л. Н. Толстого, в каждом человеке и «позволяющим ему... стремиться к добру и бороться со злом» [11, с. 111], в рассказе 1906 года «Что я видел во сне...» центральное место занимает идея преодоления зла, представленного как самолюбие и жестокость, добром, в качестве которого здесь выступают милосердие и как следствие примирение, казавшееся невозможным.

Материалы и методы

В связи с тем, что целью данной работы является выявление специфики художественного воплощения темы нравственного преображения через анализ композиции, повествовательной структуры, языковых средств в одном из произведений позднего периода, в основу исследования лежит комплексный подход, сочетающий лингвистические и литературоведческие методы исследования, что позволяет более глубоко проанализировать как форму, так и содержание текста в их органической целостности. Посредством структурно-композиционного анализа выявляются особенности повествовательной организации произведения. Особое внимание уделяется рассмотрению такого стилистического приема, как смена повествовательных перспектив [1; 2; 9], характерного для ряда толстовских текстов, относящихся к разным периодам творчества писателя. Кроме того, проводится лексико-стилистический анализ произведения, позволяющий выделить тематические группы слов и определить их значение в ракурсе трансляции идейного содержания художественного текста. Языковые единицы (преимущественно лексические и синтаксические) рассматриваются преимущественно с точки зрения их экспрессивно-прагматического потенциала.

Результаты

Композиционно рассказ делится на три главы. В первых двух главах с разных точек зрения рассказывается об одном и том же событии, послужившем причиной конфликта между отцом и дочерью – пространство обвиняющего (князя Михаила Ивановича) и пространство обвиняемого (его дочери Лизы). Третья глава, в свою очередь, в композиционном отношении представляет собой пересечение этих пространств: именно их встреча в середине заключительной части рассказа становится

кульминационным моментом произведения. Подобная трехчастная композиция позволяет не только взглянуть на одно и то же событие с разных позиций, но и проследить тот путь, который приводит эти пространства к пересечению, а самих персонажей – к примирению. Оба пространства организованы посредством репрезентации модальностей главных героев, центральным из которых становится князь Михаил Иванович, из самолюбия отказавшийся от своей дочери и прошедший путь духовного очищения, в связи с чем его образ подлежит более детальному рассмотрению.

Примечательно, что и образ Михаила Ивановича показан Толстым с разных точек зрения [9]. Смена точек зрения как толстовский прием организации композиции отмечался и в иных, более ранних произведениях автора. Так, характеризуя повествование романа-эпопеи «Война и мир» В. В. Виноградов отмечает, что языку Толстого свойственны «последовательные, чередующиеся переходы от одного субъектно-речевого плана к другому» [2, с. 171]. Вслед за Виктором Владимировичем другой литературовед Я. С. Билинкис, рассматривая эволюцию творческого метода писателя, обращает внимание, что «...в период до конца 70-х гг.» для стиля Толстого характерно использование «различных “субъектных призм”, повествование велось попеременно как бы от лица разных персонажей» [1, с. 377]. Тот же композиционный прием наблюдается в анализируемом рассказе позднего периода: центральный персонаж изображается в восприятии нескольких действующих лиц.

С одной стороны, это модальность самого героя, репрезентирующаяся в его поведении, в частности, в речевом. По мнению Л. Я. Гинзбург, прямая речь персонажа обладает «возможностями непосредственного и как бы особенно достоверного свидетельства их психологических состояний» [3, с. 150]. Так, однозначно негативная оценка поступков дочери выражается как в вербализованной речи («...она как дочь не существует для меня... знать я ее не могу...» [8, с. 286]) и внутренних монологах («Какой ужасный удар в конце жизни...» [8, с. 296]), так и в несобственно-прямой речи («Мучала его оскорблена гордость... эта дочь опозорила его, сделала с ним то, что он не может смотреть в глаза людям...» [8, с. 289]). При этом Михаил Иванович неоднократно использует формулировки, свидетельствующие об эгоцентрическом характере его умозаключений: «Довольно **я** перестрадал. Теперь ничего нет **для меня**, кроме желания поставить ее в такое положение... чтобы ей не нужно было входить ни в какие сношения **со мной**, чтобы она могла жить своей отдельной жизнью и **мы** с семьей своей жизнью...» [8, с. 288]; «...ненавидя ее за ту боль, которую она **ему** причинила...» [8, с. 291] и т. п. Многократное употребление личных местоимений, указывающих исключительно на интенциональность князя, непосредственно выражает направленность его сознания лишь на собственную персону.

С другой стороны, князь предстает перед читателем в авторской оценке его действий. Так, например, его поведение различается в присутствии людей, даже близких, и в ситуации полного одиночества, чем подчеркивается искусственность этого образа, который он стремится создать в кругу общественности и который, по его мнению, общественность оценивает как идеальный. Показательна в этом отношении лексика, которую автор использует для характеристики героя: «...**скрыл** то страдание под выражением неприступной гордости...» [8, с. 287]; «Когда он ушел в приготовленную ему комнату, он только что взялся вынимать **фальшивые** зубы...» [8, с. 287]; «...отвечал деверь, с своей обычной, несколько **преувеличенной** учтивостью...» [8, с. 287]; «...вздохнул, очевидно от боли, но тотчас же **справился** и, улыбаясь...» [8, с. 288] и т. д. В последнем примере особенно отчетливо можно обнаружить контраст между действительными чувствами князя и той маской, которую он привык надевать в присутствии второго лица (контекстуальную антонимич-

ность здесь приобретают эмотивы *боль* и *улыбаться*). Все выделенные лексемы семантически связаны с тематическим полем «Искусственность».

С третьей стороны, можно увидеть Михаила Ивановича в восприятии его младшего брата, Петра Ивановича, внимательного, в отличие от Михаила Ивановича, к состояниям другого человека: «*Князь Петр Иванович хотел спросить брата... но не мог решиться спросить. ...князь Петр Иванович видел, какое страдание выразилось на лице брата...*» [8, с. 286–287]. Введение в художественный мир произведения персонажа, отличного в отношении к людям, в очередной раз подчеркивает зацикленность сознания Михаила Ивановича на собственной персоне, его склонность к оценке происходящих событий без учета точек зрения окружающих.

И в целом организация пространства Михаила Ивановича осуществляется преимущественно посредством лексем с однозначно мелиоративной семантикой. Так, например, его эмоциональное состояние характеризуется следующими эмотивами: *страдание, боль, тяжесть, мука, срам, отвращение, ненависть, ужас, злоба*. Во всех перечисленных лексико-семантических вариантах (ЛСВ) оценочный компонент ‘плохо’ становится одним из ключевых составляющих дифференциального элемента значения. Кроме того, внешний облик героя, непосредственно сопряженный с испытываемыми им чувствами, наделяется отталкивающими чертами: *надменен, ядовито насмешлив, неприступная гордость, неприятная улыбка, лицо стало страшно, сердитое лицо*. К группе лексем, включающих оценку Михаилом Ивановичем поступка дочери, роняющего князя в глазах общественности, можно отнести такие экспрессивы, как *ужасно, поморщился, всыхнул, вздрогнул всем телом, оскорблена гордость, опозорить, бесстыдная и недобрая натура, ужасное воспоминание, ужасный удар, простонал, отвратительный крик ребенка*. Использование подобных лексико-семантических вариантов непосредственно репрезентирует интенциональность Михаила Ивановича как обвиняющего.

Вместе с тем возвращение героя к прошлому, к воспоминаниям о счастливых днях, проведенных с дочерью до ее, в его понимании, предательства, показано исключительно с положительной стороны (*любимая дочь, нежно любил, любовался, гордился, радовался на нее, умилялся, милое существо*). Антонимичность используемых для оценки событий лексем подчеркивает контраст между состояниями Михаила Ивановича в ситуациях до и после предательства и тем самым обращает внимание на интенсивность влияния поступка Лизы на самолюбие отца.

В этой связи нельзя не отметить градационный характер мелиоративной оценочности лексико-семантических единиц, усиливающийся по мере приближения встречи отца и дочери. Если беседа с невесткой о судьбе Лизы вызывает в душе пассивные формы переживания (*страдание, боль*), то воспроизведение в памяти момента предательства и мысль о том, чтобы отпустить свою обиду и простить, сопряжены для героя с *ненавистью* и *злостью*, которые он, по сути, подпитывает самостоятельно («...ходил взад и вперед... **вспоминая** и прежнюю свою любовь к ней... но стоило ему **вспомнить** ‘восстановливать в сознании, в памяти события, обстоятельства, образы, относящиеся к прошлому’ [6, с. 234]...» [8, с. 291]). Обращаем внимание, что выделенная лексема представляет собой глагол в форме действительного залога, выраждающего активность лица в отношении выполняемого им действия (ср. с пассивно-качественной семантикой того же слова в форме страдательного залога *вспомниться*) [12, с. 186–190]. Таким образом, к моменту встречи непримиримость Михаила Ивановича относительно дочери доведена до апогея. Именно в этом противодействии психических состояний обнаруживается борьба самолюбия и милосердия.

Высокое чувство любви начало брать верх над отцом уже тогда, когда он, узнав, где поселилась Лиза, и проявив интерес к ее жизни, не только приехал в го-

род, в котором она остановилась, но и направился в ее квартиру, несмотря на то что «так невозможноказалось какое бы то ни было объяснение» [8, с. 297]. Следует обратить внимание, что посещение дочери князь не ставил своей непосредственной целью, он пришел к ней «по велению сердца», прогуливаясь в городском парке. Примечательна открытость пространства улицы в сравнении с пространством помещения, пусть не в полной мере, но все же соотносимая с представлениями автора о сближении человека с духовным миром на открытом воздухе. По собственному утверждению Толстого, «природа больше всего дает это высшее наслаждение жизни, забвение своей несносной натуры...» [7, с. 74].

Примечательны, кроме того, в этом отношении и слова, которыми его провождает невестка: «Если вы не захотите увидеть ее, то наверное не увидите» [8, с. 289]. Эти слова оказались пророческими, и тот факт, что, поднявшись в квартиру Лизы, князь не обнаружил там дочери, а встретился с ней как бы случайно по уходе, прямо свидетельствует о том, что сердцем он действительно желал увидеть ее, однако сам не отдавал себе в этом отчета. И именно в ситуации растерянности из-за неожиданной, на первый взгляд, встречи («Он смотрел на нее и не двигался с места. ...И не знал, что сказать и что сделать» [8, с. 297]) обнаруживается осознание князем прежней жестокости в отношении человека, с которым его связывают самые крепкие узы – узы любви. Именно здесь, когда отец, сердцем желавший воссоединения, но разумом отрицавший это, сталкивается с невозможностью оставаться холодным и жестоким по отношению к родному человеку, «нравственный инстинкт» одерживает победу, что в очередной раз подчеркивается лексическим повтором: «Он забыл теперь все, что думал о своем сраме, и ему только **жалко**, **жалко** было ее, **жалко** и за ее худобу, и за ее плохую, простую одежду, и, главное, за **жалкое** лицо ее с умоляющими о чем-то, устремленными на него глазами» [8, с. 297].

Лексический повтор как одно из ключевых средств акцентуации идейного-тематического содержания художественного произведения играет немаловажную роль и в изображении душевных терзаний Михаила Ивановича: «Все это он **вспоминал** теперь и **ходил, ходил** взад и вперед... **вспоминая** и прежнюю свою любовь к ней... Он **вспоминал** то, что говорила ему невестка, и старался представить себе, как бы он мог простить ее, но стоило ему **вспомнить...**» [8, с. 291]. Подобная передача напряженного мыслительно-чувственного процесса в сознании героя в очередной раз подчеркивает противостояние в его душе эгоистического и милосердного начал.

Изображение победы «нравственного инстинкта» над «оскорбленной гордостью» естественно сопровождается изменением и оценочной лексики с отрицательного вектора на положительный. Однако это не та же самая любовь, которую испытывал Михаил Иванович до конфликта с дочерью: это другая, более сильная любовь, направленная уже не на собственное удовлетворение (умиление, любование, гордость и т. п.), а на другого человека, на великодушие, проявляющееся в отношении к другому человеку (**жалко**), на признание своей неправоты (**виноват**, **прости**), выражение подлинных чувств (**облегчение**, **захлюпал**, **обливая слезами, комок в горле, заплакал**) в противоположность искусственности, которой характеризовалось поведение Михаила Ивановича в среде светских отношений.

Отдельного внимания заслуживают «синтаксические средства выражения эмотивной интенции» [5, с. 26], то есть синтаксическая организация тех речевых фрагментов, которыми характеризуются различные состояния Михаила Ивановича. Так, например, в те моменты, когда князь предстает перед читателем как лицо обвиняющее, им используются сложные предложения с несколькими придаточными, придающие процессу речепорождения определенную стройность, обдуманность,

преобладание разума, подчиненного оскорблению самолюбию, над нравственным чувством, например: «Теперь ничего нет для меня, кроме желания поставить ее в такое положение, чтобы она никому не была в тягость, чтобы ей не нужно было входить ни в какие сношения со мной, чтобы она могла жить своей отдельной жизнью и мы с семьей своей жизнью, не зная ее» [8, с. 288]. И, напротив, в ситуации преодоления тщеславия любовью, в ситуации нравственного порыва высказывания становятся короткими, а в их основе преимущественно оказываются простые (нередко даже односоставные) предложения: «Меня прости...» [8, с. 297]; «Что ж, тебе кормить надо...» [8, с. 298] и т. п.

В сознании героя происходит переворот: он переосмысливает свои приоритеты и уже не скрывает истинных чувств по возвращении домой: вспомним, что невестка «по его лицу» догадалась, что «что-то произошло». И несмотря на то, что финал рассказа остается открытым в связи с тем, что Михаил Иванович все еще не может принять ребенка Лизы, который стал следствием ее предательства, в его душе уже произошло «что-то», нравственное чувство уже возобладало над эгоистическими умозаключениями, и это дает надежду на полноценное духовное очищение героя.

Заключение

Таким образом, анализ языковых средств, служащих для характеристики душевных состояний героя, а также композиционная структура рассказа, основанная на контрасте, «излюбленном композиционном приёме Толстого» [4, с. 343], между психическими состояниями внутри одной личности отражают центральный конфликт между самолюбием и милосердием, составляющий идеальный стержень произведения.

Проведенное исследование подтверждает, что в позднем творчестве Толстой достигает удивительной художественной выразительности через минимализм формы и глубину содержания. Рассказ «Что я видел во сне...» представляет собой яркий пример того, как простая, на первый взгляд, история становится основанием для серьезных философских размышлений о природе человеческих отношений и возможностях нравственного преображения.

Список источников и литературы

1. Билинкис Я. С. О творчестве Л. Н. Толстого. Л.: Сов. писатель, 1959. 416 с.
2. Виноградов В. В. О языке Толстого // Литературное наследство. Т. 35–36. М.: АН СССР, 1939. С. 171.
3. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. М.: Сов. писатель, 1979. 224 с.
4. Громова-Опульская Л. Д. Позднее творчество Л. Н. Толстого // Л. Н. Толстой : сборник статей : пособие для учителя / сост. А. И. Шифман ; под общ. ред. Д. Д. Благого. М.: Учпедгиз, 1955. С. 336–367.
5. Керова А. В. Синтаксические особенности английского поэтического дискурса XIX–XX вв. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманистические науки. 2022. Вып. 5 (860). С. 24–29.
6. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Рус. язык, 1985. Т. 1: А–Й. С. 234.
7. Толстой Л. Н. Переписка с А. А. Толстой. СПб.: Толстовский музей, 1911. С. 74–132.
8. Толстой Л. Н. Что я видел во сне... // Собр. соч. : в 22 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 14. С. 286–298.
9. Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 350 с.
10. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. М.: Гослитиздат, 1947 Т. 3. С. 428.
11. Чуприна И. В. Трилогия Л. Толстого «Детство», «Отрочество» и «Юность». Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1961. 194 с.

12. Шанский Н. М., Тихонов А. Н. Современный русский язык : в 3 ч. Ч. 2: Словообразование. Морфология. М.: Просвещение, 1981. 270 с.

References

1. Bilinkis, YaS 1959, *O tvorchestve L. N. Tolstogo* (On the Leo Tolstoy's work), Sovetskiy pisatel' publ, Leningrad. (In Russ.)
2. Vinogradov, VV 1939, 'O yazyke Tolstogo' (On Tolstoy's language), *Literaturnoye nasledstvo* (Literary heritage), vols. 35–36, AN SSSR publ, Moscow, pp. 171. (In Russ.).
3. Ginzburg, LYa 1979, *O literaturnom geroye* (On the literary hero), Sovetskiy pisatel publ, Moscow. (In Russ.)
4. Gromova-Opulskaya, LD 1955, 'Pozdneye tvorchestvo L. N. Tolstogo' (The later work of L. N. Tolstoy) in *L. N. Tolstoy* (L. N. Tolstoy), ed. D.D. Blagoy, comp. A. I. Shifman, Uchpedgiz publ, Moscow, pp. 336–367. (In Russ.)
5. Kerova, AV 2022, 'Sintaksicheskiye osobennosti angliyskogo poeticheskogo diskursa XIX–XX vv.' (Syntactic Peculiarities of English Poetry in the 19th – 20th Centuries), *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* (Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities), no. 5 (860), pp. 24–29. (In Russ.)
6. Evgenyeva, AP (ed.) 1985, *Slovar russkogo yazyka: V 4-kh t* (Dictionary of the Russian language. In 4 volumes), vol. 1, Russkiy yazyk publ, Moscow. (In Russ.)
7. Tolstoy, LN 1911, *Perepiska s A. A. Tolstoy* (Correspondence with A. A. Tolstaya), Tolstovskiy muzey publ, St. Petersburg, pp. 74–132. (In Russ.)
8. Tolstoy, LN 1983. 'Chto ya videl vo sne...' (My Dream), *Sobraniye sochineniy v 22 tomakh* (Collected works in 22 volumes), vol. 14, Khudozhestvennaya literatura publ, Moscow, pp. 286–298. (In Russ.)
9. Uspenskiy, BA 2000, *Poetika kompozitsii* (Poetics of composition), Azbuka publ, St. Petersburg. (In Russ.)
10. Chernyshevskiy, NG 1947. *Polnoye sobraniye sochineniy v 15 t.* (Complete works in 15 volumes), vol. 3, Goslitizdat publ, Moscow, pp. 428. (In Russ.)
11. Chuprina, IV 1961. *Trilogiya L. Tolstogo. "Detstvo", "Otrochestvo" i "Yunost"* (The Tolstoy Trilogy. Childhood. Boyhood. Youth), Saratovskiy universitet publ, Saratov. (In Russ.)
12. Shanskiy, NM & Tikhonov, AN 1981, 'Slovoobrazovaniye. Morfologiya' (Word formation. Morphology) *Sovremennyj russkiy yazyk. V 3-kh ch* (Modern Russian language. In 3 parts), part 2, Prosveshcheniye publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 11.06.2025
Одобрена после рецензирования: 05.11.2025
Принята к публикации: 05.11.2025

The article was submitted: 11.06.2025
Approved after reviewing: 05.11.2025
Accepted for publication: 05.11.2025

Научная статья

УДК 930'272

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-196-207>

ПОЭТИКА И СТИЛЬ ТРИЛОГИИ ЛЬВА ТОЛСТОГО «ДЕТСТВО», «ОТРОЧЕСТВО», «ЮНОСТЬ» (ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ)

Дмитрий Анатольевич
Романов¹

Дмитрий Сергеевич
Серёгин²

^{1,2} Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого

Тула, Россия

¹ kafrus@rambler.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-9650-3408>

² seregynpro@mail.ru

² <https://orcid.org/0009-0002-1670-6983>

Аннотация. В статье исследуется история замысла трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность» в контексте литературного опыта молодого Толстого. Рассматривается идейное содержание, стиль и отдельные поэтические приемы, создавшие оригинальный и неповторимый художественный результат. Биографическая трилогия является средоточием творческих исканий Льва Толстого середины и второй половины 1850-х гг. В процессе ее написания Толстой впервые развернуто и в новой литературной технике «диалектики души» оформил свои размышления о важнейших духовных началах человеческого существования, о смысле жизни, об эволюции личности.

В работе рассматриваются литературные источники, которые вдохновляли писателя при создании его первых крупных эпических произведений. Содержательная близость текстов молодого Толстого к произведениям классиков сентиментализма выражается в стремлении показать жизнь такой, какая она есть, во всей ее «прозаической поэтичности», ставя такой принцип в противовес романтическим условностям, популярным в литературе первой трети XIX века. Синтез идейных и художественных концепций Л. Стерна, Р. Тёпфера, Ж.-Ж. Руссо и Н. М. Карамзина формирует абсолютно уникальную стилистику толстовской трилогии.

«Детство», «Отрочество», «Юность» являются не только автобиографическими произведениями, но и представляют собой своеобразный творческий синтез влияний классиков позднего Просвещения и сентиментализма, заключающийся в переосмыслении их идей, художественных подходов к воплощению действительности, поэтики. Моральная концепция Толстого уже в ранние годы базируется на приоритете духовного начала. Писатель безоговорочно признаёт ценность и важность самого человеческого бытия как такового. Детство, по мнению Льва Толстого, является этапом духовного пробуждения и источником нравственной чистоты, которая должна сопровождать человека на протяжении всей жизни. Этим обусловлена свободная композиция одноименной повести, отбор языковых и лингвистических средств воплощения сознания главного героя.

Толстовская трилогия обогащена оригинальной нарративной схемой, в которой каждый эпизод представлен с двойной точки зрения – маленькой Николеньки Иртеньева и уже зрелого рассказчика. Первый фиксирует непосредственные впечатления от события, тогда как второй, глядя из хронологического и психовозрастного отдаления, осмысливает, как оно повлияло на становление личности героя в дальнейшем.

Ключевые слова: лингвостилистика, лингвопоэтика, текст, жанр, идиостиль, психологизм, композиция, трилогия, сентиментализм.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 25-28-20226 «Контексты биографической трилогии Л. Н. Толстого: XXI век».

Для цитирования: Романов Д. А., Серёгин Д. С. Поэтика и стиль трилогии льва толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» (литературный контекст) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 3 (23). С. 196–207. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-196-207>

Сведения об авторах: Д. А. Романов – доктор филологических наук, профессор, руководитель Центра русского языка и региональных лингвистических исследований, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 125; Д. С. Серёгин – аспирант кафедры русского языка и литературы, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 125.

© Романов Д. А., Серёгин Д. С., 2025

Scientific Article

UDC 930'272

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-196-207>

THE POETICS AND STYLE OF LEO TOLSTOY'S TRILOGY *CHILDHOOD, BOYHOOD, YOUTH (LITERARY CONTEXT)*

Dmitry A. Romanov ¹

Dmitry S. Seregin ²

^{1, 2} Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Tula, Russia

¹ kafrus@rambler.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-9650-3408>

² seregynpro@mail.ru

² <https://orcid.org/0009-0002-1670-6983>

Abstract. The article examines the history of the trilogy *Childhood, Boyhood, Youth* idea in the context of young Tolstoy's literary experience. The article considers the ideological content, style and individual poetic techniques that have created an original and inimitable artistic result. The biographical trilogy is the focus of Leo Tolstoy's creative pursuits in the middle and second half of the 1850s. In the process of writing it, Tolstoy for the first time developed and formulated his reflections on the most important spiritual principles of human existence, on the meaning of life, and on the evolution of personality in the new literary technique of soul dialectics. The paper examines the literary sources that inspired the writer when creating his first major epic works. The texts of the young Tolstoy are meaningfully close to the works of the sentimental, showing life as it is, in all its prosaic poetry as opposed to the romantic conventions popular in the literature of the first third of the 19th century. Synthesis of ideological and artistic concepts by L. Sterne, R. Toepffer, J.-J. Rousseau and N. M. Karamzin form an absolutely unique style of Tolstoy's trilogy. *Childhood, Boyhood, Youth* is not only autobiographical work, but also a kind of creative synthesis of the influences of the late Enlightenment classics and sentimentalism, consisting in rethinking their ideas, artistic approaches to the embodiment of reality, and poetics. Already in the early years, the priority of the spiritual principle was the basis of Tolstoy's moral concept. The writer unconditionally recognizes the value and importance of human existence itself. Childhood, according to Leo Tolstoy, is a stage of spiritual awakening and a source of moral purity that should accompany a person throughout life. This determines the novel of the same name free composition, the selection of linguistic and stylistic means of embodying the protagonist's consciousness. Tolstoy's trilogy has an original narrative scheme: the reader sees each episode both from the point of view of little Nikolenka Irtenyev and the already mature narrator. In the first age period, the character captures the immediate impressions of the event, while the second one, with hindsight he comprehends how it influenced the formation of his personality.

Keywords: linguistics, linguopoetics, text, genre, individual style, psychologism, composition, trilogy, sentimentalism.

Acknowledgments: The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation Grant No. 25-28-20226 "Contexts of the biographical trilogy of L. N. Tolstoy: the 21st century".

For citation: Romanov, DA & Seregin, DS 2025, 'The Poetics and Style of Leo Tolstoy's Trilogy *Childhood, Boyhood, Youth (Literary Context)*', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (23), pp. 196–207, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-196-207> (in Russ.)

Information about the Authors: Dmitry A. Romanov – Doctor of Science (Philology), Professor, Head of the Center for the Russian Language and Regional Linguistic Studies, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia;

Dmitry S. Seregin – Postgraduate Student of the Department of Russian Language and Literature, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Введение

Замысел романа «Четыре эпохи развития» (первоначальное рабочее название будущей трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность») являлся, по существу, первым целостным и объемным литературным замыслом Льва Толстого, о чём писали уже не раз (см., например: [2], [3, с. 17–20], [6, с. 25–26]). Возникнув летом 1851 года на Кавказе, он заслонил собою известные по дневниковым заметкам сюжеты и планы («Повести из цыганского быта», «Жизнь Т. А.») и стал средоточием идейных и творческих исканий молодого Толстого [8, с. 56].

В тишине и уединённости кавказской казачьей станицы свободный от рутинных обязанностей службы и светских тягот, Лев Толстой упорно и много думал о своей богатой событиями, хотя и не слишком протяженной жизни (23 года) [15, с. 34].

Незабытые детские поэтические впечатления и вопросы этой жизни, с которыми столкнулся он в юности, наполнили его труд особенным смыслом. «Зачем писал я их? Я вам верного отчёта дать не могу, – говорил Толстой на первой странице «Четырех эпох развития». – Приятно мне было набросать картины, которые так поэтически рисуют воспоминания детства. Интересно было мне просмотреть своё развитие, главное же, хотелось мне найти в отпечатке своей жизни одно какое-нибудь начало – стремление, которое бы руководило меня...» [13, т. 1, с. 103].

Необыкновенно глубоко и точно очерчена здесь всегдашая задача Льва Толстого: поиски корней и начал человеческого бытия, создание отпечатка жизни.

Однако мало кто задумывается о том, какие литературные источники вдохновляли молодого Толстого при создании его автобиографических произведений. Следуя подробному дневнику, который Лев Толстой начал вести с 19 лет, мы можем проследить цепочку внешних и внутренних событий, масштабных влияний идей, выдающихся личностей, книг, сформировавших его мировоззрение и художественный метод. [5, с. 172–173].

Результаты

Решающее значение в определении стиля трилогии имело «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» Лоренса Стерна (1768 г.). Толстой был буквально очарован этим произведением, восхищаясь не только его содержанием, но и манерой повествования [3, с. 258]. Именно Стерн подарил молодому писателю идею отказа от сквозного, линейного сюжета в пользу множества небольших, самодостаточных зарисовок, словно подсмотренных «из окна» повседневной жизни [1, с. 47]. Толстой, прочитав изданную «Современником» первую повесть своей трилогии, названную Некрасовым-редактором «История моего детства», весьма точно, но чрезмерно самокритично заметил: «Для того, чтобы не повторяться в описании детства, я перечел мое писание под этим заглавием и пожалел о том, что написал это: так это нехорошо, литературно, неискренно написано. Оно и не могло быть иначе: во-первых, потому, что замысел мой был описать историю не своего, а моих приятелей детства. И оттого вышло нескладное смешение событий их и моего детства, а во-вторых, потому, что во время писания этого я был далеко не самостоятелен в формах выражения, а находился под влиянием сильно подействовавших на меня тогда двух писателей Stern'a (его «Sentimental journaeu») и Töpfer'a («Bibliothéque de mon oncle»)» [13, т. 34, с. 348].

Стерн вдохновлял Толстого и своими идеями, и новаторской литературной формой их представления. Писатель не раз использовал буквальные и аллюзивные цитаты из Стерна в своих художественных произведениях разных периодов творчества: высокая оценка молодости оказалась прочной и долговечной. Так, в повести «Детство» Лев Николаевич неоднократно обращался к идеям, сходным с теми, которыми наполнено «Сентиментальное путешествие».

Во второй редакции «Отрочества» Толстой начал главу «Девичья» эпиграфом из «Сентиментального путешествия»: «If nature has so vowed her web of kindness that some threads of love and desire are entangled in one piece; must the all piece be rent out in drawing them out» [13, т. 2, с. 366] («Если природа так тесно переплела нити любви и желания, что их невозможно разделить, нужно ли рвать все полотно, чтобы отделить их друг от друга»).

Еще один яркий пример – сущность размышлений и исканий Пьера Безухова, напряженно думавшего после очередного неудавшегося жизненного начинания: «...А вдруг ничего нет за этой жизнью? Что значит моя жизнь? Зачем я живу? Чего хочу достигнуть?...» [13, т. 11, с. 347] – и вновь принимавшегося за поиски. Это вполне в духе знаменитой мысли Стерна из его великой книги «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (1767 г.): «What a large volume of adventures may be grasped within this little span of life by him who interests his heart in everything!» [10, 134] («Сколько можно успеть за эту короткую жизнь, если быть открытым новому и всем интересоваться»). В целом жизненную линию Пьера в «Войне и мире» нередко сравнивают с судьбой Уинстона Джайлза из «Тристрама Шенди», – это два сходных пути в первую очередь духовного поиска.

В романе «Воскресение», в поздних повестях и рассказах Толстого герои приходят к идеи о божественном промысле, который их ведет по жизни, о предначертанности мыслей и поступков божьей волей. Эта идея близка утверждению Стерна, высказанному в одном из писем Тристрама Шенди: «I am no lover of my own ideas – they are not mine, but God's» [10, с. 473] («Я не слишком большой любитель своих идей, но в общем все они от Бога»). Таким образом, литературное влияние Стерна ощущается во многих текстах Толстого и просвечивает в образах различных героев, созданных писателем.

Влияние Стерна на молодого Толстого было настолько сильным, что он в 1850-е гг. даже начал переводить «Сентиментальное путешествие», однако не завершил работу, решив воплотить обретенные у Стерна идеи, художественные принципы и стилистические решения в собственном творчестве. Под влиянием Стерна были написаны самые ранние произведения Толстого, такие как «История вчерашнего дня» и наброски цикла «Четыре эпохи развития» [6, с. 72].

В связи со сказанным нужно упомянуть, что первые переводы произведений Стерна на русский язык появились в 70-е гг. XVIII в. В 1801 г. в Москве вышла книга Петра Чичагова «Нравоучительные речи и некоторые нравственные мнения г. Стерна...». Эту работу, содержащую извлечения из произведений английского писателя, переводчик посвятил «Его Высокопревосходительству Гавриилу Романовичу Державину». Н. М. Карамзин также осуществил перевод фрагментов из романов «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» и «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии». Это стало важным этапом знакомства русской публики с западной литературой сентименталистской направленности и способствовало формированию интереса к новым жанрам и стилям письма, характерным для европейской художественной традиции рубежа XVIII–XIX столетий.

Толстой был хорошо знаком с творчеством Карамзина и его переводами, включая знаменитый перевод фрагментов из «Сентиментального путешествия». Но погружение Толстого в стерновские мысли, образы и стилистику произошло не столько через их русские переводы и даже не столько благодаря английским первоисточникам, которые Толстой мог свободно достать и прочитать, сколько через общую атмосферу русской литературы конца 40-х гг. XIX в., в которой было весьма заметно влияние европейского сентиментализма. Многие русские повести и романы, предшествовавшие «Детству», уже были насыщены глубокими внутренними переживаниями, эмоциями и подробным описанием впечатлений героев. Этико-

психологическое направление, созданное Карамзиным, Жуковским и их последователями по западным образцам, хотя и переживало период заката, но было еще достаточно сильно [5, с. 171–187].

В дневниковых записях Толстого (особенно начала 1850-х гг., но также и гораздо позднее: например, 1909 г.) мы найдем многочисленные упоминания Стерна. Толстой не только с восхищением читает его произведения, но и выписывает поразившие его чем-то места: иногда в подлиннике, иногда во французском переводе. По нашим подсчетам, в дневниках 1850–1851 гг. содержится четыре обширные цитаты Стерна: [13, т. 46, с. 78–79, 82, 110, 487]. Толстой, в частности, приводит такие слова английского писателя: «*La conversation est un trafic; et si l'on l'entreprend sans fonds, la balance penche et le commerce tombe*» [13, т. 46, с. 487] («Разговор есть торговая сделка, и если предпринять его без достаточного основного капитала, то баланс не сходится и торговое дело рушится»). А в дневнике 1909 г. он пишет про «огромный талант рассказывать и умно болтать» своего «любимого писателя Стерна» [13, т. 57, с. 194].

В ранних сочинениях Толстого влияние Стерна проявляется во внешних приемах, таких как свобода, даже некоторая «хаотичность» композиции, усложненный синтаксис, отступления и разговоры с читателем. Однако более важна содержательная близость молодого Толстого к Стерну, выражаяющаяся в стремлении показать жизнь как она есть, во всей ее «прозаической поэтичности» (в противовес романтическим условностям, популярным в литературе первой трети XIX в.). Позднее Толстой освобождается от непосредственного стилистического влияния Стерна и приходит к собственным художественным принципам.

Своебразное «калейдоскопическое» повествование стало особой оппозиционной чертой биографической трилогии Толстого, придав ей неповторимый художественный колорит и глубокую правдивость. Схожий подход к повествованию Толстой нашел в книге Рудольфа Тёпфера «Библиотека моего дяди» (1832 г.). Текст первого перевода этого произведения на русский язык был опубликован в журнале «Отечественные записки» (№ 11–12 за 1848 год). Перевод был сделан анонимным автором не с оригинального немецкого текста, а с французского («*La bibliothèque de mon oncle*»), как это часто бывало в то время, и имел большой успех, чего не мог не знать Толстой. Он, очевидно, был хорошо знаком не только с женевским оригиналом романа Тёпфера и его французским аналогом, но и с обретшим популярность в конце 1840-х гг. русским переводом.

Подход Тёпфера к литературному изложению событий укрепил решение Толстого отказаться от сложных сюжетных построений в пользу детального, задушевного описания жизни, наполненного деталями, которые создают ощущение доверительной беседы с читателем. Такая особенность организации повествования показывает, как в обыденных, незначительных, на первый взгляд, бытовых «сценках», можно воплотить глубокий смысл и с их помощью создать атмосферу человеческого единения и взаимопонимания.

Интерес к творчеству Тёпфера (в первую очередь ученого и педагога, а затем уже писателя) обусловлен принципиальной антиромантической позицией Толстого, проявившейся еще до начала работы над «Детством». Толстого привлекли стилистические и интонационные особенности «Библиотеки моего дяди», произведения, дистанцирующегося от романтизма и стремящегося к стилистике сентиментализма конца XVIII в. Это выражалось в упрощении стиля, естественности тона, отсутствии аффектации и лиричности повествования от лица наивного, но чувствительного человека. Вот образец тёпферовского стиля: «Увы! Я давно уже вернулся на землю и шагаю по дороге жизни под строгим надзором здравого смысла и холодного рас- судка; но никто из этих непреклонных наставников не подарил мне ни одного мгно-

вения, которое можно было бы сравнить с восхитительными волнениями прошлого. Зачем они так быстротечны, зачем нельзя их вернуть?» [11, с. 104].

В «Детстве» имеется не один сходный по языковому оформлению фрагмент. Например: «Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений. Неужели жизнь оставила такие тяжёлые следы в моём сердце, что навеки отошли от меня слёзы и восторги эти? Неужели остались одни воспоминания?» [12, с. 70].

Выбор жанра также имел значение для Толстого, поскольку определял композицию, тип главного действующего лица, систему персонажей, характер сюжета и тематику произведения. «Библиотека моего дяди» представляет собой трилогию, охватывающую отрочество, юность и молодость героя. Это характерно (с незначительными временными сдвигами) и для биографической трилогии Толстого. Душевные терзания и переживания, тонкости внутреннего мира ребенка интересовали Тёпфера и Толстого в первую очередь. Мы уже упоминали, что в журнале «Современник» (№ 9, 1852 г.) первая часть трилогии Толстого была опубликована с измененным названием – «История моего детства». Это глубоко возмутило автора, ведь отредактированное название полностью противоречило его замыслу. Толстой хотел привлечь внимание читателя не к истории своего детства, а к становлению личности, взрослению человека вообще. Желание показать все мельчайшие душевые переживания ребенка в процессе взросления было первостепенным для Льва Николаевича, в чем он, несомненно, сначала шел за Тёпфером, но затем поднялся на почти недосягаемую высоту (его «диалектика души» открыла новый этап развития мировой литературы).

Однако, пожалуй, самое значительное влияние на формирование мировоззрения и художественного метода Толстого в биографической трилогии оказала «Исповедь» Жан-Жака Руссо (1770 г.). Эта книга на долгие годы стала для него настольной, заставляя задумываться о нравственном развитии личности, рациональном осмыслении собственного жизненного опыта, этических и эстетических принципах [7, с. 45–46]. «Исповедь» наложила отпечаток на глубокую психологическую проработку образов, на поиски истины, которые пронизывают все части трилогии Толстого.

На Кавказе в 1852 году, когда будущий классик трудился над своей первой крупной повестью «Детство», имя французского философа и писателя становится едва ли не постоянным спутником его творческого процесса. Это не просто мимолетное увлечение: дневниковые записи Толстого наглядно демонстрируют глубину и значимость этого влияния. Фраза «Писал «Детство», читал Руссо» – лаконичная, но красноречивая – раскрывает перед нами картину творческого процесса писателя (цитата из дневника Л. Н. Толстого 1852 года, периода работы над «Детством» [13, т. 46, с. 127]).

«Исповедь» Руссо действительно была важным источником вдохновения для Толстого в годы формирования его творческого метода. Толстой заимствовал у Руссо приемы подробного изучения психологии персонажа, предельного внимания к внутренним конфликтам, эмоциям и мотивам поступков героев. Как и у Руссо, центральное место в повести «Детство» занимает представление сознания главного героя Николеньки Иртеньева, детальное описание его переживаний, размышлений и сомнений. Ключевое сходство между двумя авторами заключается в стремлении показать внутренний мир героя с максимальной достоверностью и психологической глубиной. Сам Толстой говорил о влиянии Руссо следующим образом: «Вся моя любовь к литературе началась с чтения Руссо. Я почувствовал, что литература должна говорить правду, показывать душу человека» [13, т. 1, с. 221].

Толстой берет на вооружение психологический анализ, широко используемый Руссо. Метод рефлексии активно применяется обоими авторами. Руссо пишет: «*Ma tête s'égarait dans ces rêveries que je goûtais avec délices*» («Моя голова блуждала в мечтах, которыми я наслаждался с восторгом»). И далее признается: «*J'éprouvais à cet instant-là une douce tristesse qui emplissait mon cœur d'une inexprimable langueur*» («В этот момент я испытывал приятную грусть, наполняющую моё сердце невыразимой тягостью») [9, с. 647].

Такой же подход мы видим у Толстого, когда он, например, рассказывает о восприятии Николенькой истории жизни Карла Ивановича: «Чувствуя себя каким-то посторонним человеком в чужой семье, я испытывал странное волнение, вызванное смесью страха и интереса» [12, с. 157].

Осознание важности самых ранних воспоминаний человека в «Исповеди» Руссо и «Детстве» Толстого тоже представлено идентично. Руссо называет их решающими для формирования личности взрослого: «*L'enfance est le moment où notre âme commence à se former, quand nos premières impressions impriment leur marque indélébile sur nous*» («Детство – это момент, когда наша душа начинает формироваться, когда наши первые впечатления оставляют неизгладимые отпечатки на нас» [9, с. 352]).

Примерно так же рассуждает и Толстой, представляя воспоминания героя о давно умершей матери, которые сопровождали его всю жизнь: «Я любил свою мать и нежно чувствовал эту любовь. Мне казалось, что я ясно вижу черты её лица, слышу её голос, вижу её глаза... Эти представления долго оставались неизменными...» [12, с. 56].

Вечные вопросы о цели жизни и назначение человека становятся предметом размышлений обоих авторов. Вот цитата Руссо: «*Que suis-je au monde? Pourquoi suis-je ici? Quelle est ma place?*» («Кто я в этом мире? Зачем я здесь? Каково мое место?») [9, с. 213]). Аналогичные вопросы возникают и у героя Толстого, пытающегося понять свое место в жизни.

Оба автора осуждали многие привычные для их современников социальные нормы и правила, считавшиеся бесспорными. Руссо критикует систему школьного воспитания: «*Le système scolaire actuel n'est qu'un mécanisme qui tue la spontanéité naturelle de l'enfant*». («Современная школьная система – это механизм, убивающий природную свободу ребёнка») [9, с. 347]).

Такая же мысль звучит и у Толстого, осуждающего жесткие методы педагогов: «Наказания были необходимы, думали наши воспитатели, и поэтому нам доставалось много розог и ремней, но пользы никакой от этого не выходило» [12, с. 36].

Тесная идеальная и стилистическая связь «Исповеди» Руссо и «Детства» Толстого несомненна и может быть проиллюстрирована еще большим количеством конкретных примеров. Однако важно подчеркнуть, что Толстой не просто копирует Руссо. Он значительно трансформирует сам фокус наблюдения великого француза за человеком, за ребенком. Его подход психологически «более глубок и более реалистичен, чем у Руссо» [15, с. 48]. «Детство» отличается тончайшим анализом внутреннего мира героя, свободной, но глубоко продуманной композицией, зрелым пониманием человеческой природы. Наконец, «Детство» – это настоящеэхудожественное произведение, созданное с учетом эстетических законов восприятия литературы, в то время как «Исповедь» является текстом скорее философским, гуманитарно-публицистическим, призванным в первую очередь возбуждать мысль, а не производить художественное впечатление [7, с. 291].

Влияние Руссо на молодого Толстого, особенно во время работы над «Детством», является фактом, подтвержденным самим автором. Это влияние не означает простого подражания, а представляет собой плодотворный диалог с классиком Про-

свещения, результатом которого стало создание одного из самых значительных произведений русской литературы. Изучение этого влияния позволяет нам лучше понять творческий путь Толстого и его художественные принципы.

Обсуждение результатов

Нельзя не отметить заметную преемственность стиля биографической трилогии Толстого по отношению к незавершенному роману Н. М. Карамзина «Рыцарь нашего времени». Основой этой преемственности служит тот же Лоренс Стерн, любимый и Карамзиным, и Толстым. Карамзина, как известно, нередко называли русским Стерном. Таким образом, стилистическая перекличка биографических повествований Стерна, Карамзина и Толстого вполне закономерна. Вместе с тем параллель Карамзин – Толстой нуждается в специальных комментариях.

Николай Карамзин и Лев Толстой – фигуры, разделенные не только хронологической дистанцией (Толстой – писатель середины XIX – начала XX в.; Николай Карамзин – автор конца XVIII – начала XIX в.), но и принципиально разным подходом к изображению мира. В «Рыцаре нашего времени» детство героя показано как отдельный, самодостаточный период. Автор акцентирует внимание на ранних годах Леона, не соотнося их с дальнейшей биографией. Детский мир у Карамзина сознательно обособлен: его хронотопические рамки замкнуты и отделены от внешней реальности. Описывая луг, Волгу, Свиягу и маленькую деревню, автор воспроизводит тесный идиллический локус, лишенный конкретных черт действительности. Отказываясь от детализации, Карамзин сравнивает детство с «прекрасным лужком», заслуживающим лишь краткого представления, а не полного «развертывания». Внезапно обрывающееся повествование не направлено на воплощение реалистической «логической структуры», поскольку читатель не понимает, как детские переживания героя отразятся на его зрелой жизни и произойдет ли это вообще. Карамзин (правда, с большим мастерством и весьма патетически) лишь «выхватывает» отдельный и изолированный, в его изображении, идиллический, лучший период человеческой жизни.

В «Детстве» Толстого имплицитно противопоставлены два типа сознания – детское и взрослое. Это противостояние прослеживается на всех уровнях композиции: отстранённая автонаррация героя, воспринимающего мир иначе, чем взрослый рассказчик, и эпизоды, построенные на конфликте детского и зрелого восприятия событий. Представление о «счастливом детстве» в трилогии Толстого связано с его собственным опытом и глубокими философскими размышлениями о роли детства в судьбе человека в целом. Писатель стремится показать, что детство – это фундаментальная основа дальнейшей жизни, определяющая будущее мировосприятие и отношение к окружающим людям.

Толстой детально раскрывает внутренний мир героев, в то время как Карамзин лишь намечает его, т. е. Толстой развивает и совершенствует художественные открытия Карамзина. Карамзин придерживается традиционной манеры повествования, почти не нарушаемой отступлениями и комментариями, концентрируясь исключительно на самом событии и минимально вмешиваясь в действие комментариями, личными замечаниями.

Толстой сочетает разнообразные способы подачи материала, включая дневниковые записи, обращения к читателю, проспекции и ретроспекции. В его текстах со пряжены, как указано выше, сознание взрослого и сознание ребенка, чего, конечно, не могло быть у Карамзина: «Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, воззывают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений» [12, с. 53].

Таким образом, различия между Толстым и Карамзиным проявляются в переходе от простого изображения переживаний к глубокому исследованию обществен-

ной жизни и психологии человека. Толстой ввел в литературу более совершенные приемы описания чувств. Он взял на вооружение стремление к достоверности психологического портрета, присущее Карамзину, но развил его до уровня глубокого психологического реализма. Он использует более тонкий инструментарий – внутренний монолог, поток сознания, детализированное описание мелочей, которые в совокупности дают цельное представление о внутреннем мире Николеньки Иртеньева.

В отличие от Карамзина, чье описание детства носит скорее эпизодический характер, Толстой создает полноценную психологическую картину становления личности. Читатель не просто наблюдает за событиями детской жизни, но проживает их вместе с героем, погружаясь в мир его чувств и переживаний. Это достигается благодаря мастерскому владению языком, умению передать тончайшие оттенки эмоций и мыслей, а также благодаря реалистичному изображению окружающей среды.

Истинное мастерство речи Толстого проявляется в скрупулезном и точном воспроизведении нюансов. В тексте автор уделяет внимание мелочам: жуку, ползущему по травянистому стеблю, бабочке на клевере, фырканью коней, тиканью часов, родинке на правой щеке, запаху полыни, конского пота или сала от немытых волос: «От этих интересных наблюдений я был отвлечен бабочкой с желтыми крыльшками, которая чрезвычайно заманчиво вилась передо мною. Как только я обратил на нее внимание, она отлетела от меня шага на два, повисла над почти увядшим белым цветком дикого клевера и села на него. Не знаю, солнышко ли ее пригрело, или она брала сок из этой травки, - только видно было, что ей очень хорошо. Она изредка взмахивала крыльшками и прижималась к цветку, наконец, совсем замерла. Я положил голову на обе руки и с удовольствием смотрел на нее» [12, с. 50].

«Детство» Толстого – это не просто продолжение линии, начатой Карамзиным. Это качественный скачок в развитии психологического реализма в русской литературе. Толстой, взяв за основу инновации Карамзина в области изображения чувств, значительно расширил и углубил эту традицию, стремясь к передаче глубины человеческих чувств и нравственных поисков героев.

Трилогия Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» формирует позитивный взгляд на детство, вызывая симпатию и восхищение простыми радостями жизни. Создавая образ счастливого детства, Толстой призывает читателя задуматься о собственном прошлом и обратить внимание на нужды и потребности современных детей. Толстой убежден, что детство оказывает мощное влияние на дальнейшую судьбу человека. В последовательности такой интерпретации Толстой – безусловный новатор по сравнению со всеми близкими ему литераторами прошлого, о которых говорилось выше.

Рассмотрим, как это отражается в биографической трилогии писателя.

Толстой не просто фиксирует отдельные проявления личности главного героя, а показывает закономерности формирования его мировоззрения: Николенька Иртеньев осознает первые основополагающие понятия в детстве. Толстой пишет: «Какое время может быть лучше того, когда две лучшие добродетели – невинная веселость и беспредельная потребность любви были единственными побуждениями в жизни?» [4, с. 78]. Именно в детском возрасте формируется понимание добра и зла, гармонии и любви, веры и сострадания как законов мироустройства, что станет основой нравственных поисков Николеньки в будущем.

Процесс взросления, в изображении Толстого, сопровождается испытаниями, которые закаляют характер. Николенька-отрок решает больше никогда не делать ничего дурного и не тратить времени впустую: «...Я решился снова писать правила жизни и твердо был убежден, что я уже никогда не буду делать ничего дурного, ни

одной минуты не проведу праздно и никогда не изменю своим правилам» [12, с. 155]. Эти выводы закладывают в его личность черты, так необходимые любому взрослому человеку.

Ранние переживания, по Толстому, закрепляют у человека четкую шкалу ценностей. Так, эпизоды насмешек над Иленькой не проходят для Николеньки бесследно: «...Я решительно не могу объяснить себе жестокости своего поступка [из-за издевательств над Иленькой Грапом]. Как я не подошёл к нему, не защитил и не утешил его? Куда девалось чувство сострадания, заставлявшее меня, бывало, плакать навзрыд при виде выброшенного из гнезда галчонка или щенка, которого несут, чтобы кинуть за забор, или курицы, которую несёт поваренок для супа? Неужели это прекрасное чувство было заглушено во мне любовью к Сереже и желанием казаться перед ним таким же молодцом, как и он сам? Незавидные же были эти любовь и желание казаться молодцом! Они произвели единственные тёмные пятна на страницах моих детских воспоминаний» [12, с. 92].

Взаимоотношения с разными слоями общества определяют социальные взгляды героя на всю жизнь. Уже взрослым он вспоминает слова Катеньки о имущественном неравенстве и свое осмысление этих слов: «Вы богаты – мы бедны: эти слова и понятия, связанные с ними, показались мне необыкновенно странны. Бедными по моим тогдашим понятиям могли быть только нищие и мужики, и это понятие бедности я никак не мог соединить в своем воображении с грациозной, хорошенькой Катей» [12, с. 249]. Николенька выстраивает свои представления о справедливости и равенстве в детские и отроческие годы.

Заключение

Таким образом, «Детство», «Отрочество», «Юность» – это не просто автобиографические произведения, но и своеобразный синтез влияний классиков Просвещения, сентиментализма, раннего реализма, заключающийся в переосмыслинии их идей (преимущественно этических) и поэтики. Суть моральной концепции Толстого – приоритет духовного начала. По Толстому, чтобы жить достойно, человек с ранних лет обязан «переживать и сопереживать». Высокая поэтическая идея биографической трилогии воплощает безоговорочное признание Толстым ценности и важности человеческого бытия [4, с. 347].

Писатель призывает смотреть на детство как на удивительный этап жизни, когда человек обладает особой чистотой, искренностью и открытостью миру. В детстве человек воспринимает окружающее без предвзятости и с искренним интересом, что делает его особенно чувствительным к духовным аспектам жизни. По мнению Толстого, именно в этом возрасте закладываются основы нравственности и духовных ценностей, которые впоследствии могут быть исажены или утрачены под влиянием социальных условностей.

Толстой считает, что для духовного развития взрослому человеку важно возвращаться к состоянию внутренней простоты и искренности, присущему детству. Взрослый человек должен искать истину в своей внутренней природе, в простых и естественных чувствах. В этом контексте детство становится образцом для подражания – временем, когда человек способен воспринимать мир и себя самого без лукавства и лицемерия.

Толстой видит в детстве не только источник нравственной чистоты, но и этап, когда происходит духовное пробуждение. Именно в детстве человек впервые сталкивается с вопросами смысла жизни, добра и зла, справедливости. Эти вопросы закладывают основу для дальнейшего духовного поиска. Взрослый человек, по Толстому, должен сохранять в себе ту же искренность и стремление к истине, которые присущи детям.

Синтез художественных концепций Стерна, Тёпфера, Руссо, Карамзина формирует уникальную атмосферу и своеобразную «поэтическую физиономию» [14, с. 134] толстовской трилогии. Она обогащена открытием самого Толстого – оригинальной нарративной схемой, когда каждый эпизод подан с двойной точки зрения – маленькой Николеньки и уже зрелого рассказчика. Первый фиксирует непосредственные впечатления от события, тогда как второй, глядя из хронологического и психовозрастного отдаления, осмысливает, как оно повлияло на формирование личности.

Список источников и литературы

1. Гриценко И. Д. Из наблюдений над языком повести Л. Н. Толстого «Детство» // Учёные записки Кишиневского университета. 1960. Т. 51. С. 47–55.
2. Громов М. П. Первый роман Льва Толстого. (К истории замысла) // Учёные записки Таганрогского государственного педагогического института. 1956. Вып. 1. С. 131–144.
3. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой : материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М.: АН СССР, 1954. 720 с.
4. Дергунова Н. Г. Проблема нравственного формирования личности в повести Л. Н. Толстого «Детство» // Проблемы взаимодействия духовного и светского образования: История и современность. Н. Новгород: Нижегород. гуманит. центр, 2004. С. 347–353.
5. Кузьмичев И. К. «Детство» и его литературная предыстория. К 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого // Волга. 1978. № 8. С. 171–187.
6. Купреянова Е. Н. Молодой Толстой. Тула: Кн. изд-во, 1956. 216 с.
7. Купреянова Е. Н. Эстетика Л. Н. Толстого. М.; Л.: Наука, 1966. 324 с.
8. Опульская Л. Д. Некоторые вопросы изучения Л. Толстого // Вопросы литературы, 1958. № 9. С. 56–63.
9. Руссо Ж. Ж. Исповедь. М.: Эксмо, 2011. 910 с.
10. Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. М.: Худож. лит., 1978. 672 с.
11. Тёпфер Р. О прекрасном в искусстве. Размышления и заметки женевского художника. СПб.: Огни, 1913. 104 с.
12. Толстой Л. Н. Детство. Отчество. Юность. М.: Альпина Паблишер, 2023. 368 с.
13. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М.: ГИХЛ, 1928–1958.
14. Цирулев А. Ф. Симбиоз «поэтического» и этического начал в автобиографической трилогии Л. Н. Толстого // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, вып. 4. С. 132–148.
15. Эйхенбаум Б. М. Молодой Толстой // О литературе. Работы разных лет. М.: Сов. писатель, 1987. 156 с.

References

1. Gritsenko, ID 1960, ‘Iz nablyudeniy nad yazykom povesti L. N. Tolstogo «Detstvo»’ (From observations on the language of Leo Tolstoy’s novella ‘Childhood’), *Uchenyye zapiski Kishinevskogo universiteta* (Scientific Notes of Kishinev University), vol. 51, pp. 47–55. (In Russ.)
2. Gromov, MP 1956, ‘Pervyy roman Lva Tolstogo. (K istorii zamysla)’ (The first novel by Leo Tolstoy. On the history of the idea), *Uchyonyye zapiski Taganrogskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* (Scientific Notes of the Taganrog State Pedagogical Institute), vol. 1, pp. 131–144. (In Russ.)
3. Gusev, NN 1954, *Lev Nikolayevich Tolstoy. Materialy k biografii. S 1828 po 1855 god* (Lev Nikolayevich Tolstoy. Materials for the biography. From 1828 to 1855), AN SSSR publ, Moscow. (In Russ.)
4. Dergunova, NG 2004, ‘Problema nrvastvennogo formirovaniya lichnosti v povesti L. N. Tolstogo «Detstvo»’ (The problem of moral formation of personality in L. N. Tolstoy’s novella

- ‘Childhood’), *Problemy vzaimodeystviya duchovnogo i svetskogo obrazovaniya: Istoriya i sovremennoст* (Problems of interaction between spiritual and secular education: History and modernity), Nizhegorod. gumanit. Tsentr publ, N. Novgorod, pp. 347–353. (In Russ.)
5. Kuzmichev, IK 1978, ‘Detstvo’ i yego literaturnaya predistoriya. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya L. N. Tolstogo’ (‘Childhood’ and its literary background. On the 150th anniversary of the birth of Leo Tolstoy), *Volga* (Volga), no. 8, pp. 171–187. (In Russ.)
6. Kupreyanova, EN 1956, *Molodoy Tolstoy* (Young Tolstoy), Kn. izd-vo publ. (In Russ.)
7. Kupreyanova, EN 1966, *Estetika L. N. Tolstogo* (Aesthetics of L. N. Tolstoy), Nauka publ, Moscow, St. Petersburg. (In Russ.)
8. Opulskaya, LD 1958, ‘Nekotoryye voprosy izucheniya L. Tolstogo’ (Some issues of studying L. Tolstoy), *Voprosy literatury*, no. 9, pp. 56–63. (In Russ.)
9. Rousseau, JJ 2011, *Ispoved* (The Confessions), Eksmo publ, Moscow. (In Russ.).
10. Sterne, L 1978, *Zhizn i mneniya Tristrama Shendi, dzhentlmena* (The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman), Khudozh. lit publ, Moscow. (In Russ.)
11. Toepffer, R 1913, *O prekrasnom v iskusstve. Razmyshleniya i zameтки zhenevskogo khudozhitnika* (About the beautiful in art. Reflections and notes by a Geneva artist), Ogni publ, St. Petersburg. (In Russ.)
12. Tolstoy, LN 2023, *Detstvo. Otrechestvo. Yunost* (Childhood. Boyhood. Youth), Alpina Publisher publ, Moscow. (In Russ.)
13. Tolstoy, LN 1928–1958, *Polnoye sobraniye sochineniy v 90 tomakh* (Complete works in 90 volumes), GIKHL publ, Moscow. (In Russ.)
14. Tsirulev, AF 2024, ‘Simbioz «poeticheskogo» i eticheskogo nachal v avtobiograficheskoy trilogii L. N. Tolstogo’ (Symbiosis of the “poetic” and ethical principles in Leo Tolstoy’s autobiographical trilogy), *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* (Philology. Theory & Practice), vol. 17, no. 4, pp. 132–148. (In Russ.)
15. Eykhenbaum, BM 1987, ‘Molodoy Tolstoy’ (Young Tolstoy), *O literature. Raboty raznyh let* (On literature. Works from different years), Sov. pisatel publ, Moscow. (In Russ.)

Вклад авторов:

Романов Д. А. – идея, написание статьи, научное редактирование.

Серёгин Д. С. – сбор материала, обработка материала, написание раздела статьи.

Contribution of the authors:

Dmitry A. Romanov – idea, writing the section of the article, scientific editing.

Dmitry S. Seregin – collecting the material, processing the material, writing the section of the article.

Статья поступила в редакцию: 21.08.2025

Одобрена после рецензирования: 05.11.2025

Принята к публикации: 05.11.2025

The article was submitted: 21.08.2025

Approved after reviewing: 05.11.2025

Accepted for publication: 05.11.2025

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГАСТРОНОМИИ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ: НОМИНАЦИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВАРЕННОЙ КНИГИ С. А. ТОЛСТОЙ)

**Никита Романович
Стародворцев**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, pekarnj2013@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0007-6875-3227>

Аннотация. Статья посвящена лингвокультурологическому анализу гастрономической номинации в поваренной книге Софьи Андреевны Толстой как источнике культурной памяти и региональной языковой идентичности. Основное внимание уделяется изучению языковых средств, с помощью которых рецептурные тексты передают историко-культурные смыслы, отражают ментальные установки и эстетические предпочтения усадебной России XIX в. В работе рассматриваются основные типы номинации – персонализированные, описательные, образные – как лингвистические механизмы фиксации и трансляции культурных ценностей.

Исследование показывает, что в номинации рецептов закрепляется не только состав блюда, но и социальная стратификация, эмоциональное отношение к пище, связи с конкретными людьми, а также принадлежность к определённому культурному пространству. Автор приходит к выводу, что язык поваренной книги функционирует как средство презентации культурного кода усадебной среды и выполняет презентативную, мемориальную и ценностную функции.

Работа основана на лингвокультурологическом подходе, в рамках которого гастрономическая лексика рассматривается как способ хранения и передачи этнокультурной информации. В результате анализа выявлены структурно-семантические особенности рецептурных наименований, зафиксированы их символические и прагматические функции, что позволяет рассматривать поваренную книгу не только как бытовой текст, но и как значимый культурный артефакт, отражающий образ жизни, социальные связи и духовные установки своего времени. Исследование подчёркивает значимость языковой формы в отражении индивидуальной и коллективной памяти.

Особое внимание уделяется роли номинации в оформлении культурной преемственности и закреплении традиций. Поваренная книга рассматривается как текст, в котором еда становится выражением культурных смыслов и символических представлений. Гастрономическая лексика анализируется как средство фиксации усадебной идентичности и своеобразного «языка быта». Таким образом, статья демонстрирует потенциал лингвокультурного анализа в выявлении глубинных связей между словом, традицией и культурной картиной мира.

Ключевые слова: лингвокультурология, гастрономическая номинация, поваренная книга, С. А. Толстая, культурная память, усадебная культура, рецептурный текст.

Для цитирования: Стародворцев Н. Р. Лингвокультурологический аспект гастрономии Ясной Поляны: номинация как отражение культурной памяти (на материале поваренной книги С. А. Толстой) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 3 (23). С. 208–219. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-208-219>

Сведения об авторе: Н. Р. Стародворцев – аспирант кафедры русского языка и литературы, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 125.

Scientific Article

UDC 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-208-219>

THE LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT OF YASNAYA POLYANA'S GASTRONOMY: NOMINATION AS A REFLECTION OF CULTURAL MEMORY (BASED ON THE COOKBOOK OF S. A. TOLSTAYA)

Nikita R. Starodvortsev

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Tula, Russia, pekarnj2013@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0007-6875-3227>

Abstract The article is devoted to the linguocultural analysis of gastronomic nomination in Sofya Andreevna Tolstaya's cookbook as a source of cultural memory and identity. The main focus is on the study of linguistic means through which recipe texts convey historical and cultural meanings, reflect mental attitudes, and express the aesthetic preferences of 19th-century estate Russia. The article examines the main types of nomination – personalized, descriptive, and figurative – as linguistic mechanisms for the fixation and transmission of cultural values.

The study shows that recipe names reflect not only the composition of the dish but also social stratification, emotional attitudes toward food, personal connections, and belonging to a particular cultural space. The author concludes that the language of the cookbook functions as a means of representing the cultural code of the estate environment and performs representative, memorial, and axiological functions.

The research is based on a linguocultural approach, within which gastronomic vocabulary is considered as a means of storing and transmitting ethnocultural information. The analysis reveals the structural and semantic features of recipe titles and identifies their symbolic and pragmatic functions, allowing the cookbook to be viewed not only as a domestic text but also as a significant cultural artifact that reflects lifestyle, social relations, and spiritual attitudes of its time. The study emphasizes the importance of linguistic form in reflecting individual and collective memory.

The article pays special attention to the role of nomination in shaping cultural continuity and preserving traditions. The cookbook is viewed as a text in which food becomes an expression of cultural meanings and symbolic representations. Gastronomic vocabulary is analyzed as a means of preserving estate identity and a kind of "language of everyday life". Thus, the article demonstrates the potential of linguocultural analysis in uncovering deep connections between language, tradition, and the cultural worldview.

Keywords: linguoculturology, gastronomic nomination, cookbook, S. A. Tolstaya, cultural memory, estate culture, recipe text.

For citation: Starodvortsev, NR 2025, 'The Linguoculturological Aspect of Yasnaya Polyana's Gastronomy: Nomination as a Reflection of Cultural Memory (Based on the Cookbook of S. A. Tolstaya)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (23), pp. 208–219, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-208-219> (in Russ.)

Information about the Author: Nikita R. Starodvortsev – Postgraduate Student of the Department of Russian Language and Literature, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Введение

Гастрономия как объект лингвокультурологического анализа представляет собой сложное переплетение материального и духовного, бытового и символического. Пища – не только биологическая необходимость, но и текст, содержащий зашифрованные смыслы культуры. «Элементы бытовой культуры очень часто тесно связаны с духовной надстройкой: моральными нормами, религиозными устоями и пр.» [9, с. 268.].

Культура как коррелят языка и национальной личности должна пониматься через призму её исторической ценности, традиций, а также новаторства и обновления [4, с. 19]. Язык совершенен пропорционально уровню развития общества и мышления, которые он обслуживает, являясь, по сути, «снятым» выражением этого состояния [5, с.110]. Данные утверждения подчеркивают тесную взаимосвязь языка и культуры, что обосновывает актуальность лингвокультурологического подхода к анализу гастрономической лексики, позволяющего увидеть в тексте рецептов сложный культурный код и картину мира эпохи.

«Лингвокультурологический подход дает возможность описать символический аспект любого объекта, в том числе и гастрономической культуры» [8, с. 180]. В рамках лингвокультурологического подхода гастрономическая лексика рассматривается как средство хранения, трансляции и воспроизведения культурного знания. Названия блюд, способы приготовления, ситуации употребления пищи – всё это содержит в себе определённые смыслы, отражающие ментальные установки, исторический опыт и этнические представления народа. Такой подход позволяет выявить символическую природу гастрономической культуры: пища в традиционном сознании не только питает тело, но и обладает смысловой нагрузкой, связанной с религиозными верованиями, моральными нормами, бытовыми и календарными практиками.

Отдельного внимания заслуживает процесс номинации блюд, поскольку в наименованиях закрепляются не только способы приготовления и состав продуктов, но и особенности мышления, ценностные ориентиры, историческая и культурная память народа. Особенно ярко это проявляется в усадебной культуре XIX в., где гастрономическое пространство функционирует как часть мировоззренческой картины: трапеза несёт ритуальный, символический и этический смысл, а рецепты выступают формой передачи традиций, памяти рода и повседневной философии. Кулинарные тексты становятся отражением сложного взаимодействия языкового сознания, социальной стратификации и культурного быта. В этом контексте лингвокультурологический подход позволяет рассматривать гастрономическую лексику не просто как инструмент описания еды, но как ключ к пониманию образа жизни, мировосприятия и эстетики конкретного социума.

В центре настоящего исследования – поваренная книга Софьи Андреевны Толстой, супруги Льва Николаевича Толстого [14]. Эта книга, опубликованная с комментариями шеф-повара Влада Пискунова (Музей-усадьба «Ясная Поляна»), представляет собой уникальный текст, соединяющий бытовое знание, женский авторский взгляд, усадебную практику и богатый пласт русской кулинарной культуры. Особую ценность книга приобретает с точки зрения лингвокультурологии: рецептурные номинации в ней сохраняют как этнолингвистические маркеры времени, так и индивидуальные элементы языковой личности автора.

Цель статьи – выявить и проанализировать особенности номинации блюд в поваренной книге С. А. Толстой с точки зрения лингвокультурного содержания, определить, какие культурные смыслы, символы, бытовые практики и представления о мире отражены в языке рецептов, а также показать, каким образом эти наиме-

нования транслируют усадебную идентичность Ясной Поляны как части национального культурного пространства России XIX в.

В современном лингвокультурологическом дискурсе одним из ключевых направлений является изучение того, как язык отражает и сохраняет культурные ценности и национальную идентичность через различные сферы человеческой деятельности. Гастрономическая лексика выступает важным медиатором культурной памяти, фиксируя традиции, бытовые практики и социальные нормы народа. Однако, несмотря на значимость гастрономической номинации как культурного феномена, недостаточно изучен её конкретный лингвокультурологический потенциал в контексте русского дворянского быта XIX в., в частности в усадебной культуре Ясной Поляны. Проблема состоит в том, чтобы выявить, каким образом рецептурные наименования в поваренной книге С. А. Толстой кодируют культурные смыслы, передают исторический опыт и формируют образ жизни определённой социальной общности.

В основе исследования лежит лингвокультурологический подход, ориентированный на изучение взаимосвязи языка и культуры как двух взаимодополняющих систем [3; 4]. Основные положения теории культуры и языка, их взаимозависимости, изложенные в трудах В. В. Воробьева и В. А. Гречко, позволяют рассматривать гастрономическую лексику как «знаковую систему», несущую культурные смыслы и отражающую этническую идентичность [2; 15].

Особое внимание уделяется категории номинации как языкового механизма, через который реализуются ценностные установки и историко-культурная память [11]. Концепция «кулинарной картины мира» дополнительно подчеркивает значимость гастрономической лексики как способа фиксации национального духа и культурного кода [6].

Для анализа используются идеи о том, что пища и её названия – не просто объекты потребления, а важные элементы культурного наследия и идентичности [10; 13].

В ходе исследования применён комплекс методов, обеспечивающих всесторонний лингвокультурологический анализ гастрономической номинации в поваренной книге С. А. Толстой. В первую очередь, использовался контент-анализ текстов рецептов, направленный на выявление и классификацию различных типов наименований блюд – персонализированных, описательных, метафорических и других. Такой подход позволил систематизировать лексический материал и выделить основные модели номинации, отражающие культурные особенности усадебного быта XIX в.

Для глубокого понимания семантики наименований применялся качественный семантический анализ, который позволил интерпретировать скрытые символические смыслы и культурные маркеры, заложенные в гастрономической лексике. Важным этапом стало соотнесение языковых данных с историческим и социальным контекстом, что было реализовано с помощью сравнительно-исторического метода. Он обеспечил понимание лингвокультурной специфики и изменения гастрономического дискурса в пределах усадебной культуры.

Основу методологической базы составил лингвокультурологический анализ, рассматривающий поваренную книгу как культурный артефакт – знаковую систему, в которой рецептурные тексты выступают как носители и трансляторы культурных ценностей, традиций и идентичности. Особое внимание уделялось антропоцентричности гастрономической лексики – изучению того, как через языковые средства выражаются социальные роли, эстетические предпочтения и эмоционально-личностные отношения к пище.

Совокупность данных методов позволила выявить сложную систему культурных смыслов, зафиксированных в номинациях блюд, и показать их роль в сохранении и передаче культурной памяти русской усадебной среды.

1. Поваренная книга как текст культурной традиции питания

Духовность культуры всегда воплощена в вещественных носителях. Опредмечивание, овеществление духовного опыта – это закрепление и выражение его в знаках и знаковых системах. Эти знаковые системы и тексты, выражающие ценностные смыслы, обогащают культуру и способствуют развитию и сохранению человечности общества и отдельного человека, оформлению и облагораживанию жизни людей и их взаимоотношений [3, с. 12–16].

Эта мысль напрямую соотносится с лингвокультурологическим осмыслением поваренной книги С. А. Толстой, которую можно рассматривать как текст, насыщенный знаковыми структурами, репрезентирующими духовный опыт и культурную память. Пища здесь – не только вещество, но и знак, не просто блюдо, а результат символического действия, закреплённого в языке. Как подчёркивает М. А. Беллон, «в современных концепциях культуры пища, как и любые её проявления, может быть рассмотрена как тексты и системы знаков, несущие особые культурные смыслы» [2, с. 60]. Эту мысль продолжает Юйин Ван в соавторстве с Е. В. Харченко, отмечая, что «кухня, блюда и питание несут в себе богатую информацию о культуре» [15, с. 72]. Такой подход позволяет рассматривать кулинарную книгу С. А. Толстой как текст культуры, в котором рецепты выступают в роли «пищевых высказываний», отражающих социальный строй, ценности, бытовые нормы и культурные ориентиры Ясной Поляны конца XIX – начала XX в.

Софья Андреевна Толстая вошла в историю русской литературы прежде всего как жена Л. Н. Толстого и автор воспоминаний «Моя жизнь» [1, с. 57]. «Софья Андреевна сама по себе была крупной личностью» [12, с. 94]. Однако её вклад в культуру не ограничивается только мемуаристикой. Сегодня всё чаще обращают внимание на другие формы её творчества, включая такие источники, как поваренная книга, в которых отражены уклад усадебной жизни, гастрономические привычки и культурные ориентиры эпохи.

Софья Андреевна Толстая на протяжении нескольких десятилетий вела рецептурные записи, создавая не просто кулинарный сборник, но своеобразную хронику семейной и усадебной жизни, в которой пища становится частью культурной памяти. Начатая в 1870-х гг. и завершённая уже в XX в., поваренная тетрадь включает рецепты, собранные из устных источников, полученные от родственников и друзей, записанные со слов крестьянок и городских поварих, а также заимствованные из печатных книг – всё это перерабатывалось и адаптировалось под реалии Ясной Поляны, её традиции, ритм и вкусовые предпочтения.

Изданная музеем-усадьбой «Ясная Поляна» с комментариями шеф-повара Влада Пискунова, книга приобрела статус культурного артефакта, позволяющего проследить трансформацию гастрономического знания в условиях дворянского быта. В ней рецепты становятся знаками культурной практики, фиксирующими не только способы приготовления пищи, но и нормы общения, социальной иерархии, представления о времени, празднике, труде и удовольствии.

С лингвокультурной точки зрения интерес представляют не только сами рецепты как особый жанр (инструктивный, нормативный, с чертами устной речи), но прежде всего их номинации. Названия блюд функционируют как лаконичные тексты, в которых кодируется отношение к еде, её статус в культуре и системе ценностей. Так, заголовки рецептов могут быть:

Именные («Пирог Анке», «Пастыла Марии Петровны Фет», «Сливочная каша графа А.», «Кекс лучший Зенгера», «Суфле миндалевое Баде», «Суфле мин-

далное (от Толстых)», «Пиво князя Шаховского», «Эликсир тетушки Пелагеи Ильиничны (для зубов)», «Квас сухарный Фета», «Пасха Бестужевых», «Пасха Семена, повара нашего», «О-де-Колонь Елены Сергеевны») – что свидетельствует о персонализации и сакрализации рецепта как дара, связанного с конкретным человеком, порой – близким, значимым. Такое название выполняет мнемоническую функцию, закрепляя не только способ приготовления, но и личность носителя знания.

Функциональные (например, «Маседуан на 6 персон», «Сливочный крем на 12 чашек», «Желе на одну форму», «Способ сохранения зелёного горошка») – отражают предназначение блюда, его место в ритуале приёма пищи или особенности использования. Эти названия указывают на социально-прагматическое понимание пищи как элемента уклада жизни.

Метафорические («Крендели», «Ленточки», «Снежки», «Дуги», «Трубочки», «Варенец», «Лепешки», «Пылающий пудинг») – демонстрируют образное, порой поэтическое восприятие еды, её визуальный или тактильный эффект и тем самым выполняют презентативную и аксиологическую функции – презентируют мир через призму эстетического и эмоционального восприятия.

Таким образом, поваренная книга С. А. Толстой выполняет сразу несколько важнейших функций:

- презентативную – отражает бытовую культуру русской усадьбы, её гастрономический код, где пища – элемент этикета, гостеприимства, семейной идентичности;
- мнемоническую – сохраняет рецепты и имена их передатчиков, выполняя роль бытового летописания;
- ценностную – транслирует вкусы, нормы, представления о времени, труде, щедрости, умеренности – то есть те культурные установки, которые встраивают еду в широкую систему символов.

Поваренная книга выступает как культурно-языковой текст, где слово, обращенное к пище, приобретает силу фиксации опыта и передачи культурной традиции. Каждый рецепт – это не только инструкция, но и речевой акт, закрепляющий память, принадлежность и культурную идентичность.

2. Гастрономическая номинация как культурный механизм

Номинация гастрономических реалий в поваренной книге С. А. Толстой представляет собой не просто способ идентификации блюда, но значимый культурный механизм, отражающий мировоззренческие и ценностные установки эпохи. Именование рецептов демонстрирует глубинные связи между языком, культурой, повседневностью и индивидуальной памятью. Лингвокультурный анализ позволяет выделить несколько продуктивных моделей номинации, каждая из которых содержит определённые культурные коды.

2.1. Персонализированная номинация

Персонализированная номинация предполагает присвоение рецептам имён конкретных людей, преимущественно женщин из близкого окружения или значимых фигур усадебной среды. В качестве примеров следует отметить: «Пирог Анке», «Квас Маруси Маклаковой», «Пастила Марии Петровны Фет», «Лимонная вода Маруси Маклаковой» и др.

Данный тип номинации отражает тенденцию к индивидуализации и персонификации рецепта, когда блюдо воспринимается как часть личной или семейной истории. Имя здесь выступает в качестве лингвокультурного маркера аутентичности, доверия и принадлежности, представляя собой устную традицию, зафиксированную в письменной форме.

Функции персонализированной номинации:

1. мемориальная – сохранение памяти о носителе рецепта и включение его в семейную или общественную хронику;

2. оценочная – передача имплицитной положительной характеристики блюда как проверенного и одобренного;

3. культурно-идентификационная – закрепление принадлежности рецепта к определённому социальному кругу.

Персонализированная номинация – это не просто название, а своего рода текст культурной биографии, отражающий семейные связи, отношения доверия и гендерно окрашенные знания.

2.2. Описательная номинация

Описательная номинация основана на указании ингредиентов, технологии приготовления или внешних характеристик блюда. Здесь следует упомянуть такие названия, как: «Торт из чёрного хлеба», «Селёдка с телятиной», «Пирог из слоеного теста», «Ореховое суфле», «Соус горчичный», «Суфле из манной крупы или риса» и «Кислые щи».

Несмотря на кажущуюся нейтральность, такие номинации обладают культурной маркированностью. Указание ингредиентов отражает прагматический подход к еде как к результату процесса приготовления и объекту потребления. В подобных названиях прослеживается социальная и вкусовая стратификация. Например, сочетание «сельдь с телятиной» демонстрирует кулинарный эклектизм, характерный для усадебной кухни XIX в., где сочетались продукты разного социального и гастрономического статуса. «Зелёные бобы по-отельному» также демонстрируют описательность с отсылкой к французской кулинарной терминологии.

Описательная номинация отражает:

- ориентацию на продукт и способ приготовления как значимые параметры;
- стремление к чёткой классификации и описательному рационализму;
- особенности хозяйственной культуры усадьбы.

2.3. Метафорическая и образная номинация

Метафорическая и образная номинация представляет пищу как объект визуального и вкусового воображения. Примерами данного типа номинации выступают: «Снежки», «Ленточки», «Трубочки» и др.

Эти названия строятся на ассоциациях с формой, цветом, консистенцией или действием, отражая тенденцию к эстетизации повседневности. Образные номинации часто ориентированы на женское восприятие и эстетические категории усадебной среды.

Функции образной номинации:

1. эстетическая – представление еды как объекта художественного восприятия;
2. символическая – передача скрытых смыслов через ассоциации;
3. коммуникативная – создание эффекта эмоциональной вовлечённости.

Образная номинация становится элементом культурной игры, в которой еда приобретает статус культурного артефакта, объекта внимания и восхищения.

Помимо вышеперечисленных категорий, встречаются также номинации, указывающие на географическую привязку или заимствованные термины – «Венский пирог», «Бланманже», «Стуфато и макароны», «Маседуан на 6 персон». Эти названия свидетельствуют о влиянии западноевропейской кулинарной моды на русскую дворянскую кухню и выполняют функцию маркеров престижности. Название «Кумыс» указывает на использование рецептов, выходящих за рамки чисто дворянской кухни и включающих элементы традиционной русской или региональной кухни, что демонстрирует разнообразие кулинарных традиций, представленных в книге.

3. Языковое оформление рецептов как отражение менталитета

Тексты рецептов из поваренной книги Софьи Андреевны Толстой представляют собой не только образцы инструктивного дискурса, но и выражение культурных установок и ментальных характеристик своего времени. Языковая форма здесь выполняет двойную функцию: с одной стороны – передаёт конкретные кулинарные действия, с другой – репрезентирует глубинные ценности, эстетические предпочтения и социальные ориентиры усадебной культуры.

3.1. Инструктивность и автоматизация

Основу синтаксической структуры составляет императив: взять, вскипятить, добавить, подать, запечь. Такие конструкции минимизируют субъектность, что характерно для жанра рецепта – текст от имени носителя знания обращён к неопределённому адресату, но в то же время передаёт опыт, проверенный практикой. Фразы организованы по схеме телеграммного типа, с высокой степенью автоматизации: *глаголы действия + объект + уточнение (время, способ, температура и т.п.)*.

Минимализм и экономия языковых средств

В рецептурной прозе отсутствует эмоционально-экспрессивный компонент, но присутствует особая экономия языковых средств – короткие фразы, ограниченный словарь, чёткая логическая последовательность. Этот минимализм отражает рациональность и прагматизм усадебного менталитета, ориентированного на порядок, эффективность и повторяемость действий.

3.2. Заемствования и культурные ориентиры

Одновременно в рецептах активно используются французские и частично итальянские термины: *бланманже, маседуан, субле, рагу*. Это свидетельствует о воздействии западноевропейской кулинарной моды на русскую дворянскую кухню второй половины XIX в. Такие заимствования выполняют функцию маркеров престижности, демонстрируя принадлежность к аристократическому слою и вовлечённость в паньеевропейский культурный контекст.

В языковой ткани рецептов из кулинарной книги С. А. Толстой наряду с активным использованием заимствованных номинаций, которые свидетельствуют о значительном влиянии западноевропейской кулинарной моды на русскую дворянскую кухню второй половины XIX в. и выполняют функцию маркеров престижности, демонстрируя принадлежность к аристократическому слою и вовлечённость в общеевропейский культурный контекст, присутствует также самостоятельный пласт специализированной лексики.

Так, упоминание *померанца* – горьковатого ароматного плода венчозелёного цитрусового дерева – не просто указывает на конкретный ингредиент, но и является лингвистическим свидетельством того, что экзотические фрукты были доступны в усадебной кухне. Это подчёркивает не только уровень благосостояния, позволявший импортировать такие продукты, но и стремление к разнообразию рациона.

Термин *кервель* (купырь бутенелистный), обозначающий однолетнее травянистое растение, внешне напоминающее петрушку, с кисловатым анизовым запахом, активно используется в качестве зелени для супов, бульонов, салатов и блюд из рыбы, птицы

Точно так же слово *пулярка*, обозначающее специально откормленную на мясо курицу, является важным индикатором особенностей сельскохозяйственной продукции того времени. Этот термин указывает на существование специализированных методов откорма домашней птицы, направленных на улучшение качества мяса (жирности, нежности, вкуса). Употребление слова «пулярка» в рецептах подчёркивает внимание к исходному качеству ингредиентов и демонстрирует, что для приготовления определённых блюд использовались не просто обычные куры, а птица, выращенная по особым методикам. Это свидетельствует о высоком уровне кулинарной

культуры и стремлении к совершенству в гастрономии, где процесс приготовления начинается задолго до самой готовки — с выбора и подготовки сырья.

Таким образом, эти лексические единицы, будучи элементами языковой ткани рецептов, не только описывают конкретные ингредиенты блюд, но и служат многомерными маркерами культурно-исторического контекста. Они позволяют реконструировать картину повседневного быта, экономические возможности, кулинарные предпочтения и даже знания о природе, демонстрируя богатство и детализированность подхода к приготовлению пищи в усадебной культуре XIX в.

«Центральной фигурой языковой картины мира, в частности гастрономической, выступает человек, так как, с одной стороны, именно он является источником гастрономического дискурса. С другой стороны, сам язык часто использует в качестве базовых признаков “человеческие” качества для наименования, например, вкусовых или композиционных свойств пищевых продуктов» [13, с. 91].

Это наблюдение подчёркивает антропоцентрический характер гастрономической лексики, которая в рецептах и названиях блюд усадебной кухни часто наделяется «человеческой» образностью, отражающей культурные установки и социальные роли.

В этом контексте важно отметить позицию Е. Добренко, которая вводит термин «кулинарная картина мира», обозначающий уникальное языковое пространство, в котором фиксируются вкусовые предпочтения и ментальные установки народа: «Именно специфика глюттонической номинации составляет характерный для каждой нации арсенал языковых средств, в котором находит своё отражение дух народа» [6].

На наш взгляд, гастрономическая номинация выступает как носитель национального духа и культурного кода, вбирая в себя не только рецепты и ингредиенты, но и ценностные ориентиры, эмоциональные и эстетические представления о еде.

Это утверждение наглядно подтверждается в поваренной книге С. А. Толстой, где в названиях блюд проявляется выраженная антропоцентричность. Одно из таких наименований («Кекс лучший Зенгера») представляет собой не просто кулинарный термин, а фрагмент культурной памяти. Эпитет «лучший» в данном контексте указывает не только на вкусовые качества изделия, но и на субъективную оценку, основанную на личном или коллективном опыте. Включение фамилии («Зенгера») подчеркивает личностный вклад в рецепт и придает названию персонализированный характер, делая блюдо как бы «подписью» конкретного человека.

Как отмечают Т. В. Морозкина и А. Ю. Антонова, «с лингвистической точки зрения гастрономическая лексика интересна своей способностью передавать национальный характер, образ жизни людей, их вкусовые предпочтения, условия жизни через номинации с учетом логико-семантического аспекта» [11, с. 9].

Гастрономическая лексика служит важным каналом культурной трансляции: «наименования блюд аккумулируют в своей семантике традиции, обычай, опыт этого народа, в силу чего обладают ярко выраженной этнокультурной спецификой» [10, с. 418]. Эта специфика проявляется как в исконной, так и в заимствованной лексике, где каждый элемент сохраняет культурный след времени и среды, в которой он сформировался.

Таким образом, даже в рецептурной номинации реализуется культурная установка на связь человека с едой: гастрономические названия выполняют не только идентифицирующую, но и экспрессивную, эмоционально-оценочную функцию. Пища предстает не как обезличенный продукт, а как «результат» человеческих отношений, предпочтений, памяти — она «носит имя», вызывает доверие, вызывает вкусовую и культурную ассоциацию. Именно это делает поваренную книгу Толстой не просто бытовым текстом, а лингвокультурным документом своей эпохи.

Заключение

Таким образом, гастрономическая номинация в поваренной книге С. А. Толстой отражает достаточно специфическую лингвокультурную систему: пища здесь не просто объект кулинарной обработки, а носитель культурной памяти, ре-презентант семейной и социальной принадлежности людей, сигнал межпоколенческой преемственности. Язык рецептов – это особый вид речевой практики, в которой сочетаются инструкции, традиции, эмоции и осознание собственной идентичности. В номинации реализуется глубинная связь между словом, телесным опытом и культурным кодом, делающая повседневное – значимым, а еду – текстом, читаемым сквозь поколения.

Список источников и литературы

1. Байкова Ю. Г. «Женский серьезный мир» (художественное творчество С. А. Толстой) // Вестник Башкирского университета. 2007. Вып. 3. С. 57–60.
2. Беллон М. А. Культура питания: особенности ценностных смыслов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры. 2018. Вып. 2. С. 59–64.
3. Большаков В. П. Понимание культуры как проблема современной теории // Труды СПбГИК. 2015. Т. 210: Петербургская культурологическая школа С. Н. Иконниковой: история и современность. С. 9–19.
4. Воробьев В. В. Лингвокультурология : монография. М.: РУДН, 2008. 256 с.
5. Гречко В. А. Теория языкоznания: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2003. 352 с.
6. Добренко Е. Г. Гастрономический коммунизм: вкусное vs здоровое // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2009. № 2. С. 155–173. Электрон. версия печ. публ. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2009/2/gastronomicheskij-kommunizm-vkusnoe-vs-zdorovoe.html> (дата обращения: 18.07.2025).
7. Дормидонтова О. А. Коды культуры и их участие в создании языковой картины мира (на примере гастрономического кода в русской и французской лингвокультурах) // Вестник Тамбовского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. № 9. С. 201–205.
8. Ермолаев В. А. Гастрономия как символический феномен // Культура и текст. 2024. № 1 (56). С. 169–183.
9. Ермолаев В. А. Особенности гастрономии как культуры в России // Координаты современной урбанистики: новая гуманитарная перспектива : в 2 т. М.: ИНФРА-М, 2023. Т. 2. С. 268–271.
10. Ли Ч. Исконные и заимствованные названия блюд в русском языке // Преподаватель XXI век. 2021. № 3-2. С. 417–430.
11. Морозкина Т. В., Антонова А. Ю. Лингвокультурный аспект гастрономического дискурса (на материале наименований немецкого языка, австрийского варианта немецкого языка, чешского языка) // Поволжский педагогический поиск. 2021. Вып. 4. С. 8–14.
12. Самобалова Е. А. Самоидентификация личности женщины в воспоминаниях Софьи Андреевны Толстой // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. Вып. 2. С. 94–99. URL: <http://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/35> (дата обращения: 18.07.2025).
13. Седых А. П., Ермакова Л. Р. Языковая картина мира и национальная гастрономия // Вопросы журналистики, педагогики, языкоznания. 2012. № 18. С. 89–92.
14. Толстая С. А. Поваренная книга Софьи Андреевны Толстой / comment. В. Пискунова. Тула: Ясная Поляна, 2022. 280 с.
15. Юйин Ван, Харченко Е. В. Гастрономический дискурс как составляющая национальной лингвокультуры // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 5. С. 66–73.

References

1. Baykova, YuG 2007, «Zhenskiy ser'yeznyy mir» (khudozhestvennoye tvorchestvo S. A. Tolstoy) (“A Serious Women's World” (The Literary Work of S. A. Tolstaya)), *Vestnik Bashkirskogo universiteta* (Bulletin of Bashkir University) no. 3, pp. 57–60. (In Russ.)
2. Bellon, MA 2018, Ponimaniye kul'tury kak problema sovremennoy teorii (The Culture of Nutrition: Features of Value Meanings), *Trudy SPbGIK* (Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture), no. 2, pp. 59–64. (In Russ.)
3. Bolshakov, VP 2015, Ponimaniye kultury kak problema sovremennoy teorii (Understanding Culture as a Problem of Modern Theory). *Trudy SPbGIK* (Proceedings of the St. Petersburg State Institute of Culture), vol. 210: Peterburgskaya kulturologicheskaya shkola S. N. Ikonnikovoy: istoriya i sovremennost (The St. Petersburg School of Cultural Studies of S. N. Ikonnikova: History and Modernity), pp. 9–19. (In Russ.)
4. Vorobyev, VV 2008, *Lingvokul'turologiya: monografiya* (Linguoculturology: A Monograph). RUDN publ, Moscow. (In Russ.)
5. Grechko, VA 2003, *Teoriya yazykoznanija: uchebnoye posobiye* (Theory of Linguistics: A Textbook). Vysshaya shkola publ, Moscow. (In Russ.)
6. Dobrenko, EG 2009, Gastronomicheskiy kommunizm: vkusnoye vs zdorovoye (Gastronomic Communism: Tasty vs. Healthy). *Neprikosnovennyj zapas: debaty o politike i kulture*, no. 2, pp. 155–173, viewed 18 July 2025, <http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/do9-pr.html> (In Russ.)
7. Dormidontova, OA 2009, Kody kultury i ikh uchastiye v sozdaniy yazykovoy kartiny mira (na primere gastronomicheskogo koda v russkoy i frantsuzskoy lingvokulturakh) (Cultural Codes and Their Role in Creating a Linguistic Worldview (on the Example of the Gastronomic Code in Russian and French Linguocultures)). *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnyye nauki*, no. 9, pp. 201–205. (In Russ.)
8. Ermolaev, VA 2024, Gastronomiya kak simvolicheskiy fenomen (Gastronomy as a Symbolic Phenomenon). *Kultura i tekst* (Culture and Text), no. 1 (56), pp. 169–183. (In Russ.)
9. Ermolaev, VA 2023, Osobennosti gastronomii kak kultury v Rossii (Features of Gastronomy as a Culture in Russia). In: *Koordinaty sovremennoy urbanistiki: novaya gumanitarnaya perspektiva: v 2 t.* (Coordinates of Contemporary Urbanism: A New Humanitarian Perspective, in 2 vols). INFRA-M publ, Moscow, vol. 2, pp. 268–271. (In Russ.)
10. Li Chi 2021, Iskonnyye i zaimstvovannyye nazvaniya blyud v russkom yazyke (Native and Borrowed Names of Dishes in the Russian Language). *Prepodavatel' XXI vek. Russian Journal of Education*, no. 3, part 2, pp. 417–430, doi: 10.31862/20739613-2021-3-417-430 (In Russ.)
11. Morozkina, TV, Antonova, AIu & Seveckova, M 2021, Lingvokulturnyy aspekt gastronomicheskogo diskursa (na materiale naimenovaniy nemetskogo yazyka, avstriyskogo varianta nemetskogo yazyka, cheshskogo yazyka) (Linguocultural Aspect of Gastronomic Discourse (Based on the Names of the German Language, the Austrian Version of the German Language, the Czech Language)). *Volga Region Pedagogical Search*, no. 4, pp. 8–14. (In Russ.)
12. Samofalova, EA 2014, Samoidentifikatsiya lichnosti zhenschchiny v vospominaniyah Sofyi Andreevny Tolstoy (Women's Self-Identification in the Memoirs of Sofya Andreevna Tolstaya). *Uchenyye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2, pp. 94–99, viewed 18 July 2025, <http://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/35>. (In Russ.)
13. Sedykh, AP & Ermakova, LR 2012, Yazykovaya kartina mira i natsional'naya gastronomiya (The Linguistic Picture of the World and National Gastronomy). *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznanija*, no. 18, pp. 89–92. (In Russ.)

14. Tolstaya, SA 2022, *Povarennaya kniga Sofyi Andreyevny Tolstoy* (The Cookbook of Sofya Andreevna Tolstaya), rev. V Piskunov, Yasnaya Polyana publ, Tula. (In Russ.)
15. Wang, Yu & Kharchenko, EV 2023, Gastronomiceskiy diskurs kak sostavlyayushchaya natsionalnoy lingvokultury (Gastronomic discourse as an important component of national linguo-culture). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, vol. 5(475), pp. 66–73, doi: 10.47475/1994-2796-2023475-5-66-73 (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 04.08.2025
Одобрена после рецензирования: 05.11.2025
Принята к публикации: 05.11.2025

The article was submitted: 04.08.2025
Approved after reviewing: 05.11.2025
Accepted for publication: 05.11.2025

Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 3 (23). С. 220–231.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 3 (23). P. 220–231.

Научная статья
УДК 811.161.1
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-220-231>

НОВЫЕ ЖАНРЫ В СИСТЕМЕ РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ТЕКСТОВ

**Михаил Константинович
Шептухин**

Волгоградский государственный университет
Волгоград, Россия, mikhailsheptukhin@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0004-0857-2422>

Аннотация. Статья посвящена актуальной лингвистической проблеме определения жанрового статуса новых видов документных текстов, появившихся в настоящее время как результат динамики документных систем, которая детерминирована изменениями условий современной деловой коммуникации. Обоснованы необходимость расширения понятия «регламентирующий документ» до понятия «регламентирующий текст» и возможность проявления регламентирующей функции как директивной или разъяснительной. С применением метода жанровой параметризации охарактеризован гайд – новый жанр, который используется в официальной интернет-коммуникации с целью регламентирования в неофициальной форме деятельности организации. Материалом для исследования послужили гайды, которые связаны со сферой образования и размещены на сайтах российских вузов. Описаны содержание и способы вербализации таких жанровых параметров гайда, как «субъекты коммуникации – адресант и адресат», «доминирующая функция», «характер передаваемой информации», «структура», «модальность», «пространство» и «время», выявлены особенности речевой организации гайда. В результате проведенного разноспектного анализа установлено, что гайды, будучи регламентирующими текстами, обладают следующими специфическими жанровыми чертами: официальность адресанта, вторичность, внутрикорпоративная направленность коммуникации, новый формат некоторых реквизитов. Показано, что речевая организация таких текстов обусловлена адаптацией к адресату – его компетенциям, и доминирующей функцией, которая представлена как разъяснение. Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в расширении научных представлений о влиянии условий социального взаимодействия на жанровый состав документных систем, о свойствах текста, их роли в коммуникативных процессах. Определение специфики новых жанров способствует упорядочению документных систем и оптимизации документной коммуникации.

Ключевые слова: деловая коммуникация, документ, документный текст, жанр, регламентирующий текст, гайд.

Для цитирования: Шептухин М. К. Новые жанры в системе регламентирующих текстов // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 3 (23). С. 220–231. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-220-231>

Сведения об авторе: М. К. Шептухин – аспирант кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, 400062, Россия, Волгоградская область, г. Волгоград, проспект Университетский, д. 100.

Scientific Article

UDC 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-220-231>

NEW GENRES IN THE SYSTEM OF REGULATORY TEXTS

Volgograd State University

Mikhail K. Sheptukhin

Volgograd, Russia, mikhailsheptukhin@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0004-0857-2422>

Abstract. The article deals with the current linguistic problem of determining the genre status of new types of documentary texts that have appeared as a result of the document systems dynamics, caused by changes in the conditions of modern business communication. The author substantiates the necessity of expanding the concept of 'regulatory document' to the concept of 'regulatory text' and the possibility of performing the regulatory function as a directive or explanatory. Using the method of genre parameterization, the article presents and characterizes the genre of guide used in official Internet communication in order to regulate the organization's activities in an informal manner. The material for the study is guides related to the features of the speech organization of the guide to the education and posted on Russian universities websites. The author reveals the speech organization features of the guide and describes the content and verbalization methods of such guide's genre parameters as subjects of communication – addressee and addressee, dominant function, nature of the transmitted information, structure, modality, space and time. As a result of the multi-aspect analysis, the guides, being regulatory texts, have the following specific genre features: the formality of the addressee, the secondary nature, the intra-corporate orientation of communication, and the new format of some of the details. The study demonstrates a connection between the speech organization of the texts under consideration and attempts to adapt to the recipient's competencies. The dominant function, presented as an explanation, also has a great influence. The theoretical and practical significance of the research lies in the expansion of scientific ideas about the influence of social interaction conditions on the genre composition of document systems, about the properties of the text, their role in communicative processes. Defining the specifics of new genres helps streamline document systems and optimize document communication.

Keywords: business communication, document, document text, genre, regulatory text, guide.

For citation: Sheptukhin, MK 2025, 'New Genres in the System of Regulatory Texts', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (23), pp. 220–231, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-220-231> (in Russ.)

Information about the Author: *Mikhail K. Sheptukhin* – Postgraduate Student of the Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, 100, Universitetsky Prospect, Volgograd, 400062, Russia.

Введение

Предметом особого внимания лингвистов в настоящее время стала деловая коммуникация, которая в силу изменений современной социальной реальности приобрела новые формы. Как показано Г. А. Двоеносовой, изменилась роль документов в социуме: они стали «упорядочивающим социальным инструментом, инструментом социального целерационального действия и социальной самоорганизации» [10, с. 15]. Использование информационных технологий как канала делового общения, расширение сфер их применения, конкуренция организаций в условиях рыночных отношений, определяющих необходимость привлечения клиентов, – эти и другие причины привели к преобразованию документных систем, появлению новых видов (= жанров) деловых текстов, имеющих нечетко выраженные жанровые черты, и др. Эти обстоятельства, по мнению О. П. Сологуб, делают необходимым научное осмысление феномена современной официально-деловой коммуникации, ее основополагающих категорий и свойств с новых позиций [20, с. 269].

Экстралингвистическая обусловленность документных систем определяет их открытость, адаптивность, гибкость и подвижность, некоторую размытость релевантных признаков входящих в них объектов, то есть динамику, которую демонстрирует ряд процессов.

1. Трансформация традиционных жанров. Усложнение деловой деятельности, потребность в документировании ее новых форм приводит к появлению разновидностей документов одного жанра. Трансформация жанра затрагивает формуляр как реализацию общей модели документа, композиционно-содержательную структуру текста, его речевую организацию, в частности, отбор терминологии, модальную окраску и тональность, стилевые параметры текста (см.: [3, с. 170–176; 14, с. 110–113; 15, с. 213–217; 18, с. 97–103; 25, с. 152–159]).

Принимая во внимание то, что разновидности документов одного жанра имеют общие черты, получающие речевую реализацию в частных жанрах, предлагают термины «наджанр» или «мультиплицированный жанр» [21, с. 7].

2. Деофициализация документного текста. Она реализуется прежде всего в его стилевой неоднородности. Расширение сферы деловой коммуникации обуславливает необходимость адаптации документа к адресату, который может принадлежать или не принадлежать к какой-либо социальной группе. Появляются документы, в которых «осуществляется процедура межстилевого перевода со стиля на интерстиль – с научного на научно-публицистический» [17, с. 132], тексты, сочетающие черты официально-делового и других функциональных стилей (научного, публицистического, разговорного). Такие тексты рассматриваются как межстилевое, контаминированное образование [2, с. 152; 5, с. 201–203; 17, с. 183–184].

3. Возникновение в рамках документных систем новых жанров, нередко имеющих «размытые», нечетко выраженные документные черты, что объясняется важностью взаимодействия организации с внешней по отношению к ней целевой аудиторией и усилением значимости внутрикорпоративной коммуникации. Для этого предназначены публичный отчет, пресс-релиз, брошюры, листовки, буклеты и другие тексты, у которых часто отсутствует общепринятое жанровое обозначение.

Такие жанры считают документными, подчеркивая их роль как элемента деловой коммуникации и наличие некоторых свойств документного текста, в частности структурности, системности, связанных с «внутренними» документами организации, но воплощенных в простой форме. Так, Е. С. Буслаева, характеризуя жанровую принадлежность корпоративных изданий, медиатекстов, брошюр, проспектов, вводит понятие «степень документности», определяя «документность» как категориальное свойство текста, основанное на учете частных свойств – системности, структурности, функциональности и информативности [4, с. 71].

Другие ученые ставят документный статус таких текстов под сомнение, называя их полиграфическими формами или носителями информации, информационными материалами, информационными объектами, отмечая, что цель этих текстов – популяризация, объяснение положений законодательства, закрепляющих правила поведения людей и порядок выполнения юридически значимых действий [24, с. 73–74]. При этом исследователи подчеркивают информационную направленность этих материалов и проводят параллель с научно-популярными текстами, в которых реализуется дополнительная задача коммуникации – «“перевод” специальной научной информации на язык неспециального знания ... для широкой аудитории» [11, с. 236].

Тенденция к появлению новых жанров обнаруживается и в системе регламентирующих документов, функционирующих в сфере управления.

Традиционно регламентирующими считаются документы, назначение которых – установить правила, требования и порядок деятельности. К этой системе относят широкий набор документов разных видов: регламент, инструкцию, порядок, правила, положения, методические рекомендации и многие другие [22, с. 205].

Наблюдения показывают, что документы названной системы неоднородны. Они представляют собой парадигму объектов, имеющих инвариантные и вариантные (специфические) черты, что проявляется в формуляре документа и в самом тексте, где обнаруживаются свойства, которые не в полной мере соответствуют свойствам документа. Учитывая это, считаем целесообразным использовать обобщающую терминологическую номинацию «регламентирующий текст» для обозначения текстов разной степени документности, выполняющих в качестве доминирующей функцию регулирования.

Эта функция, по нашему мнению, может реализоваться как директивная или разъяснительная. В зависимости от этого выделяем две подсистемы регламентирующих текстов: 1) выполняющие директивную функцию (положение, правила, регламент, порядок и др.); 2) выполняющие разъяснительную функцию (методические рекомендации, руководство пользователя, инструкция и др.) [23, с. 100].

К текстам, которые выполняют разъяснительную функцию, относятся и гайды, в настоящее время широко представлены в интернет-коммуникации.

Гайд (от англ. *guide* – «путеводитель» или «гид») часто определяется как инструкция, которая логично, подробно и пошагово показывает решение какой-либо конкретной задачи [19]. Действительно, гайд по своему назначению близок к инструкции, но все же имеет свои жанровые черты.

Цель исследования, результаты которого изложены в статье, заключается в описании гайда как самостоятельного жанра в системе регламентирующих текстов.

Материал и методы

Исследование направлено на выявление жанровых признаков гайда. Установить их позволяет метод жанровой параметризации, предполагающий характеристику «субъектов коммуникации – адресанта и адресата», «доминирующей функции», «характера передаваемой информации», «структур», «модальности», «пространства», «времени» и особенностей речевой организации (подробно о методе см. [9, с. 184–187]; он получил широкую апробацию на материале документов разных видов и хронологических периодов [2; 4; 5; 12; 13 и др.]).

В качестве материала для исследования избраны три гайда, связанные со сферой высшего образования: «Гайд первокурсника. Об учебе и досуге в ВолГУ» [6]; «Гайд по выбору вуза» [7]; гайд «На каких условиях могут работать несовершеннолетние студенты» [16]. Все гайды находятся на сайтах вузов в свободном доступе.

Результаты

Адресант гайда находит выражение в ссылке на сайт организации и контактной информации, он неперсонифицирован, имплицирован. Адресантом является

организация, сотрудник, разработчик гайда – представитель организации, который уполномочен передавать официальную информацию.

Принадлежность к организации, корпоративность адресанта эксплицирована притяжательным местоимением мн. числа: *В нашем подробном гайде вы найдете ответы на эти вопросы* [6].

Гайд не имеет реквизита «адресант», но в условиях интернет-коммуникации размещение на сайте организации, ссылку на этот сайт можно рассматривать как новый формат реквизита.

Адресат гайда – это целевая аудитория, ограниченная принадлежностью к определенной социальной группе.

Он эксплицирован в названии гайда: *Гайд первокурсника. Об учебе и досуге в ВолГУ; На каких условиях могут работать несовершеннолетние студенты*, или представлен имплицитно: *Гайд по выбору вуза* (адресатом являются абитуриенты, поскольку именно они решают задачу выбора образовательного учреждения для продолжения обучения).

В гайдах используются разные средства номинации адресата. Это прежде всего синонимичные существительные, обозначающие лицо, обучающееся в вузе, и слово-сочетания с ними, а также сложные номинации, включающие причастный оборот: *студент* [6; 7; 16]; *обучающийся очной формы обучения, обучающийся вуза, студент-очник, несовершеннолетний студент, совершеннолетний студент-очник, кандидат на вакантное место, студент-работник, работающие студенты* [16]; *студенты, решающие устроиться на работу; лица, получающие образование по очной форме обучения; работник, совмещающий трудовую деятельность с учебой в вузе на очной форме обучения и впервые получающий высшее образование* [16].

Средством номинации адресата являются также местоимения *вы* и *ты*, способствующие сокращению дистанции между коммуникантами: *В нашем подробном гайде вы найдете ответы на эти вопросы* [7]; *Для твоего удобства делимся картой университета* [6].

Отметим, что адресант и адресат не находятся в отношениях служебной иерархии, но адресант заинтересован в адресате как клиенте, разбирается в вопросе и передает информацию в простой форме.

Доминирующая функция. Анализ содержания гайдов показал, что они выполняют несколько функций: информирования, самопрезентации и регулирования, которое проявляется в тексте как разъяснение. Именно последняя функция является доминирующей, она эксплицирована в формулировке цели гайда: *В нашем подробном гайде вы найдете ответы на эти вопросы, а также подробные инструкции, которые помогут без лишнего стресса присоединиться к рядам студентов и не пожалеть о сделанном выборе* [7], а также в структуре текста и в речевом воплощении, что будет рассмотрено ниже.

Характер передаваемой информации. Во всех гайдах основным типом информации является фактуальная (о типах информации см. [8, с. 27–29]): сведения об организации учебного процесса, критериях оценивания знаний, то есть информация, которая содержится в официальных документах, использующихся в организации и регулирующих ее деятельность, например, в этическом кодексе, положениях, правилах, следовательно, гайд является вторичным текстом.

Средствами передачи фактуальной информации в рассмотренных нами гайдах являются:

- цифры: *4,3 млн* [7]; *не более 35 часов в неделю* [16]; *по 100-балльной шкале; не меньше 60 баллов* [6];
- наименование организаций: *Сколково, EdTech-компании* [7];
- аббревиатуры: *ОГЭ, ЕГЭ* [7];

- наименования официальных сайтов: *официальный сайт Рособрнадзора* [7];
- адреса сайтов: ссылки на сайт как источник информации оформлены с использованием наречий *тут* и *здесь* (при клике на них осуществляется переход на страницу сайта с нужными адресату сведениями): *Делимся с тобой информационными ресурсами всех структур нашего университета: Научная библиотека ВолГУ – тут; Рейтинг ВолГУ – здесь* [7];
- терминология: *работать по гибкому графику* [16];
- указание на документы: *На основании ст. 59 ТК РФ* [16];
- выдержки из статей закона: *По соглашению сторон срочный трудовой договор может заключаться: ... с лицами, получающими образование по очной форме обучения* [16].

В гайдах [7; 16] представлена также концептуальная информация. Как известно, такой тип информации характерен прежде всего для художественных и публицистических текстов, поскольку отражает авторское, субъективное видение мира. Однако концептуальная информация может появляться в таких документах, как программа, доктрина, концепция развития, протокол о намерениях, договор о сотрудничестве и др. Она выражается эксплицитно и тесно переплетается с фактуальной. В гайдах концептуальная информация связана с оценкой преимуществ образовательной организации, качеств студента и т. д., например: *Высшее образование открывает целый ряд карьерных возможностей. Без него сложно устроиться на многие должности, а также получить продвижение по службе и более высокий уровень зарплаты. Студенты, окончившие хорошие вузы, имеют преимущество перед другими соискателями при трудоустройстве и быстрее движутся по карьерной лестнице* [7]; *Выбирайте работу, которая поможет вам приобрести ценный опыт для развития профессиональных компетенций, соответствующих направлению вашей подготовки в вузе. Зарекомендуйте себя как ответственного члена трудового коллектива, чтобы по окончании университета вы могли претендовать на более высокую зарплату и позицию в штате сотрудников конкретной организации, в которой вы планируете работать, совмещая учебу с трудовой деятельностью* [16].

Структура любого документа определяется необходимой в деловой коммуникации точностью, которая требует жесткой фиксации информации, стандартизации ее языкового выражения. Документный текст структурируется в соответствии с формуляром, его наличие является главным признаком документа.

У гайда нет традиционного и единого формуляра, однако могут быть представлены отдельные реквизиты – логотип, название, в котором содержится указание на жанр, контактная информация (сведения об адресанте), а также ссылка на сайт, которую, как мы уже отмечали, можно рассматривать в качестве нового формата реквизита.

Гайды сегментированы на разделы, имеющие заголовки, содержат маркированные перечни, вопросно-ответные комплексы. Эти элементы структуры выделены графически посредством шрифтов и цвета. Невербальная составляющая текста также формируется скриншотами, рисунками, фотографиями.

Например, текст гайда по выбору вуза содержит небольшое введение, после которого идут разделы, представленные без нумерации, но выделенные полужирным шрифтом, и подразделы:

Почему важно хорошо сдать экзамены и правильно выбрать вуз

Влияние выбора вуза на карьеру; личный и профессиональный рост [7].

Текст гайда первокурсника построен в форме вопросно-ответных единиц, имитирующих диалог со студентом:

Есть ли дресс-код в университете? – Да, в приоритете стиль Casual в одежде и опрятный вид [6].

Текст гайда о работе несовершеннолетних студентов структурирован с учетом важных аспектов информации, выделенных шрифтом (полужирным, курсивом) и цветом:

На каких условиях может работать студент дневной формы обучения

Что должно быть отражено в трудовом договоре.

Завершает текст рисунок [16].

Как видим, при разнообразии реализации параметра «структура» в текстах наблюдается некоторая общность: наличие разделов, использование графических возможностей для структурирования текста и выделения значимой информации. Все это направлено на акцентирование важных моментов, что связано с разъяснением.

Модальность. В тексте гайдов отмечается широкий диапазон модальных значений: возможности, необходимости, долженствования, запрета / разрешения, совета. Они связаны с функцией разъяснения и в разной мере представлены в рассмотренных нами гайдах. Средства вербализации модальных значений охарактеризуем ниже – при описании речевой организации гайда.

Пространство и время. «Пространство» выражает принадлежность к организации через ссылку на сайт и номинацию организации в тексте; «время» – дату обращения адресанта к гайду.

Важным показателем жанра является его **речевая организация**. В гайдах она нацелена на реализацию функции разъяснения и имеет специфические черты.

I. Наличие разнообразных по форме дефиниций специальных единиц (о формах дефиниций см. [1, с. 8–11]).

- родовидовые дефиниции: *с сотрудником заключается трудовой договор – официальный документ, на основании которого устанавливаются взаимные права и обязанности работника и нанимателя* [16];

- вставные конструкции, заключенные в скобки: *условия оплаты труда (включая оклад, доплаты, надбавки и пр.)* [16];

- дефиниции в метафорической форме: Экзамен – это дополнительная «контрольная работа», на которой можно заработать баллы, если вы не смогли набрать за семестр [6].

II. Использование современной лексики, понятной целевой аудитории (номинации рекреаций вуза, профессий, понятий ИТ-сферы и др.): *инфраструктура, кампус, профориентологи, комьюнити, сайт-агрегатор, стартап* [8], *коворкинг-пространство* [6].

III. Актуализация модальных значений, осуществленная с использованием разнообразных лексических и грамматических средств:

- значение возможности: *вы могли претендовать на более высокую зарплату* [16], *можно выбрать до пяти специальностей*; Хорошие оценки *дают возможность пройти на бюджет*; это *сделает университетские будни интереснее и позволит завести надежных друзей*; это *легко сделать* с помощью фильтров на любом сайте-агрегаторе вузов [7];

- значение долженствования: *Все условия должны быть строго регламентированы; ... следует учитывать тонкости процесса; требуется ... исполнение трудовых обязанностей* [16]; *Она пригодится только для занятий физкультурой, где её наличие является обязательным* [6];

- значение необходимости: *необходимо получить ... хорошие оценки; сменная обувь тебе не понадобится* [6]; *необходимость качественного осво-*

ения образовательных программ... требует много времени [16], **нужно** выстроить грамотную стратегию [7];

- значение запрета / разрешения: **Под запретом** шорты, короткие топы; **Допускаются** элементы спортивного стиля [6];

- значение совета: **лучше всего выбрать** пару ... вузов; **стоит ... проконсультироваться** с профориентологом; **важно позаботиться** об успешной сдаче ЕГЭ; При этом **важно понимать**, что... [7].

IV. Использование особых синтаксических конструкций:

- вопросно-ответные конструкции: *Какая система оценивания? В ВолГУ существует балльно-рейтинговая система оценивания знаний, которая осуществляется по 100-балльной шкале [6]*;

- неполные предложения: 61–70 баллов – «удовлетворительно», 71–90 баллов – «хорошо», 91+ баллов – «отлично» [6];

- побудительные предложения: *Выясните, что входит в программу обучения, не устарела ли она, насколько сильна теоретическая и практическая часть, а также какие знания и навыки вам обещают дать по выходе из университета [7]*;

- сложные предложения с придаточными цели: *Чтобы увеличить шансы на поступление, лучше всего выбрать пару самых высокорейтинговых вузов [7]*;

- парцеллированные конструкции: *Необходимость качественного освоения образовательных программ, по которым обучают в вузе, требует много времени и сил. Поэтому прием на определенную должность студента-очника связан с рядом нюансов [7]*;

- поясняющие конструкции с вводными словами:

Например: *Буду ли я работать по специальности? Все зависит от тебя [6]*.

V. Использование выразительных средств (сравнение, риторический вопрос): *Определить, какой у тебя сегодня предмет, верхний или нижний, очень просто. Вспомни математическую дробь: то, что сверху – числитель, а снизу – знаменатель. Поэтому если сегодня неделя знаменателя, смотри на нижнюю ячейку [6]; Разве студент с молодой пылкой натурой – надежный сотрудник? [16]*.

VI. Экспликация признаков разных функциональных стилей.

Официально-деловой стиль, свойственный документам, проявляется в наличии специальной лексики (*аккредитация, лицензия, академическая программа*), клише (*взаимные права и обязанности, согласно указанной выше статье*), страдательных конструкций (с *сотрудником* заключается договор).

Разговорный стиль проявляется в наличии просторечных разноуровневых единиц и устойчивых выражений: вопросы для **задавания** на месте, **студенческие активности**, квота была выделена **льготникам** [7], **студенты-очники** [16], Но **подаваться** сразу во все возможные вузы; Узнайте, хорошо ли там обучают или выдают **дипломы для галочки**, особенно если поступаете на заочное отделение, которое во многих университетах **достаточно слабое**; **Оцените своими глазами**, отремонтированы ли здания кампуса [7], Часто экономисты по профессии уходят в **продажи** [6], Важную информацию об учебных отпусках можно **почерпнуть** из статьи 173 ТК РФ [16]; образных выражений: Устраиваясь на работу, студенту-очнику нужно знать, что работодатель берет его **в свою команду**, заключая трудовой договор [16]; местоимения ты, формирующее личностную направленность коммуникации: *теперь ты с гордостью можешь сказать, что стал студентом ВолГУ [6]*; в тональности «дружеского» разговора:

Не волнуйся, каждый из нас был первокурсником и проходил через это. Мы позаботились о тебе и ответили на самые частые из вопросов [6].

Кроме того, некоторые стилевые черты гайда обусловлены функцией самопрезентации, которая сближает его с текстами рекламной коммуникации:

Такие занятия, например, есть в Фоксфорде – популярной онлайн-школе, которую каждый месяц посещает более чем 4,3 млн уникальных пользователей и на платформе которой зарегистрированы свыше 12,1 млн человек; ... есть большая столовая и буфет, ... где ты найдешь блюда на любой вкус и точно не останешься голодным [6].

Наблюдения показывают, что стилевая организация гайда детерминирована фактором адресата, задачей передать информацию понятно, просто и представить вуз с положительной стороны.

Выводы

Динамика современной деловой коммуникации определила необходимость расширения понятия «регламентирующий документ» до понятия «регламентирующий текст». Это дало возможность включить в систему регламентирующих текстов новые жанры. Одним из них является гайд, который используется в официальной интернет-коммуникации с целью регулирования деятельности организации в неофициальной форме.

Применение методики жанровой параметризации позволило выявить специфические черты этого жанра (официальность адресанта, вторичность, внутриструктуривность коммуникации, новый формат некоторых реквизитов); речевая организация таких текстов обусловлена адаптацией к адресату – его компетенциям, и доминирующей функцией, которая реализуется как разъяснение.

Таким образом, изменившиеся условия социального взаимодействия порождают новые документные жанры. Их исследование расширит имеющиеся в лингвистике представления о свойствах текста, его функциях и структурно-речевой организации, что будет способствовать оптимизации официально-деловой коммуникации.

Список источников и литературы

1. Андреев В. П., Плахотская Ж. В. Толкование и дефиниция: теза и антитеза // Лингвистика и образование. 2024. Т. 4, № 1. С. 6–20. URL: <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-1-6-20> (дата обращения: 20.03.2025).
2. Белоконева К. А. К проблеме жанрово-стилевой принадлежности документного текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкоzнание. 2011. № 2. С. 148–153.
3. Белоус Е. С. Интерактивные документы: языковые особенности и документный статус // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкоzнание. 2021. Т. 20, № 1. С. 168–180. URL: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.14> (дата обращения: 20.03.2025).
4. Буслаева Е. С. Документность как свойство текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкоzнание. 2016. № 1 (30). С. 70–77. URL: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.8> (дата обращения: 20.03.2025).
5. Быстрова А. С. Жанровые параметры стратегии как документа долгосрочного планирования // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкоzнание. 2017. Т. 16, № 3. С. 199–206. URL: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.20> (дата обращения: 20.03.2025).
6. Гайд первокурсника. Об учебе и досуге в ВолГУ // Профсоюзная организация обучающихся ВолГУ : [группа в соц. сети ВКонтакте]. URL: https://vk.com/@profcom_volsu-chto-takoe-volgu-otvety-dlya-pervokursnika (дата обращения: 20.03.2025).
7. Гайд по выбору вуза // Hi-tech.mail.ru : интернет-портал. URL: <https://promocodes.hitech.mail.ru/blog/gajd-po-vyboru-vuza?ysclid=mbnoajtjv8775028839> (дата обращения: 20.03.2025).

8. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
9. Жанровые особенности войсковых грамот XVIII в. (по материалам архивного фонда «Михайловский станичный атаман») / О. А. Горбань [и др.] // Известия УрФУ. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18, № 4 (157). С. 182–199.
10. Двоеносова Г. А. Теория документа в парадигме междисциплинарного знания. М.: РГГУ, 2019. 447 с.
11. Кириченко Н. В. Научно-популярный подстиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 236–242.
12. Косова М. В. Параметризация текстов документов как способ жанровой идентификации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2020. Вып. 1. С. 48–55.
13. Косова М. В. Инициатива как вид документа // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. № 3. С. 5–18.
14. Косова М. В., Зарипова О. А. Жанровые разновидности рекомендательного письма: роль фактора адресата // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. 2021. № 6 (159). С. 109–113.
15. Косова М. В., Шептухин М. К. Адресат как фактор адаптации вида документа // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2024. Т. 23, № 4. С. 209–220. URL: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.16> (дата обращения: 20.03.2025).
16. На каких условиях могут работать несовершеннолетние студенты // Международная полицейская академия ВПА: офиц. сайт. URL: <https://mpa71.ru/wp-content/uploads/Nakakih-usloviyah-mozhet-rabotat-student-dnevnaya-formyi-obucheniya.pdf?ysclid=mbvz7zvvrl693705519> (дата обращения: 20.03.2025).
17. Романова Н. А. К вопросу о стилевой принадлежности текстов клинических рекомендаций (руководств) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2023. № 2 (299). С. 132–138.
18. Ромашова О. В., Романова Н. А. Лингвистическая презентация пациент-ориентированного подхода в лечебном процессе (на материале клинических рекомендаций) // Тульский научный вестник. Сер.: История. Языкознание. 2020. Вып. 2 (2). С. 95–107. URL: https://tula-vestnik.ru/pdf/2020/vipusk_2/95.pdf (дата обращения: 20.03.2025).
19. Словарь ИТ терминов // Skillfactory: онлайн-школа ИТ-профессий: сайт. URL: <https://blog.skillfactory.ru/glossary/?ysclid=mdbiczbp5z299749716> (дата обращения: 20.03.2025).
20. Сологуб О. П. Изучение официально-деловой речи: прошлое, настоящее, будущее // Медиалингвистика. 2013. № S1. С. 260–270.
21. Хороходина О. В. Инструкция как тип текста // Мир русского слова. 2013. № 4. С. 7–14.
22. Шарипова Р. Р. Композиционные и лексические особенности текстов регламентирующих документов системы менеджмента качества // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (52): в 2 ч. Ч. 1. С. 205–207.
23. Шептухин М. К. Способы и средства объективации интенции разъяснения в регламентирующем тексте // Девятые Моисеевские чтения : материалы междунар. науч. конф. (Оренбург, Оренбургский гос. пед. ун-т, 22 ноября 2024 г.). Оренбург: Оренбургская книга, 2025. С. 99–103.
24. Ширинкина М. А. Форматы и жанры медиакоммуникации исполнительной власти // Жанры речи. 2021. № 1 (29). С. 66–77. URL: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-66-77> (дата обращения: 20.03.2025).
25. Янковая В. Ф. Документ, электронный документ: к определению понятий // Документ упорядочивает жизнь : сб. материалов Круглого стола (26 октября 2022 г.). М.: РГГУ, 2023. С. 140–161.

References

1. Andreyev, VP & Plakhotskaya, ZhV 2024, 'Tolkovaniye i definitsiya: teza i antiteza' (Explanation and definition: thesis and antithesis), *Lingvistika i obrazovaniye* (Linguistics & Education), vol. 4, no. 1, pp. 6–20, doi: 10.17021/2712-9519-2024-1-6-20 (In Russ.)
2. Belokoneva, KA 2011, 'K probleme zhanrovo-stilevoy prinadlezhnosti dokumentnogo teksta' (On the problem of genre and style of a documental text), *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* (Science Journal of Volgograd State University. Linguistics), no. 2 (14), pp. 148–153. doi:10.15688/jvolsu2.2011.2.26 (In Russ.)
3. Belous, ES 2021, 'Interaktivnye dokumenty: yazykovyye osobennosti i dokumentnyy status' (Interactive Documents: Language Features and Document Status), *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* (Science Journal of Volgograd State University. Linguistics), vol. 20, no. 1, pp. 168–180, doi:10.15688/ jvolsu2.2021.1.14 (In Russ.)
4. Buslayeva, ES 2016, 'Dokumentnost kak svoystvo teksta' (Dokument nature as a text feature (exemplified by PR texts)), *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* (Science Journal of Volgograd State University. Linguistics), no. 1 (30), pp. 168–180. (In Russ.)
5. Bystrova, AS 2017, 'Zhanrovyye parametry strategii kak dokumenta dolgosrochnogo planirovaniya' (Genre Parameters of Strategy as a Document of Long-Term Planning), *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* (Science Journal of Volgograd State University. Linguistics), vol. 16, no. 3, pp. 199–206, doi: 10.15688/ jvolsu2. 2017.3.20 (In Russ.)
6. 'Gayd pervokursnika. Ob uchyoibe i dosuge v VolGU' (Guide for First-year students. About studying and leisure in VolSU), VK, viewed 20 March 2025, https://vk.com/@profcom_volsu-cto-takoe-volgu-otvety-dlya-pervokursnika (In Russ.)
7. 'Gayd po vyboru vuza' (Guide to choosing a university), *Hi-tech.mail.ru*, viewed 20 March 2025, <https://promocodes.hi-tech.mail.ru/blog/gajd-po-vyboru-vuza?ysclid=mbnoajtjv8775028839> (In Russ.)
8. Galperin, IR 2004, *Tekst kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya* (Text as an object of linguistic research), KomKniga publ, Moscow. (In Russ.)
9. Gorban, OA, Ilyinova, EYu, Kosova, MV & Sheptukhina, EM 2016, 'Zhanrovyye osobennosti voyskovykh gramot serediny XVIII v. (po materialam arkhivnogo fonda «Mikhaylovskiy stanichnyy ataman»)' (Genre Characteristics of Military Charters of the 18th century (On Materials of the Mikhailovsky Stanitsa Ataman Archive Fund)), *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki* (Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts), vol. 18, no. 4 (157), pp. 182–199, doi: 10.15826/ izv2.2016.18.4.074 (In Russ.)
10. Dvoyenosova, GA 2019, *Teoriya dokumenta v paradigme mezhdisciplinarnogo znanija* (Document theory in the paradigm of interdisciplinary knowledge), RGGU publ, Moscow. (In Russ.)
11. Kirichenko, NV 2003, 'Nauchno-populyarnyy podstil' (Popular science substyle), *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar russkogo yazyka* (Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language), ed. M. N. Kozhina, Flinta publ, Nauka publ, Moscow, pp. 236–242. (In Russ.)
12. Kosova, MV 2020. 'Parametrizatsiya tekstov dokumentov kak sposob zhanrovoy identifikatsii' (The parameterisation of document texts as a means of genre identification), *Vestnik BFU im. I. Kanta, Seriya Filologiya, Pedagogika, Psichologiya* (IKBFU's Vestnik. Series: Philology, Pedagogy, Psychology), no. 1, pp. 48–55. (In Russ.)
13. Kosova, MV 2023. 'Initsiativa kak vid dokumenta' (Initiative as a type of document), *Vestnik BFU im. I. Kanta, Seriya Filologiya, Pedagogika, Psichologiya* (IKBFU's Vestnik. Series: Philology, Pedagogy, Psychology), no. 3, pp. 5–18. (In Russ.)
14. Kosova, MV & Zaripova, OA 2021, 'Zhanrovye raznovidnosti rekomendatelnogo pisma: rol faktora adresanta' (Genre peculiarities of reference letter: the role of the factor of addressee), *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* (Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University), no. 6 (159), pp. 109–113. (In Russ.)

15. Kosova, MV & Sheptukhin, MK 2024, 'Adresat kak faktor adaptatsii vida dokumenta' (Addressee as a Factor in Document Type Adaptation), *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* (Science Journal of Volgograd State University. Linguistics), vol. 23, no. 4, pp. 209–220, doi: 10.15688/jvolsu2.2024.4.16 (In Russ.)
16. 'Na kakikh usloviyakh mogut rabotat nesovershennoletniye studenty' (Conditions under which underage students can work), *Mezhdunarodnaya politseyskaya akademiya VPA*, viewed 20 March 2025, <https://mpa71.ru/wp-content/uploads/Na-kakih-usloviyah-mozhet-rabotat-student-dnevnay-formyi-obucheniya.pdf?ysclid=mbvz7zvvr1693705519> (In Russ.)
17. Romanova, NA 2023, 'K voprosu o stilevoy prinadlezhnosti tekstov klinicheskikh rekommendatsiy (rukovidstv)' (On the question of the stylistic affiliation of the texts of clinical recommendations (guidelines)), *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* (Izvestia Voronezh State Pedagogical University), no. 2 (299), pp. 132–138. doi: 10.47438/2309-7078_2023_2_132 (In Russ.)
18. Romashova, OV & Romanova, NA 2020, 'Lingvisticheskaya reprezentatsiya patsient-orientirovannogo podkhoda v lechebnom protesse (na materiale klinicheskikh rekommendatsiy)' (Linguistic representation of the patient-oriented approach in the treatment process (based on clinical recommendations), *Tul'skiy nauchnyy vestnik. Seriya Istorya. Yazykoznanie* (Tula scientific bulletin, History. Linguistics), no. 2 (2), pp. 95–107. (In Russ.)
19. 'Slovar IT terminov' (Dictionary of IT terms), *Skillfactory: onlayn-shkola IT-professiy* (Skillfactory. Online school of IT professions), viewed 20 March 2025, <https://blog.skillfactory.ru/glossary/?ysclid=mdbicz6p5z299749716> (In Russ.)
20. Sologub, OP 2013, 'Izuchenije ofitsialno-delovoy rechi: proshloye, nastoyashcheye budushcheye' (The study of official business speech: the past, the present and the future), *Medial-lingvistika* (Media Linguistics), no. S1, pp. 260–270. (In Russ.)
21. Khorokhordina, OV 2013, 'Instruktsiya kak tip teksta' (Instructions as a text type), *Mir russkogo slova* (World of the Russian Word), no. 4, pp. 7–14. (In Russ.)
22. Sharipova, RR 2015, 'Kompozitsionnyye i leksicheskiye osobennosti tekstov reglamentiruyushchikh dokumentov sistemy menedzhmenta kachestva' (Compositional and lexical peculiarities of texts of regulatory documents of the Quality management system), *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* (Philology. Theory & Practice), no. 10 (52), part 1, pp. 205–207. (In Russ.)
23. Sheptukhin, MK 2025, 'Sposoby i sredstva obyektivatsii intentsii razyasneniya v reglamentiruyushchem tekste (Ways and means of objectification of the intention of clarification in the regulatory text)', *Devyatyye Moiseyevskiye chteniya: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Orenburg, Orenburgskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 22 noyabrya 2024 g.)* (The Ninth Moiseev Readings. Proceedings of the International Scientific Conference (Orenburg, Orenburg State Pedagogical University, 22 November 2024)), Orenburgskaya kniga publ, Orenburg, pp. 99–103. (In Russ.)
24. Shirinkina, MA 2021, 'Formaty i zhanry mediakommunikatsii ispolnitelnoy vlasti' (Formats and genres of media communication of the executive power), *Zhanry rechi* (Speech Genres), no. 1 (29), pp. 66–77, doi: 10.18500/2311-0740-2021-1-29-66-77 (In Russ.)
25. Yankovaya, VF 2023, 'Dokument, elektronnyy dokument: k opredeleniyu ponyatiy' (Document, electronic document: towards the definition of concepts), *Dokument uporyadochivaet zhizn: sbornik materialov Kruglogo stola (26 oktyabrya 2022 g.)* (Document regulates life. Collection of materials of the Round Table (26 October 2022)), RGGU publ, Moscow, pp. 140–161. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 28.08.2025
Одобрена после рецензирования: 05.11.2025
Принята к публикации: 05.11.2025

The article was submitted: 28.08.2025
Approved after reviewing: 05.11.2025
Accepted for publication: 05.11.2025

Тульский научный вестник. Серия История. Языковедение. 2025. Вып. 3 (23). С. 232–244.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 3 (23). P. 232–244.

Scientific Article

UDC 81.119

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-232-244>

PRODUCTS OF PERSPECTIVE-TAKING PROCESS IN VERBAL COMMUNICATION: SUCCESS AND ACCEPTABILITY

University of Szeged

Denis Shuvalov

Szeged, Hungary, dns_shv@icloud.com

<https://orcid.org/0000-0001-5485-6371>

Abstract. This article investigates the perspective-taking process (PTP) not merely as a social or developmental phenomenon, but as an individual cognitive operation with discrete internal products. Moving beyond the conventional focus on shared outcomes or consequences of perspective-taking, the paper delineates two key agent-level products: (1) the success of PTP, defined as the accuracy and comprehensiveness in representing another's mental state and (2) the acceptability of the other's perspective, which is distinguished from agreement. Drawing on dual-process models of cognition and integrating insights from psycholinguistics and Theory of Mind, the study develops a four-scenario model based on the interplay of acceptance and agreement. These two products, success and acceptability, are positioned as necessary precursors to broader interpersonal or communicative consequences, and should thus be integrated into theoretical models of perspective-taking. As a result, a PTP model for verbal communication is proposed, grounded in the alternation of these two products: (1) the other person's perspective is accepted and agreed with by the agent (++); (2) the perspective is accepted but not agreed with (+-); (3) the perspective is neither accepted nor agreed with (--) and (4) the perspective is not accepted, yet the agent expresses agreement (-+).

Keywords: psycholinguistics, perspective-taking, outcomes of perspective-taking, success in perspective-taking.

For citation: Shuvalov, D 2025, 'Products of Perspective-Taking Process in Verbal Communication: Success and Acceptability', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (23), pp. 232–244, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-232-244> (in Russ.)

Information about the Author: Denis Shuvalov – PhD Candidate of the Department of General Linguistics, University of Szeged, 13, Dugonics Square, Szeged H-6720, Hungary.

Научная статья

УДК 81.119

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-232-244>

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОЦЕССА ПРИНЯТИЯ ПЕРСПЕКТИВЫ В РЕЧЕВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ: УСПЕШНОСТЬ И ПРИНЯТИЕ

Денис Шувалов

Университет Сегеда
Сегед, Венгрия, dns_shv@icloud.com
<https://orcid.org/0000-0001-5485-6371>

Аннотация. В данной статье процесс принятия перспективы (РТР) рассматривается не только как социальное или онтогенетическое явление, но прежде всего как индивидуальная когнитивная операция с чётко определёнными внутренними продуктами. В отличие от традиционного акцента на разделяемых результатах или последствиях принятия перспективы, в работе выделяются два ключевых продукта на уровне агента: (1) успешность РТР, понимаемая как точность и полнота воссоздания ментального состояния другого, и (2) принятие перспективы другого, при этом она отчётливо разграничивается с согласием. Основываясь на модели двухсистемного мышления и опираясь на психолингвистику и теорию разума (Theory of Mind), автор разрабатывает четырёхсценарную модель, отражающую взаимодействие между принятием и согласием. Эти два продукта: успешность и принятие, представлены как необходимые предварительные условия для возникновения более широких межличностных или коммуникативных последствий и, следовательно, должны быть интегрированы в теоретические модели принятия перспективы. В результате предлагается модель в вербальной коммуникации, основанная на чередовании этих двух продуктов: (1) перспектива другого человека принята и разделяется агентом (++); (2) перспектива принята, но не разделяется (+-); (3) перспектива не принята и не разделяется (--); (4) перспектива не принята, но агент выражает согласие (-+).

Ключевые слова: психолингвистика, процесс принятия перспективы, результаты принятия перспективы, успешность в восприятии чужой точки зрения.

Для цитирования: Шувалов Д. Результаты процесса принятия перспективы в речевом взаимодействии: успешность и принятие // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоизнание. 2025. Вып. 3 (23). С. 232–244. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-232-244>

Сведения об авторе: Д. Шувалов – аспирант факультета теоретической лингвистики, Университет Сегеда, 6720, Венгрия, г. Сегед, площадь Дугонича, д. 13.

1 Introduction

1.2 Starting point, goal, and organisation of the paper.

Perspective-taking process (PTP) plays a fundamental role in human interactions. This paper discusses PTP in the light of verbal communication, bringing insights from contemporary psychology and the Theory of Mind.

PTP has traditionally been examined from a broad, outcome-oriented perspective, focusing on the advantages and disadvantages experienced collectively by all parties in an interaction. In contrast, this paper adopts a more granular approach, conceptualizing PTP as an individual cognitive process. It seeks to explore the specific internal products that emerge from this process and to situate them within a wider theoretical framework.

PTP is a phenomenon which hard to analyse due to its tenuous and subtle nature. Section 1.2 sheds light on multiple approaches to understanding this multifaceted concept.

It has been noted that perspective-taking is sometimes discerned differently: as a process, as a faculty, and as a personal trait. Section 2 gives an account of the processual nature of PTP and summarises some intricate points from other literature in this regard.

Since every process resulted in some ends, PTP also completes with the outcomes. However, Section 3 elucidates, that the outcomes are more general and touch on all parties involved in the verbal communication. Contrarily, I consider PTP from the bluntly technical point of view — as a purely individual process resulting in the particular products.

The minds of others are not directly accessible which can cause faults in the PTP accuracy. Thus, in Section 3.1, I consider the success of PTP as the inevitable first product of individual PTP. After a successful attempt to take the perspective of others the future development of verbal communication depends on whether a taker accepts or does not accept the other person's perspective as well as whether the taker agrees or disagrees with it. Therefore, in Section 3.2, I will give details on the second product of PTP: Acceptance/non-acceptance and agreement/disagreement with another perspective.

Section 4 brings corollary remarks on the place of the deduced individual products of PTP in the psychological theoretical framework but with a propensity to verbal communication aspect.

1.2 Multifaceted nature of perspective-taking

Broadly construed, perspective-taking can be defined as a process to understand the feelings and thoughts of others, their point of view, and how the target perceives the situation [19, p. 8]. Perspective-taking is a multifaceted phenomenon in terms of its various aspects. For instance, from the functional viewpoint, perspective-taking is divided into the following counterparts: cognitive and affective. The cognitive side of the given phenomenon stands for comprehending the thoughts and beliefs of other people; the latter deals with inference about the emotions and feelings of others. Additionally, researchers segregate perceptual perspective-taking into a separate domain, that is, comprehending what the other person experiences in terms of visual, auditory, or other perceptual aspects [10; 15; 24; 34].

Besides, some intricacy exists concerning the conceptual nature of the perspective-taking construct. Despite the relatively long history of the scrutiny on perspective-taking, scholars still conceptualise it disparately. Some scholars define perspective-taking as a process, others as a cognitive faculty, and the third group as a personality trait. Gasiorek and Hubbard [18] discerned this confusing point, analysed 15 articles on the basis of which they summarised discrepancies in the different notions and proposed an integrative definition of perspective-taking [18, p. 98]:

"a situated process of forming ideas about the content of another person's mental state, supported by an underlying (1) social cognitive ability with a developmental trajec-

tory and (2) general tendency for spontaneous engagement, which varies as an individual difference.”

Thus, Gasiorek and Hubbard highlighted the multifaceted nature of perspective-taking, defining the notion of it as a process which encompasses both cognitive ability and personal tendency.

Also, perspective-taking can be performed in two frequently confused forms regarding its focus: self-directed and other-person-directed. For example, you can infer what the others’ internal state is by imagining how these others see and perceive the situation, that is, an imagine-other perspective. Second, you can imagine how you personally would feel in the situation were you in the place of the other person – an imagine-self perspective [3].

Schober [46] argued that there are four kinds of perspectives in a conversation. The first one is connected with the deictic expressions referring to the speaker’s time, place, and identity. For example, in direct speech, deictic expressions like I and you represent that the origin of the utterance is in the face of the current speaker. The deictic expressions of time (today, yesterday, next year, etc.) point to the period of time from which the speaker reports. And, consequently, spatial deictic expressions (here, there, that, come, go) identify the location and spatial peculiarities of the current speaker.

The second kind of perspective in the conversation is called a conventional conceptualisation, that is [46, p. 148]:

“The way the speaker characterises the topic under discussion for the moment, as conventionally indicated by the linguistic form”.

In other words, the speaker chooses linguistic means (words, propositions, and other discourse forms) to express themselves relatively to a situation, location, object, etc. For instance, the expressions “the morning star” and “the evening star” can refer to the same object but have a different sense or, in terms of Schober, conventional conceptualisation.

The third form of perspective is the conversational agenda that bounds all the utterances in the discussion. For example, interlocutors can comprehend the conversation differently: either as serious or as small talk. Thus, the interpretation of the question “How are you?” might vary according to the interlocutors’ perception of the conversation. Another case of the conversational agenda representation can be “following the script in a standardised survey interview”.

The three aforementioned types of perspectives reflect subtle and ephemeral stances people take, unlike the last, the fourth type – knowledge, which is a relatively permanent state of a person. It comprises all pieces of a person’s knowledge, beliefs, world views, opinions, values, attitudes, and the like.

Overall, the purpose of this paragraph was to review some existing concepts of such a complex phenomenon as perspective-taking in the conversation. It allows us to glance at perspective-taking from disparate slants. So, to continue the salient line on the multifurcations of perspective-taking, let us further discern the phenomenon from another angle, where new facets of it can be identified. Namely, perspective-taking can be considered as a process and a product.

2 Perspective-taking as a process

The term “process” in a broad sense is defined as a set of actions directed to achieve a particular end [36]. Many cognitive activities are considered processes: thinking, learning, remembering, and many more, including perspective-taking.

The processual aspect of perspective-taking evokes no wonder since this phenomenon is dynamic in time [8] and accuracy [26; 37] and involves the constant operation of the responsible parts of the brain throughout the perspective-taking processing [24; 46]. Additionally, the majority of scholars determine perspective-taking as a cognitive process [6; 18; 22; 24; 39; 43].

Perceiving perspective-taking as a process, we inevitably arrive at the intentionality dilemma. Nowadays, there are two confronting groups regarding the issue of whether the process of perspective-taking is deliberate, conscious, and automatic [4]. The partisans of the first group argue that PTP is launched from the very beginning of the comprehension process, analysing the availability of the common ground for the interlocutor. Meanwhile, the second group adheres to the claim that PTP occurs later, during the effortful phase of communication.

Gehlbach&Mu [20] discern the PTP in the light of Kahneman's dual model of thinking elucidated in "Thinking Fast and Slow" [28]. According to this model, humans possess two types of thinking: System 1 and System 2. The system of the first rank is fast, automatic, subconscious, intuitive, stereotypic, and unintentional. Presumably, System 1 has evolved in order to jump to conclusions under restricted circumstances, mainly to survive. It answers questions such as "Should I approach or avoid?", "Is everything normal?", "Friend or foe?" and the like. And contrarily, System 2 is slow, effortful, conscious, deliberate, and analytical. It can be evoked in case of the need to override/amend/elaborate the impulsive conclusions of System 1. Also, it is vital to make a reservation that, in most cases, both systems process complementarily in tandem and not act alternately as it may seem at first glance.

Also, the process of perspective-taking can be implemented by multiple strategies [19]. There are several approaches of PTP attempted by the agents that have been identified: inferential strategies (analogy; compare/contrast; consider present context; draw on background information; projection, anchoring, and adjustment; reflection; stereotyping) and information cultivation strategies (attention regulation; emotion regulation; increasing modalities; information extraction). These listed strategies have been described as the mechanisms to enhance the accuracy of inferences about other people.

In the next parts, I will discuss what ends are resulted in the perspective-taking process.

3 Products of perspective-taking process

It has been previously mentioned that every process leads to particular completions, so, in a similar vein, PTP results in some outcomes. Nonetheless, in this study, it is useful to distinguish between the terms product and outcomes/consequences of perspective-taking in order to delineate a proper theoretical scope and avoid baffling conceptions.

When scholars talk about outcomes, they typically mean advantages/disadvantages for all interactants after PTP attempts. For example, it has been presented that perspective-taking faculty has a positive impact on the social collaborative sides of human beings: business and workplace [23; 30; 38], healthcare [25; 48], moral and cognitive development [27; 41], negotiations and disputes [9; 16], education [21; 33], close relationships [14] and many more. In other words, outcomes of PTP are a matter of mutuality, something that is to some extent shared by all parties involved.

As to the term consequences, e.g., Ku et al. [30] also utilised it as a synonym for outcomes or, as they call them, – effects of PTP. The scholars summarised these effects and indicated their direction with (+/-). If (+) then PTP increases an effect, if (-) – vice versa.

Contrarily to the term consequences, which refers to mutual, collaborative outcomes, let us discern the product of PTP from the pure technical vantage point, exclusively from the intrinsic position of an agent as an inevitable and logical result of his/her individual process of taking another perspective, which subsequently segues into the outcomes/consequences mentioned in Fig. 1.

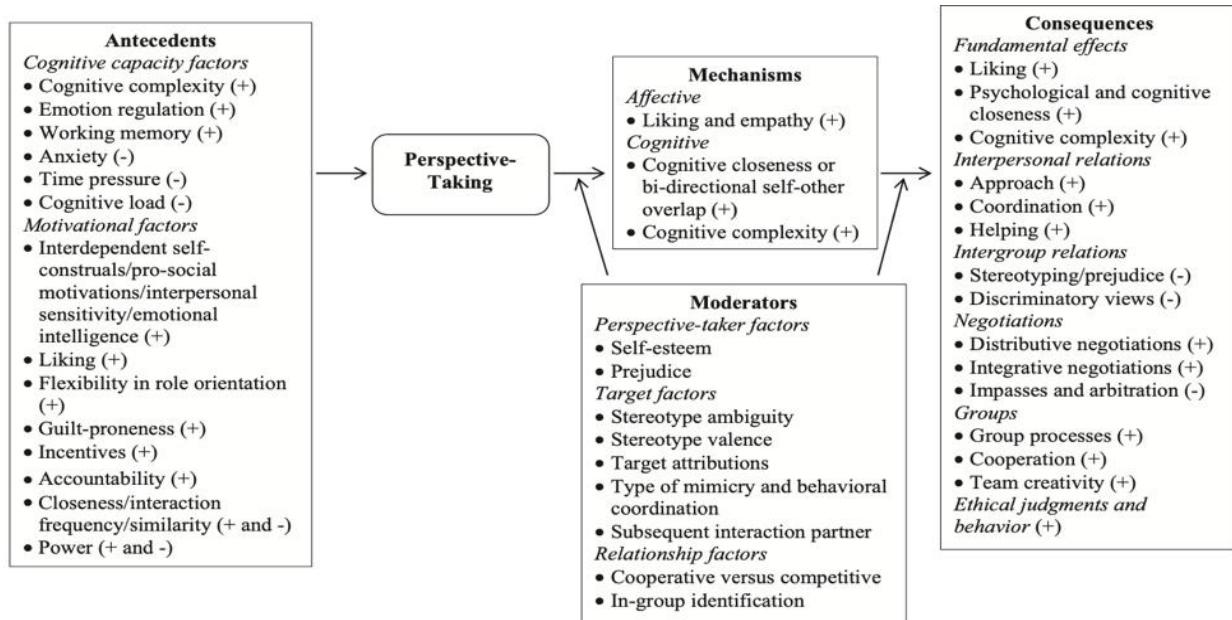

Figure 1. Organizing framework for the antecedents, consequences, mechanisms, and moderators of perspective-taking (Ku et al., 2015: 80)

The next sections of this study discuss the two types of immediate products resulting from the PTP, which I call the success of PTP and the acceptability of the other person's perspective by an agent.

3.1 Success of perspective-taking

To acquire the perspective of others, an agent has two options: either to infer it (which is exactly PTP) or to get it. Getting someone's perspective has been reported to be more precise since it comprises direct questioning [12] that certainly will assist in emerging a more holistic image of the other person's perspective. After an agent attempts to engage with the perspective of the others in the conversation by whatever means s/he has chosen, the verisimilitude of the taken perspective will be challenged during the rest of the discussion. Consequently, it might happen that the agent failed to comprehend others' perspective due to some circumstances that will be discussed further in this section. For that reason, Parker et al. [39, p. 6] coined the term effective perspective-taking¹, which is defined as a level of accuracy and comprehensiveness in identifying the thoughts and/or feelings of others as well as the reasons why they experience them. Thereby, effective perspective-taking is an inseparable companion to the active perspective-taking process, pointing at the success of the performed perspective-taking process.

Since the minds of others are not directly accessible, there might be incidents where a taker attempts to engage in another point of view without doing it accurately or effectively [39].

There are various accounts of the unsuccessful attempts of perspective-taking which can be divided into two generalised groups: health-related and non-health-related. For instance, in the first group, we can include atypical development and/or psychopathology reasons for the perspective-taking failures [29]. In particular, people who are diagnosed with schizophrenia have been found to have an impairment of perspective-taking capacity [31; 32; 45]. Also, people with autism spectrum disorder are known to have difficulties in performing Theory of Mind tests) [5; 40] which is explained by the inability to infer other mental states [2].

Another group of impediments to the success of perspective-taking attempts is unified by reasons which are not connected with any health problems and encompasses other

prerequisites like the dominance of stereotypes [1; 17], increased egocentrism [13; 44], lack of motivation [7; 11; 20; 22]. Besides, the success of the taken perspective might be false if the taker is exposed to the so-called “false consensus effect” [42]. This can happen to a person who unduly considers others’ beliefs and feelings as common and ubiquitous and ignores individual differences and circumstances. For instance, a student can say what other students feel at a conference because they have similar experience; nevertheless, it does not mean that the student is accurate in attributing emotional state to others, since individual differences and situations are not taken into account.

Thus, the passage of this section is that the success of PTP is the first immediate product of an attempt by the agent to engage in another perspective. There are a variety of factors which impact the effectiveness of PTP and thus define whether the attempt to take another perspective is eventually successful or fails. The significance of the success of PTP is determined by the surmise that it subsequently heavily affects the general outcomes or, in terms of Ku et al. [30], the consequences of the PTP.

3.2 Acceptance/non-acceptance and agreement/disagreement with the other person’s perspective

If we discern the success of PTP as a first-stage product coming after the individual process of taking another perspective, we thus arrive at the reasonable question of what is the next stage. Let us suppose that the agent made a success in taking another perspective, in other words, the agent’s process of taking another perspective ended up with a successful comprehension of another perspective. Now the agent has representations about the internal mental states (beliefs, feelings, etc.) of another person, and it is plausible to suggest that the plot of the next argumentative moves in the discussion will rely on whether the agent accepts this other person’s perspective. And here we arrive at the point where we should define the term acceptability of another perspective by the agent. Someone might confuse the acceptability of another perspective with agreement with it. For instance, McPherson [35, p. 34] in his experiments noted:

“...that respondents could support a perspective without agreeing with it: Many people noted that they did not necessarily agree, but understood why the person felt a certain way”.

So basically, to accept someone’s perspective does not necessarily mean to agree with it. One can accept another perspective, meaning the legitimisation of the internal states of another person, comprehension of why another person feels, behaves, reasons the way s/he does, and at the same time deprecate the contents of the taken perspective. Thus, the acceptability of another perspective and agreement are closely related, entangled concepts and considered in this study as the stages of one product.

Keeping in mind the difference between the acceptability of another perspective and agreeing with one, we suppose that they can alternate. Thus, there are three possible scenarios in the discussion: 1) the other person’s perspective was accepted by the agent and the agent agrees with this perspective (+ +); 2) a perspective was accepted, but the agent does not agree with it (+ -); 3) a perspective was not accepted, and the agent does not agree with it (− −). The fourth scenario (− +) seems to be controversial and might not exist in a real, reasonable discussion. Agreeing with the perspective which was not accepted (meaning a refusal to comprehend reasons standing behind the internal mental states of another person) evokes a question: How is it possible to agree with something that you cannot rationalise? We can fantasise about a scenario where the agent agreed with the perspective which had not been accepted, but as long as either this agreement is disingenuous, or the discussion is not reasonable. For example, the agent can agree with another perspective (which has not been accepted) in order to merely leave out or hush up a particular part of the discussion. And another case – is when a discussion is rather facetious and frivolous than really aimed to resolve the difference of opinions.

In other words, acceptance of another's perspective refers to the legitimisation of that person's internal states – essentially an acknowledgement that the perspective is a valid representation of that person's cognitive and emotional framework. For example, consider a discussion about climate change. Agent A believes that climate change is largely human-induced, while Agent B is sceptical. If Agent A can acknowledge that Agent B's scepticism might arise from a lack of trust in scientific institutions, that would constitute acceptance of Agent B's perspective, even if Agent A does not agree with it.

On the other hand, agreement, or disagreement with the other person's perspective refers to the concordance or discordance between the agent's own internal states and those of the other. Using the same climate change example, if Agent A not only understands Agent B's scepticism but also starts to share it, then Agent A both accepts and agrees with Agent B's perspective.

3.2.1 Interplay of Acceptance and Agreement: Four Scenarios

This section will elucidate the different combinations of acceptance and agreement, namely:

1. Acceptance and Agreement (++)

In this scenario, the agent both legitimises the other person's internal states and finds them consonant with their own. For example, two individuals may both accept and agree that systemic discrimination is a problem that needs immediate attention.

2. Acceptance but No Agreement (+-)

Here, the agent accepts the validity of the other person's internal states but does not find them congruent with their own. A classic example could be a religious discussion where an atheist accepts that a believer's faith gives them comfort and a sense of purpose but does not agree with the belief in a higher power.

3. Non-Acceptance and Disagreement (--)

In this scenario, the agent neither legitimises the other person's internal states nor agrees with them. An example might include someone who neither understands nor agrees with extremist ideologies.

4. The Fourth Scenario: A Theoretical Anomaly.

The fourth scenario (-+) raises a fascinating paradox. This scenario, in which one agrees with a perspective but does not accept it, seems inherently contradictory. This situation could only arise in a discussion that is either disingenuous or not oriented toward resolving differences of opinion. This would align with theories on the performative aspects of dialogue, wherein statements are made not to convey belief but to achieve some other end.

In accordance with the above, four scenarios are possible.

Scenario 1: Acceptance and Agreement (++)

Dialogue: Discussing Environmental Protection

- Agent A: "I believe that protecting the environment should be our top priority. Climate change is real and it's urgent that we act."

- Agent B: "I couldn't agree more. It's essential for us to adopt sustainable practices immediately. Our future depends on it."

In this dialogue, both agents not only accept each other's perspectives but also agree with them. They mutually legitimise the urgency and importance of environmental issues.

Scenario 2: Acceptance but No Agreement (+-)

Dialogue: Discussing Faith and Spirituality

- Agent A: "I find solace and purpose through my religious faith."

- Agent B: "I can see how faith can be a source of comfort for you, even though I personally don't believe in a higher power."

In this case, Agent B accepts Agent A's perspective that faith can offer solace and purpose. However, Agent B does not agree with the viewpoint, maintaining their atheistic stance.

Scenario 3: Non-Acceptance and Disagreement (--)

Dialogue: Discussing Vaccine Efficacy

- Agent A: "I think vaccines are a scam. They don't protect us but make us more susceptible to diseases."
- Agent B: "I can't understand how you would think that, given the overwhelming scientific evidence supporting vaccine efficacy. I strongly disagree with you."

Here, Agent B neither accepts nor agrees with Agent A's perspective. They find it unfounded and reject it based on scientific consensus.

Scenario 4: Theoretical Anomaly (-+)

Dialogue: Discussing a Political Election

- Agent A: "I believe Candidate X is the best choice because they promise to cut taxes."
- Agent B: "Yes-yes. I agree. Just let's not touch upon politics if you don't want to have an argument!"

In this hypothetical scenario, Agent B agrees with the statement that candidate X is the best but does not accept Agent A's belief. This scenario is less common and may often occur in discussions that are not sincere or not aimed at resolution.

4 A site of the PTP products inside the arranging model and conclusion

In the previous sections, PTP has been discerned from the functional vantage point and it has been deduced that there are two products resulting from this process: the success of PTP and acceptability/agreement of/with the taken perspective. Let us now seal everything in place and arrange the discussed process-product concept into the broader theoretical framework.

The first product of the attempted process to take someone's perspective is its success. If the perspective was taken with enough precision, then the development of the conversation with all other things being equal is likely to take place. Conversely, in case the perspective was taken wrongly, the conversation is likely to fail due to a deep misunderstanding between the parties.

After the successful taking of another perspective, which is exactly to infer the internal mental states of another person, the acceptability of it by the agent steps in. If the agent accepts the perspective of another person, s/he sees the reasons behind the internal mental states constructed in the brain of the other. The agent now has another perspective "in hand" and is capable of analysing it. And within the second product, the agent can agree or disagree with the taken perspective. In the first scenario (+ +), the topic being discussed in the conversation is likely to settle down and a reasonable conclusion can be achieved smoothly. Whilst the case, where the agent disagrees with the successfully taken and accepted perspective (+ -), might evolve in intricate directions depending on what parts of the perspective were refused to agree with.

These are the very first stages of PTP, only after which we can judge the outcomes/effects/consequences of PTP. The interconnection between the latter and the products is clear: 1) if the PTP is unsuccessful, there will be no positive outcomes at all. The parties will even not be able to properly establish an initial common ground; 2) if the PTP is successful, then the subsequent development of the conversation highly depends on the second product, namely, the acceptability/agreement of/with the taken perspective. And only after this chain of cognitive activities can it be clear what kind of outcomes (see Fig. 1.) they arrived at.

Furthermore, the organisational model of PTP (Fig. 1) proposed by Ku et al. [30] seems to be partial if we take into account the interconnection between products of PTP discussed above and the consequences/effects of PTP.

So, we arrived at the point where we can conclude that products of PTP (success of PTP and acceptance/agreeing of/with others' PTP) are determinative antecedents of consequences/effects of PTP from Fig. 1, and, thus, from the communication perspective, some refinements can be added to the model offered by Ku et al. [30] (see Fig. 2).

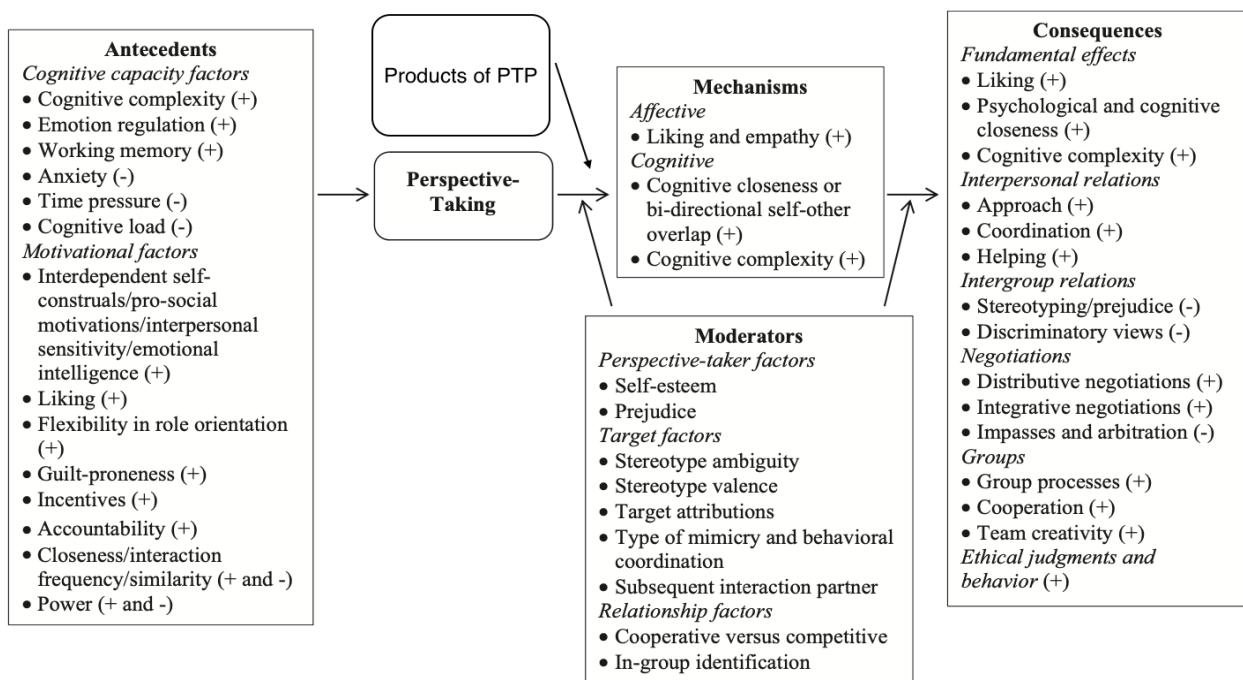

Figure 2. Modified model of PTP

Note

1. Parker [39] highlight perspective-taking as being intentional, goal-directed, and effortful by appending “active” to the accomplished and well-recognised collocation “perspective-taking process”.

References

1. Ames DR 2004, ‘Inside the mind reader’s tool kit: Projection and stereotyping in mental state inference’, *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 87, no. 3, pp. 340–353, doi: 10.1037/0022-3514.87.3.340.
2. Baron-Cohen S 2001, ‘Theory of mind in normal development and autism’, *Prisme*, vol. 34.
3. Batson CD 2009, ‘Two forms of perspective taking: Imagining how another feels and imagining how you would feel’, in KD Markman, WM P Klein & JA Suhr (eds), *Handbook of imagination and mental simulation*, Psychology Press, pp. 267–279.
4. Bezuidenhout A 2013, ‘Perspective taking in conversation: A defense of speaker non-egocentricity’, *Journal of Pragmatics*, vol. 48, no. 1, pp. 4–16, doi: 10.1016/j.pragma.2012.11.007.
5. Brewer N, Young RL & Barnett E 2017, ‘Measuring theory of mind in adults with autism spectrum disorder’, *Journal of Autism and Developmental Disorders*, vol. 47, no. 7, pp. 1927–1941, doi: 10.1007/s10803-017-3080-x.

6. Brown-Schmidt S & Heller D 2018, ‘Perspective-taking during conversation’, in S-A Rueschemeyer & MG Gaskell (eds), *The Oxford handbook of psycholinguistics*, Oxford University Press, pp. 548–572, doi: 10.1093/oxfordhb/9780198786825.013.23.
7. Carpenter JM, Green MC & Vacharkulksemsuk T 2016, ‘Beyond perspective-taking: Mind-reading motivation’, *Motivation and Emotion*, vol. 40, no. 3, pp. 358–374, doi: 10.1007/s11031-016-9544-z.
8. Dale R, Galati A, Alviar C, Contreras Kallens P, Ramirez-Aristizabal AG, Tabatabaeian M & Vinson DW 2018, ‘Interacting timescales in perspective-taking’, *Frontiers in Psychology*, vol. 9, article 1278, doi: 10.3389/fpsyg.2018.01278.
9. Damen D, Van Der Wijst P, Van Amelsvoort M & Krahmer E 2020, ‘The effect of perspective-taking on trust and understanding in online and face-to-face mediations’, *Group Decision and Negotiation*, vol. 29, no. 6, pp. 1121–1156, doi: 10.1007/s10726-020-09698-8.
10. Davis MH 1983, ‘Measuring individual differences in empathy: Evidence for a multidimensional approach’, *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 44, no. 1, pp. 113–126, doi: 10.1037/0022-3514.44.1.113.
11. Epley N, Keysar B, Van Boven L & Gilovich T 2004, ‘Perspective taking as egocentric anchoring and adjustment’, *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 87, no. 3, pp. 327–339, doi: 10.1037/0022-3514.87.3.327.
12. Eyal T, Steffel M & Epley N 2018, ‘Perspective mistaking: Accurately understanding the mind of another requires getting perspective, not taking perspective’, *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 114, no. 4, pp. 547–571, doi: 10.1037/pspa0000115.
13. Falk DR & Johnson DW 1977, ‘The effects of perspective-taking and egocentrism on problem solving in heterogeneous and homogeneous groups’, *The Journal of Social Psychology*, vol. 102, no. 1, pp. 63–72, doi: 10.1080/00224545.1977.9713241.
14. Feiring C, Liang E, Cleland C & Simon V 2022, ‘Romantic conflict narratives and associations with psychological relationship aggression in emerging adult couples’, *Journal of Social and Personal Relationships*, vol. 39, no. 5, pp. 1529–1548, doi: 10.1177/02654075211059538.
15. Flavell JH 1977, ‘The development of knowledge about visual perception’, *Nebraska Symposium on Motivation*, vol. 25, pp. 43–76.
16. Galinsky AD, Maddux WW, Gilin D & White JB 2008, ‘Why it pays to get inside the head of your opponent: The differential effects of perspective taking and empathy in negotiations’, *Psychological Science*, vol. 19, no. 4, pp. 378–384, doi: 10.1111/j.1467-9280.2008.02096.x.
17. Galinsky AD & Moskowitz GB 2000, ‘Perspective-taking: Decreasing stereotype expression, stereotype accessibility, and in-group favoritism’, *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 78, no. 4, pp. 708–724, doi: 10.1037/0022-3514.78.4.708.
18. Gasiorek J & Ebisu Hubbard AS 2017, ‘Perspectives on perspective-taking in communication research’, *Review of Communication*, vol. 17, no. 2, pp. 87–105, doi: 10.1080/15358593.2017.1293837.
19. Gehlbach H & Brinkworth ME 2012, ‘The social perspective taking process: Strategies and sources of evidence in taking another’s perspective’, *Teachers College Record: The Voice of Scholarship in Education*, vol. 114, no. 1, pp. 1–29, doi: 10.1177/016146811211400107.
20. Gehlbach H & Mu N 2022, ‘How we understand others: A theory of how social perspective taking unfolds’, *PsyArXiv*, doi: 10.31234/osf.io/q9fev.
21. Gehlbach H, Brinkworth ME & Harris AD 2011, ‘The promise of social perspective taking to facilitate teacher-student relationships’, paper presented at the American Educational Research Association, New Orleans, April.
22. Gehlbach H, Brinkworth ME & Wang M-T 2012, ‘The social perspective taking process: What motivates individuals to take another’s perspective?’, *Teachers College Record: The Voice of Scholarship in Education*, vol. 114, no. 1, pp. 1–29, doi: 10.1177/016146811211400108.
23. Grant AM & Berry JW 2011, ‘The necessity of others is the mother of invention: Intrinsic and prosocial motivations, perspective taking, and creativity’, *Academy of Management Journal*, vol. 54, no. 1, pp. 73–96, doi: 10.5465/amj.2011.59215085.
24. Healey ML & Grossman M 2018, ‘Cognitive and affective perspective-taking: Evidence for shared and dissociable anatomical substrates’, *Frontiers in Neurology*, vol. 9, article 491, doi: 10.3389/fneur.2018.00491.

25. Hoplock LB & Lobchuk MM 2020, ‘Are perspective-taking outcomes always positive? Challenges and mitigation strategies’, *Nursing Forum*, vol. 55, no. 2, pp. 177–181, doi: 10.1111/nuf.12413.
26. Israelashvili J, Sauter D & Fischer A 2019, ‘How well can we assess our ability to understand others’ feelings? Beliefs about taking others’ perspectives and actual understanding of others’ emotions’, *Frontiers in Psychology*, vol. 10, article 2475, doi: 10.3389/fpsyg.2019.02475.
27. Ittyerah, M., & Mahindra, K. (1990). Moral development and its relation to perspective taking ability. *Psychology and Developing Societies*, 2(2), 203–216. <https://doi.org/10.1177/097133369000200204>.
28. Kahneman D 2011, *Thinking, fast and slow*, Farrar, Straus and Giroux.
29. Kavanagh D, Barnes-Holmes Y & Barnes-Holmes D 2020, ‘The study of perspective-taking: Contributions from mainstream psychology and behavior analysis’, *The Psychological Record*, vol. 70, no. 4, pp. 581–604, doi: 10.1007/s40732-019-00356-3.
30. Ku G, Wang CS & Galinsky AD 2015, ‘The promise and perversity of perspective-taking in organizations’, *Research in Organizational Behavior*, vol. 35, pp. 79–102, doi: 10.1016/j.riob.2015.07.003.
31. Langdon R & Ward P 2009, ‘Taking the perspective of the other contributes to awareness of illness in schizophrenia’, *Schizophrenia Bulletin*, vol. 35, no. 5, pp. 1003–1011, doi: 10.1093/schbul/sbn039.
32. Langdon R, Coltheart M, Ward PB & Catts SV 2001, ‘Visual and cognitive perspective-taking impairments in schizophrenia: A failure of allocentric simulation?’, *Cognitive Neuropsychiatry*, vol. 6, no. 4, pp. 241–269, doi: 10.1080/13546800143000005.
33. Leeman RW 1987, ‘Taking perspectives: Teaching critical thinking in the argumentation course’, paper presented at the Annual Meeting of the Speech Communication Association, Boston, MA.
34. Marvin RS, Greenberg MT & Mossler DG 1976, ‘The early development of conceptual perspective taking: Distinguishing among multiple perspectives’, *Child Development*, vol. 47, no. 2, p. 511, doi: 10.2307/1128810.
35. McPherson Frantz C & Janoff-Bulman R 2000, ‘Considering both sides: The limits of perspective taking’, *Basic and Applied Social Psychology*, vol. 22, no. 1, pp. 31–42, doi: 10.1207/S15324834BASP2201_4.
36. Merriam-Webster n.d., ‘Process’, *Merriam-Webster.com dictionary*, viewed 18 May 2022, <https://www.merriam-webster.com/dictionary/process>.
37. Myers MW & Hodges SD 2009, ‘Making it up and making do: Simulation, imagination, and empathic accuracy’, in KD Markman, WM P Klein & JA Suhr (eds), *Handbook of imagination and mental simulation*, Psychology Press, pp. 281–294.
38. Parker SK & Axtell CM 2001, ‘Seeing another viewpoint: Antecedents and outcomes of employee perspective taking’, *Academy of Management Journal*, vol. 44, no. 6, pp. 1085–1100, doi: 10.2307/3069390.
39. Parker SK, Atkins PWB & Axtell CM 2008, ‘Building better workplaces through individual perspective taking: A fresh look at a fundamental human process’, in GP Hodgkinson & JK Ford (eds), *International review of industrial and organizational psychology 2008*, Wiley, pp. 149–196, doi: 10.1002/9780470773277.ch5.
40. Peterson CC, Wellman HM & Liu D 2005, ‘Steps in theory-of-mind development for children with deafness or autism’, *Child Development*, vol. 76, no. 2, pp. 502–517, doi: 10.1111/j.1467-8624.2005.00859.x.
41. Piaget J 2013, *The moral judgment of the child*, Routledge, doi: 10.4324/9781315009681.
42. Ross L, Greene D & House P 1977, ‘The “false consensus effect”: An egocentric bias in social perception and attribution processes’, *Journal of Experimental Social Psychology*, vol. 13, no. 3, pp. 279–301, doi: 10.1016/0022-1031(77)90049-X.
43. Ruby, P., & Decety, J. (2004). How would you feel versus how do you think she would feel? A neuroimaging study of perspective-taking with social emotions. *Journal of cognitive neuroscience*, 16(6), 988–999. <https://doi.org/10.1162/0898929041502661>
44. Samuel S, Frohnwieser A, Lurz R & Clayton NS 2020, ‘Reduced egocentric bias when perspective-taking compared with working from rules’, *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, vol. 73, no. 9, pp. 1368–1381, doi: 10.1177/1747021820916707.

45. Schiffman J, Lam CW, Jiwatram T, Ekstrom M, Sorensen H & Mednick S 2004, 'Perspective-taking deficits in people with schizophrenia spectrum disorders: A prospective investigation', *Psychological Medicine*, vol. 34, no. 8, pp. 1581–1586, doi: 10.1017/S0033291704002703.
46. Schober MF 1998, 'Different kinds of conversational perspective-taking', in SR Fussell & RJ Kreuz (eds), *Social and cognitive approaches to interpersonal communication*, Lawrence Erlbaum Associates Publishers, pp. 145–174.
47. Schurz M, Aichhorn M, Martin A & Perner J 2013, 'Common brain areas engaged in false belief reasoning and visual perspective taking: A meta-analysis of functional brain imaging studies', *Frontiers in Human Neuroscience*, vol. 7, article 712, doi: 10.3389/fnhum.2013.00712.
48. Wandner L, Torres C, George S, Robinson M & Bartley E 2015, 'Effect of a perspective-taking intervention on the consideration of pain assessment and treatment decisions', *Journal of Pain Research*, p. 809, doi: 10.2147/JPR.S88033.

Статья поступила в редакцию: 05.11.2025
Одобрена после рецензирования: 26.11.2025
Принята к публикации: 26.11.2025

The article was submitted: 05.11.2025
Approved after reviewing: 26.11.2025
Accepted for publication: 26.11.2025